

МАКАРЕВИЧ Л.О., УЛЕЗЬКО А.В.

**АГРОПРОМЫШЛЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ
В СИСТЕМЕ
СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ
АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ**

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

«Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I»

Макаревич Л.О., Улезько А.В.

**АГРОПРОМЫШЛЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ
В СИСТЕМЕ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ
АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ**

Монография

Воронеж
2021

УДК 338.436.32:631.145
ББК 65.32
М151

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономики и коммерции,
Мичуринский государственный аграрный университет
И.А. Минаков

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры менеджмента и государственного управления,
Среднерусский институт управления - филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы, г. Орел
А.В. Полянин

Макаревич Л.О.

М151 Агропромышленная интеграция в системе сбалансированного развития агропродовольственных систем: монография/ Л.О. Макаревич, А.В. Улезько.– Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2021.– 381 с.

ISBN 978-5-7267-1214-7

В монографии раскрываются сущность, принципы и механизм обеспечения сбалансированного развития экономических систем; исследуется специфика агропродовольственных систем как объекта управления сбалансированным развитием и особенности организации интеграционных процессов в агропродовольственном комплексе; обосновываются концептуальные и методологические основы обеспечения сбалансированного развития агропродовольственных систем, методологические подходы к формированию механизма интеграционных взаимодействий; приводится оценка сбалансированности и пропорциональности агропродовольственных систем и условий развития агропромышленной интеграции; обосновываются стратегические ориентиры развития агропромышленной интеграции в Краснодарском крае, методологические основы обоснования перспективной модели развития агропромышленной интеграции, раскрываются особенности организации продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе и оцениваются перспективы их развития; приводятся приоритетные направления обеспечения сбалансированного развития агропродовольственного комплекса региона и совершенствования системы информационного обеспечения управления сбалансированным развитием регионального агропродовольственного комплекса, а также прогнозные параметры сбалансированного развития агропродовольственного комплекса Краснодарского края.

Издание предназначено для студентов, обучающихся по экономическим специальностям, аспирантов и специалистов, деятельность которых связана с управлением процессами агропромышленной интеграции и сбалансированного развития агропродовольственных систем.

ISBN 978-5-7267-1214-7

© Макаревич Л.О., Улезько А.В., 2021

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ	8
1.1. Сбалансированное развитие экономических систем: сущность и механизм обеспечения	8
1.2. Агропродовольственные системы как объект управления сбалансированным развитием	34
1.3. Особенности организации интеграционных процессов в агропродовольственных системах	56
2. МЕТОДОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССАМИ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ	68
2.1. Концептуальные и методологические основы обеспечения сбалансированного развития агропродовольственных систем	68
2.2. Специфика организации процессов управления сбалансированным развитием агропродовольственных систем	86
2.3. Методологические подходы к формированию механизма интеграционных взаимодействий	108
3. ОЦЕНКА СБАЛАНСИРОВАННОСТИ И ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ И УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ	130
3.1. Особенности оценки уровня сбалансированности агропродовольственных систем различного уровня	130
3.2. Состояние и тенденции развития агропродовольственного комплекса Краснодарского края	160
3.3. Оценка интеграционных процессов в агропродовольственном комплексе Краснодарского края	196
4. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ	212
4.1. Стратегические ориентиры развития агропромышленной интеграции в Краснодарском крае	212
4.2. Методологические аспекты обоснования перспективной модели развития агропромышленной интеграции	227
4.3. Особенности организации продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе и перспективы их развития	246

5. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СБАЛАНСИРОВАННОГО И ПРОРЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ	259
5.1. Обоснование системы мероприятий по повышению уровня сбалансированности агропродовольственного комплекса региона.....	259
5.2. Информационное обеспечение управления сбалансированным развитием регионального агропродовольственного комплекса	281
5.3. Обоснование прогнозных параметров сбалансированного развития агропродовольственного комплекса Краснодарского края	297
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	318
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	326
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	367

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация системы агропромышленного производства, произошедшая в результате радикальных реформ конца прошлого века, объективно обусловила не только принципиальные изменения состава и структуры агропродовольственных систем различных уровней, но и потребовала перехода к новым моделям их организации и использования новых форм межсубъектных отношений. Резкое ослабление роли государства как естественного регулятора процессов развития сельского хозяйства и смежных с ним отраслей в девяностые годы и начале нулевых годов привело к потере управляемости важнейшим сектором системы общественного производства, снижению объемов производства сельскохозяйственной продукции и продовольственных товаров, выводу из хозяйственного оборота значительных площадей продуктивных земель и сокращению поголовья скота и птицы. Ставка государства на развитие крупнотоварного аграрного производства на базе интегрированных агропромышленных формирований позволила переломить негативные тенденции развития агропродовольственного комплекса и выйти на дореформенный уровень производства практически всех видов сельскохозяйственной продукции, а по некоторым видам даже превысить его. Но процесс концентрации аграрного капитала сопровождался нарастанием социальных проблем села, усилением монополизма аграрного рынка и рынков ресурсов, ростом диспропорций развития агропродовольственного комплекса. Усиливающееся влияние данных деструктивных процессов требует обоснования новых моделей сбалансированного развития агропродовольственных систем и обоснования перспектив развития агропромышленной интеграции как формы обеспечения эффективного взаимодействия субъектов агропродовольственного комплекса.

Вопросы теории и методологии развития социально-экономических систем являлись предметом исследования таких зарубежных ученых как А. Смит, Л. Вальрас, Т. Веблен, Дж. Гелбрейт, Дж. М. Кейнс, Дж. Б. Кларк, Я. Корнаи, Р. Коуз, А. Леш, К. Маркс, А. Маршалл, Ф. Найт, Д. Норт, В. Парето, Ф. Перру, М. Портер, Д. Риккардо, Х. Ричардсон, Е. Робертсон, Р. Солоу, Дж. Стиглиц, М. Фридман, К. Фримен, Й. Шумпетер и др.

Значительный вклад в разработку теории и практики сбалансированного развития макро-, мезо и микроэкономических систем внесли Л. Абалкин, А. Аганбегян, А. Аузан, А. Богданов, Л. Божко, Н. Ведута, С. Глазьев, В. Ивантер, Г. Клейнер, Н. Колосовский, Н. Кондратьев, В. Ксенофонтов, В. Леонтьев, Д. Львов, Б. Мильнер, А. Некипелов, Н. Петраков, В. Полтерович, А. Румянцев, А. Тебекин, Г. Цаголов и др.

Исследованию проблем функционирования агропродовольственного комплекса и управления процессами его развития посвящены работы Р. Адукова, А. Алтухова, В. Боева, И. Буробкина, А. Гайдук, В. Закшевского, А. Зельднера, Е. Золотаревой, Э. Крылатых, А. Курносова, З. Меделяевой, В. Милосердова, И. Минакова, С. Оглоблина, Н. Оксанич, П. Парамонов, А. Полухина, Е. Решетниковой, А. Стадника, И. Суркова, А. Толмачев, И. Трубилина, И. Ушачева, Т. Савченко, В. Узуна, А. Черняева и др.

С комплексным изучением процессов агропромышленной интеграции связаны работы таких исследователей как Ю. Агирбов, В. Аничин, Г. Баклаженко, И. Буздалов, А. Гарькавый, О. Ермолова, Е. Злобин, В. Ключаков, В. Кундиус, О. Кусакина, З. Меделяева, В. Нечаев, Н. Нечаев, В. Овчинников, А. Папцов, П. Половинкин, А. Полянин, О. Родионова, А. Семин, Е. Серова, А. Стебут, К. Терновых, Л. Усенко, И. Хицков, И. Храмова, В. Шевцов, И. Щетинина, А. Югай, Н. Яковенко и др.

Но, несмотря на это, ряд вопросов, связанных с обеспечением сбалансированности развития агропродовольственных систем различного уровня, обоснованием перспективных моделей агропромышленной интеграции и совершенствованием системы межсубъектных отношений в агропродовольственном комплексе, остаются разработанными не до конца, а ряд положений, связанных с оценкой перспектив развития агропромышленной интеграции и обоснованием оптимальных структурных пропорций развития региональных агропродовольственных комплексов, продолжают носить дискуссионный характер и требуют определенных уточнений.

Предметом исследования явились отношения, возникающие между субъектами агропродовольственного комплекса в рамках экономического, организационного и технологического взаимодействия.

В качестве объекта исследования выбраны хозяйствующие субъекты агропродовольственного комплекса. Более углубленные исследования проводились на примере интегрированных формирований, функционирующих на территории Краснодарского края.

Информационно-эмпирическая база исследований формировалась на основе статистических данных Федеральной службы государственной статистики РФ, Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю, Министерства сельского хозяйства России, разработок научных учреждений; годовых отчетов исследуемых агропромышленных формирований, экспертных оценок руководителей и специалистов агропродовольственного комплекса, материалов личных наблюдений.

Теоретической и методологической основой диссертационной работы являются результаты научных исследований по проблемам управления развитием социально-экономических систем и интеграционных взаимодействий субъектов агропродовольственного, разработки, связанные рационализацией системы межсубъектных отношений, возникающих в рамках агропромышленной интеграции, нормативные и правовые акты, документы программного характера, связанные с регулированием отдельных аспектов развития агропродовольственного комплекса, материалы и разработки научных коллективов по проблемам развития агропромышленной интеграции и обеспечения сбалансированного развития агропродовольственных систем различного уровня.

Проведенные исследования базировались на теоретико-методологических положениях и концепциях общей теории систем, институциональной парадигмы развития социально-экономических систем, сложившейся системы взглядов на проблемы эволюции межсубъектных взаимодействий и интеграционных отношений. Инструментально-методический аппарат исследования составили метод системного подхода и структурно-функционального анализа, абстрактно-логический, монографический методы, метод экспертных оценок, экономико-математический, экономико-статистический и другие методы экономических исследований.

1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ

1.1. Сбалансированное развитие экономических систем: сущность и механизм обеспечения

Любая социально-экономическая система относится к категории динамических систем, изменяясь во времени под воздействием совокупности внешних и внутренних факторов. Как правило, изменение системы во времени принято определять как ее развитие. Содержание категории «развитие» применительно к социально-экономическим системам до сих пор остается дискуссионным и довольно часто используется наравне с такими категориями как «трансформация», «движение» и «изменение». При этом содержание данных понятий разграничивается в соответствии с их сущностным содержанием.

Например, по мнению А.В. Плякина и Е.А. Ореховой [217], изменения должны трактоваться как частные моменты неких процессов, тогда трансформацию, развитие и движение они определяют в виде процессов. При этом движение интерпретируется как любое изменение (количественное или качественное, прогрессивное или регрессивное, значимое или незначительное) параметров системы в отдельные периоды, а развитие определяется ими как некий фрагмент движения системы, характеризующийся длительными, устойчивыми, аккумулирующимися изменениями как количественных, так и качественных показателей, свидетельствующими о переходе системы из одного качественного состояния в другое, принципиально отличное от базового.

Развитие также часто рассматривается в виде адаптации социально-экономических систем к изменениям условий функционирования или как результат разрешения объективно существующих внутренних противоречий системы. Некоторые исследователи связывают развитие с прогрессивными изменениями системы, другие с их естественной эволюцией, а некоторые отождествляют развитие с изменениями, обеспечивающими экономический рост.

Эволюционный путь развития социально-экономических систем предполагает наличие у них специальных механизмов, позволяющих обеспечивать стабилизацию необходимого состояния объекта управления и ориентированных либо на ликвидацию любых отклонений от траектории эволюционного развития, либо на адаптацию структуры и функций управляемых подсистем к объективно изменчивым условиям функционирования. В тех случаях, когда данные механизмы не могут обеспечить адекватной реакции объекта управления, в том числе и в условиях высокого уровня неопределенности среды функционирования, то социально-экономическая система входит в фазу кризиса, преодоление которого представляется возможным как в рамках естественной эволюции, так и в результате скачкообразного перехода системы к новому относительно устойчивому состоянию.

На наш взгляд развитие следует рассматривать как протекающий во времени относительно устойчивый процесс аккумуляции значимых изменений характеристик системы, создающих условия перехода на новый уровень ее эволюции через обновление ее производительных сил и производственных отношений. Следует отметить, что речь идет именно о значимых для системы изменениях, происходящих на относительно длительных временных интервалах, позволяющих объективно оценить базовые тенденции и реальную направленность наблюдаемых изменений. Одной из ключевых характеристик развития можно считать взаимосвязь фаз развития, их взаимообусловленность и непрерывность эволюции в соответствии с парадигмой развития системы.

В последнее время начала активно формироваться парадигма устойчивого развития социально-экономических систем, в рамках которой устойчивое развитие ассоциируется с их определенными позитивными изменениями, обеспечивающими сохранение структурной и функциональной целостности при повышении качества различных характеристик как всей системы, так и ее отдельных элементов. Правда теория устойчивого развития систем пока не дала однозначного ответа на вопрос об источниках, порождающих возникновение

этих позитивных изменений, и механизмах перехода системы из одного относительно устойчивого состояния в другое. Кроме того открытыми остаются вопросы о соотношении категорий «устойчивость системы» и «изменения системы», об особенностях развития социально-экономических систем в фазах перехода из одного устойчивого состояния в другое и др.

На наш взгляд, термин «устойчивое развитие» содержит в себе определенные противоречия. С одной стороны, устойчивость системы рассматривается как ее способность сохранять определенное равновесное состояние при меняющихся внешних воздействиях, то есть как некая дискретная характеристика системы, с другой стороны, - как способность системы сохранять свои базовые свойства и качества на протяжении относительно длительного периода, то есть как некая ее динамическая характеристика. Кроме того циклический характер развития социально-экономических систем объективно не позволяет обеспечить постоянные позитивные изменения, которые как правило, отождествляются с устойчивым развитием.

Применительно к социально-экономическим системам категории «устойчивость» предлагается использовать в качестве динамического понятия, отражающего способность системы к изменениям, адекватным эволюционирующей среде их функционирования. То есть устойчивость, по большому счету, это не сохранение равновесного состояния или неукоснительное следование выбранной траектории развития, а способность системы устойчиво наращивать потенциал позитивных изменений за счет непрерывной корректировки своих параметров, функций, границ и целей.

Следует заметить, что появление термина «устойчивое развитие» связано с осмыслением роста экологических проблем, возникающих вследствие повышения уровня интенсивности хозяйственной деятельности человека, и усилением их негативного влияния на процессы социально-экономического развития, что в значительной мере обусловило нарастание противоречий между необходимостью увели-

чения объемов производства экономических благ и сохранением окружающей среды. [194, 215, 289, 327, 328]

Широкое использование термина «устойчивое развитие», по мнению А. Вебера [45], стало возможным из-за отсутствия в русскоязычной научной литературе более корректного по содержанию эквивалента термина «sustainable development», которое не совсем адекватно глубинному смыслу, заложенному в него (в оригинале акцент допустимости, приемлемости, жизнеспособности развития). Исходя из глубинного смысла категории «sustainable» он предлагает считать экономику устойчивой в том случае, если обеспечивается минимизация использования природных ресурсов, относящихся к категории невозобновляемых, или их замещение ресурсами возобновляемыми при обеспечении такого состояния экосистемы, которое необходимо для обеспечения биосферной устойчивости в длительной перспективе. Устойчивое развитие при этом не может отождествляться с экономическим ростом. Именно поэтому в современной экономической литературе устойчивое развитие, как правило, рассматривается как форма коэволюционного взаимодействия общества и природы, обеспечивающая сохранение биосферы поддержание условий комфортного полноценного существования человечества в обозримом будущем. В частности, Н.Н. Моисеев предложил подход к рассмотрению устойчивого развития как глобальной стратегии достижения такого состояния общества, которое способно создать условия коэволюции социума и биосферы.

Уже начиная с доклада Комиссии ООН по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» [35], сделанного в 1987 г. было предложено рассматривать экономические и социальные аспекты устойчивого развития как подчиненные по отношению к экологическим аспектам и решать экологические проблемы за счет ограничения экономических и социальных издержек общества и их перераспределения в пользу экологической составляющей развития.

При этом, как отмечают Т.А. Акимова и Ю.Н. Мосейкин [9], в рамках теории устойчивого развития экологическая, экономическая и социальная подсистемы общества рассматриваются не как самостоя-

тельные и относительно обособленные области практической деятельности, а в рамках их естественного взаимодействия и объективно обусловленных взаимосвязей. То есть устойчивое развитие социально-экономических систем требует рассмотрения вопросов обеспечения экологической, экономической и социальной устойчивости в их диалектическом единстве с позиций системного подхода. Исходя из этого, процесс общественного развития можно считать устойчивым только тогда, когда динамизм общества обеспечивается на основе экологизации производительных сил, роста экономической эффективности хозяйственной деятельности и соблюдения принципов социальной справедливости и социальной ответственности, создающих условия сохранения окружающей среды, поддержания социальной стабильности и экономического роста.

М.А. Пивоварова [215] считает, что в настоящее время акцент с экологической составляющей устойчивого развития несколько сместился в сторону формирования институциональной среды экологизации хозяйственной деятельности, а Ю.Н. Шедько [358] предлагает рассматривать устойчивое развитие социально-экономических систем в контексте не только экологической, экономической и социальной устойчивости, но и институциональной, финансовой и других видов устойчивости.

Ряд исследователей [34] определяет устойчивое развитие как органическое переплетение эволюционного, самоорганизующегося и адаптивного процесса.

В качестве важной характеристики устойчивого развития при этом рассматривается сбалансированность процесса, связанная с достижением стратегического баланса между результатами деятельности человека как субъекта общественного развития и сохранением воспроизводственного потенциала биосферы, гарантирующего недопущение необратимых для природы последствий жизнедеятельности социума.

Следует отметить, что в настоящее время термин «устойчивое развитие» начал использоваться в самых разных контекстах, зачастую

не соответствующих изначальному его содержанию. Например, применительно к устойчивому развитию рынков [10, 128, 344], различных сфер деятельности [183, 193, 196] и т.п.

Некоторые авторы [92] считают необходимым наряду с термином «устойчивое развитие экономических систем» использовать термин «экономическая устойчивость», позволяющим акцентировать внимание именно на экономических аспектах устойчивого развития. При этом экономическая устойчивость трактуется ими как способность системы поддерживать свою сбалансированность и сохранять равновесие в ходе эволюции в соответствии с целями развития за счет эффективного использования адаптационных механизмов, обеспечивающих адекватную реакцию системы на прогнозируемые изменения условий ее функционирования.

Очевидно, что чем сложнее экономическая система, чем больше ее масштаб, тем сложнее управлять ею и обеспечивать устойчивость ее развития. В условиях возрастающей турбулентности окружающей среды, обусловленной процессами глобализации, высокими темпами научно-технического прогресса, ростом конкуренции в условиях ограниченного объема ресурсов, способность систем сохранять свою структурную и функциональную целостность становится одним из ключевых свойств, отражающих потенциал их развития. В этой связи, наряду с термином «устойчивое развитие», предлагается использовать категорию «сбалансированное развитие».

Под сбалансированным развитием экономических систем понимается тип развития, обеспечивающий оптимальное соотношение между структурными и функциональными элементами системы и поддержание ресурсных пропорций, необходимых для сохранения целостности системы и эффективности ее функционирования.

Сбалансированное развитие экономических систем предполагает обеспечение соответствия:

– потребностей в ресурсах их наличию и финансовым возможностям системы по их приобретению;

- результативности функционирования системы возможностям финансирования воспроизводственных процессов;
- целей и задач развития системы ее потенциалу;
- структуры производственной подсистемы и ее ключевых параметров целям и задачам развития экономической системы;
- потребностей внешней среды производственным возможностям системы;
- адаптационных механизмов системы уровню изменчивости среды функционирования и др.

Сбалансированное развитие системы можно также рассматривать через обеспечение баланса интересов всех ее субъектов, причем в основе обеспечения данного баланса должен лежать принцип дуализма, заключающийся в том, что в качестве необходимого условия реализации собственных интересов каждый субъект должен рассматривать реализацию интересов остальными субъектами системы, то есть достижение баланса интересов происходит через реализацию системы компромиссов и определенных уступок каждого субъекта в целях гармоничного и устойчивого развития всей экономической системы.

Глубина проблемы обеспечения сбалансированного развития прямо пропорциональна уровню структурной и функциональной сложности управляемой подсистемы. При достижении определенных масштабов экономические системы объективно сталкиваются с переплетением проблем территориального и отраслевого развития. Особенно отчетливо данные проблемы проявляются на уровне региональных агропродовольственных комплексов и крупных интегрированных агропромышленных формирований, когда объектами управления сбалансированным развитием становятся не только производственные структуры, но и локализованные территориальные образования [265].

В отечественной экономической литературе акцент делается на исследовании проблем сбалансированного развития регионов и территориальных образований различного уровня, тогда как вопросам обеспечения сбалансированного развития отраслей и производствен-

ных комплексов уделяется явно недостаточно внимания. Кроме того, зачастую сбалансированное развитие часто отождествляется с устойчивым развитием, что приводит к определенной терминологической путанице и подмене внутреннего содержания данных экономических категорий.

Исследование сущности процессов развития социально-экономических систем объективно приводит к пониманию их неоднородности, обусловленной различиями целей развития, глубины и интенсивности происходящих изменений, импульсов, генерирующих потребности в изменениях, в уровне развития технико-технологической базы и доминирующих технологиях производства экономических благ, инструментов обеспечения сбалансированного развития, механизмов согласования интересов субъектов, формирующих системы, и оптимизации форм межсубъектного взаимодействия и др.

Многоаспектность дифференциации процессов развития социально-экономических систем обуславливает необходимость описания моделей их организации и раскрытия их сущностных характеристик, отражающих специфику целевой ориентации и механизмов их реализации.

В виде специфической формы социально-экономических систем в контексте данного исследования рассматриваются агроэкономические системы (экономические системы, функционирующие в аграрной сфере и связанные с производством сельскохозяйственной продукции).

Под моделью развития агроэкономической системы предлагается понимать способ организации внутрисистемных взаимодействий и взаимодействия системы с внешней средой, исходя из стадии циклического развития системы, ее целевой ориентации, качества технико-технологического базиса, уровня ресурсного и технологического обеспечения, функциональных возможностей управляющей подсистемы и механизмов балансирования интересов взаимодействующих субъектов.

Выбор и реализация конкретной модели развития происходит под воздействием институциональной среды с учетом формирующихся институциональных траекторий [220], задающих вектор модернизации самих институтов и их конгломератов. При этом особое внимание уделяется институтам развития, которые, по мнению некоторых исследователей [280] представляют собой совокупность государственных (квазигосударственных) структур, специализирующихся на устранении экономических деформаций, порожденных рынком и ограничивающих потенциал развития социально-экономических систем всех уровней. К числу таких деформаций относятся: деформации рынка инноваций, институциональные ловушки и лакуны, деформации системы инфраструктурного обеспечения развития, дисбалансы территориального и отраслевого развития, неразвитость системы управления рисками развития и др.

Исходя из комплексной оценки сущности процессов развития агроэкономических систем, предлагается использовать классификацию моделей их развития, предполагающую выделение в качестве классификационных признаков: качество развития, его тип, степень охвата элементов системы.

По качеству развития можно выделить модели затухающего, депрессивного, стабилизационного, инерционного, адаптационного, опережающего и революционного (прорывного) развития.

Модель затухающего развития характерна для хозяйствующих субъектов, находящихся на завершающей стадии своего жизненного цикла. Переход на данную модель развития сопровождается деградацией ресурсного потенциала хозяйствующего субъекта, выводом продуктивных земель из хозяйственного оборота и сокращением поголовья сельскохозяйственных животных и т.п. Данная модель характерна для значительной части хозяйств населения потребительского типа, мелких крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных организаций, приближающихся к стадии банкротства.

Модель депрессивного развития присуща не только хозяйствующим субъектам, но и агроэкономическим системам более высокого

уровня. Она характеризуется низкими темпами обновления материально-технической базы хозяйствующих субъектов, их неустойчивым финансовым положением, низким уровнем результативности и эффективности аграрного производства, его инвестиционной привлекательности, невосприимчивостью хозяйствующих субъектов к инновациям и низким качеством жизни сельского населения. Модель данного типа характерна для довольно значительной части территориальных образований, ограниченность использования аграрного потенциала которых обусловлена более худшими природно-климатическими условиями, практически полным отсутствием крупнотоварного сельскохозяйственного производства, негативными изменениями демографической структуры сельских территорий, низким уровнем инфраструктурного обеспечения (производственной, рыночной, транспортной, инженерной, социальной и других инфраструктур) и др.

Модель стабилизационного развития реализуется хозяйствующими субъектами, находящимися на стадии преодоления кризисного состояния развития, и характеризуется ростом инвестиций в технико-технологическую базу, выходом на уровень устойчивой безубыточности аграрного производства, формированием условий осуществления расширенного производства. Как правило, инициация процессов реализации данной модели происходит в результате внешних воздействий (улучшения макроэкономических условий, роста уровня государственной поддержки, интеграции с субъектами с более высоким уровнем развития и т.п.). На практике переход к данной модели связан с концентрацией усилий на развитии одной-двух отраслей аграрного производства, которые становятся драйверами роста эффективности деятельности хозяйствующего субъекта и источниками наращивания потенциала его развития.

Модель инерционного развития характерна для хозяйствующих субъектов, сумевших стабилизировать свое экономическое положение, обеспечить устойчивость производственной системы и своей конкурентной позиции. Данная модель характеризуется относительной сбалансированностью агроэкономической системы и ее способ-

ностью адекватно реагировать на прогнозируемые колебания среды функционирования. Реализация данной модели предполагает концентрацию усилий на минимизации рисков и повышении устойчивости функционирования хозяйствующих субъектов. Выбор модели данного типа присущ агроэкономическим системам на фазе экономического роста, когда сама система набрала определенную инерцию развития, а макроэкономическая среда позволяет реализовывать сформированные конкурентные преимущества без дополнительных затрат и принципиальных изменений технико-технологической базы.

Модель адаптационного развития реализуется хозяйствующими субъектами в условиях роста неопределенности среды функционирования и ее флуктуаций. Необходимость задействования механизмов адаптации агроэкономических систем к существенным колебаниям внешней среды и формирования компенсационного потенциала, обеспечивающего возможность адекватной реакции системы на изменения условий хозяйствования, требуют постоянного пересмотра структуры ее ресурсного потенциала и корректировок пропорций распределения ресурсов между элементами системы с целью динамического поддержания оптимальных структурных и ресурсных пропорций, обеспечивающих необходимый уровень эффективности функционирования агроэкономических систем. Реализация адаптационной модели развития требует трансформации определенной части ресурсного потенциала в компенсационный потенциал, что в значительной степени сужает воспроизводственные возможности агроэкономических систем и ограничивает потенциал их развития.

Модель опережающего развития присуща устойчиво развивающимся хозяйствующим субъектам, готовым пойти на определенные риски с целью получения ключевых конкурентных преимуществ в результате технико-технологической модернизации при переходе на инновационно-ориентированный путь развития. При реализации моделей данного типа хозяйствующие субъекты ориентируются на использование уже апробированных кем-то инноваций и технико-технологических решений. Как правило, переход к данной модели

осуществляется при достижении достаточно высокого уровня концентрации аграрного капитала и возможности привлечения значительного объема финансовых ресурсов, необходимых для реализации масштабных инвестиционных проектов. При длительных сроках окупаемости инвестиционных проектов и высоком уровне их рискованности обязательным условием реализации моделей опережающего развития является адекватный уровень государственной поддержки значимых инвестиционных проектов и наличие эффективных механизмов управления инвестиционными рисками.

Модель революционного (прорывного) развития может быть реализована хозяйствующими субъектами при условии наличия технико-технологических и организационно-экономических инноваций, коренным образом меняющих систему аграрного производства и обеспечивающих технологический прорыв отрасли (биотехнологии, нанотехнологии, цифровые технологии, роботизация производства и др.). Переход к данной модели может быть осуществлен лишь при высоком уровне развития инновационной системы национальной экономики, способной генерировать и транслировать инновации прорывного уровня, при научно обоснованной государственной инновационной политике, стимулировании инновационной активности всех субъектов инновационной деятельности, обеспечении эффективности взаимодействия субъектов инновационной триады (государство – наука – бизнес). В случае низкой эффективности инновационной системы переход к данной модели развития окажется неосуществим.

По типу развития предлагается различать модели экстенсивного и интенсивного развития.

При реализации *модели экстенсивного развития* положительные изменения системы обеспечиваются главным образом в результате роста объемов потребляемых ресурсов и, как следствие, линейного роста производства экономических благ при сохраняющемся технико-технологическом уровне социально-экономических систем различного уровня. Модель экстенсивного развития позволяет совершенствовать количественные характеристики системы при ограничении каче-

ства развития. При реализации моделей данного типа темпы роста производства экономических благ, как правило, не превышают темпы роста совокупных издержек.

Реализация *модели интенсивного развития* связана с генерацией эффектов, обусловленных переходом на использование модернизированных ресурсов, а также с повышением уровня интенсивности уже имеющегося ресурсного потенциала и новых комбинаций ресурсов, которыми система обладала до перехода на модель интенсивного развития). В качестве одной из специфических форм модели интенсивного развития принято рассматривать модель инновационного развития. Даная форма присуща для систем, способных генерировать импульсы своего развития через осознанное применение инноваций, предоставляющих возможности формирование устойчивых конкурентных преимуществ и условий, необходимых для формирования механизмов обеспечения саморазвития и самоорганизации социально-экономических систем. Специфика модели инновационного развития заключается в способах организации межсубъектного взаимодействия участников инновационных процессов, обеспечивающих генерацию инноваций, их трансляцию, внедрение, сопровождение, использование и стимулирование инновационной активности.

К сегодняшнему дню используется несколько основных типологий инновационных моделей развития, отличающихся друг от друга системой взаимосвязей между участниками инновационного процесса (государство, наука и бизнес), уровнем контроля инновационных циклов, качеством подсистемы, обеспечивающей генерацию инноваций, уровнем развития субъектов, иницирующих инновационные процессы, степенью готовности хозяйствующих субъектов к переходу на инновационную модель развития, местом государства в организации и регулировании инновационных процессов, качеством и функциональностью национальной и региональных инновационных систем, степенью соответствия инновационной и институциональной сред потребностям участников инновационной деятельности и др. Очевидно, что конкретные агроэкономические системы могут выби-

рять как некую типовую модель инновационного развития, так и ориентироваться на формирование собственной модели, позволяющей максимально полно учесть масштаб системы, ее территориально-отраслевые особенности, имеющиеся стратегические ориентиры, уровень и качество ресурсного и инновационного потенциала и др.

При выборе конкретных моделей инновационного развития необходимо использовать комплексную оценку совокупного влияния факторов, определяющих степень воздействия государства на инновационные процессы, качество институциональной среды, экономический потенциал системы и уровень его использования, качество инновационной среды и системы инфраструктурного обеспечения, уровень обеспеченности трудовыми ресурсами необходимой квалификации и качество жизни населения в границах локализованных экономических пространств. Одним из ключевых факторов, определяющих ориентацию на конкретную модель инновационного развития отдельного субъекта хозяйствования, отрасли народного хозяйства или территориально-отраслевого комплекса является уровень и качество инновационного потенциала социально-экономической системы. В качестве условий формирования инновационного потенциала принято выделять уровень развития элементов, осуществляющих генерацию, поиск и адаптацию инноваций; адекватность технико-технологической базы и уровень технического обеспечения; соответствие качественного состава трудовых ресурсов потребностям системы и их способность к освоению инноваций и др.

Следует отметить, что возможности системы по реализации инновационной модели развития зависят не только от качества инновационного потенциала, а еще и ее способности по привлечению инвестиционных ресурсов, необходимых для перехода на инновационный путь развития. Осознание этой дуальности обуславливает необходимость использования термина «инновационно-инвестиционный потенциал». Инновационно-инвестиционный потенциал предлагается трактовать как возможности системы к технико-технологической и организационно-экономической модернизации, необходимой для пе-

перехода к новому качественному состоянию системы с учетом уровня ее инвестиционной привлекательности и адекватности подсистемы финансового обеспечения инновационного процесса. Очевидно, что задача формирования инновационно-инвестиционного потенциала относится к компетенции стратегического управления и может быть решена через разработку стратегии развития управляемой подсистемы, раскрывающей не только совокупность глобальной и локальных целей развития и ее прогнозируемых параметров и характеристик, но и предполагающей обоснование оптимальной траектории развития, обеспечивающей достижение данных целей при прогнозируемых изменениях внешней среды.

По степени охвата элементов системы рекомендуется выделять модели точечного и комплексного развития.

Модели точечного развития реализуются в условиях ограниченности финансовых ресурсов и связаны с обоснованием приоритетов развития, обеспечивающих максимальный мультипликативный эффект для всей агроэкономической системы. На уровне хозяйствующих субъектов в качестве приоритетных точек роста могут быть выбраны отдельные отрасли или звенья производственных цепочек, инфраструктурные объекты и др. На уровне региона в качестве точек роста наряду с отраслями и сферами деятельности могут рассматриваться отдельные территории. То есть модели точечного развития агроэкономических систем регионального уровня представляют собой специфическую форму моделей территориально-отраслевого развития.

Модель комплексного развития может быть реализована в условиях достаточности финансовых ресурсов, необходимых для обеспечения сбалансированного развития агроэкономических систем различного уровня и поддержания оптимального уровня дифференциации развития их элементов, позволяющего максимально полно реализовать потенциал развития систем с учетом их структурных и функциональных особенностей. Наиболее остро проблема реализации модели данного типа стоит в регионах, в которых наблюдается существенная дифференциация муниципальных сельских районов не толь-

ко по уровню социально-экономического развития, но и по уровню их аграрного потенциала, что в значительной мере ограничивает их собственные возможности развития и уровень их инвестиционной привлекательности.

Предлагаемая классификация моделей развития агроэкономических систем может быть дополнена, исходя из целей исследования и желания акцентировать внимание на отдельных аспектах развития. При этом следует отметить, что объективная идентификация моделей развития агроэкономических систем различного уровня позволяет повысить качество управления процессами развития, осмыслить необходимость и возможности перехода от одной модели развития к другой, разработать стратегию данного перехода и оценить уровень ожидаемых трансформационных эффектов.

Очевидно, что каждая из описанных моделей будет иметь собственный механизм обеспечения сбалансированности развития, отличающийся структурой и функционалом правовых, экономических, организационных и экологических регуляторов и обеспечивающих подсистем.

Обеспечение сбалансированности развития социально-экономических систем относится к компетенции регулирования как одной из основных функций управления. Под функцией управления при этом понимается набор управленческих действий, характеризующихся общностью целей и используемых инструментов. Основная цель регулирования заключается в удержании системы в пределах оптимальной траектории развития (оптимальной считается траектория, обеспечивающая достижение поставленных целей с минимальными затратами) и обеспечении ее сбалансированности (оптимальной структуры и баланса интересов субъектов, формирующих систему).

Иерархия социально-экономических систем как объектов управления требует выделения систем государственного и хозяйственного управления, а соответственно и раскрытия содержания и особенностей реализации управленческих функций, в том числе функций регулирования.

В общем смысле государственное регулирование принято рассматривать как систему законодательных, исполнительных и контролирующих мер, реализуемых государством с целью целенаправленного воздействия на развитие макроэкономической системы и ее отдельных элементов и системы межсубъектных отношений.

По мнению О.А. Соловьевой [281], в качестве глобальных функций государственного регулирования можно выделить:

- обеспечение соответствия уровня производительных сил и форм проявления производственных отношений;

- обеспечение адекватности экономической политики государства уровню развития производительных сил и производственных отношений;

- формирование институциональных условий для появления форм хозяйствования, адекватных уровню развития производственных отношений;

- балансирование экономических интересов субъектов внутрисистемного взаимодействия и развитие институтов обеспечения компромиссов при сглаживании объективно возникающих противоречий.

В современной экономической литературе существует множество подходов к раскрытию сущности и функционала механизмов регулирования экономических систем. В рамках этих подходов акцент делается на регулировании рыночной экономики через оптимальное сочетание использования механизмов саморегулирования рынка, механизмов общественных институтов и гражданского общества, механизмов государственного регулирования и механизмов самоорганизации и саморазвития экономических систем различного уровня [185], на комбинировании механизмов прямого и косвенного государственного регулирования [55], на системе методов и рычагов воздействия государства экономические системы различного уровня и экономические процессы [250], на отождествлении механизма государственного регулирования с фискальной (бюджетно-налоговой) и монетарной (денежно-кредитной) политиками [24], на обеспечении согласования взаимодействия механизмов, реализующих конкретные регулирую-

щие функции [231], на рассмотрении механизм государственного регулирования как совокупности множественных состояний и разнообразных процессов, определяемых органами государственного управления с рамках целевой ориентации [90], на доминирующей роли механизма политико-государственного регулирования и рассмотрении в качестве его подсистем политико-организационные, политико-правовые, политико-институциональные и государственно-корпоративные механизмов [119], на формах участия государства в экономических процессах, протекающих в системе общественного производства [318], на способах и инструментах обеспечения соответствия уровня развития производственных отношений уровню развития производительных сил [281] и др.

Поскольку регулирование является одной из основных функций управления, то механизм регулирования должен рассматриваться в качестве функционального элемента механизма управления, а система регуляторов – в контексте общих и специфических инструментов управления.

Под механизмом обеспечения сбалансированности развития макроэкономической системы предлагается понимать совокупность политических, институциональных, правовых, экономических, организационных и экологических регуляторов, позволяющих за счет применения различных методов и инструментов целенаправленно воздействовать на развитие макроэкономической системы и ее элементов в контексте реализации стратегии развития общества.

Состав механизма обеспечения сбалансированности развития макроэкономической системы и ее элементов в разрезе отдельных видов регуляторов приведен на рисунке 1.

С помощью политических регуляторов государство демонстрирует свое отношение к различным аспектам процессов общественного развития и позицию государства по управлению этими процессами с целью достижения экономических и социальных целей развития. В качестве предметных областей политического регулирования выступают различные сферы и аспекты экономической деятельности.

Рисунок 1 – Механизм обеспечения сбалансированности развития макроэкономической системы и ее элементов

Институциональные регуляторы обеспечивают формирование институциональной среды, определяющей совокупность условий регулирования структурных пропорций системы и поддержания баланса интересов субъектов внутрисистемных отношений. Они создают условия самоорганизации систем различного уровня и возможностей их саморазвития.

Правовые регуляторы обеспечивают целенаправленное воздействие государства на систему общественных отношений через использование совокупности правовых (юридических) средств и методов, позволяющих обеспечить снижение остроты существующих противоречий и достижение баланса интересов взаимодействующих субъектов. Предметом правового регулирования является система устойчивых однородных межсубъектных отношений в рамках установленных государством границ его вмешательства в экономическую жизнь.

Экономические регуляторы представляют собой совокупность экономических рычагов, позволяющих опосредованно воздействовать на субъекты экономических процессов через влияние на их экономические интересы и согласование частных интересов с интересами общества и государства. Экономические регуляторы относятся к базовым инструментам регулирования развития элементов макроэкономической системы и управления структурными изменениями системы.

Организационные (административные) регуляторы предполагают непосредственное прямое воздействие государства на экономические процессы, включая меры принуждения, запрета, разрешения и т.п. Научно обоснованное применение организационных регуляторов позволяет нивелировать «провалы» рынка и формировать нужный государству стиль поведения всех экономических агентов.

Экологические регуляторы представляют собой совокупность инструментов, позволяющих повышать экологическую эффективность природопользования, улучшать качество среды обитания и всей экосистемы.

Наряду с регуляторами, являющимися базовыми элементами механизма обеспечения сбалансированности развития макроэкономической системы и ее элементов, в качестве вспомогательных элементов в составе механизма можно выделять подсистемы нормативно-правового, финансового, инфраструктурного, информационного и других видов обеспечения.

К сущностным характеристикам механизма обеспечения сбалансированности развития макроэкономической системы и ее элементов предлагается относить цели, объекты, принципы и методы регулирования.

В качестве ключевых целей регулирования процессов развития можно выделить: обеспечение устойчивости и сбалансированности развития макроэкономической системы, поддержание ее оптимальной структуры, формирование условий, необходимых для реализации целей развития и сглаживание внутрисистемных противоречий.

Основными объектами государственного регулирования предлагается считать: саму макроэкономическую систему и ее элементы, процессы общественного воспроизводства, производительные силы общества, производственные отношения, отрасли экономики и сферы деятельности, территориальные образования, внутрисистемные взаимодействия, механизмы взаимодействия с мировой экономикой.

К числу базовых принципов системы государственного регулирования развития макроэкономической системы и ее элементов можно отнести:

– принцип сбалансированности (предполагает выделение в качестве одной из ключевых целей регулирования поддержание оптимальных структурных пропорций макроэкономической системы и баланса интересов всех взаимодействующих экономических агентов);

– принцип однородности экономического пространства (обеспечивает единство экономических условий и институциональной среды на всей территории страны);

– принцип прозрачности экономической политики (обеспечивает понимание экономической политики государства всеми экономическими агентами и открытость ее содержания);

– принцип последовательности (гарантирует сохранение логики развития системы государственного регулирования и ее преемственности на длительном временном горизонте);

– принцип рационального протекционизма (связан с поддержанием рационального уровня поддержки отечественных производителей, необходимого для обеспечения необходимого уровня экономической безопасности страны);

– принцип равного доступа к ресурсам и средствам государственной поддержки (гарантирует равную доступность ресурсов и средств государственной поддержки для хозяйствующих субъектов одного и того же типа);

– принцип обязательности (гарантирует исполнение государством всех взятых на себя обязательств и выполнение обязательств экономических субъектов, возникших перед государством);

– принцип эффективности (обеспечивает экономическую целесообразность государственного воздействия на процессы развития макроэкономической системы и ее элементов) и др.

Совокупность методов регулирования предлагается рассматривать в разрезе правовых, экономических и административных методов, реализуемых через использование различного рода регуляторов.

Основные сущностные характеристики механизма обеспечения сбалансированного развития макроэкономической системы и ее элементов представлены на рисунке 2.

Формирование механизма государственного регулирования экономических процессов и обеспечения сбалансированности развития макроэкономической системы и ее элементов, по мнению О.А. Соловьевой [281], целесообразно рассматривать как последовательность определенных этапов, основными из которых являются:

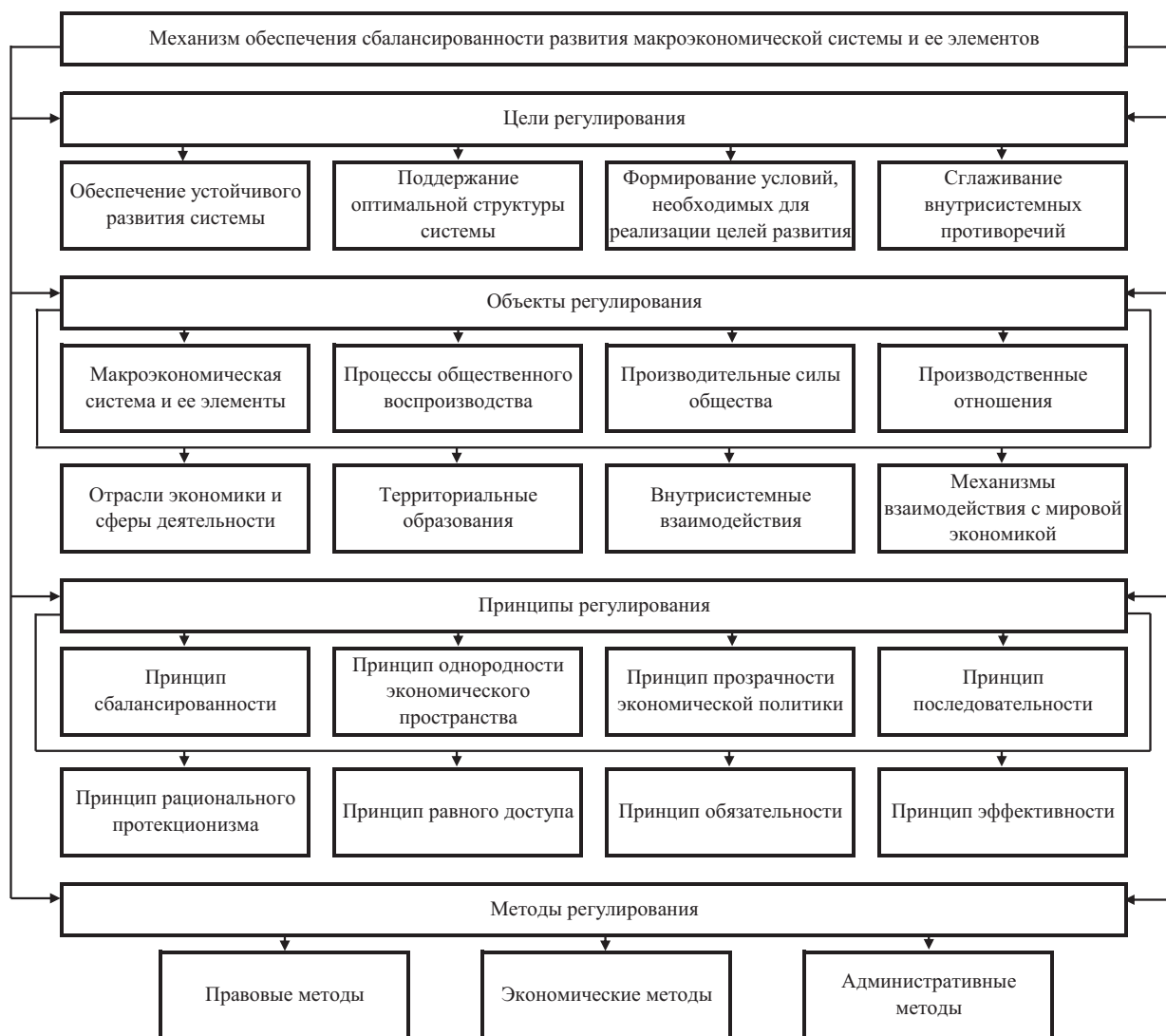

Рисунок 2. – Сущностные характеристики механизма обеспечения сбалансированности развития макроэкономической системы и ее элементов

- обоснование совокупности объектов государственного регулирования и формализация целей регулирования через разработку системы количественных критериев и индикаторов;
- установление факторов развития объектов регулирования, на которые следует оказывать регулирующее воздействие;
- обоснование рациональных методов воздействия на объекты регулирования, конкретизация инструментов, способов и технологий оказания регулирующего воздействия;
- формирование адекватных условий материально-технического, финансового, социального, институционального и других видов обес-

печения, требуемых для реализации целей государственного регулирования.

Следует отметить, что механизм обеспечения сбалансированности развития макроэкономической системы и ее элементов формирует общесистемные условия реализации функций государственного регулирования, которые, в свою очередь, определяют особенности формирования механизмов обеспечения сбалансированности развития отдельных хозяйствующих субъектов, имеющих собственные существенные характеристики. Так на уровне хозяйствующих субъектов в качестве базовых целей регулирования можно выделить: адаптацию системы к изменениям условий развития, поддержание оптимальных структурных пропорций, поддержание оптимальных ресурсных пропорций и обеспечение баланса интересов субъектов системы.

В роли объектов регулирования при этом будут выступать структура производственной системы, ее технико-технологическая база, инфраструктурное обеспечение, межсубъектные взаимоотношения, механизмы взаимодействия с внешней средой, отдельные элементы и параметры системы.

Формирование механизма обеспечения сбалансированности развития микроэкономических систем должно исходить из соблюдения следующих принципов:

- принцип системности (изменение одного элемента системы влечет за собой изменения взаимосвязанных элементов);
- принцип целевой ориентации (все корректирующие и регулирующие воздействия подчинены единой цели развития);
- принцип эффективности (корректирующие и регулирующие воздействия должны быть эффективны с точки зрения эффективности развития системы);
- принцип оптимальности (из множества альтернативных вариантов корректирующих и регулирующих воздействий должно выбираться наилучшее для системы);
- принцип сбалансированности (корректирующие и регулирующие воздействия не должны нарушать баланса интересов субъектов, фор-

мирующих систему, и оптимальных соотношений между элементами);

– приоритетности (в условиях ограниченности ресурсов приоритет должен отдаваться корректирующим и регулирующим воздействиям, обеспечивающим получение максимального мультипликативного эффекта);

– принцип рациональности (все корректирующие и регулирующие воздействия должны быть рациональны с точки зрения затрат ресурсов);

– результативности (все последствия корректирующих и регулирующих воздействий должны иметь количественную и качественную оценку и приводить к ожидаемому результату).

Основные сущностные характеристики механизма обеспечения сбалансированности развития микроэкономических систем приведены на рисунке 3.

Очевидно, что чем сложнее по структуре и функционалу микроэкономическая система, тем существеннее масштабность задач обеспечения сбалансированности ее развития. Дополнительные факторы, оказывающие влияние на специфику задач механизма обеспечения сбалансированности развития микроэкономических систем, определяются отраслевыми особенностями хозяйствующих субъектов, их типом, наличием интеграционных и кооперационных связей, вовлечением в систему разделения труда, уровнем территориальной рассредоточенности, уровнем концентрации производства и капитала, сложностью технологических процессов, количеством развиваемых отраслей, уровнем развития инфраструктурного обеспечения, сложностью внутрисистемных взаимодействий и др.

В качестве специфического объекта управления сбалансированным развитием предлагается выделять агропродовольственные системы, в рамках которых происходит интеграция процессов производства сельскохозяйственной продукции, ее хранения и промышленной переработки.

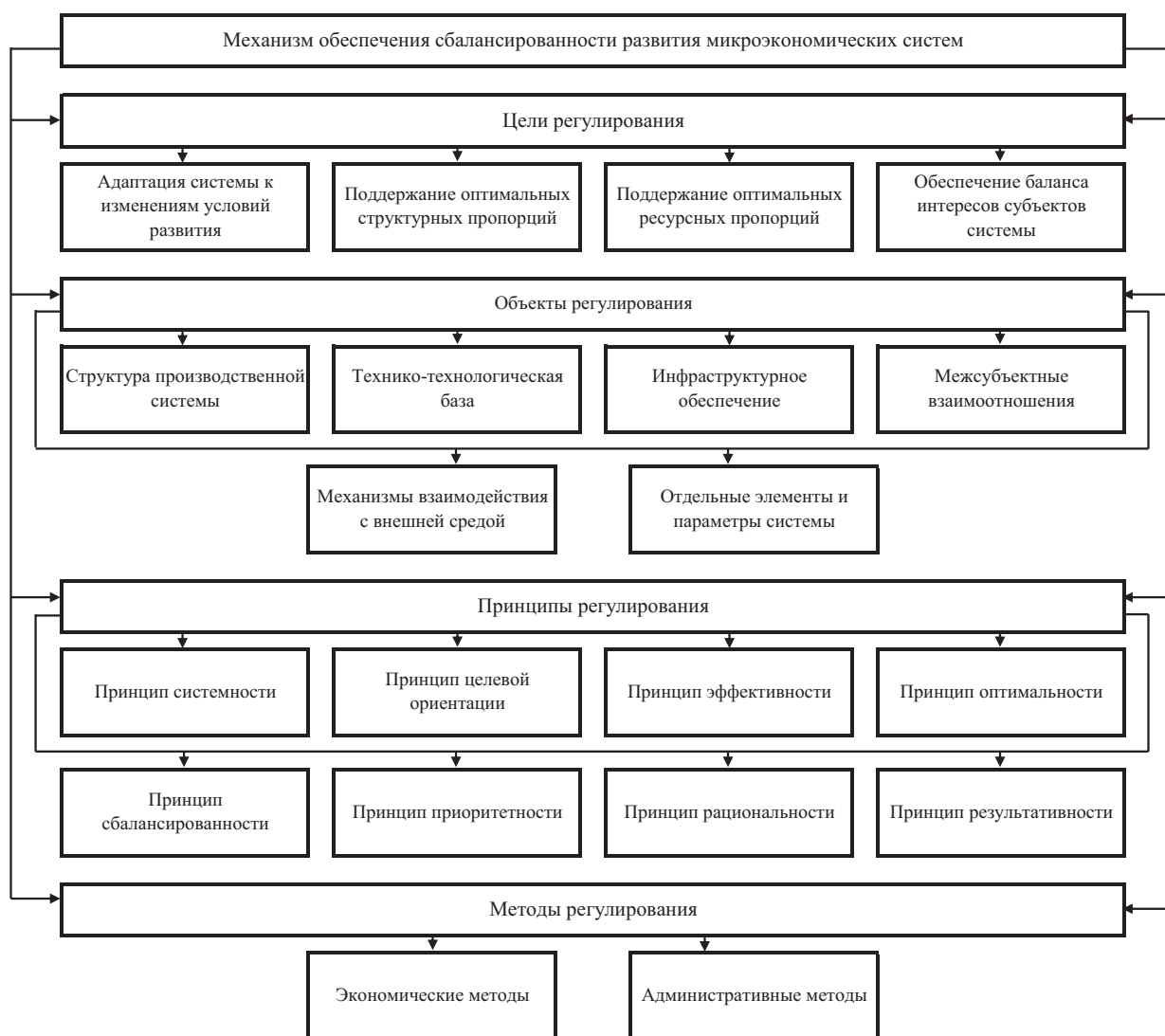

Рисунок 3. – Сущностные характеристики механизма обеспечения сбалансированности развития микроэкономических систем

Интеграция отдельных звеньев технологических цепочек, с одной стороны, позволяет существенно повысить эффективность производства конечной продукции агропродовольственного комплекса, но, с другой стороны, порождает ряд проблем и противоречий, обусловленных усилением межсубъектных связей и взаимодействий и ростом числа субъектов интеграционных отношений, каждый из которых пытается реализовать собственные задачи развития и экономические интересы.

1.2. Агропродовольственные системы как объект управления сбалансированным развитием

В условиях плановой централизованной экономики государство как единственный регулятор системы общественного производства пыталось обеспечить сбалансированность развития всей макроэкономической системы и взаимосвязанных друг с другом отраслей народного хозяйства. Наряду с решением задач сбалансированного развития отраслей общественного производства государство было призвано решать проблемы и территориального развития страны, что объективно обусловило выделение в качестве специфических объектов государственного управления таких объектов как территориально-отраслевые (территориально-производственные) комплексы.

По мнению А.В. Соколова [277], территориально-отраслевой (территориально-производственный) комплекс следует трактовать как упорядоченную и территориально обособленную совокупность взаимосвязанных между собой субъектов одной или нескольких отраслей народного хозяйства и видов экономической деятельности, организованную для реализации одной или нескольких экономических задач общественного развития.

Формирование, эволюция и трансформация территориально-отраслевых комплексов происходит на основе действия объективных экономических законов и закономерностей развития, определяющих систему межсубъектных взаимодействий технологически и экономически взаимосвязанных экономических агентов различного типа, функционирующих в границах локализованных территориальных образований. Именно территориально-отраслевые комплексы, в том или ином их проявлении, являются эффективным инструментом построения технологических и продуктовых цепочек, позволяющим рационализировать систему отношений взаимодействующих субъектов и получить устойчивые конкурентные преимущества за счет роста масштабов производства и минимизации непроизводственных издержек.

Следует признать, что кооперация и интеграция являются объективно существующими формами взаимодействия технологически и экономически взаимосвязанных хозяйствующих субъектов, но формы

реализации отношений кооперации и интеграции меняются в зависимости от уровня развития производительных сил и производственных отношений, технологического уклада, экономической формации, сложности и длины технологических цепочек, отраслевых особенностей взаимодействующих субъектов, уровня монополизации рынков и степени воздействия государства на различные экономические процессы и др. Кооперация и интеграция относятся к наиболее распространенным инструментам формирования единого экономического пространства локализованных территорий, позволяющим повысить эффективность использования их ресурсного потенциала и обеспечить баланс интересов территориального и отраслевого развития, экономических интересов хозяйствующих субъектов и социумов, объединяющих жителей территорий, являющихся пространственным базисом осуществления производственной деятельности.

В институциональном контексте территориально-отраслевой комплекс может рассматриваться как форма экономической интеграции, как полноценная экономическая система, интегрирующая в пространственно-временном континууме разнородные процессы экономического развития и разнообразные экономические институты и позволяющая генерировать дополнительные эффекты в рамках формирования системных мультипликаторов.

Именно поэтому некоторые исследователи предлагают наряду с термином «территориально-отраслевой комплекс» использовать термин «территориально-отраслевая система», рассматривая ее как совокупность функционально и технологически взаимосвязанных элементов, организованных в форме подсистем отраслевой и территориальной направленности [150, 253, 314].

Сложность, разномасштабность, структурная и функциональная неоднородность территориально-отраслевых комплексов предполагает многообразие подходов к их классификации и типологизации. Наиболее часто в качестве классификационных признаков при таксономии территориально-отраслевых комплексов используют функционал комплекса (классификация комплексов по их основной народно-

хозяйственной функции), генетическую составляющую (классификация по схожести условий и предпосылок образования комплекса и его эволюции) и структурную специфику (классификация по особенностям территориальной и отраслевой структуры комплекса).

Реализация политики развития агропродовольственных систем как территориально-отраслевых комплексов объективно создает условия формирования оптимальных пропорций производственных систем в пределах локализованных территорий, причем уровень локализации может быть самым разным: от административных районов до макроэкономической системы общества. Именно в рамках таких комплексов обеспечивается оптимизация процессов размещения производства, кооперирования и интеграции взаимодействующих хозяйствующих субъектов и общественно необходимой корректировки их специализации, создаются предпосылки повышения эффективности ресурсного потенциала, рационализации системы межсубъектных взаимодействий, решения задач оптимизации инфраструктурного обеспечения, распределения и перераспределения ресурсов, минимизации логистических и транзакционных издержек и др.

В качестве ключевых свойств территориально-отраслевых комплексов, в том числе и агропродовольственных систем, можно выделить:

- системность (представляют собой систему автономных, но взаимодействующих между собой субъектов);
- структурность (имеют достаточно жесткую структуру, обеспечивающую эффективную организацию технологических цепочек и инфраструктурного обеспечения);
- пространственная протяженность (формируются в границах локализованных территорий, определяющих их пространственный базис);
- многообразии развиваемых отраслей (развивают широкий круг отраслей производства, позволяющих максимально полно использовать их ресурсный потенциал);

– сложность межсубъектных связей (сложность структуры и разнообразность формирующих их субъектов, имеющих собственные экономические интересы, обуславливает высокий уровень сложности внутрисистемных взаимодействий);

– масштабируемость (функционал конкретных типов организации системы комплекса не меняется при изменении масштаба локализованных территорий);

– устойчивость внутрисистемных связей (обеспечивают устойчивость связей между взаимодействующими субъектами за счет поддержания баланса индивидуальных интересов);

– наличие центростремительных сил (справедливость внутрисистемных взаимодействий позволяет удерживать хозяйствующие субъекты в границах единого экономического пространства);

– эффективность (организация межсубъектных отношений обеспечивает получение эффекта, необходимого для развития, всеми субъектами, входящими в их состав);

– сбалансированность (обеспечивается баланс интересов территориального и отраслевого развития) и др.

Одной из форм территориально-отраслевых систем, возникших в условиях централизованной экономики, являлся агропромышленный комплекс, в составе которого было принято выделять несколько основных сфер, например, производство средств производства для сельского хозяйства и производственно-техническое обслуживание (первая сфера), собственно сельское хозяйство (вторая сфера), переработку сельскохозяйственной продукции (третья сфера) и отрасли сферы обращения (четвертая сфера), а также производственную, институциональную и социальную инфраструктуру системы агропромышленного производства [21].

Именно условия плановой экономики позволяли обеспечить в рамках единого объекта управления интеграцию сельского хозяйства не только с отраслями пищевой и перерабатывающей промышленности, но и с отраслями, производящими средства производства для аграрного сектора и осуществляющими их обслуживание. В рамках

комплексного планирования государство могло осуществлять ресурсное обеспечение хозяйствующих субъектов всех отраслей агропромышленного производства в соответствии с доведенными объемами государственного заказа с позиций интересов общества с учетом эффективности развития хозяйствующих субъектов и территорий, формирующих пространственный и продуктивный базис сельского хозяйства. При этом следует отметить, что в рамках агропромышленного комплекса интеграционные связи между сельскохозяйственными производителями и переработчиками сельскохозяйственной продукции принимали новые формы при сохранении их естественной устойчивости, тогда как интеграция в агропромышленный комплекс предприятий первой сферы происходила в рамках жесткого государственного управления межотраслевыми взаимодействиями в соответствии с долгосрочными планами формирования материально-технической и технико-технологической базы сельского хозяйства и отраслей пищевой и перерабатывающей промышленности.

Ядром агропромышленного комплекса традиционно было принято считать сельское хозяйство, которое формировало сырьевую базу продуктовых подкомплексов, представляющих особую форму интегрированных экономических структур, объединяющих сельскохозяйственных производителей и предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности в рамках формирования единых технологических и продуктовых цепочек и производства отдельных продуктов питания. Экономическую основу продуктовых подкомплексов составляла система вертикальных взаимосвязей производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции, построенных на объективном характере их взаимодействия.

Существует множество подходов к классификации продуктовых подкомплексов. Например, И.А. Минаков [187] предлагает рассматривать агропромышленный комплекс как совокупность зернопродуктового, картофелепродуктового, свеклосахарного, плодоовощеконсервного, виноградно-винодельческого, мясного, молочного и масложирового подкомплексов. Он справедливо отмечает, что именно в

рамках продуктовых подкомплексов происходит балансирование объемов производства и переработки сельскохозяйственной продукции, оптимизация размещения сельскохозяйственного производства по сырьевым зонам перерабатывающих предприятий, формирование потоков стоимости по звеньям технологических и продуктовых цепочек, развитие системы интеграционных связей и перераспределения доходов между интегрирующимися хозяйствующими субъектами.

Трансформация агропромышленного комплекса как единого объекта управления и формы организации взаимодействия хозяйствующих субъектов аграрного сектора и взаимосвязанных с сельским хозяйством отраслей и сфер деятельности, связанная разрушением механизмов координации развития его различных элементов, сформированных в условиях централизованной экономики, и резким ослаблением регулирующей роли государства, обусловила потерю управляемости комплексным развитием территориально-отраслевых образований различного уровня, вызвав необходимость переосмысления механизмов управления развитием сельского хозяйства и взаимодействующих с ним отраслей.

К сегодняшнему дню сформировалось множество подходов, связанных с обоснованием объекта комплексного управления процессами производства и переработки сельскохозяйственной продукции и организации эффективной системы взаимодействия хозяйствующих субъектов в рамках функционирования различных технологических и продуктовых цепочек, отражающих сущность агропродовольственного производства.

Так, например, Э. Крылатых [136], отмечая распад или кардинальное преобразование экономических связей между сферами и субъектами агропромышленного комплекса как объекта государственного управления, предлагает в качестве специфического объекта управления выделять агропродовольственный сектор, который в ее трактовке рассматривается как обособленная подсистема национальной экономики, реализующая функции обеспечения потребностей общества в сельскохозяйственной продукции, способствующая по-

вышению эффективной занятости и формированию условий социокультурного развития сельского населения; поддержания экологического равновесия сельских экосистем, воспроизводства природных ресурсов и сохранения агроландшафтов и др. Исходя из содержания функций агропродовольственного сектора, в его состав, по мнению Э. Крылатых, должны быть интегрированы такие элементы как система аграрного производства, система переработки сельскохозяйственной продукции, система инфраструктурного обеспечения (хранение, транспортировка и реализация продукции), система социального обеспечения села, а также подсистемы информационного и научного обеспечения агропродовольственного сектора.

Другие исследователи [191], пытаясь подчеркнуть структурную и функциональную сложность агропродовольственного сектора, в качестве базовых элементов его структуры предлагают рассматривать: непосредственно сельское хозяйство как совокупность отраслей аграрного производства; отрасли, связанные с переработкой продукции сельского хозяйства; бизнес-структуры, реализующие функции ресурсного обеспечения; подсистему инфраструктурного обеспечения производства (заготовка, транспортировка, хранение, логистика и др.) и реализации продукции; подсистему строительства объектов агропродовольственного сектора; отрасли промышленности, использующие аграрную продукцию в качестве сырья, подсистему кадрового и научного обеспечения.

Акцентируя внимание на такой функции агропродовольственного сектора как обеспечение населения продовольствием, А.И. Новиков [202] считает необходимым выделять три основных блока, формирующих структуру системы продовольственного обеспечения и агропродовольственного сектора: производство продовольственных ресурсов, ввоз продовольственных ресурсов и распределение продовольственных ресурсов и их обмен. Первый блок (подсистема производства), представляется им в виде трех структурно-функциональных элементов: рынка средств производства, совокупности хозяйственных укладов в сельском хозяйстве, а также сфера переработки сельскохо-

зяйственной продукции и реализации. На наш взгляд, такой подход не вполне корректен, поскольку пытается выделить структурные элементы по разнородным классификационным признакам. Если в качестве структурного элемента выделяется рынок средств производства, то по аналогии необходимо выделять рынки сельскохозяйственного сырья, рынок продовольственных товаров, рынок аграрного труда и т.п. Если же в качестве структурного элемента рассматривается совокупность хозяйственных укладов в сельском хозяйстве, то параллельно ее должны рассматриваться формы организации производства в отраслях переработки, сферах ресурсного обеспечения и торговли и др. Но сама идея вычленения базовой функции и привязки к ней всех структурно-функциональных элементов агропродовольственного сектора методологически верна и требует дальнейшего осмысления и развития.

Целый ряд исследователей наряду с термином «агропродовольственный комплекс» предлагает использовать термин «агропродовольственная сфера» [190, 130, 137, 352]. При этом, как правило, агропродовольственный комплекс рассматривается как форма организации устойчивых взаимосвязей хозяйствующих субъектов в рамках объективно существующих взаимодействий в границах локализованных экономических пространств, тогда как агропродовольственная сфера наряду с элементами агропродовольственного комплекса включает в себя и территории, формирующие пространственный и продуктивный базис системы производства агропродовольственного комплекса.

То есть в рамках данного подхода в качестве объекта государственного управления выделяются агропродовольственные комплексы различного уровня, в экономических границах которых формируются совокупности взаимодействующих хозяйствующих субъектов, реализующих функции производства и переработки продукции сельского хозяйства и инфраструктурного обеспечения процессов их функционирования. Использование данного подхода предполагает выделение агропродовольственных комплексов национального и ре-

гионального уровней, а также продуктовых подкомплексов, определяющих специализацию интегрирующихся субъектов и формы их взаимосвязи в зависимости от специфики организации и реализации продуктовых цепочек, интенсивности и способов взаимодействия, уровня взаимозависимости, состояния конкурентной среды и др.

Инициатором формирования агропродовольственных комплексов выступает государство. Именно агропродовольственный комплекс является инструментом реализации аграрной и продовольственной политики государства в контексте обеспечения продовольственной безопасности страны и удовлетворения потребностей населения в продуктах питания.

Основные сущностные характеристики агропродовольственного комплекса как объекта государственного управления приведены на рисунке 4.

Следует отметить, что функции государственного управления развитием агропродовольственных комплексов определяются кругом конкретных задач, решение которых позволяет обеспечить достижение цели. К числу таких ключевых задач можно отнести:

- рост объемов производства сельскохозяйственного сырья и продовольствия с целью обеспечения внутренних потребностей страны и наращивания ее экспортного потенциала;
- повышение качества продовольственных товаров и обеспечение их безопасности с учетом изменения потребительских предпочтений и ожидаемого роста доходов населения;
- обеспечение экономической и физической доступности продуктов питания за счет снижения себестоимости конечной продукции агропродовольственного комплекса и развития системы торговли продовольственными товарами;
- обеспечение комплексности территориального и отраслевого развития с целью снижения дифференциации территорий по уровню социально-экономического развития и повышения эффективности использования аграрного потенциала конкретных территориальных образований;

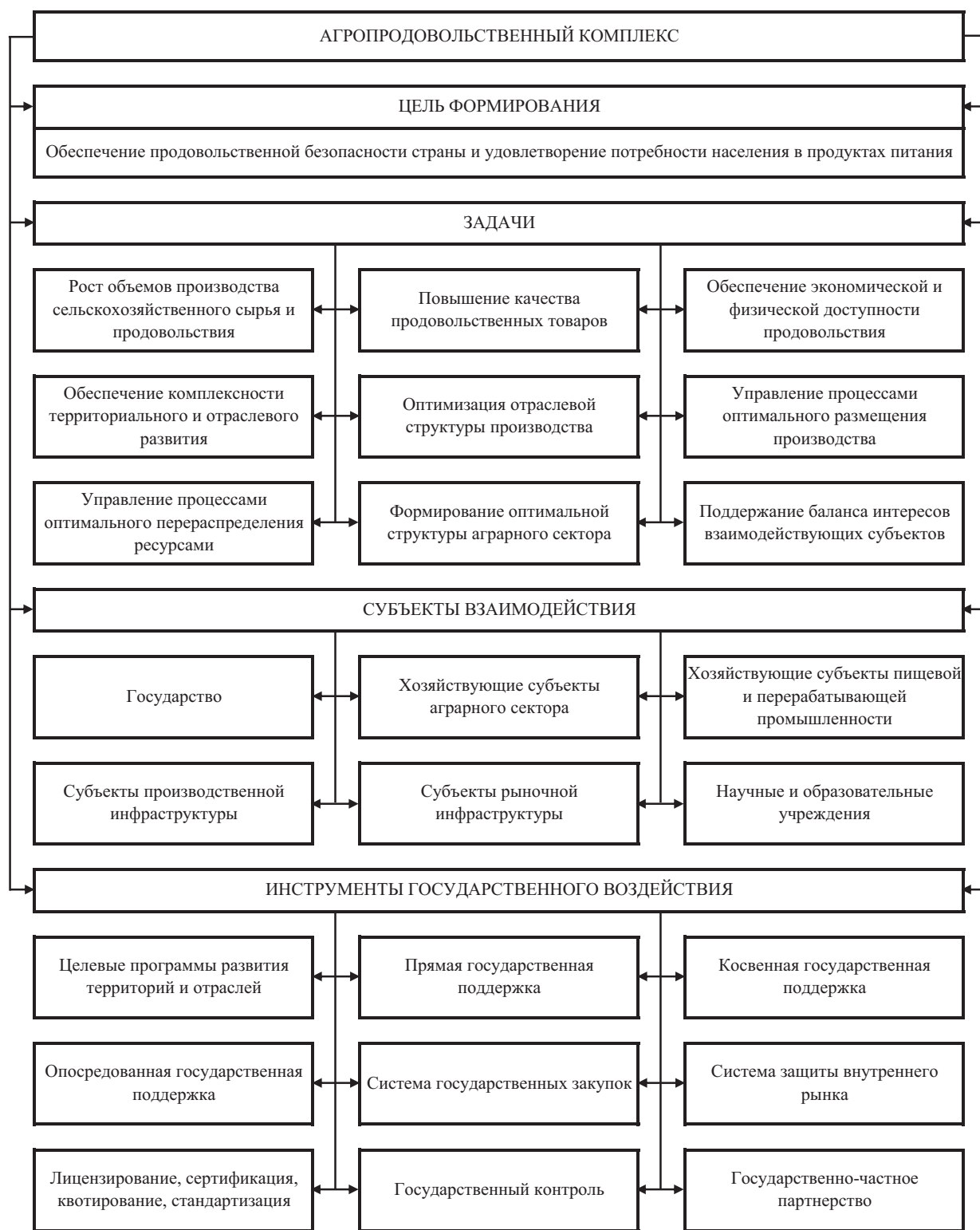

Рисунок 4 – Сущностные характеристики агропродовольственного комплекса как объекта государственного управления

– оптимизацию отраслевой структуры производства, позволяющую определить перспективные пропорции сочетания отраслей с учетом природно-климатических условий территориальных образований,

уровня их самообеспеченности отдельными видами продовольственных ресурсов, уровня эффективности отраслей, их инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности;

– управление процессами оптимального размещения производства с целью реализации конкурентных преимуществ отдельных территориальных образований и минимизации общественных издержек производства и обращения;

– управление процессами оптимального перераспределения ресурсов в раках адаптационного управления и необходимой корректировки состава и структуры производственных систем агропродовольственных комплексов различного уровня;

– формирование оптимальной структуры аграрного сектора, направленной на поддержание оптимального соотношения различных типов хозяйствующих субъектов аграрного сектора, позволяющего максимально эффективно использовать ресурсный потенциал территориальных образований;

– поддержание баланса интересов взаимодействующих субъектов и сглаживание противоречий, объективно возникающих в процессе их взаимоотношений, за счет активного воздействия государства на процессы межсубъектных отношений.

В качестве субъектов внутрисистемных взаимодействий в рамках агропродовольственного комплекса выделяются:

– государство, как инициатор и макрорегулятор процессов функционирования агропродовольственного комплекса;

– хозяйствующие субъекты аграрного сектора от крупных интегрированных формирований и сельскохозяйственных организаций, до крестьянских (фермерских) хозяйств и хозяйств населения;

– хозяйствующие субъекты пищевой и перерабатывающей промышленности, интегрированные с сельскохозяйственными производителями в рамках различных продуктовых цепочек и использующие различные формы взаимодействия с ними;

– субъекты производственной инфраструктуры, реализующие функции производственного обеспечения сельскохозяйственной дея-

тельности хозяйствующих субъектов аграрного сектора (техническое обслуживание, транспортировка, хранение, первичная обработка, строительство и др.);

– субъекты рыночной инфраструктуры, реализующие функции снабженческого и сбытового обеспечения хозяйствующих субъектов и доведения произведенной продукции до конечного потребителя;

– научные и образовательные учреждения, формирующие подсистему кадрового и научного обеспечения процессов развития агропродовольственного комплекса.

Согласованное функционирование совокупности указанных субъектов возможно лишь при наличии эффективного механизма государственного управления агропродовольственным комплексом, позволяющего рационально сочетать использование таких инструментов как:

– целевые программы, позволяющие реализовать государственную политику территориального и отраслевого развития;

– прямая государственная поддержка, ориентированная на оказание непосредственной поддержки хозяйствующих субъектов, формирующих агропродовольственный комплекс;

– косвенная государственная поддержка через такие методы воздействия как налогообложение, товарные и закупочные интервенции, стимулирование кооперации, развитие инновационной системы и др.;

– опосредованная государственная поддержка, связанная с аграрным производством через определенные экономические институты (например, специализирующиеся на обслуживании аграрного сектора банки, лизинговые и страховые компании и др.);

– система государственных закупок, позволяющая устанавливать определенные условия при закупке сельскохозяйственной продукции и продовольственных товаров для нужд государства;

– система защиты внутреннего рынка, создающая благоприятные условия развития отечественных производителей за счет корректировки экспортно-импортной политики государства;

– лицензирование, сертификация, квотирование, стандартизация и другие методы административного регулирования, позволяющие корректировать «правила игры» на локализованном экономическом пространстве и жестко влиять на поведение всех экономических агентов, действующих в рамках агропродовольственного комплекса;

– государственный контроль за деятельностью субъектов агропродовольственного комплекса и предоставлением государственных гарантий по вопросам добросовестной конкуренции, соблюдения правовых норм, установленных регламентов и др.;

– государственно-частное партнерство как форма эффективного взаимодействия государства с бизнес-сообществом с целью совместного участия в решении вопросов комплексного социально-экономического развития территориальных образований.

Следует отметить, что агропродовольственный комплекс является юридически не оформленной экономической структурой, границы которой, как правило, совпадают с границами административно-территориальных образований (например, регионов), что позволяет довольно эффективно сочетать методы административного и экономического регулирования процессов его развития, но не позволяет государству вмешиваться в систему межсубъектных взаимодействий, которая в условиях рыночной экономики относится к компетенции не государственного, а хозяйственного управления.

По своей сущности агропродовольственный комплекс может рассматриваться как одна из форм агропродовольственной системы. Под агропродовольственной системой в широком смысле предлагается понимать совокупность хозяйствующих субъектов, реализующих функции производства и переработки сельскохозяйственной продукции и инфраструктурного обеспечения этих процессов, взаимодействующих в рамках общих технологических и продуктовых цепочек на основе использования различных форм межсубъектных отношений.

В качестве еще одной разновидности агропродовольственных систем часто представляются различные виды интегрированных форми-

рований, которые, в отличие от агропродовольственного комплекса, рассматриваются не как объект государственного управления, а как форма организации межсубъектных взаимодействий производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции и интеграционных отношений в системе различного рода интегрированных агропромышленных формирований [301, 200]. Поскольку подавляющая часть сельскохозяйственной продукции перерабатывается в рамках производства продовольствия, то интегрированные формирования и считаются одной из разновидностей агропродовольственных систем.

Агропромышленная интеграция это естественная форма взаимодействия хозяйствующих субъектов, экономически, технологически и организационно объединенных в единые продуктовые цепочки, охватывающие все их звенья: от производства сельскохозяйственного сырья до выпуска и реализации конечной продукции. Юридическое оформление интеграционных отношений может происходить различными способами: от заключения договоров купли-продажи, до полного поглощения одних хозяйствующих субъектов другими. Конкретная форма агропромышленной интеграции выбирается хозяйствующими субъектами исходя из стратегических целей экономического взаимодействия, текущих экономических интересов, финансового положения, развития технико-технологической базы, инновационного потенциала, уровня конкуренции на локальных рынках, возможности участия в целевых программах и получения доступа к средствам государственной поддержки др.

Как правило, инициаторами интеграционных процессов выступают предприятия, реализующие функции переработки сельскохозяйственной продукции, в процессе формирования устойчивых сырьевых зон, позволяющих максимально эффективно использовать их производственные мощности. В этой связи именно их интересы являются базовыми при выборе конкретных форм агропромышленной интеграции и интеграционных взаимодействий различного типа хозяйствующих субъектов, но устойчивость развития интегрированных форми-

рований будет определяться способностью интегратора обеспечить баланс интересов всех субъектов интеграционных отношений.

Интеграционные отношения традиционно рассматриваются в разрезе трех составляющих: технологической, экономической и организационной. Если технологическая составляющая интеграционных отношений связана с обеспечением полного цикла воспроизводственного процесса (производство сельскохозяйственной продукции, ее транспортировка, доработка, хранение, переработка и реализация конечной продукции), то экономическая составляющая связана с формированием, распределением и перераспределением доходов между всеми субъектами интеграционных отношений, а организационная – с обеспечением условий их эффективного взаимодействия.

Интеграция как форма производственных отношений объективно возникает на определенном этапе развития производительных сил, позволяя повысить эффективность использования всех факторов производства за счет повышения уровня рациональности взаимодействия хозяйствующих субъектов и оптимизации системы межсубъектных взаимоотношений.

В рамках теории институционализма, как считает П.М. Советов [276], интеграция представляется как объективный результат процессов общественного развития, обусловленный ростом уровня концентрации производства и капитала, а также повышением степени консолидации собственности, обеспечивающий минимизацию транзакционных издержек, в контексте ситуационного подхода – как организационно-экономический процесс межсубъектного приспособления на основе углубления сотрудничества хозяйствующих субъектов, а в контексте управления эффективностью – как процесс минимизации себестоимости конечной продукции за счет обнуления рентабельности всех промежуточных производств. Применительно к последнему утверждению, по мнению С.С. Губанова [70], речь следует вести об объективном экономическом законе, который он определяет в качестве основного закона вертикальной интеграции. При этом следует отметить, что полноценное действие этого экономического закона

возможно только в тех случаях, когда все субъекты промежуточных производств не имеют экономической самостоятельности, а развиваются в соответствии с парадигмой развития всего интегрированного формирования, предполагающей предотвращение оппортунистического поведения взаимодействующих хозяйствующих субъектов, за счет ресурсов, перераспределяемых в рамках данной парадигмы.

В теории интеграции принято различать горизонтальную и вертикальную интеграцию. Если вертикальная интеграция представляет собой межотраслевое взаимодействие хозяйствующих субъектов «вдоль» цепочки образования стоимости, то горизонтальная интеграция предполагает их взаимодействие на уровне отдельных звеньев этих цепочек (внутри отраслей), позволяющих оптимизировать процессы разделения труда и углубления производственной специализации. Агропромышленная интеграция представляет собой классический случай вертикальной интеграции, связанный с обеспечением взаимодействия хозяйствующих субъектов, функционирующих на различных этапах формирования стоимости конечной продукции агропродовольственного комплекса. Сущностные характеристики вертикальной интеграции как формы межсубъектных взаимодействий в рамках агропродовольственных систем приведены на рисунке 5.

В качестве побудительных причин инициации процессов вертикальной интеграции, как правило, выделяются: желание реализации интересов разнотипных взаимодействующих хозяйствующих субъектов, установления контроля за деятельностью контрагентов, формирования замкнутых продуктовых цепочек. К побудительным причинам также можно отнести стремление к формированию устойчивых межсубъектных связей, упрощению системы межсубъектных взаимодействий, формированию устойчивых конкурентных преимуществ, обеспечению эффекта концентрации капитала и производства, усилению рыночного положения, оптимизации денежных потоков, ресурсного обеспечения, налогообложения, сокращения издержек обращения и др.

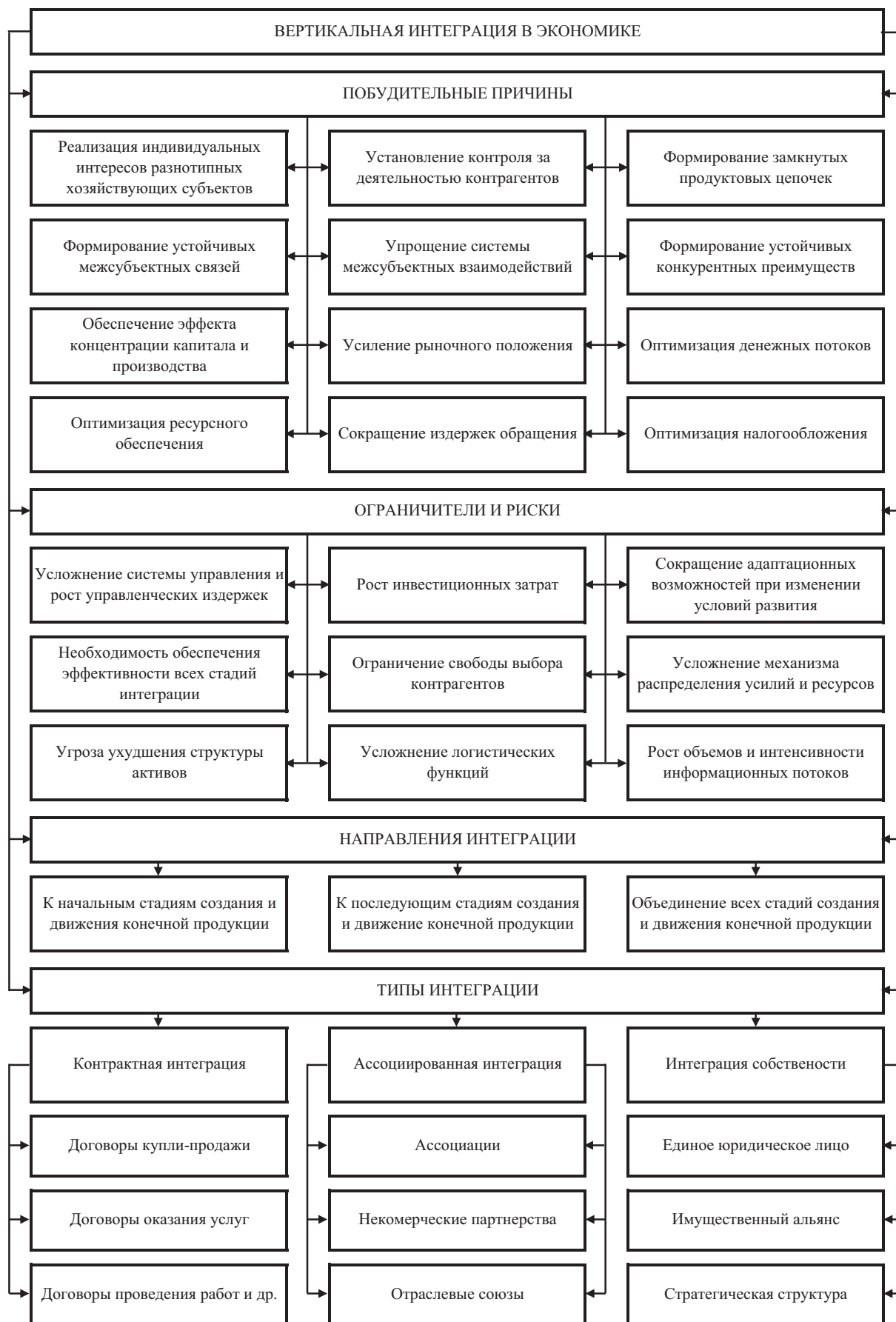

Рисунок 5 – Сущностные характеристики вертикальной интеграции как формы межсубъектных взаимодействий в рамках агропродовольственных систем

Вместе с тем существуют определенные ограничители и риски, которые в определенной мере сдерживают процессы вертикальной интеграции.

К их числу относятся: объективное усложнение системы управления и увеличение управленческих издержек, рост инвестиционных затрат, сокращение адаптационных возможностей при изменении условий развития, необходимость обеспечения заданного уровня эффективности всех стадий интеграции, ограничение свободы выбора контрагентов, усложнение механизма распределения усилий и ресурсов, угроза ухудшения структуры активов, усложнение логистических функций, рост объемов и интенсивности информационных потоков и др.

Можно выделить три основных направления инициации процессов вертикальной интеграции: к начальным стадиям создания и движение конечной продукции, к последующим стадиям создания и движение конечной продукции, объединение всех стадий создания и движение конечной продукции, которые реализуются в зависимости от места инициатора интеграционных процессов в цепочке создания стоимости и поставленных им целей.

Предлагается различать три основных типа вертикальной интеграции: контрактную и ассоциированную интеграцию и интеграцию собственности. Первый тип интеграции реализуется на основе заключения различного рода срочных и бессрочных договоров на куплю-продажу произведенной продукции, оказание различного рода услуг, проведение работ и т.п. Ассоциированная интеграция предполагает взаимодействие разнородных хозяйствующих субъектов в рамках различного рода ассоциаций, некоммерческих партнерств, отраслевых союзов и др. Интеграция собственности предполагает создание интегрированного формирования в виде единого юридического лица, имущественного альянса (холдинга), неких организационных структур, образующихся для реализации конкретных проектов и программ и т.п.

Функции государства как макрорегулятора экономических процессов, в частности процессов вертикальной интеграции, ориентированы на ограничение монополизма крупных интегрированных фор-

мирований, повышение их социальной ответственности за развитие территорий, формирующих их пространственный и производственный базис с целью реализации региональных и муниципальных интересов и интересов социальных сообществ.

В качестве перспективной формы организации взаимодействия субъектов агропромышленной интеграции принято рассматривать территориальные продуктовые кластеры, в рамках которых интеграционные отношения выходят на принципиально иной уровень в результате возникновения условий, обеспечивающих взаимовыгодность сотрудничества субъектов агропромышленной интеграции и реализацию их экономических интересов на основе принципиально иной системы межсубъектных отношений и «мягкого» воздействия государства на процессы внутрикластерного взаимодействия [96, 97, 141, 197, 348, 368].

Многие исследователи считают кластерную модель развития интеграционных отношений наиболее перспективной формой развития агропродовольственных систем и позиционируют кластеры как оптимальный инструмент формирования системы межсубъектных отношений участников агропромышленной интеграции, взаимодействующих в границах локализованных экономических пространств.

Обобщенным предметом исследования теории экономических кластеров являются связи и взаимозависимости участников цепочек формирования ценностей, объективно существующие в результате разделения труда и специализации хозяйствующих субъектов на различных стадиях этих цепочек, но выходящих за рамки ставших уже традиционными горизонтальными сетевыми структурами, функционирующими в пределах отдельных территорий или отраслей. Использование кластерного подхода дает возможность выявления всей совокупности хозяйствующих субъектов, заинтересованных во вхождении в отдельные кластеры, и реализовать взаимовыгодные формы интеграционных взаимоотношений, невозможные при других формах интеграции.

Использование преимуществ территориальной концентрации и возможность установления прочных и долгосрочных формальных и неформальных связей между субъектами экономической интеграции объективно обуславливают более высокую гибкость кластерных структур и эффективность функционирования всех их элементов [259]. Кластерный подход в своем сущностном понимании должен рассматриваться в качестве принципиально нового способа организации экономических систем и их структурирования. Реализация данного подхода связана с необходимостью соблюдения нескольких фундаментальных положений:

– процесс кластеризации предполагает формирование стратегической совокупности хозяйствующих субъектов, дополняющих друг друга в процессе формирования цепочки ценностей и сосредоточенных в границах территориально локализованных экономических пространств;

– развитие хозяйствующих субъектов, интегрирующихся в рамках кластера, предполагает выделение основного отраслевого (продуктового) и сопутствующих сегментов, технологически и организационно дополняющих базовый вид деятельности;

– кластеризация основывается на консолидации индивидуальных интересов конкурирующих друг с другом субъектов через развитие отношений горизонтальной интеграции, позволяющей сконцентрировать ресурсы и усилия при решении задачи преодоления системных барьеров, являющихся препятствием к развитию всей кластерной структуры и ее отдельных элементов;

– кластеризация предполагает активное участие государства в управлении развитием кластерных структур в части использования различных форм государственно-частного партнерства в рамках обеспечения устойчивости развития территорий, составляющих пространственный базис интегрированных формирований кластерного типа;

– кластеризация связана с локализацией экономических пространств, границы которых устанавливаются исходя их территориальных, технологических и институциональных пределов;

– кластеризация обеспечивает минимизацию отраслевых, технико-технологических, воспроизводственных и иных диспропорций, существующих в отраслевой, технологической и воспроизводственной структуре экономических систем различного уровня;

– кластеризация предполагает формирование эффективных адаптационных механизмов, позволяющих обеспечить гибкость кластерных формирований и их адекватную реакцию на колебания среды функционирования;

– кластеризация обеспечивает рост мультипликативных эффектов за счет достижения баланса интересов участников кластерных формирований, повышения качества межсубъектных отношений, проведения единой инновационной и технико-технологической политики, усиления рыночного влияния и др.;

– экономический кластер невозможно создать административными методами, взаимодействия кластерного типа возникают естественным путем при появлении условий, обуславливающих экономическую целесообразность модернизации отношений между хозяйствующими субъектами взаимосвязанных отраслей и создания единой системы инфраструктурного обеспечения;

– кластерные формирования являются «мягкой» формой интеграции, обеспечивающей сохранение организационной и функциональной структуры интегрирующихся субъектов, но обеспечивающей возникновение синергетического эффекта за счет повышения эффективности взаимодействия субъектов на всех звеньях продуктовых цепочек.

Изучение процессов генезиса экономических кластеров позволяет утверждать, что большинство из них формируется в рамках эволюции экономических систем, обеспечивая соответствие уровня развития межсубъектных отношений во взаимосвязанных отраслях на локализованных экономических пространствах уровню развития производительных сил и производственных отношений.

Установленные стадии формирования экономических кластеров представлены на рисунке 6.

Рисунок 6 – Стадии формирования экономических кластеров

Вне зависимости от варианта организации агропродовольственных систем они должны рассматриваться как специфический объект управления производством и переработкой сельскохозяйственной продукции и развитием агропромышленной интеграции.

Наиболее ярко сущностные характеристики и свойства агропродовольственных систем проявляются на уровне регионов, когда масштаб производства и локализованных экономических пространств позволяет идентифицировать все их специфические элементы и особенности их производственно-технологических и организационно-экономических взаимодействий. Именно на уровне регионов и агропродовольственные комплексы, и продуктовые кластеры обеспечивают возможность максимизации уровня эффективности межотраслевых и межсубъектных взаимодействий.

Управление агропродовольственными системами предполагает рациональное сочетание механизмов государственного и хозяйственного управления на основе развития государственно-частного партнерства. Используя совокупность инструментов и методов регулиро-

вания агропродовольственной системы, государство имеет возможность стимулирования позитивных с позиций общества структурных изменений аграрного сектора, сектора перерабатывающих производств, инфраструктурного обеспечения и формирования эффективной системы межсубъектных отношений. Кроме того, в качестве специфических проблем развития агропродовольственных систем должны рассматриваться вопросы социально-экономического развития сельских территорий, предполагающие комплексную взаимосвязку стратегий их территориального и отраслевого развития. Разработка комплексной модели территориально-отраслевого развития агропродовольственных систем традиционно относится к компетенции стратегического государственного управления и требует разграничения полномочий государства и бизнеса по реализации данной модели в рамках достижения компромисса по поводу реализации интересов всех субъектов, входящих в состав конкретных агропродовольственных систем, включая сельское население.

1.3. Особенности организации интеграционных процессов в агропродовольственных системах

Интеграцию производства принято рассматривать как эффективную форму организации технологических цепочек, позволяющую объединить интересы и ресурсы субъектов, различным образом участвующих в создании разного рода конечных продуктов и доведения их до потребителей. Выбор конкретной формы интеграции определяется уровнем производительных сил и производственных отношений, господствующей формой собственности, экономической политикой государства и уровнем его вмешательства в экономические процессы, экономическим влиянием взаимодействующих субъектов, их отраслевыми особенностями и степенью дифференциации по масштабам производства и уровню концентрации капитала и др.

Изучая природу интеграции, В. Энгельгардт [367] пришел к выводу о необходимости выделения трех ступеней протекания интеграционных процессов. На первой ступени формируется система взаимосвязей между взаимодействующими субъектами, на второй – частич-

ная потеря субъектами исходных идентификационных признаков и качеств, связанная с их вхождением в состав интегрированного объединения, на третьей – возникновение новых свойств и эффектов, порождаемых как за счет объединения свойств интегрирующихся субъектов, так за счет модернизации системы межсубъектных взаимоотношений. А. Богданов [32], исследуя сущность интеграционных процессов, предложил вести речь о трех всеобщих фазах создания интегрированных объединений, первая из которых связана с осознанием необходимости совершенствования форм взаимодействия в рамках технологических цепочек и характеризуется высоким уровнем неопределенности, вторая – с инициацией процессов системной дифференциации (поляризации) элементов интегрированных формирований и их расширением, третья – с завершением системной консолидации и оформлением интегрированного объединения как целостной системы, обладающей собственными механизмами управления процессами развития взаимодействующих субъектов и обеспечивающей балансирование индивидуальных и системных интересов, достижение оптимальных ресурсных пропорций и организацию эффективной системы межсубъектных отношений. Именно эту последовательность действий он и предлагал называть интеграционным процессом.

И.О. Сорокина [284] предлагает считать интеграцию сложнофункциональной и многоуровневой формой организации взаимодействия субъектов, находящейся на уровень выше относительно других форм экономического и производственного взаимодействия (кооперации, централизации и т.п.), интеграционный процесс рассматривать в виде совокупности действий, связанных с достижением высокого уровня экономической, организационной и технологической связности, необходимой для обеспечения эффективности функционирования всей технологической цепочки.

Мы разделяем позицию Н.А. Хилько [341], подчеркивающей, что ключевым вопросом формирования интегрированных объединений является выбор системы межсубъектных взаимодействий, проблемы обоснования и организации которой определяются:

– несовпадением самой природы интегрирующихся субъектов (вертикально интегрированные структуры представляют индустриальный уклад экономики, сетевые структуры относятся к постиндустриальному укладу, региональные системы – к пространственным социально-экономическим субъектам, сущностно отличающихся от предпринимательских структур, что значительно усложняет взаимодействие субъектов с принципиально разными институционально-хозяйственными характеристиками);

– сложностью и многоуровневостью межсубъектных отношений, требующих комбинирования системного и институциональных подходов к обоснованию возможностей и перспектив развития интегрированных структур разного типа;

– высоким уровнем дифференциации локализованных территориальных образований различного уровня, формирующих пространственный базис интегрированных объединений по потенциалу развития и возможностям активного роста;

– неразвитостью системы, формирующей институциональные «направляющие» и «стабилизаторы» процессов развития, обеспечивающие решение задач первичного упорядочивания, понятной институциональной организации взаимосвязей и генерации дополнительных эффектов, являющихся объектным результатом интеграционных взаимодействий;

– низким качеством взаимодействия различных форм организации интеграционных взаимодействий и согласования интересов развития интегрирующихся субъектов в рамках совместного развития, обеспечивающего оптимизацию ресурсного потенциала всех типов интегрированных формирований и составляющих их субъектов в пределах локализованных территорий, использование объектов инфраструктурного обеспечения, участия в процессах производства, обмена, распределения и потребления экономических благ.

Следует признать, что проблема развития интегрированных формирований относится к проблемам совместного развития и требует наличия устойчивых институтов, реализующих такие функции как:

– генерация и закрепление институциональных норм процессов совместного развития и формирование условий оптимизации системы межсубъектных отношений;

– продуцирование эффективных форм взаимодействия интегрирующихся субъектов и интегрированных формирований между собой и их взаимоотношений в рамках общего экономического пространства в процессе формирования и использования так называемых «полей возможностей»;

– создание условий эффективного выбора каждым участником интегрированного формирования способа экономического поведения, адаптированного к глобальной задаче совместного развития;

– обеспечение заинтересованности интегрированного объединения в развитии территориальных образований, формирующих пространственный базис их развития.

Под организацией интеграционных процессов предлагается понимать совокупность мероприятий и действий, связанных с обобщением объективно существующих мотиваций формирования системы устойчивых межотраслевых взаимодействий хозяйствующих субъектов, обоснования глобальной и локальных целей оформления интеграционных взаимодействий, выбора рациональной формы их организации, разработки механизмов управления развитием интегрированного объединения и балансирования экономических интересов интегрирующихся субъектов, обеспечивающих предотвращение их оппортунистического поведения и оптимизацию использования совокупного ресурсного потенциала.

А.О. Аюшева [20] считает, что для агропродовольственного комплекса характерны несколько способов интеграции: структурно-организационный (ориентация на экономическое и организационно-управленческое взаимодействие), функционально-технологический (ориентация на формирование замкнутых технологических цепочек) и территориально-пространственный (ориентация на формирование территориально-отраслевых комплексов), определяющих специфику организации интеграционных процессов. А Р.А. Байоекова [23] предлагает вести речь о специфических ресурсах, формирующихся в ре-

зультате интеграционного объединения хозяйствующих субъектов, взаимодействующих в рамках технологических цепочек. К их числу она относит:

– синергетический ресурс (возникает в результате обеспечения технологической связанности интегрирующихся субъектов и формирования устойчивых конкурентных преимуществ);

– инновационный ресурс (возникает при наличии к предприятия-интегратора инновационного опыта и готовности реализации инновационно-ориентированной модели развития);

– инвестиционный ресурс (возникает при реализации политики технико-технологической модернизации за счет средств предприятия-интегратора или государственной поддержки);

– технологический ресурс (возникает при объединении субъектов, представляющих все звенья технологических цепочек и инфраструктурного обеспечения);

– социальный ресурс (возникает в случае создания новых рабочих мест, повышения занятости сельского населения, уровня его доходов и качества жизни).

Сложность организации интеграционных процессов в агропродовольственном комплексе определяется совокупным влиянием комплекса факторов различной природы, которые предлагается систематизировать в разрезе трех групп: экономических, организационных и технико-технологических (рисунок 7).

В группе экономических факторов ведущая роль принадлежит многофункциональности сельского хозяйства, что наряду с вопросами ведения аграрного производства требует решения целого комплекса социальных, демографических, экологических, природоохранных и других проблем.

Высокий уровень монополизации аграрных рынков, в том числе рынков сельскохозяйственной продукции, ограничивает доходность аграрного производства и вынуждает сельскохозяйственных производителей идти на существенные уступки субъектам, контролирующим локальные рынки и объекты инфраструктурного обеспечения.

Рисунок 7 – Факторы, определяющие специфику организации интеграционных процессов в агропродовольственном комплексе

Сельское хозяйство непосредственно связано с использованием земли как продуктивного и пространственного базиса аграрного производства, что требует выделения значительных средств на воспроизводство почвенного плодородия и сохранение качества агроландшафтов. Дополнительные сложности организации интеграционных взаимодействий определяются высоким уровнем дифференциации субъектов интеграции по масштабу производства, уровню концентрации капитала, уровню экономического развития и финансовой устойчивости, по степени влияния на рынок, что объективно усложняет решение проблем балансирования экономических интересов субъектов, входящих в состав интегрированных формирований.

В последние годы неуклонно растет объем государственной поддержки сельского хозяйства, но при ее распределении приоритет отдается субъектам, реализующим крупные инвестиционные проекты и играющим доминирующую роль на локальных рынках, что в значительной мере ограничивает доступ к этим средствам представителей среднего и малого агробизнеса и не позволяет им самостоятельно эффективно решать вопросы текущего и перспективного развития. Кроме того для субъектов среднего и малого агробизнеса ограничен доступ к инвестиционным ресурсам, что существенно лимитирует возможности наращивания их инновационно-инвестиционного потенциала и модернизации технико-технологической базы, принципиально снижая уровень их конкурентоспособности и подталкивая их к интеграции с потенциальными инвесторами. Отсутствие эффективных механизмов управления рисками аграрного производства и ограниченные возможности его диверсификации у основной массы сельскохозяйственных производителей также стимулируют хозяйствующие субъекты аграрного сектора к вхождению в состав интегрированных формирований, готовых взять на себя часть рисков и обеспечить устойчивость воспроизводственных процессов.

В группе факторов организационного характера выделяется определенное противоречие, обусловленное узкой специализацией предприятий, перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию и являющихся, как правило, инициаторами интеграционных процес-

сов, и многоотраслевым характером подавляющей части сельскохозяйственных производителей, что, с одной стороны, позволяет диверсифицировать производство, а с другой - требует существенного роста инвестиционных и операционных затрат, связанных с обеспечением эффективности функционирования интегрированного формирования как многоотраслевого комплекса. Кроме того наблюдается прямая зависимость между объемом производственных мощностей перерабатывающих предприятий и размеров их сырьевых зон, что вынуждает переработчиков различными способами экономически контролировать значительные территории. Необходимость экономического контроля над локализованными территориями, в свою очередь, вынуждает их решать вопросы территориального развития и обеспечивать определенный уровень поддержки сельских сообществ, проживающих на территориях, подконтрольных интегрированным формированиям. Определенные сложности организации процессов интеграции в агропродовольственном комплексе связаны с сезонностью аграрного производства и принципиальным несовпадением производственных циклов переработчиков сельскохозяйственной продукции и ее производителей, что требует дополнительных усилий и средств для координации их взаимодействия и обеспечения непрерывности производственных и воспроизводственных процессов. Неурегулированность земельных отношений, проявляющаяся в значительном объеме не выделенных в натуре земельных долей, невостребованных земельных долей, земель сельскохозяйственного назначения не поставленных на кадастровый учет, неразвитости рынка земли существенно увеличивают издержки, связанные с оформлением прав собственности или пользования земельными участками при создании интегрированных формирований, их реорганизации или ликвидации. Неустойчивость экономических связей перерабатывающих предприятий и производителей сельскохозяйственной продукции и низкий уровень договорной дисциплины вынуждают интеграторов ориентироваться на использование «жестких форм» агропромышленной интеграции, позволяющих осуществлять полный контроль за деятельностью сельскохозяйственных производителей, входящих в состав интегрирован-

ных объединений. Наряду с этим «жесткие» формы интеграции позволяют существенно минимизировать издержки, связанные с осуществлением снабженческо-сбытовой деятельности, и получить дополнительный эффект за счет оптимизации издержек обращения.

Факторы технико-технологического характера также определяют особенности организации интеграционных процессов в агропродовольственном комплексе. В первую очередь, они обусловлены спецификой технологий хранения и переработки конкретных видов сельскохозяйственной продукции и длинной технологических цепочек. Различные виды сельскохозяйственной продукции отличаются по требованиям к транспортировке, по срокам и условиям хранения, глубиной переработки и количеству технологических переделов, сроками хранения конечной продукции и особенностями реализации, что требует различного уровня затрат на формирование обеспечивающей инфраструктуры и рационализацию схем ее использования. Наблюдается существенная дифференциация перерабатывающих предприятий между собой и по сравнению с сельскохозяйственными производителями по уровню технико-технологического развития, что обуславливает необходимость ускоренной модернизации устаревшей материально-технической базы хозяйствующих субъектов аграрного сектора, оптимизации структуры основных средств и обновления используемых агротехнологий в условиях их ограниченных финансовых возможностей и низкой инвестиционной привлекательности субъектов среднего и малого агробизнеса. Также следует отметить высокий уровень технологического консерватизма значительной части сельскохозяйственных производителей и их неготовность самостоятельно идти на определенные риски, связанные с обновлением технико-технологической базы и реализацией инновационно-ориентированной модели развития. В качестве еще одного фактора, определяющего специфику организации интеграционных процессов, можно выделить уровень информатизации производств, обеспечивающего возможность объективного контроля за качеством протекания технологических процессов и управления качеством производимого сырья и конечной продукции.

Изучение процессов интеграции субъектов агропродовольственного комплекса зарубежных стран позволяет утверждать, что становление и развитие агропромышленной интеграции связано с формированием иерархической системы интеграционных отношений, включающей такие уровни как установление картельных соглашений о разделе локальных продуктовых рынков, развитие контрактной системы межсубъектных взаимодействий, создание интегрированных образований ассоциативного типа, интеграция капиталов и ресурсов взаимодействующих субъектов в рамках объединений корпоративного типа, формирование всей технологической цепочки в рамках одного хозяйствующего субъекта, объединение самостоятельных хозяйствующих субъектов в рамках структур холдингового типа, создание финансово-промышленных групп, предполагающих сращивание агропромышленного и финансового капитала.

В условиях современной России доминирующей формой интеграционных связей являются отношения вертикальной интеграции, в рамках которой приоритет развития заключается не в гармонизации и балансировании интересов интегрирующихся субъектов, что характерно для контрактной формы интеграции, а в максимизации отдачи от вложенного капитала и суммы прибыли от реализации конечной продукции за счет получения полного контроля за всеми звеньями технологической цепочки и концентрации капитала, обеспечивающих эффект масштаба и диверсификации производства [249].

Необходимо отметить, что особенности интеграционных процессов также определяются производственной специализацией предприятий-интеграторов. Очевидно, что интеграционные процессы, инициируемые предприятиями по переработке растениеводческой и животноводческой продукции, будут протекать по несколько иным схемам, учитывающим оптимальные размеры сырьевых зон, размер отраслей на уровне отдельных сельскохозяйственных производителей, входящих в состав интегрированных формирований, необходимость включения в интегрированные объединения субъектов, реализующих различные функции инфраструктурного обслуживания и др. Кроме того, выбор формы интеграционного взаимодействия зависит

от уровня конкуренции на конкретных территориально локализованных продуктовых рынках. Если реальная конкуренция отсутствует, то существует опасность хищнического поглощения субъектов среднего и малого агробизнеса без учета их экономических интересов.

Как отмечает И.Д. Котляров [129], в последнее время в агропродовольственном комплексе параллельно с развитием традиционных форм агропромышленной интеграции развивается гибридная форма взаимодействия хозяйствующих субъектов, обеспечивающая создание нового типа производственно-сбытовых цепочек, предполагающих долгосрочное сотрудничество юридически независимых субъектов в рамках, так называемых, фильеров, представляющих собой способ организации цепочек производства конечных продуктов продовольственного назначения, охватывающих все стадии: от производства сырья до полков торговых предприятий, в том числе их логистическое сопровождение. Фильеры рассматриваются как форма «мягкой» интеграции (интегратором выступает крупное торговое предприятие), в рамках которой координация интеграционных процессов осуществляется без наличия единого контролирующего органа на принципах взаимовыгодности партнерства.

Организация интеграционных процессов в агропродовольственном комплексе базируется на соблюдении ряда принципов, обеспечивающих реализацию сущностных свойств и характеристик агропромышленной интеграции. К числу таких принципов предлагается относить:

– принцип добровольности (предполагает добровольный характер вхождения каждого субъекта в состав интегрированного объединения и отказ от использования метода экономического или административного диктата);

– принцип устойчивости формируемых технологических и стоимостных цепей (обеспечивает организацию единого локализованного экономического пространства интегрированных объединений и обеспечение рациональных схем технологического взаимодействия интегрирующихся субъектов);

– принцип устойчивости межсубъектных связей (позволяет осуществить выбор формы интеграционных связей, обеспечивающих их долгосрочность, с учетом особенностей организации технологических и стоимостных цепочек);

– принцип гармоничного развития и обеспечения баланса интересов интегрирующихся субъектов (предполагает достижение сбалансированности интересов участников интегрированных объединений и минимизацию внутренних противоречий);

– принцип структурной оптимизации и оптимизации системы межсубъектных взаимодействий (предполагает формирование организационной структуры и структуры управления, позволяющей минимизировать затраты на управление во всех звеньях технологической цепочки при условии обеспечения эффективности реализации управленческих решений);

– принцип минимизации транзакционных издержек (обеспечивает рациональность товарных и денежных потоков, сокращение числа транзакций и затрат на их осуществление);

– принцип консолидации бюджетов (отражает возможности интеграционного объединения по консолидированному использованию средств субъектов интеграции для ликвидации возможных кассовых разрывов и обеспечения непрерывности всех технологических процессов);

– принцип справедливости межотраслевого обмена и распределения синергетического эффекта (связан с формированием механизма регулирования финансовых и ресурсных отношений в рамках интегрированных объединений).

Следует признать, что на современном этапе развития агропромышленная интеграция является одним из самых эффективных инструментов развития всей системы аграрного производства, повышения конкурентоспособности отечественного аграрного сектора и его инвестиционной привлекательности, обеспечения продовольственной безопасности страны и перевода агропродовольственного комплекса на инновационно-ориентированный путь развития.

2. МЕТОДОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССАМИ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ

2.1. Концептуальные и методологические основы обеспечения сбалансированного развития агропродовольственных систем

Структурная и функциональная сложность и разнородность элементов агропродовольственных систем, особенности организации процессов развития формирующих их элементов и их внутрисистемных взаимодействий, обусловленные сложившейся структурой аграрного сектора и его ресурсного потенциала, объективно обуславливают необходимость актуализации концептуальных и методологических подходов к обеспечению их сбалансированного развития.

В общем понимании категория «концепция» характеризует определенный способ осознания и описания сущности исследуемых аспектов экономической системы, научно обоснованную точку зрения на понимание проблем развития экономических систем как объекта исследования, набор принципов, определяющих фундаментальные положения и специфику исследования конкретных проблем развития экономических систем, каждая из которых может быть формализована в виде конкретной предметной области исследования. Применительно к экономическим исследованиям концепция отражает систематизированную совокупность научных взглядов на возможность решения проблем формирования и развития экономических систем различного уровня и повышения эффективности их функционирования. В ряде случаев концепция может трактоваться как совокупность ключевых методологических положений, определяющих специфику организации исследования конкретных экономических систем и протекающих в них процессов. Методологию же следует рассматривать как некую систему базовых принципов и методов рациональной организации исследования экономических систем и их различных элементов, позволяющих комплексно изучить их внутреннюю сущность, вы-

явить закономерности развития и предложить прогностический инструментарий, позволяющий обосновать возможности и перспективы развития объекта исследования.

Теория сбалансированного развития экономических систем в явном и неявном виде начала формироваться с оформлением обособленных экономических систем как формы локализации групповых и индивидуальных интересов, связанных с производством, обменом, распределением и потреблением экономических благ. Уже в древних государствах применялись методы расчетов продовольственных балансов, потребности в ресурсах и распределения их ограниченного объема, государственного регулирования экономических процессов и др. Но особое значение проблема обеспечения сбалансированного развития экономических систем различного уровня приобрела в условиях разрушения натурального хозяйства и становления капиталистической системы общественного производства.

Проследив эволюцию теории сбалансированного развития экономических систем, А.В. Тебекин и М.С. Анастасов [296] провели ее периодизацию, выделив в качестве основных периодов этапы экономического развития системы общественного производства (рисунок 8). В рамках этой периодизации ее авторы исключили из рассмотрения социалистический способ организации системы общественного производства, для которого в качестве приоритетного объекта балансирования использовалось соотношение между ресурсными возможностями системы народного хозяйства и потребностями общества, предполагающее тотальное государственное управление процессами производства, обмена, распределения и потребления экономических благ на всех уровнях иерархии. Но оценка приоритетных объектов балансирования для всех стадий развития капитализма позволяет проследить эволюцию взглядов на обеспечение сбалансированного развития экономических систем исходя из сущностных характеристик каждого из выделенных периодов развития капиталистических отношений.

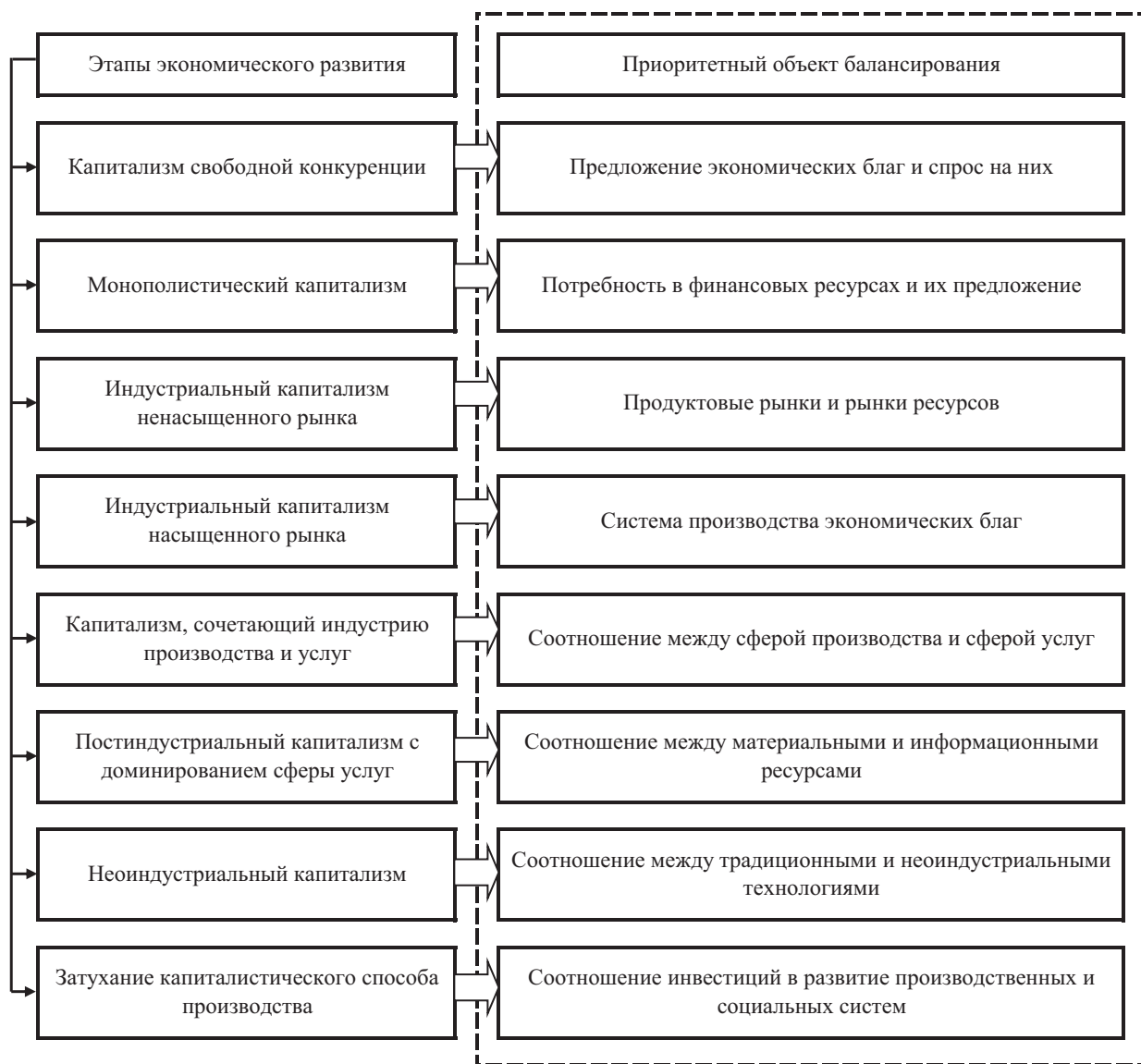

Рисунок 8 – Этапы развития теории сбалансированного развития экономических систем [296]

В целом соглашаясь с приведенной периодизацией развития теории сбалансированного развития экономических систем, хотелось бы отметить, что акцентирование внимания на приоритетных объектах балансирования, определяемых спецификой каждого этапа развития капитализма, несколько затенило значение универсального для всех периодов объекта балансирования – субъектов, формирующих экономически системы и различным образом влияющих на ее функционирование.

Концепция сбалансированного развития агропродовольственных систем, являющихся одной из разновидностей территориально-

отраслевых комплексов, базируется на необходимости разрешения проблемы одновременной противоречивости и тождественности экономических интересов субъектов, входящих в состав систем данного типа. По мнению А.Ю. Гончарова и И.Ю. Чупровой [61], именно наличие дуализма экономических интересов создает объективные предпосылки позиционирования интересов групп субъектов, заинтересованных в обеспечении устойчивого и сбалансированного развития территориально-отраслевых систем. Достижение конкретных целей конкретных групп субъектов, в конечном счете, позволит обеспечить достижение целей всех остальных элементов территориально-отраслевого объединения и баланс экономических интересов взаимодействующих субъектов.

Признавая сложность и неоднозначность задач балансирования интересов взаимодействующих субъектов, Ю.П. Анискин [14] полагает, что в рамках управления сбалансированным развитием сложных социально-экономических систем следует принципиально пересмотреть всю концепцию организации управления их развитием. На смену модели управления субъектами, имеющими устойчивые интересы (management of stakeholders), должна придти модель управления с непосредственным участием субъектов, имеющих устойчивые интересы (stakeholders management), что позволит кардинально изменить подходы к балансированию интересов субъектов, имеющих различное влияние на процессы развития системы. При этом устойчивость и сбалансированность развития будут обеспечиваться на основе непрерывного поддержания оптимальных пропорций и соотношений между элементами системы, потребляемыми ресурсами, видами производимой продукции, и т.п. Следует также отметить, что оптимальные параметры пропорций и соотношений определяются исходя из возможностей и интересов отдельных субъектов, формирующих экономическую систему, и их групп и с учетом наличия у управляющей подсистемы эффективных механизмов воздействия на элементы системы с целью обеспечения сбалансированного развития и устойчивого воспроизводства системы и ее сущностных свойств и качеств.

Б.Е. Одинцов и А.Н. Романов [205] считают необходимым обратить внимание на определенную противоречивость таких категорий как «развитие» и «сбалансированность», отражающих, по их мнению, два противоположных состояния системы. Если развитие в их трактовке представляет как процесс непрерывных изменений, связанных с переходом системы из одного состояния в другое, то стабильность они определяют как способность системы противодействовать возмущениям внутренней и внешней среды и обеспечивать возврат системы в состояние равновесия. В их понимании основная задача управления развитием экономических систем заключается в достижении компромисса (обеспечении баланса) между развитием системы и ее стабильностью на всех этапах эволюции. Они справедливо отмечают, что равновесных экономических систем не существует в силу их открытости и естественных непрерывных изменений условий их функционирования и существенного влияния на процессы их развития субъективного фактора, определяемого уровнем компетенции управляющей подсистемы и ее способностью эффективно воздействовать на управляемую подсистему.

На наш взгляд, трактовать сбалансированность как частный вид равновесного состояния системы не вполне корректно. Сбалансированным может быть не только статичное состояние системы в каждый конкретный момент времени, но и сам процесс, поскольку процесс развития вполне можно рассматривать как непрерывное изменение статистических состояний системы в рамках ее изменения с целью адаптации системы к колебаниям среды функционирования и регулирования различных пропорций и параметров, позволяющих удерживать систему на оптимальной траектории развития.

Достаточно дискуссионной представляется позиция некоторых авторов [273], считающих, что устойчивость и сбалансированность отличаются друг от друга настолько, насколько задача сохранения заданного состояния отличается от задачи соблюдения заданных пропорций и обеспечения текущей ситуации заданным условиям. Такой подход правомерен лишь для статичных состояний системы, тогда

как сбалансированное развитие экономических систем предполагает постоянную корректировку пропорций и соотношений и управление их изменениями с целью достижения поставленных целей. Да и содержание термина «устойчивость» можно раскрывать через «сохранение заданного состояния» применительно к экономическим системам и экономическому развитию методологически неверно, поскольку неизменность состояния противоречит самой идеи развития как способа положительных изменений экономических систем.

Для управления процессами удержания экономических систем на оптимальной траектории развития ряд исследователей [13, 42, 155, 331, 337] предлагает использовать, так называемую, систему сбалансированных показателей (Balanced Scorecard – BSC), которая, по их мнению, представляет собой эффективный инструмент формализации стратегических целей развития экономической системы в тактические и оперативные цели и формирования объективных индикаторов, позволяющих отслеживать отклонения системы от траектории оптимального развития.

Очень часто в современной литературе [62, 101, 273] при описании системы индикаторов, применяемых для оценки сбалансированного развития используют показатели, характеризующие результативность и эффективность функционирования экономической системы того или иного уровня (например, рост объемов производства экономических благ в стоимостном или натуральном выражении, объема инвестиций, производительности труда, фондоотдачи, рентабельности производства и т.п.). На наш взгляд, эти показатели лишь опосредованно характеризуют уровень сбалансированности системы и ее развития, но в виду сложности оценки конкретных внутрисистемных пропорций и соотношений, отсутствия общепризнанных методик их нормирования, обоснования допустимых отклонений от оптимальных значений и степени их взаимовлияния, такой подход, по сути, является единственно возможным для общей оценки уровня сбалансированности системы, хотя рост результативности и эффективности ее функционирования может достигаться за счет влияния других факто-

ров на фоне растущих противоречий, обусловленных нарастанием внутрисистемных дисбалансов. Одна их сложностей управления процессами обеспечения сбалансированного развития систем как раз и заключается в выявлении таких дисбалансов на ранних стадиях их возникновения и осознании причин их проявления и оценки глубины возможных последствий.

Идеально сбалансированной агропродовольственной системой представляется система, охватывающая всю продуктовую цепочку: от производства сельскохозяйственного сырья, до производства конечных продуктов и их доведения до конечного потребителя. Очевидно, что в реальной экономике таких идеально сбалансированных систем практически нет, но тенденции углубления интеграционных отношений на лицо. При этом следует отметить, что на всех этапах развития системы общественного производства существуют объективные альтернативные тенденции, формирующиеся под влиянием конкретных институциональных и макроэкономических условий и в определенной мере ограничивающие желание и возможности хозяйствующих субъектов по усилению уровня интеграционных взаимосвязей.

Сбалансированные агропродовольственные системы обладают определенным набором свойств, присущим, как считает А.П. Суворова [288], любым целостным экономическим образованиям. К их числу относятся:

- относительно высокий уровень автономности, определяемый существующими ограничениями по формированию ресурсных, информационных, продуктовых и финансовых потоков, и организации внутрисистемных взаимодействий;

- достижение определенного уровня концентрации производства позволяет существенно повысить уровень рыночного влияния агропродовольственной системы и влиять на содержание отношений как с партнерами, так и с конкурентами;

- углубление интеграции в рамках технологических цепочек и усложнение межсубъектных связей обуславливает рост интенсивности информационных потоков и расширение круга управленческих

задач, связанных с поддержанием оптимальных пропорций развития и обеспечения баланса интересов взаимодействующих субъектов;

– глобальная задача обеспечения сбалансированного развития связана с балансированием системных интересов и индивидуальных интересов отдельных субъектов, входящих в состав агропродовольственных систем.

Одним из основных инструментов обеспечения организационной и технологической целостности экономических систем, в том числе и агропродовольственных, является интеграция, обеспечивающая сведение разрозненных элементов в единое целое, формирование единого экономического пространства и рационализацию внутрисистемных взаимодействий.

Сложность задачи обеспечения сбалансированного развития экономических систем объективно обусловила множественность подходов к исследованию данной проблемы. Сущностные характеристики некоторых подходов приведены на рисунке 8.

Теория сбалансированного развития экономических систем при рассмотрении в качестве объектов управления отдельных хозяйствующих субъектов и различного рода их интегрированных объединений должна учитывать методологические положения системно-интеграционной теории предприятия, разработанной Г.Б. Клейнером [111, 113].

Базовые положения данной теории связаны с тем, что:

– экономическая система представляется в виде пространственно локализованной структуры, реализующей функции производства товаров, выполнения работ и оказания услуг, позволяющих удовлетворить собственные потребности и потребности внешней среды, функционирующей в условиях естественного переплетения экономического, социального, институционального, рыночного, информационного, правового, культурного и других типов пространств, обуславливающих сложность ее внешней среды, и обеспечивающей реализацию интересов формирующих ее элементов;

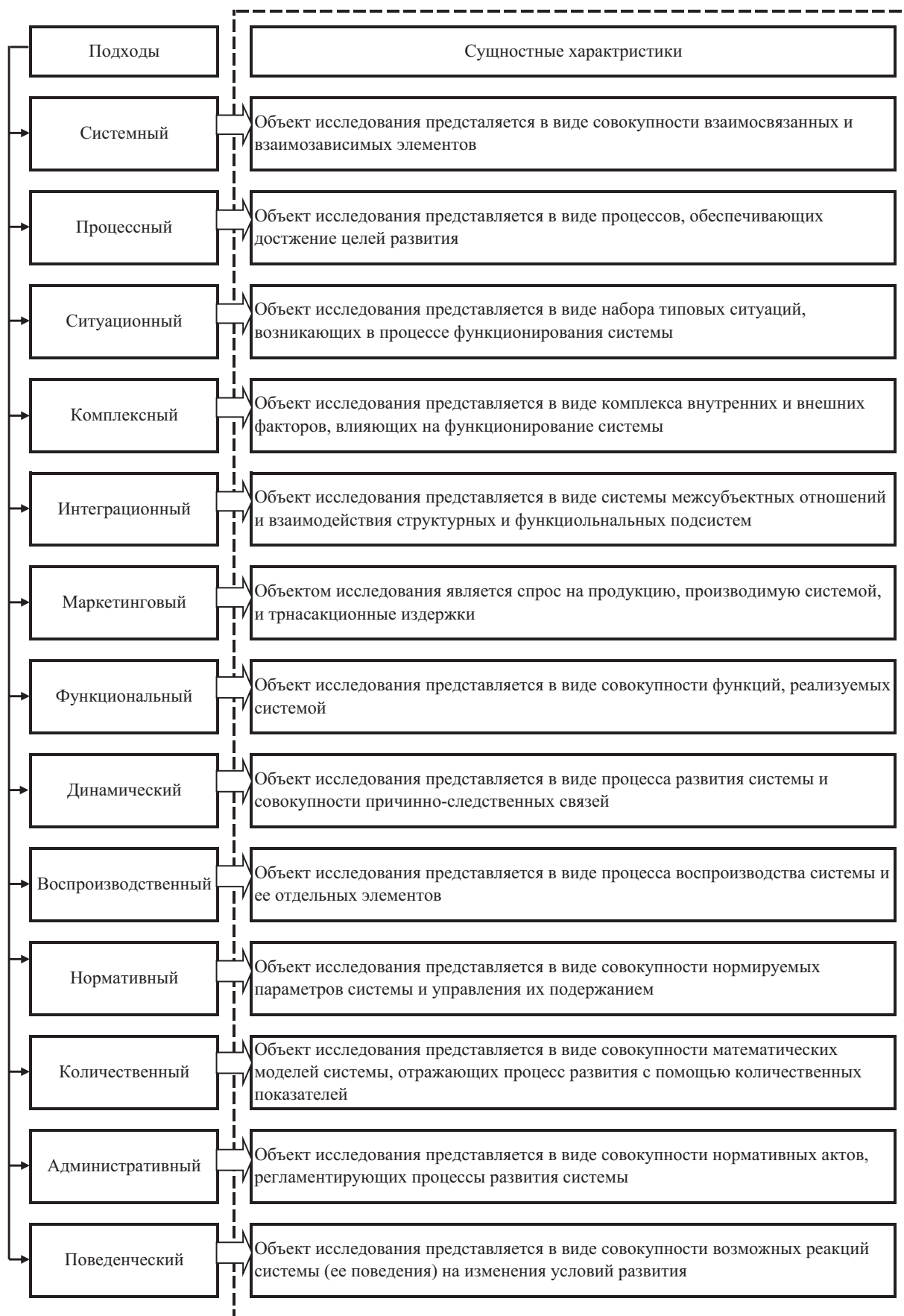

Рисунок 9 – Подходы к исследованию проблем сбалансированного развития и их сущностные характеристики [294]

– управление развитием экономических систем связано с организацией внутреннего пространства системы, взаимодействия с внешней средой, корректировкой границ системы, регулированием внутрисистемных отношений, совершенствованием внутрисистемной институциональной среды, формированием социально-экономического генотипа системы, определяющего ее характеристики через совокупность устойчивых «организационно-технологических рутин», обеспечивающих воспроизводство системы;

– каждой экономической системе, обладающей относительной независимостью, присуща юридическая, производственная, имущественная и организационная самостоятельность, а приоритеты развития связаны с реализацией ее собственных интересов и неправомерностью их сведения к интересам общества или отдельных субъектов внешней среды, так как баланс интересов должен достигаться на основе поиска взаимовыгодных компромиссов;

– полиструктурность и полисредовость внутреннего пространства экономической системы обуславливает сложность и многообразие связей системы с внешней средой и требует оптимизации форм межсистемных взаимодействий и постоянной корректировки траектории развития системы с целью достижения состояния внутренней сбалансированности и устойчивости относительно изменений внешней среды.

Исходя из постулатов системно-интеграционной теории, закономерности и сложности обеспечения сбалансированного развития экономических систем определяются совокупностью следующих принципов: системности (локализованная система функционирует в постоянном взаимодействии с другими локализованными системами и системами более высокого уровня), трансграничности (функционирование экономической системы связано с непрерывным взаимодействием внутренней и внешней среды), равновесности (равновесное состояние обеспечивается за счет компенсации сил давления внешней среды внутренней силой), неоднородности внутреннего пространства (внутреннее пространство формируется за счет факторов, дифферен-

цированных по уровню управляемости), факторной сложности (функционирование системы связано с выбором оптимальных комбинаций большого числа частично взаимозаменяемых факторов), конфигуративности управления (управление системой осуществляет группа субъектов, обладающих устойчивыми личными интересами и формирующих многоуровневую конфигурацию управленческих воздействий), потенциальной иррациональности (система управления допускает возможность принятия субъективных и иррациональных решений, связанных с уровнем компетентности лиц принимающих ключевые решения и их личной заинтересованности), неопределенности (обусловлен разнородным влиянием на систему значительного числа факторов с различным уровнем управляемости) и др.

Системно-интеграционная теория предполагает трактовать развитие экономической системы как динамически процесс, содержание которого определяется комплексным воздействием на систему факторов (под фактором понимается поток, который формируют относительно однородные по внутреннему содержанию и природе возникновения факты, устойчиво воздействующие на различные характеристики процесса), акторов (субъектов, осуществляющих совокупность дискретных действий, воспринимаемых взаимодействующими субъектами (актов), и генерирующими непрерывный поток этих действий), условий, описывающих комплекс внутренних и внешних обстоятельств развития системы) и событий (системно значимых фактов, наступление которых существенно влияет на развитие системы и изменение ее межсистемных связей). Именно совокупность фактов, акторов, условий и событий определяет содержание процессов обеспечения сбалансированного развития экономической системы и управления этими процессами.

Задача обеспечения сбалансированного развития экономических систем относится к компетенции стратегического управления в силу значимости и долгосрочного характера последствий решений, принимаемых с целью балансирования элементов системы и их параметров. Стратегия сбалансированного развития представляет собой способ

описания целей данного развития и средств их достижения, а структурная и функциональная сложность экономических систем требуют разработки частных стратегий, отражающих различные аспекты глобальной стратегии.

К числу основных частных стратегий развития, как правило, относят: товарно-рыночную, ресурсно-рыночную, институциональную, финансово-инвестиционную, технологическую, интеграционно-дезинтеграционную, социальную, управленческую, когнитивную, эволюционную, эвентуальную и другие стратегии [111].

В рамках обеспечения сбалансированного развития экономических систем территориально-отраслевого типа О.С. Дробкова [83] предлагает разрабатывать модели интеграционно-сбалансированного взаимодействия, предусматривающие организацию процессов и вертикальных, и горизонтальных взаимодействий хозяйствующих субъектов различных типов, объединенных на основе технологических, организационных и экономических взаимодействий. Особое внимание при этом, по мнению О.С. Дробковой следует уделять проблемам сбалансированного развития территориальных образований, поскольку в территориально-отраслевых системах, ориентированных на максимизацию экономического эффекта, приоритет отдается отраслевой компоненте, являющейся основным источником этого эффекта. В этой связи в качестве специфических объектов регулирования процессов развития выделять она предлагает выделять балансы между экономической и социальной компонентами, между экономической и экологической компонентами, баланс между финансовыми потребностями территориальных образований и возможностями муниципальных и местных бюджетов, между интересами предпринимательских структур и местных сообществ.

Заслуживает внимания подход, предложенный Г.Б. Клейнером [112] к раскрытию сущности сбалансированности экономических систем через обеспечение пропорциональности организационной, проектной, процессной и средовой подсистем, при этом организационная подсистема объединяет в себе все субъекты, формирующие экономи-

ческую систему, проектная подсистема отражает многообразие разного рода проектов, реализуемых в границах экономической системы, процессная подсистема интегрирует в себе бизнес-процессы, присущие конкретному типу экономических систем, а средовая подсистема – реализует функции институционального, инфраструктурного, информационного, ресурсного и других видов обеспечения и формирования единого экономического пространства.

Специфика агропродовольственных систем как объекта управления процессами обеспечения сбалансированного развития определяется следующими положениями:

– агропродовольственные системы, являясь частной формой организации территориально-отраслевых систем, требуют балансирования развития производственных и пространственных компонент;

– агропродовольственные системы представляют собой форму интеграционного взаимодействия разнородных хозяйствующих субъектов, взаимодействующих в рамках единых технологических цепочек, но преследующих индивидуальные и групповые экономические интересы;

– многообразие форм интеграционных отношений предполагает выбор такой из них, которая позволит в конкретных экономических условиях обеспечить баланс индивидуальных и групповых интересов, необходимый для эффективного развития агропродовольственной системы;

– в качестве объектов управления сбалансированным развитием агропродовольственных систем выступают хозяйствующие субъекты, формирующие их организационную структуру, сельские территории, определяющие их пространственный базис, и межсубъектные отношения, регламентирующие процессы внутрисистемных и межсистемных взаимодействий;

– структурная и функциональная сложность агропродовольственных систем обуславливает адекватного механизма координации развития всех формирующих ее элементов и наличия эффективных инструментов системного воздействия на них;

– сбалансированное развитие представляет собой непрерывный переход агропродовольственной системы из одного стабильного состояния в другое в соответствии с парадигмой развития данного типа систем и экономическими законами их эволюции;

– сбалансированное развитие агропродовольственной системы обеспечивается в процессе согласованного взаимодействия всех формирующих ее субъектов в результате достижения баланса их интересов при условии достижения целей развития всей системы;

– открытый характер агропродовольственных систем и высокий уровень турбулентности внешней среды требует формирования специальных механизмов, позволяющих с минимальными затратами адаптировать систему к изменениям среды функционирования за счет корректировки структурных и ресурсных пропорций и балансирования ее параметров;

– сложность и многофакторность взаимодействия агропродовольственных систем с внешней средой обуславливает адекватный уровень развития инфраструктурного обеспечения, формирующего среду межсистемных взаимодействий и условия достижения межсистемных балансов;

– сложность и многогранность межсубъектных отношений формируют повышенные требования к качеству институциональной среды и развитию институтов, обеспечивающих сглаживание противоречий, объективно существующих между субъектами агропродовольственных систем, и возможность достижения взаимовыгодных компромиссов между ними.

Методология обеспечения сбалансированного развития агропродовольственных систем предполагает раскрытие принципов управления сбалансированным развитием. Предлагается различать универсальные принципы, присущие всем формам развития, и специфические принципы, характерные для именно сбалансированного развития.

К универсальным принципам развития социально-экономических систем предлагается относить:

– принцип системности (предполагает рассмотрение всех элементов системы в их объективной взаимосвязи и взаимодействии);

– принцип изменчивости условий развития (изменчивость среды функционирования требует постоянных корректировок ключевых параметров системы);

– принцип эластичности (не все элементы системы способны эластично реагировать на изменения среды функционирования и обуславливают необходимость координации их реакции);

– принцип инерции (система начинает реагировать на управляющие воздействия с определенным запозданием, что снижает эффективность оперативного управления процессами развития);

– принцип параллельности (параллельное протекание в системе совокупности разнородных процессов требует их постоянного согласования);

– принцип стабилизации (система стремится достичь стабильного состояния и минимизации затрат ресурсов на его поддержание, требуя генерации значимых для нее импульсов развития);

– принцип институционализма (условия развития системы определяются качеством институциональной среды);

– принцип структурных изменений (структурные изменения являются одним из основных инструментов адаптации системы к изменениям условий развития);

– принцип концентрации ресурсов (предполагает наличие «точек роста», обеспечивающих ускорение темпов развития системы при определенном уровне концентрации ресурсов и усилий);

– принцип непрерывности воспроизводства (развитие рассматривается как совокупность воспроизводственных процессов, обеспечивающих динамическую устойчивость системы и сохранение ее целостности);

– принцип рациональности (все изменения системы должны быть рациональны с позиций достижения поставленных целей);

– принцип эффективности (совокупный результат функционирования должен превышать затраты на развитие на установленных временных интервалах).

К специфическим принципам сбалансированного развития социально-экономических систем относятся:

– принцип адекватности целей (цели развития системы должны быть адекватны потенциалу развития);

– принцип гармоничности (обеспечивает минимизацию противоречий между субъектами, формирующими социально-экономическую систему);

– принцип компромиссности (цели развития системы должны отражать компромисс между интересами субъектов системы);

– принцип баланса интересов (каждый субъект должен удовлетворить свои базовые потребности и претендовать на долю синергетического эффекта, отражающую его вклад в процесс развития системы);

– принцип вертикального и горизонтального балансирования (в иерархических системах возникает необходимость балансирования интересов субъектов, взаимодействующих как по вертикали, так и по горизонтали);

– принцип сбалансированности ресурсного потенциала (ресурсные пропорции системы должны обеспечивать максимальный уровень эффективности сочетания ресурсов, вовлекаемых в процесс производства);

– принцип адекватности структурных пропорций (изменения ресурсных пропорций должны быть адекватны изменениям среды функционирования и обеспечивать оптимальность сочетания факторов производства);

– принцип оптимальности структуры системы (структура системы должна обеспечивать максимальный уровень эффективности использования ресурсного потенциала);

– принцип сбалансированности ресурсного обеспечения (распределение ресурсов между структурными элементами системы должно

происходить исходя из их места в системе и круга реализуемых задач);

– принцип сбалансированности финансового обеспечения (финансовые возможности системы должны быть адекватны ее потребностям в ресурсах).

Совокупность данных принципов отражает уровень сложности и масштабность задач, связанных с обеспечением сбалансированного развития социально-экономических систем, и объективно обуславливает необходимость формирования специальных организационно-экономических механизмов, ориентированных на решение данной проблемы, и разработки системы индикаторов, позволяющих оценивать уровень сбалансированности систем как в статике, так и в динамике их развития.

Заслуживает внимания подход к рассмотрению экономических систем как совокупности неких пространств, предложенный С.В. Белоусовой [28]. В качестве таких пространств она предлагает выделять пространства субъектов и объектов, пространства отношений, пространства процессов и пространство свойств. Такой подход позволяет в определенной мере систематизировать совокупность балансов и пропорций, отражающих разные аспекты развития экономических систем, понять их взаимосвязь и осознать их причинно-следственную взаимозависимость. При этом каждый из выделяемых типов пространств характеризуется собственными структурой и системой балансов. Например, пространство субъектов и объектов отражает организационную структуру системы и системы управления ею, определяя порядок формирования балансов ресурсов, производства экономических благ и распределения полученного эффекта; пространство отношений связано с формированием балансов интересов субъектов, образующих систему, в соответствии с выбранными идеологией, формой и принципами системной интеграции; пространство процессов предполагает рассмотрение процесса развития как совокупности частных процессов (в ряде случаев используют термин «бизнес-процессы»), определения их роли в формировании результатов разви-

тия системы и необходимости корректировки соотношений между ними; пространство свойств экономических систем отражает соотношения между их ключевыми свойствами (структурированность, связность, неоднородность, открытость, иерархичность, способность к развитию, самоорганизация, и др.), определяя тип системы, уровень сложности, целевую ориентацию, производственное направление, уровень экономической независимости и др.

На наш взгляд, предложенный подход к рассмотрению экономических систем как совокупности взаимосвязанных пространств, должен быть дополнен пространством, рассматриваемым территорией, формирующей географический (пространственный) базис экономической системы, требующим балансирования развития локализованных территориальных образований, и информационным пространством, обеспечивающим информационное взаимодействие элементов системы, взаимосвязь управляющей и управляемой подсистем, а также баланс между потребностью в достоверной и релевантной информации и ее наличием.

Исследование сущности процессов сбалансированного развития экономических систем, существующих причинно-следственных связей и совокупности внутрисистемных и межсистемных балансов, необходимых для обеспечения равновесного состояния системы на всей траектории ее развития, позволило установить и сформулировать экономический закон сбалансированного развития экономических систем: сбалансированное развитие экономической системы осуществляется в форме непрерывного процесса перехода системы из одного равновесного состояния в другое за счет достижения межсистемных и внутрисистемных балансов, обеспечивающих реализацию интересов взаимодействующих субъектов и уровень эффективности, необходимый для воспроизводства системы и ее системных свойств.

Действие данного экономического закона зависит от формы организации экономической системы, ее структурной и функциональной сложности, доминирующей формы собственности на средства производства, уровня развития межсубъектных отношений, наличия и

глубины внутрисистемных противоречий, качества институциональной среды, уровня государственного воздействия на экономические процессы, уровня интеграции экономической системы в единое экономическое пространство, уровня нестабильности внешней среды и ряда других условий. Следует отметить, что реализация данного закона происходит как силу способности экономических систем к самоорганизации, так и за счет использования механизмов корректировки внутрисистемных пропорций и соотношений, а сбалансированное развитие является естественным объектом управления в экономических системах всех уровней.

2.2. Специфика организации процессов управления сбалансированным развитием агропродовольственных систем

Каждая система организует управление исходя из стратегии своего развития, специфики своего строения и реализуемых функций, уровня компетенции высшего менеджмента и определенной методологии формирования управляющей подсистемы, отражающей подходы к управлению, совокупность положений и принципов, определяющих особенности построения системы управления и набор методов и инструментов, позволяющих эффективно управлять процессами развития.

В настоящее время сложилось множество подходов к управлению экономическими системами, основные из которых приведены на рисунке 10.

В контексте системного подхода система рассматривается как совокупность элементов, взаимосвязь которых порождает возникновение новых системных свойств и синергетического эффекта, при этом взаимодействие управляющей и управляемой подсистем реализуется через систему устойчивых прямых и обратных связей.

Функциональный подход предполагает рассмотрение управления в контексте реализации его основных функций в рамках их распределения и закрепления за элементами системы и обеспечения координации их взаимодействия.

Рисунок 10 – Обобщенные подходы к управлению экономическими системами

Процессный подход предполагает представление управления как совокупности управленческих процессов и процессов функционирования системы, каждый из которых рассматривается как самостоятельный объект управления.

Комплексный подход предполагает учет всей совокупности внешних и внутренних факторов, определяющихся организационно-экономическими, административно-политическими, социально-демографическими, технико-техническими, эколого-природными и другими особенностями развития системы.

Интеграционный подход ориентирован на приоритетности управления совокупностью горизонтальных и вертикальных взаимо-

связей между элементами системы и повышения эффективности межэлементных взаимодействий.

В рамках маркетингового подхода на первый план выдвигается управление адаптацией системы к потребностям потребителей и максимально полному учету их изменений за счет корректировки не только отдельных параметров системы, но и даже ее структуры и функций.

Сущность динамического подхода заключается в исследовании изменений управляемой подсистемы во времени, установлении тенденций и закономерностей и выявлении причинно-следственных связей, позволяющих прогнозировать дальнейшую траекторию ее развития.

Идеология воспроизводственного подхода связана с приоритетностью задач воспроизводства экономической системы и внутрисистемных связей при сохранении ее структурной и функциональной целостности на основе корректировки воспроизводственных пропорций.

Содержание нормативного подхода связано с использованием широкой базы нормативов, описывающих желаемое состояние управляемой подсистемы, а также ее отдельных элементов, и процессов перехода их одного состояния в другое, позволяющей отслеживать все отклонения системы от оптимальной траектории ее развития.

Оценочный подход предполагает использование методов количественной оценки результатов реакции системы на управленческие воздействия и выбора рациональных путей повышения эффективности развития системы.

Административный подход связан с жесткой регламентацией всех действий управленческих работников, их функций, полномочий, обязанностей и прав, параметров системы на разных стадиях ее развития, документального обеспечения всех процессов функционирования системы.

В рамках поведенческого подхода акцент делается на управлении поведением работников за счет формирования и использования

эффективной системы материальных и моральных стимулов, позволяющих учесть индивидуальный потенциал каждого работника и его личные интересы.

Сущность ситуационного подхода заключается в комбинировании методов и инструментов управления в зависимости от складывающейся ситуации, обусловленной объективными изменениями внешней и внутренней среды функционирования.

Программно-целевой подход базируется на обосновании системы глобальной и локальных целей развития системы и разработке целевых программ, обеспечивающих достижение поставленных за счет выделения необходимого объема ресурсов.

В контексте логистического подхода основным объектом управления предстают материальные потоки системы, связанные с процессом производства материальных благ, и их отдельные фазы, что позволяет повысить организационно-экономическую и технико-технологическую интеграцию элементов производственной системы и минимизировать затраты, связанные с ее функционированием.

В основе субстратного подхода лежит так называемая субстратная оптимизация, предполагающая наличие неких субстратов (основ построения экономических систем, описываемых с помощью количественных показателей), оказывающих значимое влияние на реализацию целевой функции управления, и проведение их структурной оптимизации в рамках выбора оптимальной стратегии развития.

Органический подход предполагает рассмотрение системы как некоего организма, развивающегося в окружающей среде и обладающего рядом свойств, присущих живым организмам (саморазвитие, самоорганизация, адаптация, рефлексия и др.).

Ресурсный подход связан с концентрацией управленческих усилий на процессах ресурсного обеспечения системы, формирования оптимальных ресурсных пропорций и обеспечении максимально эффективного уровня преобразования ресурсов в экономические блага.

В рамках эвристического подхода управление рассматривается, в первую очередь, как процесс продуктивного творческого мышле-

ния, связанный с выработкой управленческих решений на основе использования новых, нестандартных подходов к решению типовых задач управления.

Адаптационный подход выдвигает на первый план управление процессами адаптации системы к постоянным изменениям внешней среды и повышению эффективности формирования адаптационного механизма системы и его использования.

Тектологический подход базируется на приоритетности рассмотрения управления системой и протекающих в ней процессов с точки зрения организации управления с учетом специфики процессов, непрерывности их протекания и объективной взаимосвязи друг с другом.

Очевидно, что в реальной экономике ни один из перечисленных выше подходов не используется в отрыве от других подходов, но при организации управления (обосновании структуры и функций управляющей подсистемы, распределении компетенций и полномочий между ее элементами, регламентации каналов прямых и обратных связей, организации информационных потоков и подсистемы информационного обеспечения, выборе рациональных методов и инструментов управления и др.) применение каждого из них позволяет более детально изучить тот или иной аспект формирования общесистемного механизма управления и его отдельных элементов.

Сложность организации процессов управления в значительной мере определяется сложностью управленческих отношений, которая, по мнению Л.П. Васильевой [44], связана с двойственным характером их проявления: с одной стороны эти отношения обусловлены объективностью процессов управления, а с другой – носят субъективную природу в силу субъективности источника принятия управленческих решений.

Ключевые характеристики управленческих отношений формируются исходя из следующих положений

– управление – это естественный, неотъемлемый объективный атрибут экономических систем всех уровней, реализуемый с помощью системы управленческих отношений;

– управленческие воздействия являются результатом осознанного и целенаправленного управленческого труда, связанного с реализацией основных, общих и специфических функций управления;

– основные функции управления связаны с реализацией значимых общесистемных задач (экономические, социальные, административные, культурные, политические и др.), общие – с осуществлением любых управленческих процессов (планирование, прогнозирование, учет и анализ, регулирование, координация и др.), специфические (обеспечивающие) – с обеспечением условий реализации основных и общих функций (управление производством, управление ресурсным обеспечением, управление сбытом, управление персоналом, бухгалтерский учет, маркетинг и др.);

– циклический характер и неравномерность развития экономических систем требуют выделения в качестве специфической функции управления обеспечения сбалансированности развития элементов системы и корректировки ресурсных пропорций, обеспечивающих адаптацию системы к изменениям среды функционирования;

– управленческий процесс организуется субъектами управленческих отношений, что обуславливает индивидуализированный характер каждого принимаемого управленческого решения и индивидуальную ответственность каждого субъекта;

– управленческие отношения формируются в виде совокупности формальных (регламентируемых должностными инструкциями, положениями и другими документами и актами) и неформальных (строющихся на личных отношениях между субъектами) взаимодействий;

– структурная и функциональная сложность объектов управления требует наличия системы управления с адекватной структурой и системой линейных и функциональных связей;

– рациональность системы управления определяется адекватностью уровня ее сложности, способом распределения полномочий и компетенций, исключением дублирования функций и уровнем затрат, связанных с поддержанием работоспособности системы управления;

– информационная природа управления (управление невозможно без обмена информацией между управляемой и управляющей подсистемами по каналам прямой и обратной связи) обуславливает необходимость формирования и поддержания в актуальном состоянии подсистемы информационного обеспечения управления.

Организация процессов управления сбалансированным развитием агропродовольственных систем наряду традиционными требованиями к формированию рациональной управляющей подсистемы, характерными для экономических систем всех типов и уровней, должна учитывать особенности как объекта управления (агропродовольственные системы), так и предмета управленческого воздействия (сбалансированное развитие).

Специфика агропродовольственных систем как объекта управления определяется целым рядом факторов, усложняющих механизм управления и требующих выделения дополнительных ресурсов, необходимых для компенсации их негативного воздействия. К числу таких факторов можно отнести:

– многофункциональный характер сельского хозяйства и сельских территорий, обуславливающий необходимость отвлечения части ресурсов из производства для реализации остальных функций (социальной, демографической, экологической, инновационной, информационной, инфраструктурной, рекреационной и др.) и участие в управлении процессами их рационального использования;

– высокий уровень зависимости сельского хозяйства от природно-климатических условий, требующий наличия и эффективного использования инструментов риск-менеджмента, позволяющих либо осуществить трансферт основных видов рисков, либо локализовать их последствия, либо диверсифицировать производственную систему, либо по возможности уклониться от некоторых рисков; либо иметь средства компенсировать потери в случае неблагоприятных исходов при наступлении рискованных ситуаций;

– естественные колебания объемов производства сельскохозяйственной продукции под влиянием погодных условий и рыночной

конъюнктуры, создающие определенные проблемы формирования сырьевых зон перерабатывающих предприятий и обострения конкуренции за сырье в отдельные годы и приводящие к росту доли постоянных издержек в себестоимости конечной продукции и росту производственных затрат;

– сезонность аграрного производства, обуславливающая необходимость развития инфраструктуры заготовки, транспортировки и хранения (особенно для скоропортящейся продукции) для обеспечения ритмичности работы перерабатывающих предприятий и управления товарными потоками исходя из сезонных колебаний цен по каналам реализации;

– многоотраслевой характер значительной части сельскохозяйственных производителей, предполагающий развитие интеграционных связей с перерабатывающими предприятиями разной производственной направленности и их разнонаправленное влияние на формирование отраслевой структуры хозяйствующих субъектов аграрной сферы;

– узкая специализация перерабатывающих предприятий, ограничивающая возможности их полной интеграции с сельскохозяйственными производителями, имеющими многоотраслевой характер и требующая выделения ресурсов для развития отраслей аграрного производства, не являющихся основными для предприятий-интеграторов;

– высокий удельный вес в структуре аграрного сектора малых и средних форм хозяйствования, обусловленный историческими традициями, сельским образом жизни, относительно низкой инвестиционной привлекательностью отдельных ниш сельскохозяйственного производства для крупного бизнеса, сложностью трудоустройства в сельской местности, низким уровнем доходов сельского населения;

– низкий уровень развития производственной и потребительской кооперации средних и мелких сельскохозяйственных производителей, обуславливающий низкий уровень их рыночного влияния при росте диктата со стороны крупных субъектов аграрных рынков, затрудня-

ющий консолидацию их экономических интересов и ограничивающий возможности реализации их ресурсного потенциала;

– низкая инновационная активность субъектов среднего и малого агробизнеса, ограничивающая возможности потенциала их развития, эффективность развития агропродовольственных систем районного, регионального и макроэкономического уровня и требующая приложения значительных усилий для модернизации их технико-технологической базы;

– неограниченный рост уровня концентрации земли и аграрного капитала, обусловивший несовпадение экономических пространств, контролируемых крупными компаниями и сформированных в границах административно-территориальных образований, что существенно усложняет комплексного решения задач балансирования территориального и отраслевого развития;

– приоритетность государственной поддержки крупного агробизнеса, приводящая к сокращению занятости сельского населения и падению уровня его доходов, росту антропогенной нагрузки на агроландшафты, ухудшению экологической ситуации;

– ускорение темпов развития агропромышленной интеграции, обусловленное ростом государственной поддержки реализации крупных экономически и социально значимых инвестиционных проектов в условиях ограниченности ресурсов и неустойчивым финансовым положением значительной части хозяйствующих субъектов аграрной сферы, не способных развиваться самостоятельно без поддержки предприятий-интеграторов;

– деформированность рынка аграрного труда, обусловленная «избыточностью» трудовых ресурсов в сельской местности, несоответствия их качества потребностям работодателей, фрагментарностью системы профессиональной подготовки и переподготовки работников сельского хозяйства;

– отток предпринимательно активного населения из села, происходящий в силу существенного разрыва в качестве жизни сельского и

городского населения и уровне их доходов и обуславливающий углубление демографических диспропорций;

– рост иждивенческих и патерналистских настроений и нарастание социальной эксклюзии, обусловленные потерей веры в возможное улучшение жизни в будущем и утратой потребности в труде как источнике получения доходов и т.п.

Совокупность основных факторов, определяющих специфику агропродовольственных систем как объекта управления, отражена на рисунке 11.

Следует также отметить, что специфика агропродовольственных систем регионального уровня определяется под влиянием таких факторов, как:

- уровень развития региональной экономической системы;
- производственной, рыночной, информационной, инновационной и других видов инфраструктуры;
- дифференциация территории по уровню социально-экономического развития;
- структура аграрного сектора региона;
- уровень хозяйственной освоенности сельской местности;
- природно-климатические условия;
- наличие региональных программ поддержки развития отдельных отраслей сельского хозяйства и сельских территорий и др.

Для агропродовольственных систем межрегионального уровня, сформированных крупными компаниями в рамках развития агропромышленной интеграции холдингового типа, или межсубъектных объединений производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции более низкого уровня в качестве дополнительных факторов, определяющих специфику управления ими, выступают:

- уровень концентрации производства и капитала;
- пространственная протяженность объединения;
- сложность организационной структуры агропродовольственной системы;

Рисунок 11 – Факторы, определяющие специфику агропродовольственных систем как объекта управления

- сложность отраслевой структуры агропродовольственной системы;
- длина и сложность существующих технологических цепочек;
- форма взаимодействия субъектов, формирующих агропродовольственную систему,

- уровень экономической самостоятельности субъектов, формирующих агропродовольственную систему;
- уровень развития системы межсубъектных взаимодействий;
- уровень развития подсистемы инфраструктурного обеспечения;
- уровень информатизации и цифровизации системы управления;
- качество системы информационного обеспечения управления;
- уровень квалификации управленческого персонала и др.

Специфика сбалансированного развития агропродовольственных систем как предмета управленческих воздействий определяется, в первую очередь, целями управления и особенностями балансирования развития агропродовольственных систем.

Глобальная цель агропродовольственной системы макроуровня может быть определена как обеспечение продовольственной безопасности страны на основе формирования условий, обеспечивающих сбалансированное и устойчивое развитие всех элементов агропродовольственного комплекса страны, поддержание его оптимальной структуры, сглаживание системных противоречий и возможность реализации экономических интересов всех субъектов агропродовольственной системы.

На современном этапе общественного развития предметная область управления сбалансированным развитием агропродовольственных систем различного уровня может быть представлена в виде совокупности следующих элементов:

- структура системы и пропорции развития ее территориальных и отраслевых элементов, обеспечивающие целостность системы в динамике и ее воспроизводство в постоянно корректирующихся пропорциях;
- ресурсы, потребляемые системой, и пропорции их распределения, ориентированные на создание условий их максимально эффективного использования и роста эффективности функционирования самой системы;
- пропорции развития отраслей аграрного производства, позволяющие максимально эффективно использовать природно-климати-

ческий, ресурсный и другие потенциалы локализованных территориальных образований;

– пропорции распределения инвестиционных ресурсов, необходимые для реализации стратегии развития системы с учетом приоритетности развития отдельных отраслей и территориальных образований;

– структура аграрного сектора и ее адекватность уровню социально-экономического развития отдельных территорий, обеспечивающая оптимальность сочетания крупных, средних и малых форм ведения аграрного производства;

– соотношение между источниками покрытия потребности общества в продовольственных ресурсах с учетом их общественной эффективности, собственных производственных возможностей системы и достижения установленного уровня продовольственной безопасности;

– соотношение между спросом на сельскохозяйственную продукцию и продовольственные товары и их предложением, необходимое для удовлетворения потребности населения в основных видах продуктов питания и ориентирующее систему на обеспечение продовольственной безопасности страны;

– пропорции между производством сельскохозяйственной продукции и ее переработкой, ориентированные на максимальную загрузку производственных мощностей перерабатывающих предприятий с учетом общественной эффективности различных схем распределения продукции аграрного сектора;

– соотношение между спросом на услуги инфраструктурного обеспечения и их предложением, необходимое для обеспечения непрерывности функционирования всех элементов агропродовольственных систем, минимизации потерь произведенной продукции и производственных затрат и др.

Очевидно, что специфика предметной области будет определяться исходя из уровня агропродовольственных систем и задач их развития, но в общем случае поддержание сбалансированности их развития будет обеспечиваться через управление изменениями струк-

туры системы и ее ресурсных пропорций с учетом особенностей продуктовой специализации и формы экономических, организационных и технологических взаимодействий субъектов, формирующих конкретную агропродовольственную систему.

Управление изменениями как одна из моделей управления развитием агропродовольственных систем предполагает формирование специальных механизмов, обеспечивающих адаптацию системы к непрерывным изменениям среды функционирования. Исходя из инструментов, обеспечивающих приспособление системы к данным изменениям, можно выделить параметрическую (корректировка отдельных параметров функционирования системы), структурную (корректировка структуры системы), поведенческую (корректировка поведения системы в рамках межсистемных отношений), ориентационную (корректировка локальных, а некоторых случаях и глобальной, целей развития), пространственную (корректировка границ контролируемого системой экономического пространства) формы адаптации, различные сочетания которых и позволяют управлять процессами достижения сбалансированности развития системы и поддержания оптимальных пропорций ее воспроизводства.

Формирование механизмов управления процессами развития всех типов социально-экономических систем происходит под влиянием институциональной среды и эффективности имеющихся институтов развития. Институциональная среда традиционно рассматривается как совокупность совместно действующих формальных и неформальных правил и ограничений, а также механизмов, формирующих условия их соблюдения. Институциональная среда выступает в роли своеобразного императива, обеспечивающего возможность осознанного управления развитием системы в условиях прогнозируемых изменений среды функционирования и поведения субъектов, формирующих систему и ее внешнюю среду. Системность институциональной среды обеспечивается за счет сбалансированности совокупности общественных институтов и уровня самокоординации институциональных факторов, определяющих условия развития социально-экономических

систем различных типов и уровней и специфику моделей организации управления ими.

Институциональная среда постоянно эволюционирует, отражая изменения общественных потребностей и политики государства в отношении развития макроэкономической системы и ее отдельных элементов. К числу основных факторов, оказывающих существенное влияние на структуру институциональной среды в современной России, предлагается относить:

– смещение вектора политики государства в пользу стратегии «поляризованного» развития, при отказе от концепции «выравнивающего» развития, за счет формирования полюсов (точек) роста и перехода к качественно иным моделям пространственного развития страны и отдельных территориально-отраслевых систем;

– существенный рост уровня государственной поддержки развития отдельных отраслей и сфер системы общественного производства в рамках принятых национальных проектов и предъявления новых требований к системе общественных институтов, в первую очередь, к институтам развития;

– готовность государства к развитию системы государственно-частного партнерства для решения социальных проблем развития отдельных территорий и поиску механизмов балансирования интересов бизнес-структур и социума локализованных территорий, экономическое пространство которых контролируют эти бизнес-структуры;

– ограниченные возможности значительной части хозяйствующих субъектов проведения технико-технологической модернизации и перехода к инновационной модели развития и неэффективность мер государственной поддержки малого и среднего бизнеса;

– осознание государством необходимости стимулирования развития кластерных форм взаимодействия субъектов в рамках территориально-отраслевых систем различного уровня и «мягкого» государственного воздействия на выбор стратегии их развития с учетом интересов всех взаимодействующих субъектов и др.

Особое место в системе общественных институтов занимают, так называемые, институты развития. По мнению Е.Н. Сидоровой и Д.А. Татаркина [270] в настоящее время в экономической литературе доминируют две основные позиции по поводу раскрытия сущности данного типа институтов. В рамках первого подхода институты развития выступают в виде структур, сформированных для решения круга задач, которые не могут быть решены в рамках чисто рыночного механизма. В рамках второго подхода институты развития рассматриваются, в первую очередь, не как специально сформированные структуры, а как естественные элементы национальной инновационной системы и ее институциональной среды, то есть как особые механизмы общественного воздействия на процессы развития через стимулирование инновационной активности хозяйствующих субъектов и обеспечение модернизации системы общественного производства. Но в любом случае основные функции институтов развития будут заключаться в формировании условий разработки крупных экономически и социально значимых проектов, организации их финансирования, оказания содействия по их реализации путем обеспечения доступа хозяйствующих субъектов к необходимым ресурсам (финансовым, производственным, информационным и др.) и оказания содействия по управлению инновационными и инвестиционными рисками. Следует отметить, что оба этих подхода, исходя из масштабности задач, акцентируют внимание на приоритетности формальных институтов, создающихся и функционирующих при непосредственном участии государства.

Аналогичной позиции придерживаются, например, О.Г. Солнцев, М.Ю. Хромов и Р.Г. Волков [280], определяющие институты развития как совокупность специализированных государственных (квазигосударственных) корпораций (компаний), создаваемых для преодоления «рыночных провалов», связанных с фрагментарностью рынка инноваций и инновационного процесса, устранения «институциональных провалов», связанных с низким уровнем эффективности координации деятельности субъектов в инновационной сфере, разви-

тия инфраструктуры инновационной системы (инфраструктуры развития), обеспечивающей оптимизацию системы межсубъектных взаимодействий; преодоления общественно значимых дисбалансов развития территорий, отраслей и других элементов системы общественного производства.

Сложность институциональной среды и многообразие функций институтов развития объективно порождает разнообразие подходов к их классификации. Так по объектам развития различают: универсальные (воздействуют на все отрасли общественного производства и сферы деятельности) и специализированные (ориентированы на поддержку конкретных отраслей и сфер) институты; по реализуемым функциям – инновационные (прямая поддержка инновационных процессов и общественно значимых инновационных проектов), финансовые (финансовое обеспечение процессов разработки и реализации общественно значимых инновационных проектов и частных инновационных инициатив), управленческие (управление имуществом в приоритетных для общества и государства секторах экономики и сферах деятельности), по степени охвата – институты федерального и регионального уровней и др. [239, 278, 369]

Заслуживает внимания подход к классификации институтов развития, предложенный О. Грозовой [69] (рисунок 12).

Особое внимание О. Грозова уделяет качеству взаимодействия формальных и неформальных институтов, выделяя четыре основных типа институциональных соответствий:

– согласованность воздействий формальных и неформальных институтов развития (уровень неформальных институтов обеспечивает эффективное функционирование формальных институтов и системность их воздействий на процессы развития);

– деформированность системы неформальных институтов и ограничивает возможности формальных институтов эффективному воздействию на инновационный процесс (наличие коррупции, неэффективность использования финансовых ресурсов, внедрение псевдоинноваций, возникновение дополнительных рисков и т.п.);

Рисунок 12 – Классификация институтов развития [69]

– неразвитость формальных институтов, ограничивающая инновационную активность хозяйствующих субъектов и обуславливающая угасание предпринимательской и инновационной инициативы, потерю стимулов и массовую «утечку мозгов»;

– фрагментарность и низкая эффективность как формальных, так и неформальных институтов развития не позволяет инициировать процессы технико-технологической модернизации экономики, осуществить массовый переход к новому технологическому укладу, сохраняя угрозу «технологического пата» не только для отдельных отраслей экономики и сфер деятельности, но и для системы общественного производства в целом.

Существующая система институтов развития в качестве приоритетных объектов развития рассматривает отдельные отрасли промышленности, сельское хозяйство, строительство, производственную и рыночную инфраструктуру, внешнюю торговлю, социальную сфе-

ру, проблемы территориального развития, систему научных исследований, образования и др. В качестве базовых институтов развития, как правило, выделяются универсальные и отраслевые банки развития, банки, ориентированные на обслуживание экспортно-импортных операций, различного рода инновационные фонды, узкоспециализированные фонды и агентства, особые экономические зоны, объекты инновационной инфраструктуры и т.п.

На официальном сайте Министерства экономического развития РФ [75] институты развития рассматриваются как катализаторы процессов привлечения частных инвестиций в приоритетные сектора и отрасли общественной системы производства и инструменты формирования инфраструктуры развития, способной обеспечить доступ хозяйствующих субъектов к ресурсам, необходимым для их эффективного развития в интересах общества. К основным институтам развития, действующим на территории Российской Федерации, относятся Инвестиционный фонд РФ, Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк), ОАО «Российская венчурная компания», АО «Агентство ипотечного жилищного кредитования», Российская корпорация нанотехнологий, Фонд содействия реформированию ЖКХ, ОАО «Российский сельскохозяйственный банк», ОАО «Росагролизинг», ОАО «Российский фонд информационно-коммуникационных технологий», Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере. Основные задачи данных институтов, по мнению специалистов Минэкономразвития РФ, связаны с развитием экономической и социальной инфраструктуры общества, инновационной системы страны; внешнеэкономической деятельности, поддержкой малого и среднего бизнеса, устранение дисбалансов развития территорий и отраслей. Региональные институты развития, создаваемые преимущественно в виде фондов поддержки инноваций, венчурных фондов, технопарковых структур, территорий опережающего развития и др., ориентированы, в первую очередь, на поддержку малого и среднего предпринимательства и преодоление технологического отставания отдельных отраслей и территорий.

Однако следует признать, что сложившаяся система институтов развития не смогла создать полноценной институциональной среды, адекватной задачам развития стоящим перед обществом. В качестве системных проблем функционирования российских институтов развития предлагается выделять:

- отсутствие специализации значительной части институтов развития и системы ответственности конкретных институтов за реализацию конкретных направлений развития экономики;

- низкий уровень координации деятельности различных институтов на различных этапах реализации инновационных проектов, приводящий к дублированию функций и образования институциональных лакун;

- низкий уровень результативности деятельности значительной части институтов развития при высоком уровне административных расходов, низкая прозрачность их деятельности и распределения бюджетных средств;

- низкий уровень общественного и государственного контроля за рациональностью и эффективностью бюджетных средств, распределяемых через институты развития;

- ограниченность использования нефинансовых инструментов стимулирования и поддержки инновационной деятельности, связанных с оптимизацией подсистем правового, административного, информационного, кадрового, научного, образовательного и других видов ее обеспечения;

- ограниченный набор инструментов стимулирования инновационной деятельности и развития эффективной системы стартапов, лимитирующий отбор потенциально привлекательных инновационных разработок и их дальнейшую коммерциализацию;

- ограниченность ресурсов государственной поддержки, обуславливающая их концентрацию на проектах с более низким уровнем рисков и отказ от потенциально более эффективных проектов, но с более высокими инвестиционными рисками;

– низкий уровень потенциала коммерциализации научной и образовательной среды и ее взаимодействия с отраслями реальной экономики и недостаточная эффективность существующей системы грантовой поддержки инновационных исследований;

– дефицит качественных общественно значимых инновационных проектов, требующих сквозной государственной поддержки: от разработки идеи проект, до тиражирования положительно зарекомендовавших себя инновационных решений;

– фрагментарность инновационной системы и ее инфраструктуры, усложняющая процессы формирования инновационных цепочек и не позволяющая в полной мере ликвидировать разрыв между спросом на инновации и их предложением;

– отсутствие эффективной системы трансляции инноваций и демонстрации эффективности конкретных инновационных решений на примере широкого круга хозяйствующих субъектов разного типа с целью стимулирования роста их инновационной активности;

– существенная дифференциация отраслей и сфер системы общественного производства по уровню инновационной активности хозяйствующих субъектов и качеству специализированных институтов развития, затрудняющая реализацию комплексных программ развития территориальных образований и др.

Агропродовольственный комплекс России в настоящее время не рассматривается в качестве приоритетного объекта инновационного развития страны, что и предопределило наличие всего двух специализированных институтов развития федерального уровня, обеспечивающих поддержку развития субъектов, связанных с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции: ОАО «Российский сельскохозяйственный банк» и ОАО «Росагролизинг», для которых функции стимулирования инновационной деятельности все-таки не являются ключевыми и которые решают задачи распределения ограниченного объема финансовых ресурсов исходя, главным образом, из своих коммерческих интересов.

В условиях низкой эффективности имеющихся институтов развития сельского хозяйства и несоответствия качества институциональной среды потребностям агропродовольственных систем единственным эффективным инструментом государственного воздействия на развитие агропродовольственного комплекса является прямая государственная поддержка развития отдельных отраслей и территорий через принятие федеральных и региональных целевых программ, разрабатываемых в рамках стратегии развития страны и регионов.

Для агропродовольственной системы макроэкономического уровня управление процессами поддержания ее сбалансированности будет определяться через распределение бюджетных средств в соответствии со стратегическими задачами развития агропродовольственного комплекса страны и контроля за их целевым использованием. Для агропродовольственных систем регионального уровня основная задача обеспечения сбалансированности развития определяется необходимостью выравнивая диспропорций территориального развития за счет повышения инвестиционной привлекательности территориальных образований с более низким уровнем социально-экономического развития, оптимизации размещения перерабатывающих производств и объектов производственной и рыночной инфраструктуры, стимулирования инновационной активности хозяйствующих субъектов различных типов и предпринимательской инициативы сельского населения. Для агропродовольственных систем, возникших в результате интеграционных взаимоотношений хозяйствующих субъектов аграрной сферы и предприятий перерабатывающей промышленности, управление сбалансированным развитием будет акцентироваться на обеспечении экономического контроля над сырьевыми зонами, необходимыми для загрузки производственных мощностей, формировании устойчивых конкурентных преимуществ, позволяющих сохранять и расширять занимаемую рыночную нишу, поддержания необходимого для конкретного интегрированного формирования баланса между основными и дополнительными отраслями производства, позволяющего при сохранении необходимого уровня концентрации ресурсов на

ключевых направлениях развития производственной системы обеспечить уровень ее диверсификации, достаточный для поддержания устойчивости ее развития. Кроме того общими задачами управления сбалансированным развитием агропродовольственных систем всех уровней будет управление их изменениями под влиянием объективных изменений среды их функционирования и повышение эффективности внутрисистемных взаимодействий.

2.3. Методологические подходы к формированию механизма интеграционных взаимодействий

Открытость экономических систем объективно предполагает их взаимодействие с другими аналогичными системами этого же уровня иерархии, так и с системами других уровней. Формы взаимодействия экономических систем определяются доминирующим в обществе типом производственных отношений и уровнем развития производительных сил, технико-технологический базис которых объективно обуславливает уровень разделения труда и специализации производства и способы его кооперации и интеграции, формируя условия технологического, организационного и экономического взаимодействия хозяйствующих субъектов и среду внутрисистемных и межсистемных отношений по поводу производства, обмена, распределения и потребления экономических благ.

Исследуя сущность категории «взаимодействие», В.А. Морозов [195] предлагает исходить из того, что в широком смысле взаимодействие представляется как одновременное влияние друг на друга нескольких (двух или более) совместно действующих субъектов, причем индивидуальные воздействия каждого из субъектов не могут в полной мере объяснить совокупные изменения системы, возникшей в результате интеграции субъектов. В контексте данного подхода взаимодействие должно рассматриваться как система объективно существующих действий субъектов, обусловленных наличием устойчивой причинной зависимости, проявляющейся в естественной и предсказуемой реакции каждого субъекта на изменения поведения друг друга и

возможности понимания возможных реакций и управления поведением всей совокупности взаимодействующих субъектов. Взаимодействие между субъектами реализуется, как правило, в форме обмена информацией, веществом, энергией в рамках системы устойчивых прямых и обратных связей, определяющих способ организации межсубъектных взаимодействий. Чем большее количество субъектов взаимодействует между собой в рамках того или иного интеграционного процесса, тем сложнее становится система межсубъектных взаимодействий и инструменты координации поведения интегрирующихся субъектов.

В настоящее время, по мнению Г.И. Грековой и Е.И. Федотовой [67] сложилось три основных подхода к раскрытию сущности категории «взаимодействие экономических субъектов». В рамках первого подхода взаимодействие трактуется как совокупность согласованных действий экономических акторов в рамках сотрудничества, объединяющего их в рамках совместной деятельности. В контексте второго подхода взаимодействие определяется как взаимовлияние экономических акторов на процессы развития (изменения) друг друга через непрерывную межсубъектную взаимосвязь. Концепция третьего подхода в качестве ключевых элементов взаимодействий рассматривает не совокупность экономических акторов, а их конкретные действия, позволяющие получить определенную выгоду от осуществления совместной деятельности. В авторской трактовке этих исследователей «взаимодействие» представляется в виде процесса непрерывного согласования всех действий субъектов, имеющих собственную систему целеполагания и индивидуальных интересов, реализовать которые можно лишь в процессе взаимоотношений с другими субъектами в рамках взаимовлияния друг на друга.

Несколько иную трактовку взаимодействия экономических субъектов и классификацию их типов используют Н.Г. Синявский, Н.А. Яковенко и Н.В. Кучковская [272]. Они предлагают определять взаимодействие как процесс устойчивого сотрудничества, связанный с постоянным согласованием действий контактирующих друг с дру-

гом субъектов с целью удовлетворения потребностей и реализации собственных интересов в рамках обеспечения адаптации системы межсубъектных отношений к изменениям институциональной среды и условий функционирования, выделяя при этом четыре основных типа взаимодействий экономических субъектов: обмена деятельностью, взаимное влияние друг на друга, совместная адаптация к изменениям институтов, согласование интересов и достижение компромисса.

Взаимодействие экономических субъектов происходит в форме их реакции на импульсы, посредством которых контрагенты пытаются оказать целенаправленное воздействие на друг на друга. Следует отметить возможность разной реакции экономических субъектов на одни и те же информационные воздействия, что существенно усложняет управление взаимодействиями и требует формирования адекватной институциональной среды, обеспечивающей предсказуемость поведения взаимодействующих субъектов и возможность прогнозирования и планирования их развития и достижения необходимого компромисса, позволяющего достичь баланса интересов интегрирующихся субъектов. Кроме того, существенное влияние на поведение экономических субъектов и особенности их взаимодействия оказывает форма сотрудничества (партнерства), отражающая способ интеграции технологически, экономически и организационно взаимосвязанных экономических субъектов в рамках цепочек формирования ценностей.

Сущностные характеристики системы взаимодействия экономических субъектов могут быть описаны с помощью модели, отражающей совокупность взаимодействующих акторов, совокупность общей цели взаимодействия и индивидуальных целей акторов, совокупность форм взаимодействия, принципы их организации, факторы, определяющие условия взаимодействия, институциональную среду, регламентирующую поведение экономических субъектов.

Взаимодействие может быть представлено в виде устойчивой системы поведения интегрирующихся экономических субъектов, об-

ладающей определенными свойствами, к числу которых предлагается относить:

- объективность технологических, экономических и организационных взаимодействий разнородных субъектов;
- возможность согласования общей и индивидуальных целей развития взаимодействующих субъектов;
- согласованность поведения взаимодействующих субъектов во времени и пространстве;
- предсказуемость и рациональность поведения взаимодействующих субъектов и их реакций на типовые импульсы (информационные воздействия);
- наличие общей системы мотивации интеграции и осознания необходимости балансирования интересов взаимодействующих субъектов;
- наличие единого экономического пространства, позволяющего обеспечить устойчивость связей взаимодействующих субъектов и др.

Можно предположить, что система организации взаимодействий хозяйствующих субъектов предполагает наличие определенных стандартов, определяющих ожидаемые типовые реакции субъектов на типовые информационные воздействия, и принятых всеми взаимодействующими субъектами правил игры. Прозрачность этих стандартов и правил, их обязательность для каждого субъекта, высокая степень охвата системы межсубъектных отношений создают условия повышения устойчивости взаимодействий, реализации индивидуальных интересов и экономической эффективности процессов интеграции хозяйствующих субъектов.

В рамках сложившихся подходов к исследованию содержания системы межсубъектных взаимодействий традиционно принято различать несколько типов таких взаимодействий. Взаимодействия горизонтального типа характерны для интеграции равноправных субъектов, автономно функционирующих на одном уровне продуктовых и технологических цепочек и имеющих возможность самостоятельно принимать все ключевые решения и реализующих свои индивидуальные интересы в рамках двусторонних соглашений и контрактов. Вер-

тикальный тип взаимодействий формируется при наличии в цепочке создания ценностей (конечного продукта) субъектами с доминирующим интересами, определяющими стандарты и условия взаимодействия, принимающим ключевые решения и регулирующим степень удовлетворения интересов остальных участников интеграционного формирования и в значительной мере контролирующим процесс их функционирования. Сетевой тип взаимодействий предполагает консолидацию субъектов, участвующих в единой цепочке создания ценностей в рамках развития равноправных партнерских отношений, позволяющих обеспечить баланс индивидуальных интересов и максимизировать общесистемный синергетический эффект. Каждый из указанных типов взаимодействия укрупнено отражает тот или иной механизм формирования межсубъектных взаимоотношений, базирующиеся либо на принципах минимизации трансакций обмена и рыночных методов координации взаимодействующих субъектов, либо на принципах минимизации управленческих трансакций, бюрократических методов координации и перераспределения доходов, либо на принципах общественной рационализации межсубъектных взаимоотношений и методов самоуправляемой координации.

В основе взаимодействия всех экономических субъектов лежат их экономические интересы, необходимость реализации которых инициирует возникновение межсубъектных отношений и обуславливает форму их существования. При этом следует учитывать, что взаимодействие экономических субъектов происходит в форме их интеграции в ходе совместного участия в тех или иных экономических процессах в рамках возникновения интеграционных отношений, характеризующихся уровнем устойчивости, видом экономических связей, их теснотой, частотой и масштабностью необходимых контактов и др. То есть речь, по сути, идет об интеграционном взаимодействии как особой формы межсубъектных отношений, отражающих взаимосвязь экономических систем различного уровня.

Необходимо отметить, что взаимодействие экономических субъектов реализуется, в первую очередь, в виде обмена продукцией,

ресурсами, энергией, информацией и др., а затраты, связанные с организацией обменных процессов и поддержанием отношений обмена принято называть трансакционными издержками. То есть при оценке эффективности выбора той или иной формы интеграционных взаимодействий необходимо оценивать не только возможность реализации отдельными экономическими субъектами индивидуальных интересов, но и сопоставлять величину ожидаемого эффекта с величиной трансакционных издержек, которые придется нести взаимодействующим субъектам при создании конкретного вида интегрированного формирования и организации той или иной системы межсубъектных отношений, отражающей способ интеграционных взаимодействий. Каждый акт обмена (взаимодействия) при этом рассматривается как акт реализации индивидуальных интересов и извлечения пользы из взаимодействия.

Следует отметить, что интеграционные отношения характеризуются устойчивостью и в отличие от случайных рыночных взаимодействий предполагают возникновение определенных форм сотрудничества устойчиво взаимодействующих субъектов, отражающих специфику организации интеграционных процессов, и механизмов межсубъектных взаимодействий, обеспечивающих координацию деятельности экономических субъектов и реализацию их индивидуальных интересов в результате установления устойчивых экономических, организационных, технологических и других видов взаимосвязей.

Многообразие видов и форм интеграционных взаимодействий экономических субъектов объективно обуславливает необходимость формирования специальных механизмов, обеспечивающих координацию действий субъектов как по вертикали (с субъектами других уровней, как более высоких, так и более низких), так и по горизонтали (с субъектами аналогичного уровня), а также взаимодействие элементов и подсистем, образующих организационную структуру самих экономических субъектов. Необходимо также отметить, что взаимодействие экономических субъектов может носить как формализованный, так и неформализованный характер.

По мнению Г.Н. Май-Бороды [108], в основе инициации процессов интеграционных взаимодействий лежит потребность в идентификации интересов взаимодействующих экономических субъектов и обосновании механизма их реализации в рамках того или иного типа интегрированных формирований с учетом стратегических целей их развития, формы интеграционных взаимодействий, способа организации системы межсубъектных взаимоотношений и участия конкретных субъектов в управлении процессами развития совокупности взаимодействующих субъектов. Он считает, что в настоящее время доминируют две концепции организации интеграционных взаимодействий. В рамках первой концепции, которую он называет классической, границы интегрированных формирований определяются рамками технологических цепочек, выход за которые ведет к росту монополизации локальных рынков, а в основе интеграционных отношений лежат принципы рыночного ценообразования, адаптированные к конкретной форме интеграционного объединения. В рамках второй (институциональной) концепции приоритет отдается договорным (контрактным) отношениям, обеспечивающим минимизацию издержек взаимодействующих субъектов за счет достижения компромиссов и балансирования экономических интересов и ограничивающим процессы монополизации локальных рынков и их отдельных сегментов.

С.В. Кесян [108], считает, что в современных условиях наиболее перспективными являются две формы межсубъектных взаимодействий: корпоративная и кластерная. Если корпоративная форма представляет собой специфическую форму организации интеграционных взаимодействий направленную на минимизацию транзакционных издержек и удовлетворение интересов субъектов, инициирующих интеграционные процессы, то кластерная форма реализуется как способ организации устойчивых территориально-отраслевых отношений паритетного партнерства разнородных экономических субъектов, ориентированных на реализацию как бизнес-интересов субъектов, взаимодействующих в рамках технологических цепочек, так и территорий, формирующих пространственный и продуктивный базис системы аграрно-

го производства и агропродовольственного комплекса. Корпоративные формы интеграции представлены, главным образом, вертикально-интегрированными корпоративными структурами, отличающимися относительно жесткой специализацией, массовостью производства, стандартизацией технологий, преобладанием жестких внутрикорпоративных взаимодействий высоким уровнем формализации межсубъектных отношений, централизацией управления, доминированием методов корпоративного финансирования, жесткостью границ контролируемого экономического пространства и высокой степенью его локализации. Интегрированные формирования кластерного типа отличаются относительно гибкой специализацией, преобладанием мягких форм организации межсубъектных взаимодействий и свободой участия в интеграционных процессах, демократизацией управления процессами развития интеграционного объединения с преобладанием функции координации, участием государства в определении целей и задач развития, социальной ответственности бизнеса за развитие территорий, коллегиальных методов распределения финансовых ресурсов и более широким кругом источников финансирования, подвижностью границ экономического пространства.

В качестве специфической институциональной формы взаимодействия экономических субъектов Д.А. Фалеев [330] предлагает выделять квазиконгломераты, представляющие собой нечеткие объединения экономических субъектов, включая государство, формирующиеся, как правило, на уровне регионов или мезоуровне. В качестве предпосылок возникновения интегрированных структур данного типа он выделяет: необходимость взаимодействия между субъектами для достижения индивидуальных целей своего развития, наличие общей цели, для достижения которой инициируется процесс интеграции, возможность получения синергетического эффекта, наличие механизма балансирования интересов взаимодействующих субъектов, устойчивость организационно-экономических и технологических связей в стратегической перспективе, заинтересованность государства в

развитии интеграционных отношений и государственно-частного партнерства.

Аналогичной позиции придерживается и К.З. Адамова [6], указывающая на необходимость изучения сущности такой формы межсубъектных взаимодействий как квазиинтегрированные структуры. Структуры данного типа формируются как совокупность самостоятельно функционирующих хозяйствующих субъектов, деятельность которых координируется на основе принципов сетевых отношений в условиях относительно высокого уровня взаимодоверия и преобладания неформальных связей, обеспечивающих открытость объединения, ее динамизм и организационную гибкость. К основным формам организации структур квазиинтегрированного типа она относит различные виды сетей, экономические кластеры и виртуальные корпорации.

Следует отметить, что в последнее время число сторонников необходимости выделения такого специфического института взаимодействия экономических субъектов как квазиинтеграция растет. В качестве одного из аргументов целесообразности использования термина «квазиинтеграция» приверженцы данного подхода приводят положение о том, что в отличие от классической интеграции, предполагающей установление жестких интеграционных связей и юридическое оформление интеграционных отношений, вплоть до потери экономической самостоятельности некоторыми участниками интеграционных объединений, квазиинтеграция базируется на использовании «мягких» форм взаимодействия, оставляющих хозяйствующим субъектам довольно широкое поле для маневра при выборе наиболее рационального (оптимального) способа реализации собственных интересов. Адепты данного подхода считают, что при устойчивом финансовом положении субъектов и высоком качестве конкурентной среды, не допускающей использование методов недобросовестной конкуренции и монополизации локальных рынков, именно квазиинтеграция наиболее полно отвечает интересам устойчиво взаимодействующих экономических субъектов и именно структуры квазиинтегрированного типа могут начать формировать структурный базис экономики нового типа.

По мнению С.В. Шишло, Ю.Н. Андросик и В.А. Усевич [363], квазиинтеграционные структуры должны рассматриваться как новая форма организации экономических взаимодействий в виде объединения хозяйствующих субъектов на основе устойчивых отношений сотрудничества и организации координации и контроля над процессами межсубъектных взаимодействий в условиях отказа от передачи прав собственности от одного субъекта к другому. Предложенная ими концептуальная модель образования и функционирования структур квазиинтеграционного типа представлена на рисунке 13.

В соответствии с данной моделью основные отличия структур квазиинтеграционного типа от структур, характерных для так называемой «классической интеграции», заключаются в уровне трансфера прав собственности и их спецификации, специфике механизмов установления и поддержания интеграционных связей (входа-выхода из интеграционной структуры), механизмов управления процессами интеграции и координации взаимодействия интегрирующихся экономических субъектов. При этом результативность интеграционного объединения оценивается по двум основным критериям: способности к минимизации транзакционных издержек и максимизации добавленной стоимости.

Противопоставляя структуры квазиинтеграционного типа структурам «подлинной» интеграции, исследователи эволюции интеграционных взаимодействий выделяют четыре основных типа интеграционных формирований: структуры иерархического, неиерархического, гибридного и квазиинтеграционного типов [106]. Структуры первых двух типов, по их мнению, характеризуются линейной или нелинейной структурой организации, жестко выстроенной системой управления и предельно простым механизмом распределения вновь созданной стоимости, тогда как в основе структур гибридного типа преобладает ориентация на приоритетность контрактных отношений и формирование механизмов предотвращения оппортунистического поведения взаимодействующих субъектов и управления рисками интеграционных взаимодействий.

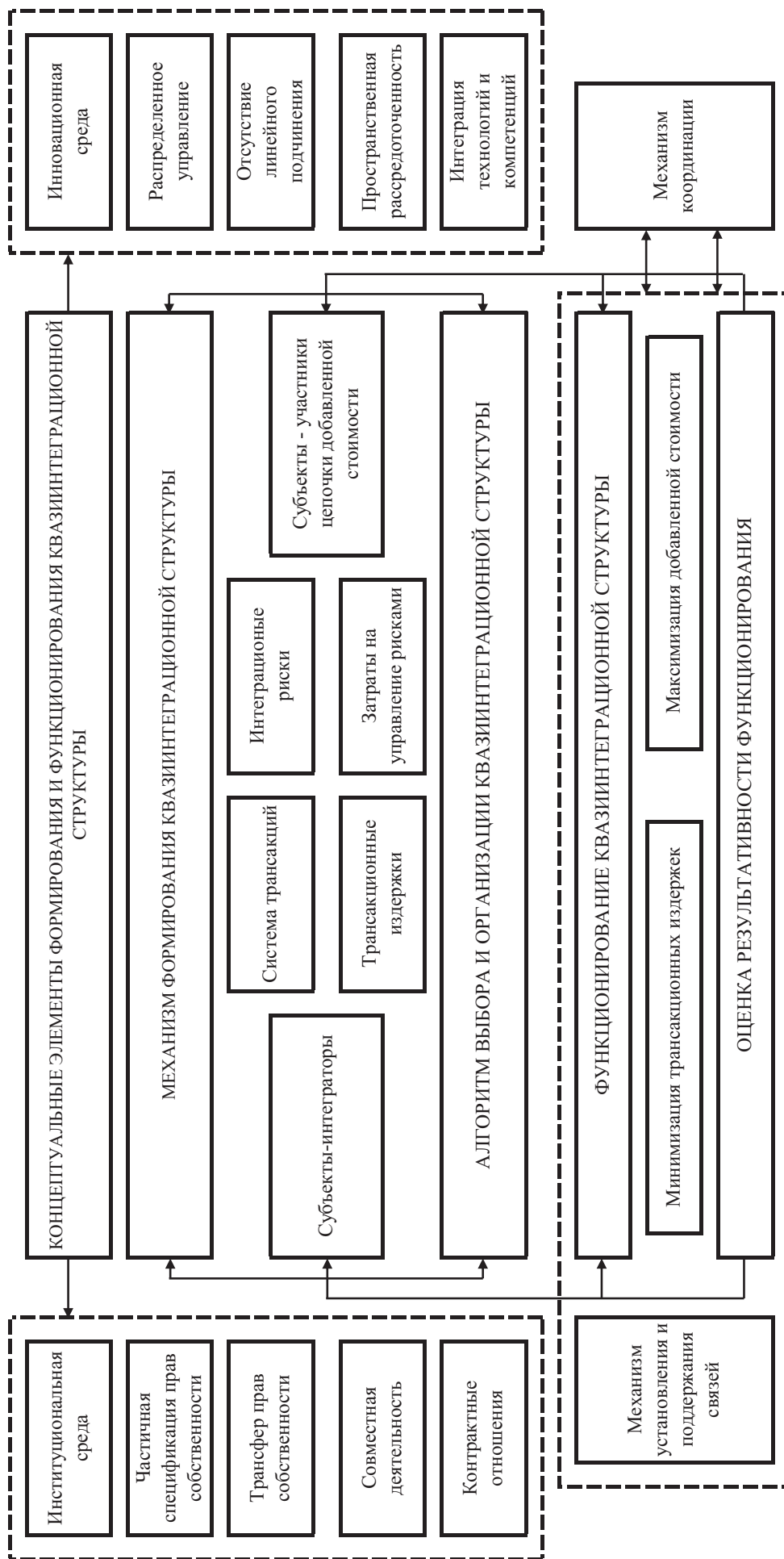

Рисунок 13 – Концептуальная модель образования и функционирования структур квазинтеграционного типа [363]

Идеология формирования структур квазиинтеграционного типа при этом базируется на установлении устойчивых экономических связей через создание механизмов координации интеграционных взаимодействий и делегирования функций управления совместной деятельностью специальным органам. Причем и третий, и четвертый тип типа интеграционных объединений не предполагают трансфер прав собственности, лишь в незначительной степени ограничивая экономическую свободу интегрирующихся экономических субъектов в рамках достижения компромиссов, необходимых для реализации интересов каждого из участников объединения.

На наш взгляд, использование термина «квазиинтеграция» не вполне корректно, поскольку в основе структур квазиинтеграционного типа лежат «классические» интеграционные отношения, возникающие по поводу реализации интересов субъектов, интегрирующихся в цепочки создания дополнительной стоимости, а те новые институциональные формы интеграционных взаимодействий следует рассматривать не как псевдоинтеграцию, а как эволюционную форму трансформации интеграционных отношений, адаптированную к новым условиям хозяйствования и объективно меняющейся системе производственных отношений. Появление новых институциональных форм интеграционных взаимодействий возможно лишь при формировании определенных экономических условий, поскольку в их основе лежит объективная потребность самостоятельно функционирующих хозяйствующих субъектов поиска оптимальных форм взаимодействий, обеспечивающих повышение устойчивости и эффективности функционирования без потери своей автономности.

Если учесть, что экономическая интеграция возникла одновременно с разделением труда и обеспечивала формирование цепочек создания добавленной стоимости, то можно предположить, что на каждом этапе развития системы общественного производства доминировали те формы интеграционных взаимодействий, которые обеспечи-

вали совокупности интегрирующихся субъектов минимизацию трансакционных издержек и максимизацию стоимости экономических благ. При этом процесс распределения и перераспределения добавленной стоимости определялся механизмом, сформировавшимся в рамках конкретной экономической формации и адекватным сложившемуся способу производства и уровню развития производственных отношений.

Следует отметить, что инициатором формирования конкретной формы интеграционных взаимодействий, как правило, является экономический субъект, занимающий доминирующее положение в цепочке создания дополнительной стоимости, стремящийся минимизировать свои трансакционные издержки и определенным образом застраховать себя от возможного оппортунистического поведения своих контрагентов. В случае если контрагенты экономически неустойчивы и не могут обеспечить стабильность функционирования многозвенных цепочек создания дополнительной стоимости, то доминирующий в цепочке субъект начинает процессы поглощения более слабых субъектов, реализуя корпоративную модель интеграции, отдавая приоритет собственным экономическим интересам. Если экономическое положение субъектов, находящихся на низовых уровнях цепочек создания дополнительной стоимости, достаточно устойчиво, их деятельность эффективна, а рыночное влияние достаточно сильно, то доминирующие в цепочках субъекты вынуждены идти на определенные компромиссы и искать иные формы организации интеграционных взаимодействий, обеспечивающие привлекательность сотрудничества и возможность максимально полной реализации интересов каждого субъекта, интегрирующегося в ту или иную технологическую цепочку.

В настоящее время для отечественного агропродовольственного комплекса преобладающей формой интеграционных взаимодействий, по мнению А.А. Керашева, А.А. Мокрушина и В.В. Прохоровой [107],

является вертикальная интеграция, доминирование которой обусловило интеграционные трансформации, связанные с усилением конкурентных позиций интегрированных формирований национального и межрегионального уровней, характеризующихся высоким уровнем концентрации капитала, значительными объемами государственной поддержки и существенным влияем на процессы территориального развития; усилением рыночного влияния корпоративных структур и влияния на органы власти, монополизацией локальных рынков, давлением интегрированных структур на средний и малый агробизнес; отсутствием реальных примеров эффективных взаимодействий интегрированных формирований с субъектами малого и среднего агробизнеса; сохранением неэквивалентности межсубъектных взаимодействий в рамках вертикально интегрированных структур, неразвитостью институциональной среды интеграционных отношений; недостаточной эффективностью инструментов и методов воздействия государства на развитие интеграционных процессов и сбалансированное развитие агроэкономических систем, неразвитостью системы мониторинга развития интеграционных процессов и информационного обеспечения процессов управления интеграционными трансформациями; смещением акцентов в управлении интегрированными формированиями с процессов производства к процессам финансового обеспечения и др.

Усиливающееся влияние крупных интегрированных формирований на процессы территориального развития и развития сельской экономики на локализованных территориях объективно обуславливает рост фрагментации региональных экономических пространств и агропродовольственных систем регионального уровня, порождая ряд противоречий, связанных с несовпадением интересов крупного бизнеса и сельских сообществ при низкой эффективности государства как основного регулятора взаимоотношений бизнеса и социума.

Следует отметить, что наряду с вертикальной интеграцией развиваются и альтернативные институциональные формы интеграцион-

ных взаимодействий. Так, Т.Н. Тополева [312] обращает внимание на такие формы как латеральная (продуктовая) интеграция (взаимодействие субъектов, осуществляющих производство разнородной продукции, но поставляющих ее одним и тем же клиентам); арьергардная интеграция (взаимодействие субъектов в рамках формирования общей инфраструктуры, минимизации транзакционных издержек и издержек производства); комбинированная интеграция (одновременное взаимодействие субъектов в рамках технологических цепочек и при производстве продукции, схожей по потребительским свойствам с целью диверсификации каналов сбыта и минимизации упущенной выгоды); параллельная интеграция (взаимодействие субъектов, ориентированных на производство комплементарных товаров, через технологические цепочки или сбытовые сети); круговая интеграция (взаимодействие субъектов, функционирующих в рамках одних и тех же локальных рынков, но не являющихся непосредственными конкурентами) и др. Но данные институциональные формы пока не нашли широкого распространения, но представляют определенный интерес с точки зрения понимания многообразия интеграционных взаимодействий и способов их реализации.

В современной экономической литературе существует несколько мнений по поводу предпосылок возникновения интеграционных взаимодействий и причин их инициации. В рамках институциональной теории, рассматривающей экономический субъект как институциональный комплекс, структурирующий производственные отношения и упорядочивающий обменные процессы, а институты как инструмент реализации функций управления процессами развития общества, межсубъектные взаимодействия возникают под влиянием институциональной среды. В русле агентской теории интеграционные воздействия возникают под влиянием механизма агентских конфликтов и задействования инструментов, позволяющих минимизировать агентские затраты. В контексте теории соучастников интеграционные

взаимодействия рассматриваются с позиций реализации интересов интегрирующихся субъектов, обладающих равными правами при формировании правил сотрудничества и распределения добавленной стоимости.

Интеграция экономических субъектов предполагает наличие специального механизма, обеспечивающего инициацию, установление и поддержание интеграционных отношений с учетом институциональных форм взаимодействий. Данный механизм предлагается называть механизмом интеграционных взаимодействий и рассматривать его, с одной стороны, как совокупность организационно-экономических элементов, определяющих цель и задачи интеграционных формирований, выбор направлений и рациональных форм интеграции, содержание интеграционных отношений, специфику организации внутрисистемных и межсистемных взаимодействий, особенности формирования цепочек создания добавленной стоимости и ее распределения, а с другой стороны, как совокупность подсистем нормативно-правового, финансового, информационного, технико-технологического, инфраструктурного, инновационного и других типов обеспечения.

Особенности формирования отдельных структурных элементов механизма интеграционных взаимодействий определяются, в первую очередь, отраслевой спецификой интегрирующихся субъектов, а также спецификой продуктовых и технологических цепочек, в рамках которых создаются интеграционные структуры.

Методология формирования механизма интеграционных взаимодействий должна учитывать следующие базовые положения:

– в основе взаимодействия экономических субъектов лежат их интересы, необходимость реализации которых инициирует возникновение межсубъектных отношений и обуславливает форму их существования;

– интеграция представляет собой способ взаимодействия экономических субъектов, обусловленный наличием устойчивой причинной зависимости возникновения отношений сотрудничества;

– интеграционные взаимодействия рассматриваются как форма отношений экономических субъектов, взаимодействующих в рамках цепочек создания дополнительной стоимости;

– интеграционные взаимодействия предполагают взаимовлияние экономических субъектов на процессы развития через устойчивую систему межсубъектных взаимосвязей и отношений, определяющих способ координации их деятельности;

– интеграционные взаимодействия реализуются в форме реакции интегрирующихся субъектов на импульсы, посредством которых они оказывают целенаправленное воздействие на друг на друга;

– одним из ключевых свойств интеграционных взаимодействий является их устойчивость, обеспечивающая целостность интеграционного формирования на относительно длинном временном горизонте;

– устойчивость интеграционных взаимодействий определяется возможностями взаимодействующих субъектов по реализации индивидуальных экономических интересов;

– разнородность хозяйствующих субъектов, представляющих различные звенья цепочек создания дополнительной стоимости и имеющих разные интересы, обуславливает необходимость организации как внутриотраслевых, так и межотраслевых взаимодействий;

– система организации интеграционных взаимодействий предполагает наличие определенных стандартов, определяющих ожидаемые типовые реакции субъектов на типовые информационные воздействия, и «правил игры», принятых всеми взаимодействующими субъектами;

– интеграция равноправных субъектов, автономно функционирующих на одном уровне цепочек создания дополнительной стоимости и имеющих возможность самостоятельно принимать все ключевые решения, происходит на основе взаимодействий горизонтального типа;

– интеграция субъектов, представляющих различные звенья цепочек создания дополнительной стоимости и характеризующаяся наличием субъектов с доминирующими интересами, определяющими стандарты и условия взаимодействия, принимающим ключевые решения по развитию интеграционного объединения, реализуется через взаимодействия вертикального типа;

– консолидация субъектов, участвующих в цепочке создания дополнительной стоимости в рамках развития равноправных партнерских отношений, позволяющих обеспечить баланс индивидуальных интересов и максимизировать общесистемный синергетический эффект за счет использования «мягких» форм интеграционных связей и специальных механизмов координации, осуществляется на основе взаимодействий сетевого типа;

– форма интеграционных взаимодействий отражает способ организации интеграции технологически, экономически и организационно взаимосвязанных экономических субъектов в рамках цепочек создания дополнительной стоимости и распределения полученных доходов;

– на каждом этапе развития системы общественного производства доминируют те формы интеграционных взаимодействий, которые обеспечивают совокупности интегрирующихся субъектов минимизацию транзакционных издержек, максимизацию стоимости экономических благ и эффективность всей цепочки создания добавленной стоимости;

– инициатором формирования конкретной формы интеграционных взаимодействий, как правило, является субъект, занимающий доминирующее положение в цепочке создания дополнительной стоимости, стремящийся минимизировать свои транзакционные издержки и определенным образом застраховать себя от возможного оппортунистического поведения своих контрагентов;

– в случае если контрагенты экономически неустойчивы и не могут обеспечить стабильность функционирования многозвенных цепочек создания дополнительной стоимости, то доминирующий в цепочке

субъект начинает процессы поглощения более слабых субъектов, реализуя корпоративную модель интеграции, отдавая приоритет собственным экономическим интересам;

– если экономическое положение субъектов, находящихся на низовых уровнях цепочек создания дополнительной стоимости, относительно устойчиво, их деятельность эффективна, а рыночное влияние достаточно сильно, то доминирующие в цепочках субъекты вынуждены идти на определенные компромиссы и искать формы организации интеграционных взаимодействий, обеспечивающие привлекательность сотрудничества и возможность максимально полной реализации интересов каждого субъекта, интегрирующегося в ту или иную технологическую цепочку.

– многообразие видов и форм интеграционных взаимодействий объективно обуславливает необходимость формирования специальных механизмов, обеспечивающих координацию действий субъектов как по вертикали, так и по горизонтали, а также взаимодействие элементов и подсистем, образующих организационную структуру самих экономических субъектов.

Структура механизма интеграционных взаимодействий определяется исходя из совокупности реализуемых им функций, определяющих организацию процессов инициации, оформления и поддержания интеграционных взаимодействий (рисунок 14).

На этапе инициации интеграционных взаимодействий статус ключевых функций для каждого субъекта приобретают: идентификация экономических интересов и осознание необходимости интеграции, идентификация альтернативных продуктовых цепочек, в рамках которых могут быть инициированы интеграционные взаимодействия, и возможных партнеров по отношениям интеграции, оценка направлений развития интеграционных взаимодействий, их глубины взаимодействия и альтернативных вариантов интеграции, ожидаемых уровней снижения транзакционных издержек и роста добавленной стоимости, рисков интеграции.

Рисунок 14 – Функции механизма интеграционных взаимодействий

Реализация данных функций позволяет обосновать побудительные причины интеграции и сформировать информационный базис, необходимый для принятия экономическим субъектом решения о необходимости оформления интеграционных взаимодействий.

Оформление интеграционных взаимодействий предполагает реализацию таких функций как: окончательный выбор направлений и глубины взаимодействий, необходимого уровня трансфера прав собственности, схем делегирования функций управления, конкретной формы интеграционных взаимодействий, а также формализацию системы интеграционных отношений и формирование механизмов координации деятельности и распределения добавленной стоимости.

На данном этапе происходит формализация системы взаимосвязей между субъектами в рамках конкретного интегрированного формирования и определяются регламенты их взаимодействий.

Устойчивость интегрированных структур обеспечивается путем поддержания интеграционных взаимодействий за счет обеспечения баланса интересов субъектов интеграции и эффективности интеграционных взаимодействий, предотвращения оппортунистического поведения субъектов интеграции, оперативной корректировки пропорций распределения добавленной стоимости, адаптации к изменениям институциональной среды и экономических условий, формирования и сохранения единых экономического и информационного пространств в границах территорий, формирующих пространственный базис интеграционных объединений.

Механизм интеграционных взаимодействий формируется в рамках системы межсубъектных отношений и представляет собой совокупность трех блоков (инициации, оформления и поддержания взаимодействий), объединяющих структурно-функциональные элементы, характеризующиеся специфическим набором методов и инструментов реализации отдельных функций механизма и регламентирующие поведение интегрирующихся субъектов, а также блока обеспечивающих подсистем (рисунок 15).

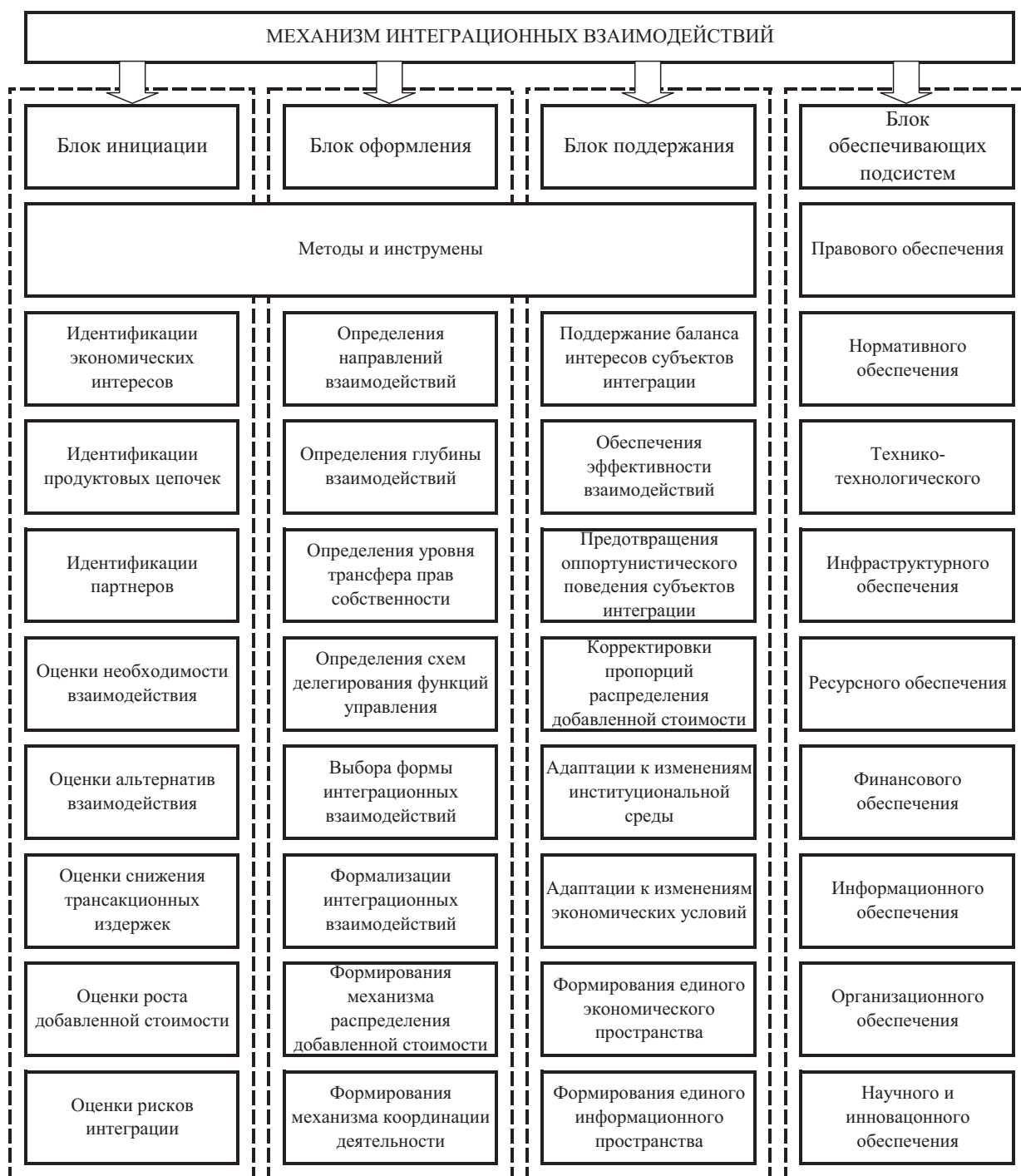

Рисунок 15 – Состав механизма интеграционных взаимодействий

Выбор конкретной формы интеграционных взаимодействий осуществляется исходя их уровня экономического и технико-технологического развития системы общественного производства и интегрирующихся хозяйствующих субъектов, качества институциональной среды, уровня монополизации локальных рынков, наличия возможностей выбора альтернативных форм интеграции, общего уровня эффективности производства отдельных видов экономических благ и др.

3. ОЦЕНКА СБАЛАНСИРОВАННОСТИ И ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ И УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ

3.1. Особенности оценки уровня сбалансированности агропродовольственных систем различного уровня

Необходимость управления сбалансированностью экономических систем требует обоснования совокупности показателей, позволяющих относительно достоверно оценивать уровень сбалансированности в конкретный момент времени в разрезе отдельных существенных характеристик и пропорций между отдельными элементами, формирующими структуру системы и определяющими ее функционал.

Очевидно, что структурная неоднородность экономических систем различного уровня, различия в целевой ориентации и задачах развития, особенности организации внутри- и межсистемных взаимодействий и встраивания в систему государственного управления обуславливают специфику показателей, позволяющих разносторонне оценить сбалансированность систем, осознать тенденции изменения значимых для системы пропорций и предложить способы решения задач минимизации затрат, необходимых для достижения целей развития экономических систем и поддержания оптимальной траектории развития.

Агропродовольственная система (АПС) страны является ключевым элементом национальной системы продовольственного обеспечения, основной задачей которой является способность устойчиво удовлетворять потребности населения страны в продовольственных ресурсах, гарантируя достижение балансов отдельных видов продовольствия за счет собственного производства и проведения рациональной экспортно-импортной политики, обеспечивающей реализацию имеющихся и потенциальных конкурентных преимуществ отечественных производителей сельскохозяйственной продукции и повышение качества рационов питания различных групп населения. Кроме

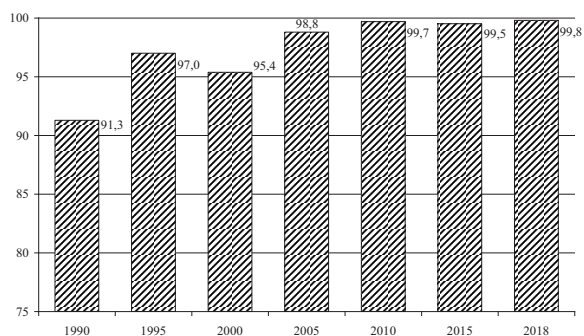
того, в условиях экономического давления и санкций, введенных странами «коллективного Запада», перед национальным агропродовольственным комплексом стоит задача обеспечения продовольственной безопасности страны и преодоления зависимости по тем видам продовольствия, которые могут быть произведены отечественными производителями с учетом не только экономической, но и политической целесообразности.

В этой связи к числу основных показателей, отражающих уровень развития агропродовольственной системы национального уровня и сбалансированности системы продовольственного обеспечения, можно отнести уровень продовольственной безопасности страны по ключевым видам продовольственных ресурсов, уровень потребления базовых продуктов питания и соотношение экспорта и импорта сельскохозяйственной продукции и продуктов ее переработки.

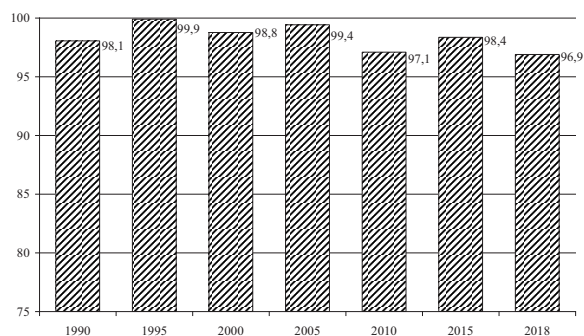
В статье 5 Доктрины продовольственной безопасности РФ [80], утвержденной в 2010 г., продовольственная безопасность страны определялась как состояние национальной экономики, обеспечивающее продовольственную независимость РФ и гарантирующее физическую и экономическую доступность основных видов продовольствия надлежащего качества для всего населения страны в объемах не ниже рациональных (научно обоснованных) норм потребления продуктов питания, но в статье 8 при этом декларировалось, что в качестве критерия оценки уровня продовольственной безопасности используется удельный вес продукции и продовольствия отечественного производства в общем объеме продовольственных ресурсов (с учетом переходящих запасов) конкретного вида. То есть, исходя из содержания данного критерия, при оценке состояния продовольственной безопасности предлагается использовать не рациональные нормы питания, а фактический уровень потребления пищевых продуктов, что в определенной мере приводит к искажению оценки уровня продовольственной безопасности по тем продовольственным ресурсам, потребление которых не достигает нормативных значений. Доктриной Продовольственной безопасности были установлены следующие пороговые зна-

чения данных показателей: по зерну – 95%, по сахару – 80%, по растительным маслам – 80%, по мясу и мясопродуктам – 85%, по молоку и молокопродуктам – 90%, по рыбной продукции – 80%, по картофелю – 95%. В новой редакции Доктрины, утвержденной в январе 2020 г., пороговые значения установлены и для таких видов продовольственных ресурсов как овощи и бахчевые (90%) и фрукты и ягоды (60%), а также минимальная граница по использованию в производстве основных видов продукции растениеводства семян отечественной селекции (75%). При этом в Доктрине от 2020 г. [81] определяется, что данные пороговые значения отражают не уровень продовольственной безопасности, а уровень продовольственной независимости, а в качестве показателей оценки продовольственной безопасности утверждены такие критерии как экономическая и физическая доступность продовольственных ресурсов и их соответствие требованиям, установленным законодательства ЕвразЭС союза о техническом регулировании в отношении пищевой продукции. Также в Доктрине указано, что комплексная оценка обеспечения продовольственной безопасности проводится на основе использования системы показателей, утверждаемой Правительством РФ.

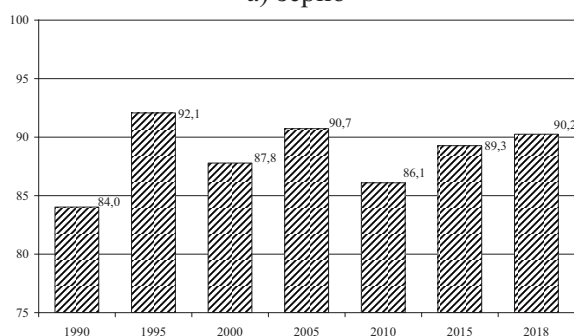
На рисунке 16 приведена графическая информация, полученная на основе данных об объемах продовольственных ресурсах РФ и их использовании, представленных в Российском статистическом ежегоднике (раздел: сельское хозяйство) [252], отражающая долю продовольственных ресурсов, произведенных отечественными сельскохозяйственными производителями в общем объеме товарных ресурсов. На наш взгляд, использование в расчетах переходящих запасов не вполне корректно, поскольку на их величину влияют объемы экспорта и импорта продовольственных ресурсов, которые в отдельные годы могут существенно колебаться. Кроме того, расчет объемов товарных ресурсов предполагает учет объемов их экспорта и импорта, которые в определенной мере искажают реальную оценку самообеспеченности страны отдельными видами продовольствия.

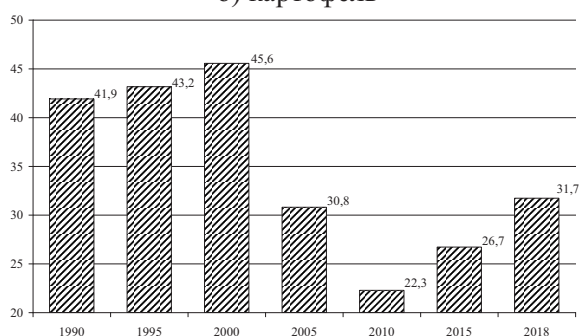
а) зерно

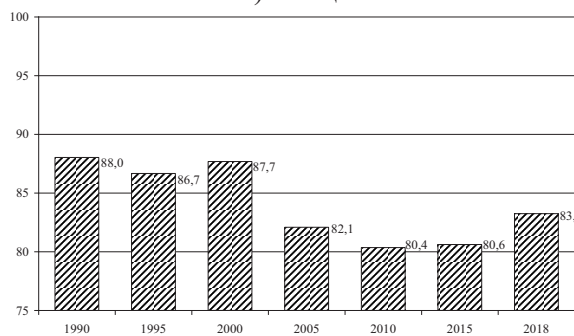
б) картофель

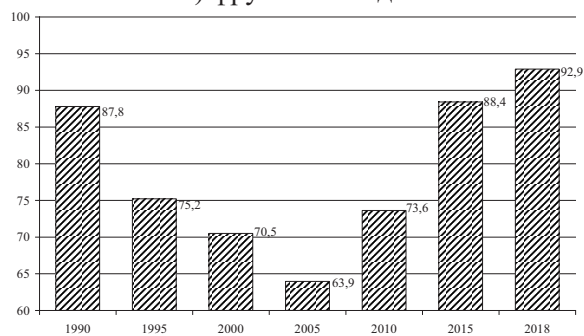
в) овощи

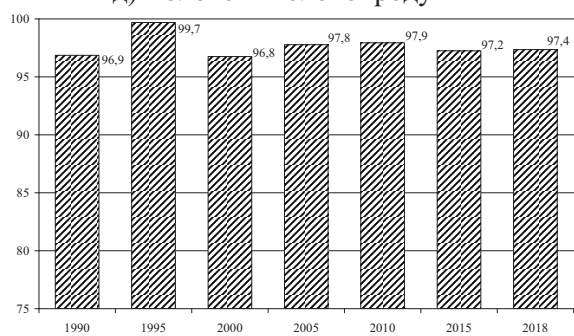
г) фрукты и ягоды

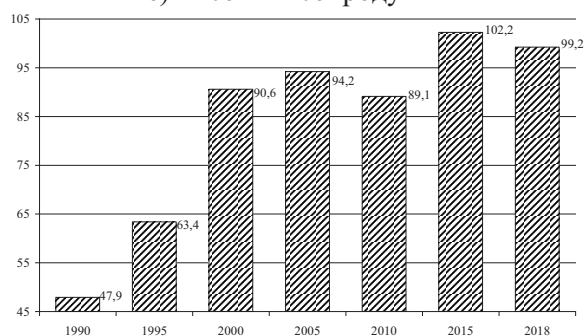
д) молоко и молокопродукты

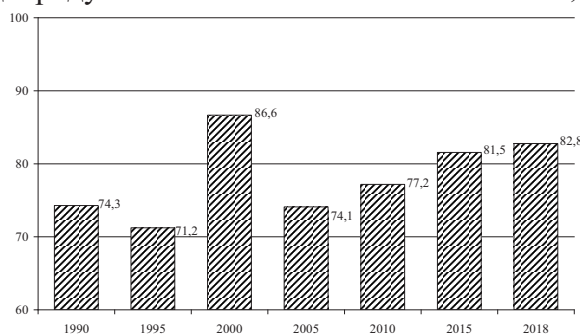
е) мясо и мясопродукты

е) яйца и яйцепродукты

ж) сахар

е) масла растительные

Рисунок 16 – Доля продовольственных ресурсов, произведенных отечественными сельхозпроизводителями в их общем объеме (с учетом переходящих запасов) по РФ, %

Для повышения объективности оценки предлагается отдельно рассматривать отношение переходящих остатков конкретных видов продовольственных ресурсов к их общему объему и объему потребления, отношение объемов произведенной продукции к объемам внутреннего потребления и отношение сальдо экспорта и импорта сельскохозяйственной продукции и продуктов ее переработки к объемам потребления. Первый показатель будет характеризовать размер запасов отдельных видов продовольствия, второй – уровень самообеспечения страны конкретными группами продуктов питания, третий – зависимость страны от импорта продовольственных ресурсов. При этом следует отметить, что при составлении балансов товарных ресурсов отдельных товаров (видов продукции), полученных в результате переработки сельскохозяйственной продукции Росстат приводит данные не об объеме переходящих запасов, а об их изменениях по итогам года.

На рисунках 17-18 представлена информация, характеризующая отношение переходящих остатков отдельных видов продовольственных ресурсов к их общему объему и объему потребления.

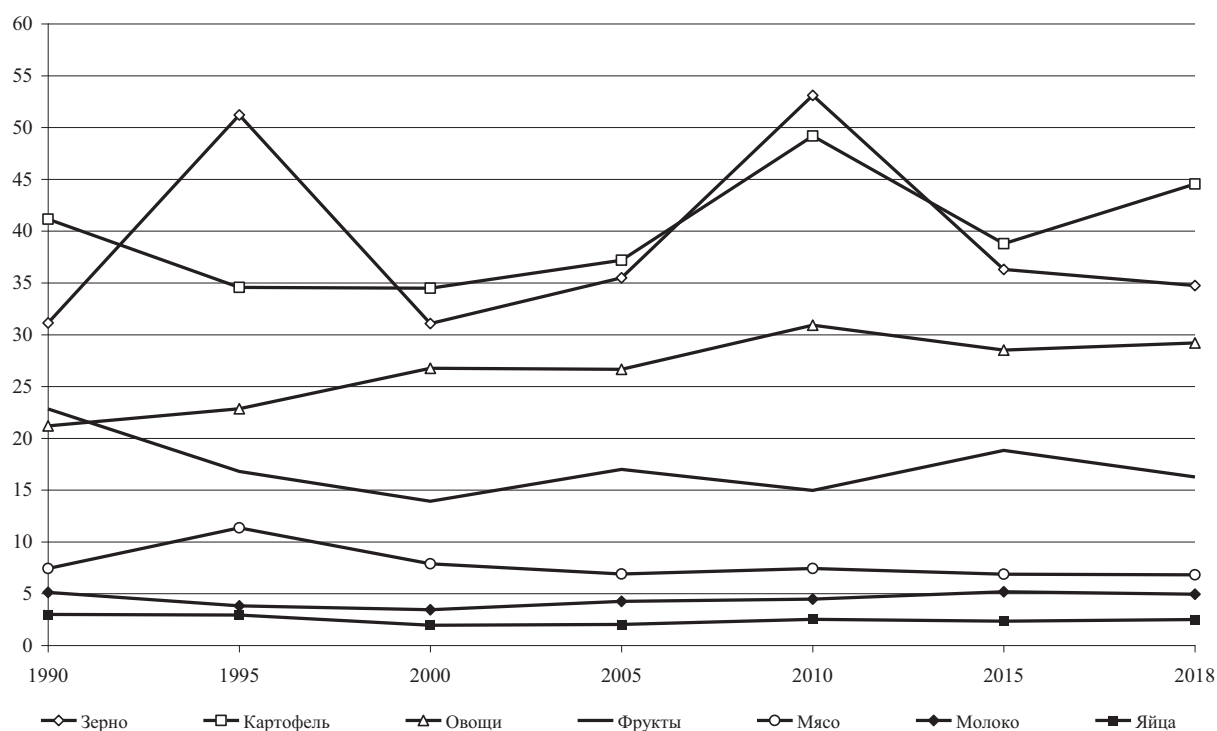

Рисунок 17 – Отношение переходящих остатков отдельных видов продовольственных ресурсов к их общему объему в РФ, %

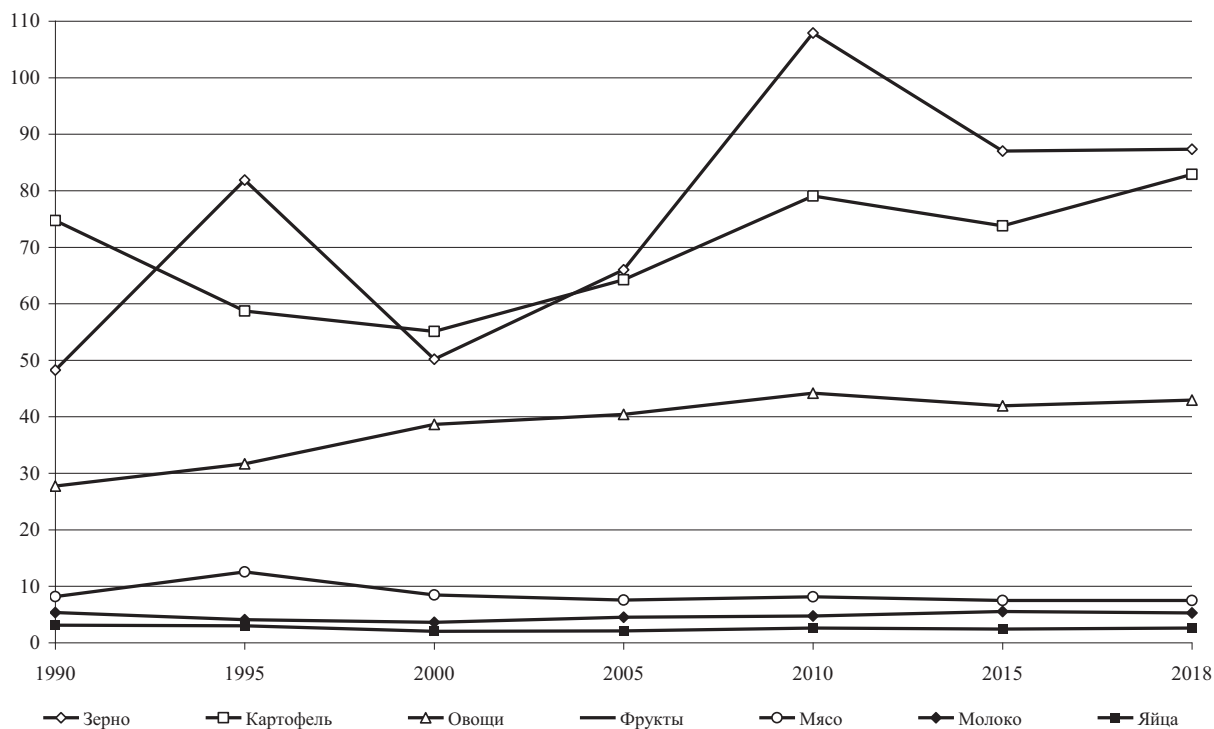

Рисунок 18 – Отношение переходящих остатков отдельных видов продовольственных ресурсов к объему потребления в РФ, %

В 2018 г. запасы на начало года зерна и картофеля составляли более 80% от годового объема потребления, а по овощам и фруктам превышали 40% и 16%, что гарантировано покрывало спрос на эти виды продовольствия до нового урожая (по овощам и фруктам с учетом импорта тех видов, которые не производятся в РФ), по продукции животноводства, поступление которой происходит равномерно в течение года, размер переходящих запасов в 2018 г. находился на уровне от 2,6% по яйцам, до 7,5% по мясу и мясопродуктам, что позволяет обеспечить устойчивое обеспечение населения всеми основными видами продуктов питания.

Органами статистики определяется уровень самообеспеченности страны основными видами продовольственных ресурсов, отражающий отношение объемов производства конкретного вида продовольствия отечественными производителями на территории к объемам потребленным внутри страны. Следует отметить, что данные об уровне самообеспечения страны продуктами питания, приведенные в сборнике «Сельское хозяйство России. 2019» [266], и рассчитанные по данным об объемах производства и потребления продовольствия,

приведенных на официальном сайте Росстата в разделах «Потребление основных продуктов питания населением Российской Федерации» [226] и «Балансы товарных ресурсов отдельных товаров (видов продукции)» [26], несколько расходятся. В таблице 1 приведена информация из сборника «Сельское хозяйство России. 2019» [266], а на рисунке 19, рассчитанная по данным из источников 26 и 266.

Таблица 1 – Уровень самообеспечения РФ основными продовольственными ресурсами, %

Виды продовольственных ресурсов	2000 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Зерно	102,5	153,8	149,1	160,0	170,6	147,2
Мясо	67,0	82,8	88,7	90,6	93,5	95,7
Молоко	88,3	78,1	79,9	80,7	82,3	83,9
Яйца	97,5	97,6	98,2	98,6	98,9	98,8
Картофель	99,6	98,0	102,1	93,2	91,1	95,3
Овощи и бахчевые	85,6	84,1	86,8	87,4	87,6	87,2
Фрукты и ягоды	55,7	32,5	32,5	36,5	33,1	38,8

Источник: [266]

Данная информация позволяет объективно оценить не только достигнутый страной уровень самообеспечения населения отдельными видами продовольствия, но и, в определенной мере, экспортный потенциал продовольственных ресурсов.

Так, например, по зерну, сахару и растительным маслам объем их производства существенно превосходит уровень внутреннего потребления даже при существующих нормах потребления, которые будут снижаться по мере роста доходов населения (рисунок 19).

Следует обратить особое внимание на тот факт, что при использовании показателя, отражающего удельный вес отечественных производителей в общем объеме потребленных продовольственных ресурсов, оценка уровня продовольственной независимости дается исходя из фактического уровня потребления продуктов питания, который по многим позициям существенно отличается от рациональных норм потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания, утвержденных Приказом Минздрава РФ в 2016 г. [237].

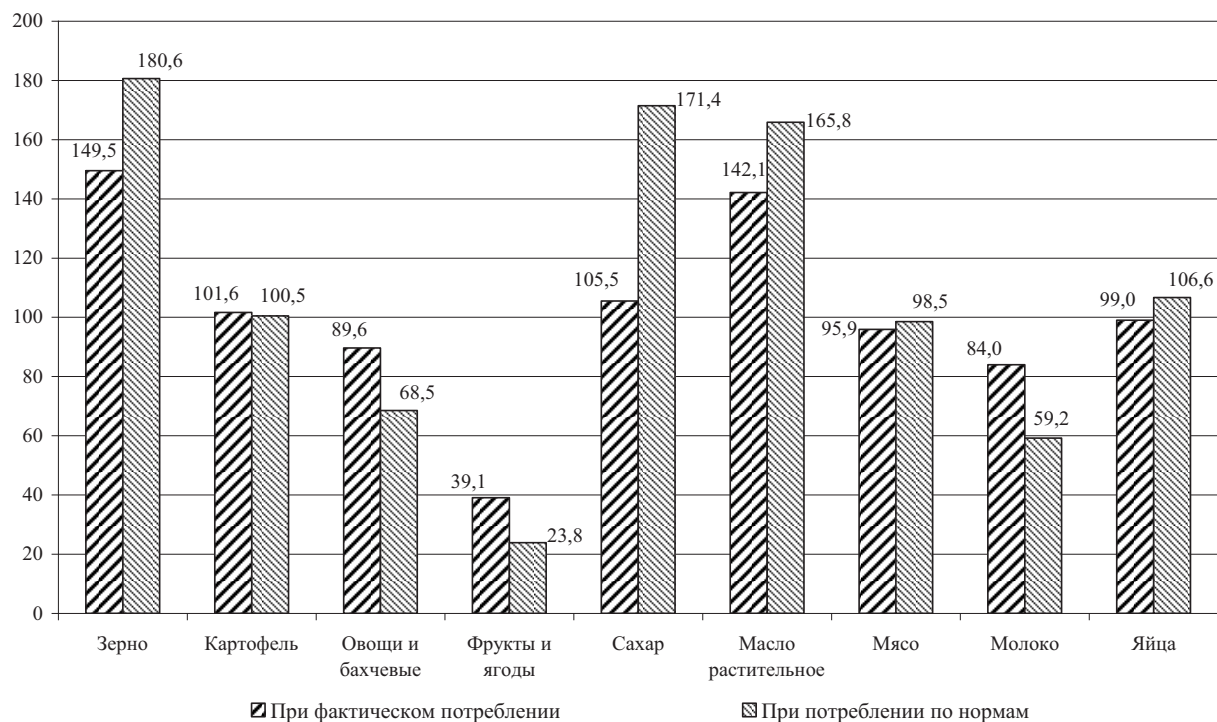

Рисунок 19 – Отношение объемов производства продовольственных ресурсов к объему потребления в РФ в 2018 г., %

Так по сравнению с рациональными нормами питания наблюдается существенное превышение норм потребления сахара, растительного масла и хлеба при существенном дефиците в рационах питания фруктов, овощей, молока и молочной продукции (таблица 2).

Таблица 2 – Уровень потребления продуктов питания в РФ, кг на душу населения

Продукты питания	1990 г.	2018 г.	Рациональные нормы	2018 г. в % к уровню:	
				1990 г.	норм
Хлеб и хлебобродуцкты	120	117	96	97,5	121,9
Картофель	106	90	90	84,9	100,0
Овощи и бахчевые	89	104	140	116,9	74,3
Фрукты и ягоды	37	59	100	159,5	59,0
Сахар	47	39	24	83,0	162,5
Масло растительное	10,0	13,9	12,0	136,3	115,8
Молоко и молокопродукты	387	230	325	59,4	70,8
Мясо и мясопродукты	75	75	73	100,0	102,7
Яйца и яйцопродукты	297	279	260	93,9	107,3

Источники:[25, 237]

Если соотношение объемов производства и фактического потребления овощей, фруктов и молока и молокопродуктов в Российской Федерации в 2018 г. составляло соответственно 89,6%, 39,1% и 84,0%, то при выходе на нормативный уровень потребления данных видов продуктов эти показатели находились бы на уровне 68,5%, 23,8% и 59,2%, что еще раз подтверждает необходимость роста государственной поддержки молочного скотоводства, садоводства и овощеводства, в том числе и закрытого грунта.

Кроме того следует отметить диспропорции в потребляемом населением мясе, в структуре которого доминируют более дешевые и менее полезные для здоровья человека свинина и мясо птицы. За период с 2010 по 2018 гг. потребление говядины снизилось почти на 14% при общем росте потребления мяса на 21%, росте потребления свинины – на 66%, а мяса птицы на – 31%.

Несбалансированность рациона питания, характеризующаяся существенным превышением норм потребления сахара, хлеба и хлебобулочных изделий и растительного масла и значительным недопотреблением фруктов и ягод, молока и молокопродуктов, овощей и бахчевых, в силу низкого среднего уровня доходов населения, скрывает истинную картину дефицита недопотребляемых продуктов питания. При этом следует отметить, что именно по этим группам продовольственных товаров отмечается высокий уровень импортозависимости.

Доктриной продовольственной безопасности РФ [81] для одного из ключевых критериев оценки продовольственной безопасности страны, отражающего экономическую доступность продовольствия для населения и рассчитывающегося как отношение достигнутого среднедушевого уровня потребления отдельных видов продуктов питания к рациональным нормам потребления, пороговое значение установлено на уровне 100%.

При этом необходимо отметить, что роль государства как регулятора системы продовольственного обеспечения населения заключается в удовлетворении спроса на продукты питания и их предложении.

ния, формируемого как за счет собственного производства, так и за счет их импорта. Задача балансирования национальной системы продовольственного обеспечения сводится к наращиванию потенциала развития агропродовольственного комплекса страны и повышению уровня его использования при оптимизации экспортно-импортной политики, позволяющей балансировать предложение и спрос на отдельные виды продовольственных ресурсов, обеспечении экономической и физической доступности основных видов продовольствия для всех слоев и групп населения, повышении уровня качества продуктов питания.

Несмотря на изменения рационов питания населения и наращивание объемов производства сельскохозяйственной продукции, сальдо экспорта-импорта основных продовольственных ресурсов остается отрицательным по всем видам продовольствия, по которым Росстат составляет балансы (за исключением зерна и растительных масел) (таблица 3).

Таблица 3 – Разница между объемами экспорта и импорта продовольственных ресурсов, тыс. т

Продовольственные ресурсы	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.
Зерно	-14 900	-1 655	-3 400	10 725	13 500	29 900	54 400
Картофель	-727	-15	-540	-314	-1 037	-721	-989
Овощи и бахчевые	-2 650	-1 216	-2 104	-1 432	-2 999	-2 446	-2 203
Фрукты и ягоды	-2 500	-2 304	-2 593	-4 514	-6 724	-6 371	-6 459
Сахар	-3 585	-1 374	-317	-233	-259	-341	53
Масло растительное	-192	-285	-393	396	-205	1 001	1 704
Мясо и мясопродукты	-1 475	-2 237	-2 060	-3 027	-2 758	-1 217	-525
Молоко и молокопродукты	-7 708	-5 921	-4 211	-6 631	-7 699	-7 311	-5 917
Яйца	-1 379	-66	-842	-665	-637	-882	-486

Источник: [25]

При этом по всем видам продовольственных ресурсов (кроме картофеля) наблюдается рост объемов их экспорта (таблица 4).

Таблица 4 – Экспорт продовольственных ресурсов, тыс. т

Продовольственные ресурсы	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.
Зерно	2 000	2 500	1 300	12 200	13 900	30 700	54 800
Картофель	329	47	26	32	85	207	268
Овощи и бахчевые	261	147	169	898	85	198	282
Фрукты и ягоды	20	34	47	99	56	140	235
Сахар	173	128	150	135	27	8	376
Масло растительное	51	13	187	396	742	2 001	3 002
Мясо и мясопродукты	60	13	35	67	97	143	355
Молоко и молокопродукты	335	396	507	484	460	606	576
Яйца	210	45	326	197	244	354	770

Источник: [25]

Если в 2000 г. стоимость экспортируемых Российской Федерацией продовольственных товаров и сельскохозяйственной продукции составлял 1 623 млн долл., то в 2018 г. она выросла до 24 921 млн долл. (42,3% от этой суммы составляли доходы от реализации зерна и продуктов его переработки, 20,3% – рыбы и морепродуктов, 6,4% – масло подсолнечное и его фракции). При этом доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в структуре экспорта выросла с 1,6% в 2010 г. до 5,5% в 2018 г.

За этот же период (с 2000 по 2018 гг.) стоимость импортируемых продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья выросла с 7,4 до 29,7 млрд долл. Необходимо отметить, что в 2000 г. стоимость импортируемых продовольственных ресурсов превышала стоимость экспорта на 5,8 млрд долл., в 2005 г. – на 12,9, в 2010 г. – на 27,6 млрд долл., а в 2018 г. эта разница снизилась до 4,8 млрд долл.

В структуре импорта лидирующие позиции занимали мясо (2,1 млрд долл. или 7,1%), рыба и морепродукты (1,6 млрд долл. или 5,5%), цитрусовые (1,2 млрд долл. или 4,2%), бананы (1,2 млрд долл. или 3,9%) и масла растительные (1,1 млрд долл. или 3,7%). В структуре импортируемых масел доминирует пальмовое масло. В 2018 г. его было ввезено более 1 млн. т на сумму 749 млн долл.

Если высокий уровень импорта отдельных видов фруктов и ягод объясняется невозможностью их производства в условиях Российской Федерации, а по некоторым видам овощей – необходимостью удовле-

творения спроса на них в межсезонный период, то молоку и молочным продуктам, которые могут производиться отечественными производителями, ситуация улучшается крайне медленно. Если в 2010 г. Россия импортировала молока и молокопродуктов на сумму \$795 млн, то в 2018 г. затраты на импорт этой группы продовольствия снизились до \$503 млн, при этом производство молока в РФ в хозяйствах всех категорий за данный период снизилось с 31,5 до 30,6 млн т. То есть при росте спроса на молочную продукцию единственным источником его удовлетворения сможет стать ее импорт.

Поскольку функция обеспечения населения страны продовольствием относится к ключевым функциям государства, то оно, как основной макроэкономический регулятор, определяет методы и инструменты балансирования системы продовольственного обеспечения, исходя из уровня развития отечественного агропродовольственного комплекса, финансовых возможностей по его государственной поддержке, корректировке его отраслевых пропорций. В качестве одного из самых эффективных инструментов балансирования спроса и предложения на агропродовольственных рынках является экспортно-импортная политика государства, позволяющая оперативно регулировать потоки продовольственных ресурсов за счет оптимизации объемов их экспорта и импорта. Вместе с тем следует отметить, что в условиях неослабевающего санкционного давления на РФ зависимость страны от импорта продовольствия может в любой момент привести к разбалансированию системы продовольственного обеспечения, возникновению дефицита отдельных продуктов питания, росту цен на них и росту социального напряжения. В этих условиях необходимость обеспечения продовольственной безопасности страны и развития отечественного агропродовольственного комплекса становится крайне актуальной.

В действующей Доктрине продовольственной безопасности РФ особое внимание уделено оценке рисков и угроз устойчивости системы продовольственного обеспечения страны, требующих участия государства в рамках реализации задачи поддержания ее сбалансированности и предполагающих:

– наращивание объемов производства продовольствия и повышение платежеспособного спроса на него (поддержание баланса спроса и предложения, повышение экономической доступности продуктов питания);

– развитие инфраструктуры продовольственного рынка страны и повышение физической доступности пищевых продуктов (балансирование размещения объектов инфраструктуры и минимизация логистических издержек населения, связанных с приобретением продуктов питания);

– сокращение ценовых диспропорций на продовольственные товары и ресурсы, необходимые для их производства (снижение диспаритета цен и балансирование доходов различных отраслей системы общественного производства);

– наращивание темпов технико-технологической модернизации сельского хозяйства и отраслей перерабатывающей промышленности (балансирование пропорций между звеньями технологических цепочек производства продуктов питания);

– обеспечение роста продуктивного потенциала сельскохозяйственных животных и растений (балансирование производственных возможностей аграрного сектора и изменяющегося спроса);

– развитие кадрового потенциала агропродовольственного комплекса (обеспечение баланса трудовых ресурсов и удовлетворение потребностей предприятий агропродовольственного комплекса в кадрах необходимой квалификации);

– выравнивание условий жизни населения различных территорий (обеспечение экономической и физической доступности основных товаров, в т.ч. продовольственных, и социальных услуг для всех слоев и групп населения вне зависимости от места проживания);

– обеспечение конкурентоспособности российских производителей продовольствия на отечественном рынке (поддержание баланса интересов потребителей продовольственных ресурсов и их производителей);

– обеспечения социального развития сельских территорий (поддержание баланса интересов бизнес-структур и сельских сообществ, обеспечивающих сохранение сельского уклада);

– содействие в поддержании адекватного уровня материально-технической базы аграрного производства (балансирование обеспеченности сельскохозяйственных производителей основными средствами в соответствии с реализуемыми агротехнологиями);

– развитие системы инфраструктурного обеспечения аграрного производства (балансирование уровня развития сельского хозяйства и объектов производственной и рыночной инфраструктуры);

– оптимизация экспортно-импортной политики (поддержание сбалансированности системы продовольственного обеспечения с учетом рисков внешней торговли).

Наряду с обеспечением продовольственной независимости страны и формированием устойчиво сбалансированной ресурсной базы национальной системы продовольственного обеспечения агропродовольственная система регионального уровня, как объект государственного управления, призвана решать задачи оптимального размещения производства сельскохозяйственной продукции и продуктов питания, направленные на максимизацию использования аграрного потенциала отдельных территорий и минимизацию логистических издержек и общественно необходимых затрат, связанных с обеспечением экономической и физической доступности продовольствия.

В контексте данного исследования аграрный потенциал представляет собой совокупные возможности хозяйствующих субъектов, локализованных в границах территориальных образований, по производству сельскохозяйственной продукции, определяемые условиями ведения аграрного производства, наличием ресурсов и качеством технологического развития, определяющим уровень эффективности использования ресурсов и результативности производственно-финансовой деятельности.

Для Российской Федерации, характеризующейся значительной пространственной протяженностью и существенной дифференциацией территорий по условиям ведения аграрного производства, уровню жизни населения, качества инфраструктурного обеспечения и др., задача выравнивания условий доступности основных видов продовольствия для населения различных социальных групп, проживающих в

границах различных локализованных территорий, относится к числу приоритетных задач пространственного развития страны.

Очевидно, что структура рационов питания по территориям складывается под воздействием целого ряда факторов, к числу которых можно отнести, уровень доходов населения, религиозные, исторические и культурный традиции, приоритетная ориентация на продукты питания, производящиеся местными производителями и т.п. Так, например, в 2018 г. лидирующие позиции картофеля, сахара, растительного масла и мяса занимал Центральный федеральный округ, по потреблению хлеба, сахара и овощей – Северо-Кавказский ФО, по потреблению фруктов и яиц – Южный ФО, по потреблению молока – Приволжский ФО (таблица 5).

Таблица 5 – Потребление основных продуктов питания на душу населения в 2018 г., кг

Территориальные образования	Хлеб и хлебобулочные продукты	Картофель	Овощи	Фрукты	Сахар	Масло растительное	Молоко и молокопродукты	Мясо и мясопродукты	Яйца, шт
РФ	116	89	107	61	39	14,0	229	69	280
Центральный ФО	118	87	99	61	43	15,4	203	78	278
Северо-Западный ФО	99	75	97	60	38	11,8	261	71	292
Южный ФО	118	77	143	75	42	14,7	218	66	308
Северо-Кавказский ФО	124	90	168	64	42	13,8	235	57	228
Приволжский ФО	114	97	99	57	37	14,8	266	64	286
Уральский ФО	118	93	91	64	37	13,4	203	66	296
Сибирский ФО	120	96	91	48	34	11,9	236	65	261
Дальневосточный ФО	114	96	96	61	35	12,1	197	72	267

Источник: [226]

Достигнутые объемы потребления основных продуктов питания и сложившаяся структура рационов питания в целом обеспечивает потребности населения в энергии, но не соответствует медицински обоснованным нормам и ограничивает возможности реализации принципа здорового питания.

Информация о производстве основных видов сельскохозяйственной продукции и продуктов питания в 2018 г. приведена в таблице 6.

Таблица 6 –Производство основных видов сельскохозяйственной продукции и продуктов питания на душу населения в 2018 г., кг

Территориальные образования	Зерно	Картофель	Овощи	Фрукты	Сахар	Масло растительное	Молоко и молокопродукты	Мясо и мясопродукты	Яйца, шт.
РФ	771	153	93	27,0	42,7	40,5	208	72	306
Центральный ФО	725	177	62	18,0	94,4	42,7	146	103	255
Северо-Западный ФО	54	72	36	8,0	0,4	45,3	133	51	317
Южный ФО	1 773	84	231	84,0	77,9	98,6	222	63	314
Северо-Кавказский ФО	1 217	108	244	80,0	7,1	13,5	267	69	163
Приволжский ФО	728	194	90	22,0	35,6	48,8	320	73	383
Уральский ФО	442	166	48	12,0	0,0	3,2	157	61	391
Сибирский ФО	867	183	54	8,0	8,9	16,2	253	60	364
Дальневосточный ФО	121	130	43	5,0	0,0	9,2	172	22	125

Источник: [226]

С точки зрения дефицитности отдельных видов сельскохозяйственной продукции и продуктов питания наибольший интерес представляют показатели, отражающие разницу между среднедушевым производством и потреблением (таблица 7), а также отношение производства продукции к уровню потребления (таблица 8). Следует отметить, что из рассмотрения при этом исключаются расчеты по производству зерна и потреблению хлеба и хлебопродуктов в силу некорректности сопоставления этих показателей.

Таблица 7 – Разница между среднедушевым производством и потреблением основных видов сельскохозяйственной продукции и продуктов питания в 2018 г., кг

Территориальные образования	Картофель	Овощи	Фрукты	Сахар	Масло растительное	Молоко и молокопродукты	Мясо и мясопродукты	Яйца, шт.
РФ	64	-14	-34	4	26	-21	3	26
Центральный ФО	90	-37	-43	51	27	-57	25	-23
Северо-Западный ФО	-3	-61	-52	-38	34	-128	-20	25
Южный ФО	7	88	9	36	84	4	-3	6
Северо-Кавказский ФО	18	76	16	-35	0	32	12	-65
Приволжский ФО	97	-9	-35	-1	34	54	9	97
Уральский ФО	73	-43	-52	-37	-10	-46	-5	95
Сибирский ФО	87	-37	-40	-25	4	17	-5	103
Дальневосточный ФО	34	-53	-56	-35	-3	-25	-50	-142

Рассчитано по данным [226]

Лишь два федеральных округа (Южный и Северо-Кавказский) полностью обеспечивают себя овощами и фруктами, только три (Южный, Северо-Кавказский и Приволжский) – молоком.

Таблица 8 – Отношение производства и потребления основных видов сельскохозяйственной продукции и продуктов питания в 2018 г., %

Территориальные образования	Картофель	Овощи	Фрукты	Сахар	Масло растительное	Молоко и молокопродукты	Мясо и мясопродукты	Яйца
Центральный ФО	203,4	62,6	29,5	219,6	277,3	71,9	132,1	91,7
Северо-Западный ФО	96,0	37,1	13,3	1,1	384,2	51,0	71,8	108,5
Южный ФО	109,1	161,5	112,0	185,4	670,8	101,8	95,5	101,9
Северо-Кавказский ФО	120,0	145,2	125,0	16,9	97,9	113,6	121,1	71,5
Приволжский ФО	200,0	90,9	38,6	96,1	329,5	120,3	114,1	133,9
Уральский ФО	178,5	52,7	18,8	0,0	24,2	77,3	92,4	132,1
Сибирский ФО	190,6	59,3	16,7	26,2	135,8	107,2	92,3	139,5
Дальневосточный ФО	135,4	44,8	8,2	0,0	76,3	87,3	30,6	46,8

Рассчитано по данным [226]

Именно различия в уровне самообеспечения территориальных образований свидетельствуют о необходимости решения глобальной логистической задачи связанной с необходимостью формирования механизмов оптимизации размещения агропромышленного производства, экспортно-импортной деятельности государства и процессов межрегионального обмена сельскохозяйственной продукцией и продовольствием.

Чтобы понять масштабность объемов межтерриториальных обменов достаточно оценить объемы вывоза и ввоза только трех видов продовольственных ресурсов, по которым официальная статистика предоставляет информацию в разрезе федеральных округов (рисунок 20). При этом необходимо учитывать определенные сложности организации экспорта и импорта продукции, обусловленные низким уровнем развития соответствующей инфраструктуры (зерновых терминалов, припортовых хранилищ, рефрижераторного хозяйства и др.).

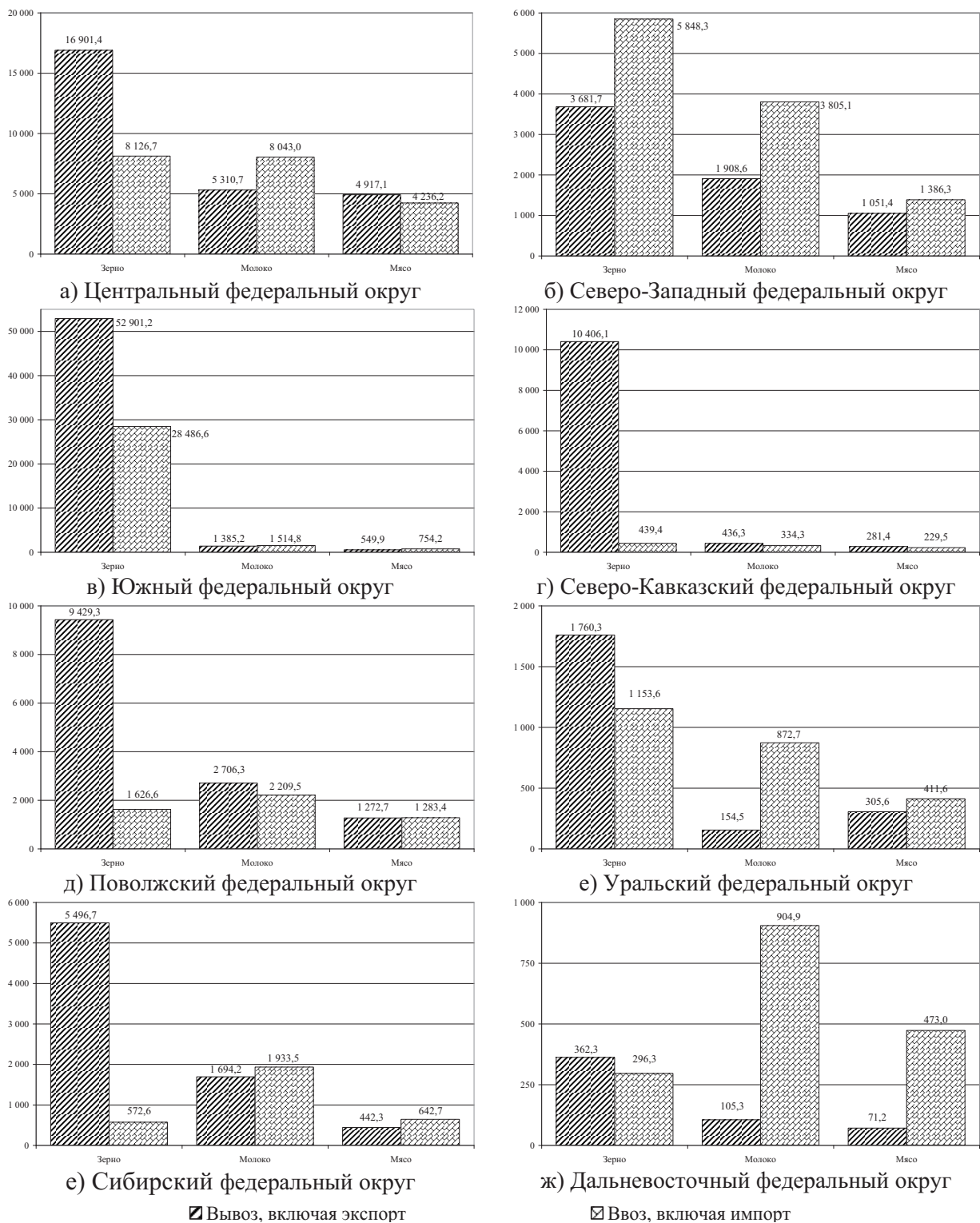

Рисунок 20 – Объемы вывоза и ввоза продукции по федеральным округам РФ, тыс. т

А если учесть довольно высокую дифференциацию регионов по развитию аграрного производства, пищевой и перерабатывающей промышленности внутри федеральных округов, то можно предположить, что сложность задачи выравнивания условий экономической и

физической доступности основных видов продуктов питания для населения различных локализованных территорий значительно усложняется.

Если сбалансированность агропродовольственной системы национального уровня определяется ее способностью обеспечивать баланс между спросом на продовольствие со стороны населения страны и его предложением с учетом необходимости обеспечения продовольственной независимости страны и экономической и физической доступности продовольственных ресурсов, а также оптимизировать схемы размещения агропромышленного производства с учетом аграрного потенциала территориальных образований и уровня развития пищевой и перерабатывающей промышленности с целью минимизации общественных издержек, связанных с функционированием системы продовольственного обеспечения страны, то для агропродовольственных систем регионального уровня, также являющихся объектом государственного управления, задача повышения сбалансированности связана, в первую очередь, с обеспечением эффективного использования аграрного потенциала региона, сохранения социального контроля над сельскими территориями за счет создания благоприятных условий развития крупного, среднего и малого агробизнеса, повышения инвестиционной привлекательности агропродовольственного комплекса и роста качества жизни сельского населения.

При этом рост уровня самообеспечения региона основными видами сельскохозяйственной продукции и продуктами питания не является приоритетной задачей региональной агропродовольственной системы, поскольку в рамках межрегиональной системы разделения труда регион может развивать производство тех видов продукции, которые позволяют реализовывать имеющиеся конкурентные преимущества и являются наиболее привлекательными для территориальных образований с точки зрения как экономической, так и социальной эффективности.

Основным критерием оценки качества сбалансированности региональной агропродовольственной системы в целом является уровень экономической и физической доступности основных видов продуктов питания для населения региона, а для регионального агропродовольственного комплекса как ее ключевого элемента – уровень эффективности и интенсивности использования производственных ресурсов аграрного сектора и устойчивости функционирования всех категорий хозяйствующих субъектов, реализующих функции производства сельскохозяйственной продукции и ее переработки. То есть сбалансированность агропродовольственного комплекса региона обеспечивается за счет оптимизации потенциала развития аграрного сектора и формирования эффективной системы переработки сельскохозяйственной продукции с учетом дифференциации условий ведения аграрного производства, сложившихся и перспективных схем его размещения, корректировки специализации основных сельскохозяйственных производителей и повышения устойчивости развития сельских территорий как пространственного базиса агропродовольственных систем различного уровня.

Так, например, в Докладе о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения РФ в 2017 г., подготовленном Министерством сельского хозяйства [79], отмечается, что на 1 января 2018 г. в Российской Федерации размер неиспользуемых в хозяйстве обороте земель сельскохозяйственного назначения составлял 46,4 млн га (12,1% от их общей площади) Наиболее проблемными с точки зрения наличия площади неиспользуемых земель являются Сибирский ФО (22,6% от всех неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения), Центральный (17,1%), Приволжский (15,8%), Северо-Западный (13,6%) и Дальневосточный ФО(13,3%). в Уральском, Южном и Северо-Кавказском ФО данный показатель составлял всего 6,8%, 10,6% и 0,2% соответственно. В этом же докладе приводятся данные о регионах, в которых площадь неиспользуемых сельскохозяйственных угодий превышает 60% к общей площади земель данной

категории. К их числу относятся: Республика Коми (75,7%), Архангельская (75,1%), Псковская (74,8%), Ярославская (64,2%), Новгородская (62,7%), Костромская (62,2%) и Ивановская (60,7%) области (рис. 1.4.6).

По данным МСХ РФ [79] площадь неиспользуемых сельскохозяйственных угодий по стране на начало 2018 г. составляла 32,7 млн га (16,5% от площади всех сельскохозяйственных угодий). Но если недоиспользование общей площади сельскохозяйственных угодий можно объяснить выводом из хозяйственного оборота низкопродуктивных пастбищ и сенокосов в условиях изменения технологий содержания и кормления сельскохозяйственных животных, то отказ от обработки пахотных земель свидетельствует о процессах падения аграрного потенциала региональных экономических систем и ограниченных производственно-финансовых возможностях хозяйствующих субъектов аграрной сферы, что свидетельствует о нарушении оптимальных пропорций развития региональных агропродовольственных систем и их разбалансированности. К началу 2018 г. площадь выведенных из хозяйственного оборота пахотных земель составляла 19,4 млн га (около 16,7% от площади пашни по стране). При этом доля хозяйствующих субъектов Приволжского ФО в общей площади неиспользуемых пахотных земель находилась на уровне 28%, Сибирского – 24,7%) и Центрального ФО – 19,9%, по Уральскому, Южному и Северо-Западному федеральных округах находилась на уровне 9%, 8,5% и 7,6% соответственно.

Интенсивность использования продуктивных земель определяется не только уровнем развития технологий возделывания сельскохозяйственных культур, но уровнем развития животноводства, позволяющем существенно повысить объемы производства продукции в расчете на единицу земельных ресурсов. Одним из наиболее наглядных показателей развития отраслей животноводства является плотность поголовья скота и птицы (таблица 9).

Таблица 9 – Плотность поголовья сельскохозяйственных животных и птицы в расчете на 100 земельных ресурсов на начало 2019 г., гол.

Регионы	Поголовье в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий			Поголовье в расчете на 100 га пашни	
	Крупный рогатый скот	Коровы	Овцы и козы	Птица	Свиньи
Российская Федерация	8,2	3,6	10,4	441,1	19,3
Южный ФО	6,9	3,6	19,1	328,4	7,4
Республика Адыгея	13,0	6,5	15,6	543,5	27,5
Республика Калмыкия	7,0	4,9	38,3	21,9	1,3
Республика Крым	5,6	2,8	9,3	430,5	9,8
Краснодарский край	11,3	4,5	4,6	683,9	13,2
Астраханская область	9,0	4,8	43,1	565,3	2,0
Волгоградская область	3,4	1,9	11,4	162,0	4,1
Ростовская область	7,1	3,5	13,9	251,4	6,5

Источник: [85]

Если в целом Южный федеральный округ имеет более низкую плотность поголовья всех видов сельскохозяйственных животных и птицы по сравнению с Российской Федерацией (за исключением овец и коз), то плотность поголовья крупного рогатого скота в Краснодарском крае превышает среднероссийский показатель в 1,4 раза, коров – в 1,3 раза, птицы – в 1,6 раза, при этом уступая по плотности свиней почти в 1,5 раза.

Об эффективности и результативности использования ресурсов аграрного производства на уровне региональных агропродовольственных систем можно судить по такому показателю как производство продукции сельского хозяйства в расчете на единицу земельной площади (рисунок 21).

Так, например, хозяйствующими субъектами аграрного сектора Краснодарского края в 2018 г. было произведено сельскохозяйственной продукции на сумму более 8,1 млн руб. (в фактически действовавших ценах) в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий, тогда как в целом Южному федеральному округу данный показатель находился на уровне 2,4 млн руб.

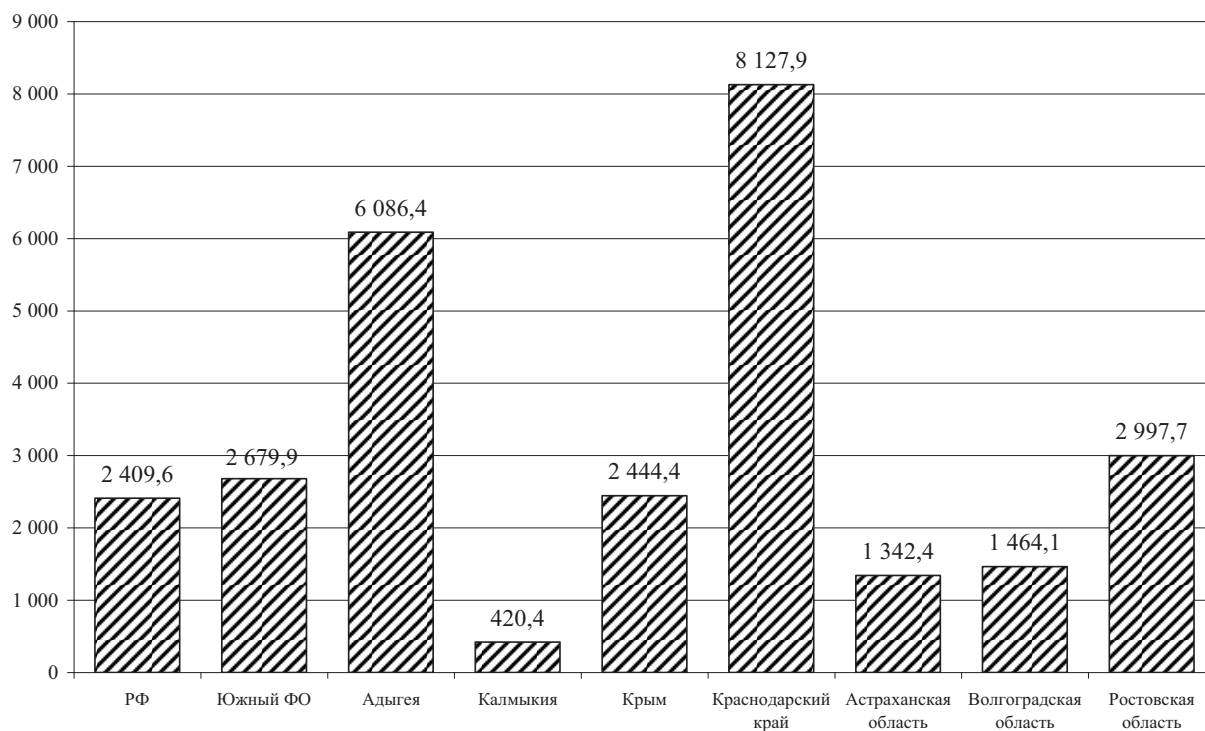

Рисунок 21 – Стоимость продукции сельского хозяйства на 100 га сельскохозяйственных угодий в 2018 г., тыс. руб.

Среднероссийский показатель производства сельскохозяйственной продукции в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий хозяйствующими субъектами аграрного сектора Краснодарского края был превзойден в 3,4 раза. Следует отметить, что, обладая всего 14% сельскохозяйственных угодий Южного ФО и 21,5% пашни, Краснодарский край произвел 42,3% всей сельскохозяйственной продукции округа.

Если же оценить уровень производства сельскохозяйственной продукции в расчете на душу населения региона (по среднегодовой численности постоянного населения), то в границах Южного ФО Краснодарский край заметно уступает Калмыкии (более в 1,4 раза), но превосходя среднероссийский уровень почти в 1,9 раза (рисунок 22).

В целом по Южному ФО объем производства сельскохозяйственной продукции на душу населения превышал в 2018 г среднероссийский уровень более чем в 1,5 раза. Из всех регионов, входящих в состав Южного ФО, лишь Республика Крым не смогла достичь среднероссийского уровня производства сельскохозяйственной продукции на душу населения.

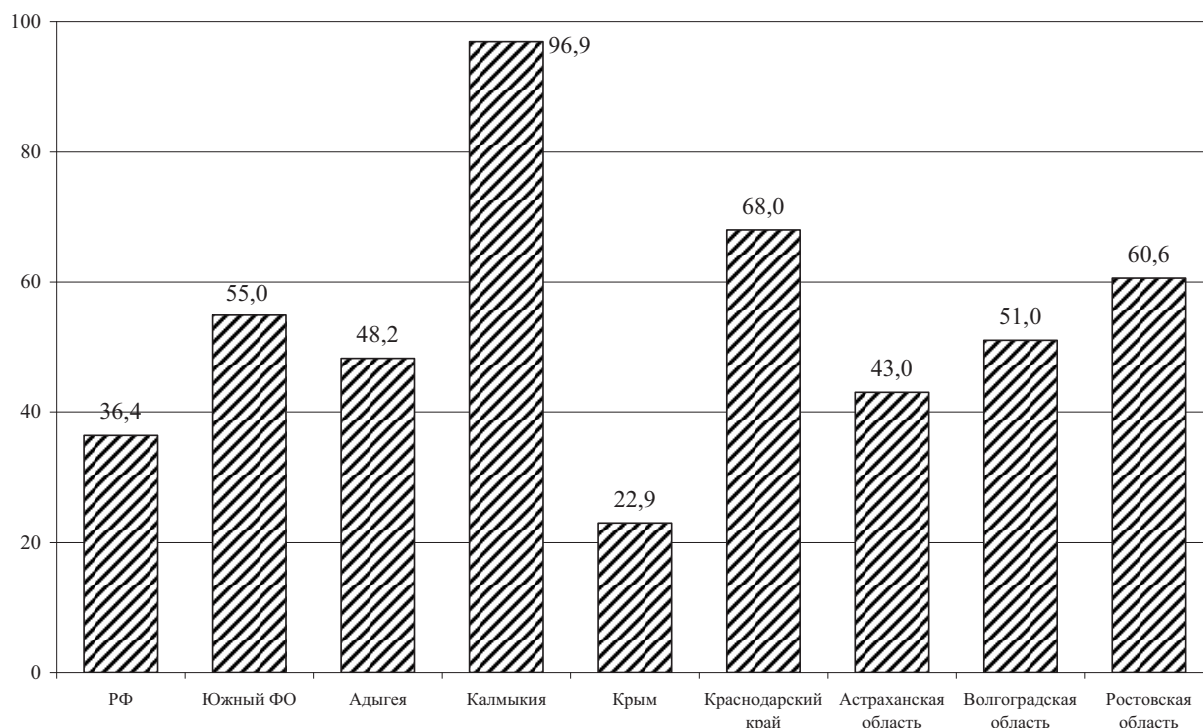

Рисунок 22 – Стоимость продукции сельского хозяйства на одного постоянно проживающего человека в 2018 г., тыс. руб.

Определенный интерес, с точки зрения понимания дифференциации регионов по уровню развития сельского хозяйства, представляет информация, характеризующая объемы производства отдельных видов продукции аграрного сектора в расчете на одного постоянного жителя (таблица 10).

Таблица 10 – Производство продукции в расчете на 1 постоянного жителя в 2018 г., кг.

Регионы	Зерно	Картофель	Овощи	Фрукты и ягоды	Молоко	Мясо	Яйца, шт
РФ	771,3	152,5	93,2	22,7	208,5	72,4	306,0
К среднероссийскому уровню, %							
Южный ФО	229,8	54,9	248,3	269,4	106,6	86,4	102,7
Адыгея	158,0	33,3	143,3	342,3	125,7	78,2	73,2
Калмыкия	218,4	7,2	46,7	3,3	112,6	361,4	20,8
Крым	51,6	25,5	92,5	350,2	52,6	73,4	53,4
Краснодарский край	293,3	44,8	143,7	402,1	123,6	92,1	100,6
Астраханская область	4,5	215,0	1 362,8	77,3	83,3	48,4	123,3
Волгоградская область	191,1	56,9	426,7	283,5	102,5	81,9	98,8
Ростовская область	335,9	52,8	132,9	121,3	124,8	88,5	144,2

Рассчитано по данным [85]

Следует отметить, что в 2018 г. регионами, входящими в состав Южного федерального округа, было произведено 25,7% всего россий-

ского зерна, 27,8% овощей, 26,3% подсолнечника, 20,1% сахарной свеклы, 30,2% фруктов и ягод, 11,9% молока, 11,5% яиц, 9,7% мяса.

Не менее существенна дифференциация регионов по структуре аграрного сектора, определяемой через долю хозяйств различных категорий в стоимости продукции сельского хозяйства (рисунок 23).

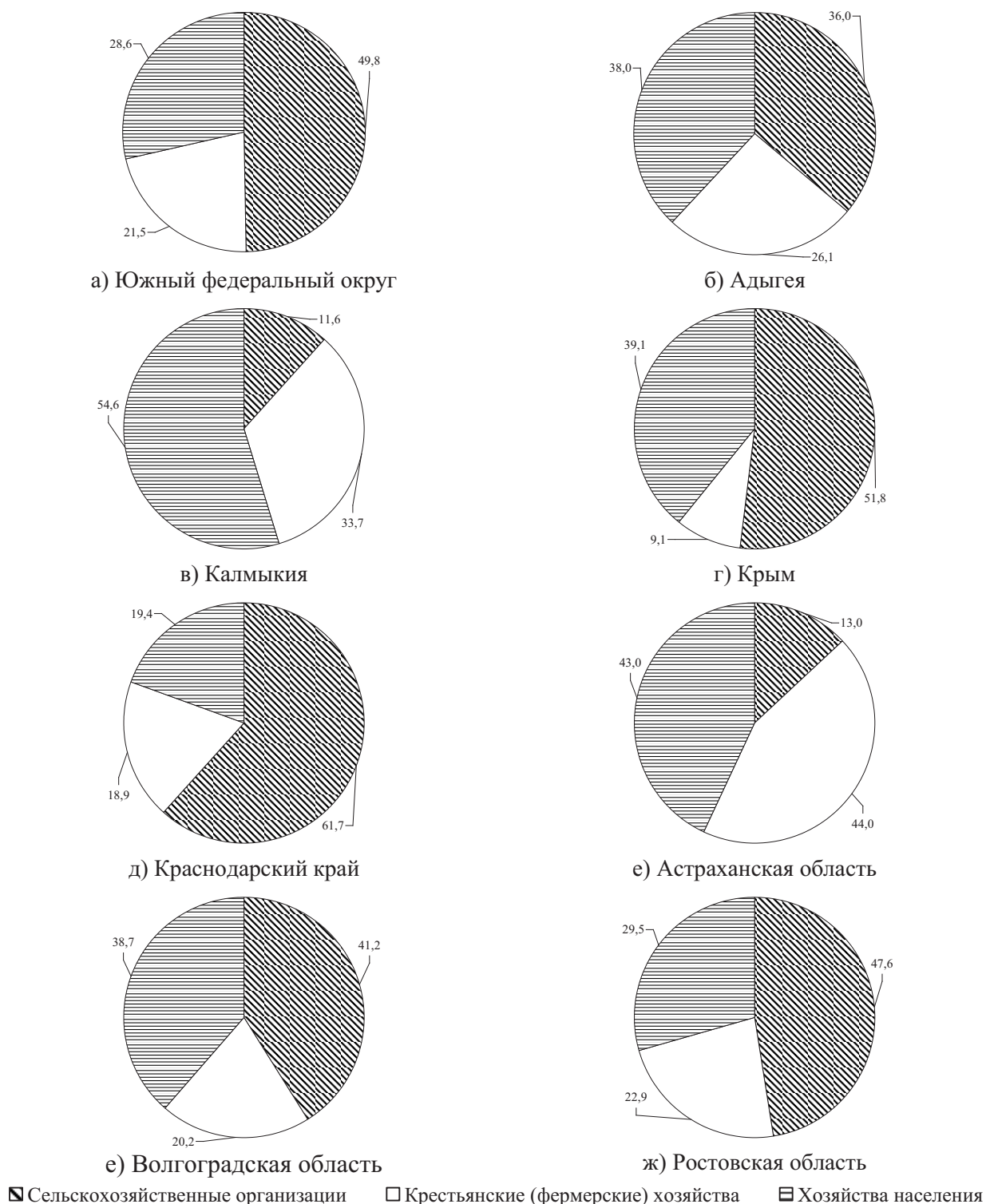

Рисунок 23 – Доля хозяйств различной категории в стоимости сельскохозяйственной продукции в 2018 г., %

Если в целом по Российской Федерации доля сельскохозяйственных организаций в стоимости продукции сельского хозяйства в 2018 г. составляла 56,5%, крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей – 12,5%, а хозяйств населения – 31,0%, по в среднем по Южному федеральному округу эти показатели находились на уровне 49,8%, 21,5% и 28,6% соответственно. При этом лишь в двух регионах округа доля сельскохозяйственных организаций в структуре стоимости продукции аграрного сектора в 2018 г. превышала 50% (Краснодарский край – 61,7%, Республика Крым – 51,8%), а еще в двух – 40% (Ростовская область – 47,6%, Волгоградская область – 41,2%), а в Астраханской области находилась на уровне всего 13,0%. Самый высокий удельный вес по удельному весу в стоимости сельскохозяйственной продукции региона в Южном ФО имеют Астраханская область (44,0%), Калмыкия (33,7%) и Адыгея (26,1%).

Существенно различаются регионы Южного ФО и объемам производства продуктов питания. Вклад регионов в стоимость продовольственных товаров собственного производства по федеральному округу представлен на рисунке 24.

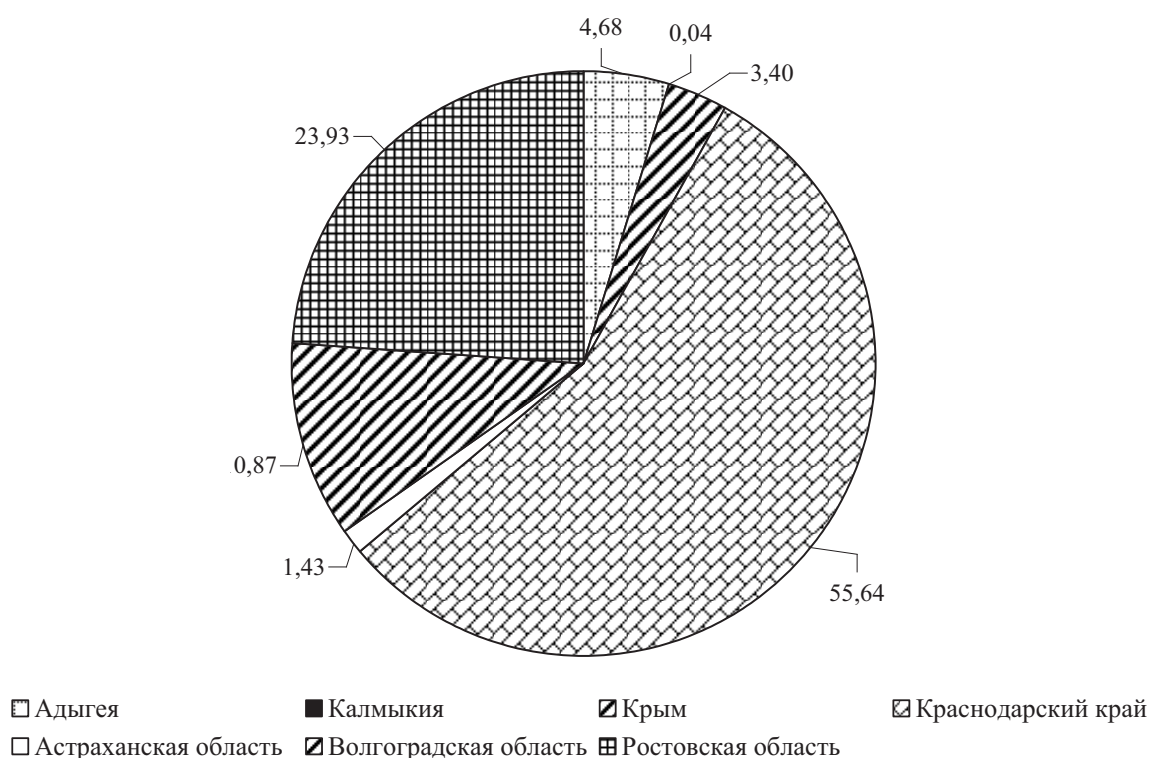

Рисунок 24 – Доля регионов Южного ФО регионов в стоимость продовольственных товаров собственного производства по федеральному округу в 2018 г., %

Лидерами по стоимости произведенных пищевых продуктов в Южном федеральном округе в 2018 г. являлись Краснодарский край (55,6% от общего объема производства по округу) и Ростовская область (23,9%). Но данный показатель отражает лишь масштаб производства, а оценку уровня развития пищевой и перерабатывающей промышленности целесообразно проводить по соотношению стоимости произведенных продовольственных товаров к стоимости сельскохозяйственной продукции в регионе. По этому показателю Краснодарский край занимает в Южном федеральном округе лишь второе место (0,81 руб. на 1 руб. стоимости сельскохозяйственной продукции), уступая Адыгее (1,19 руб.) (рисунок 25).

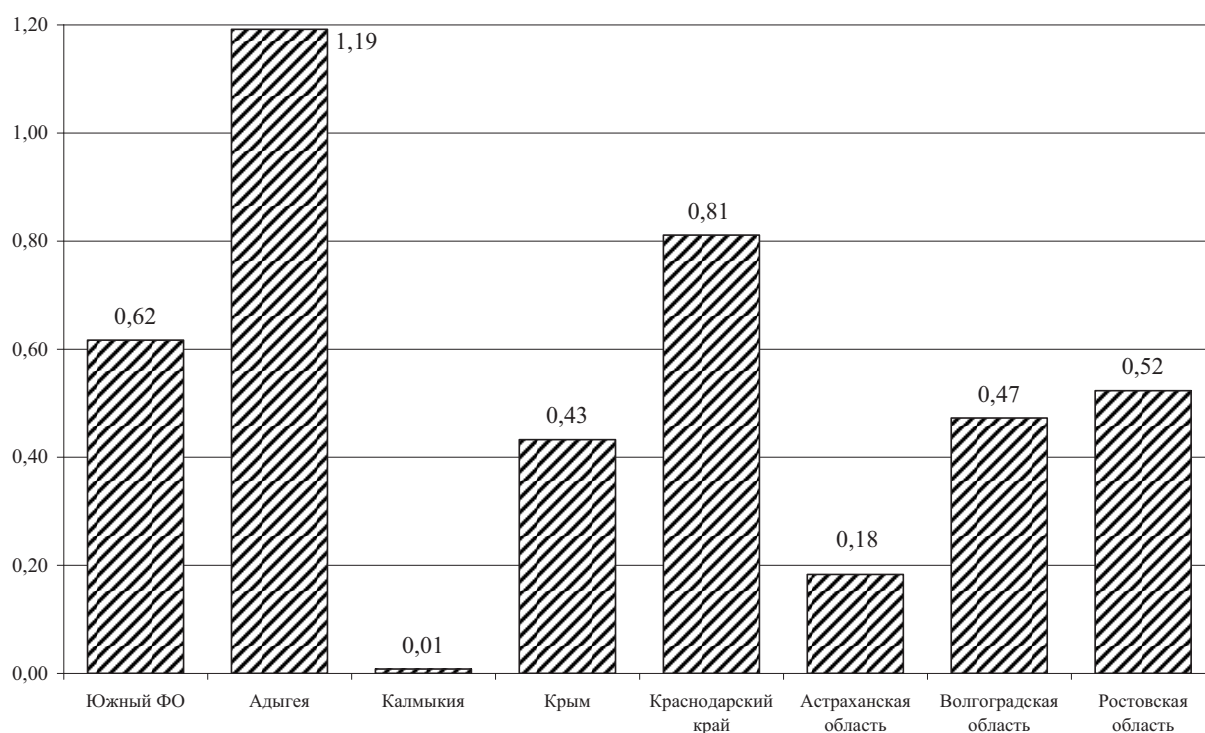

Рисунок 25 – Стоимость произведенных продовольственных товаров в расчете на 1 руб. стоимости сельскохозяйственной продукции в 2018 г., руб.

Необходимо также отметить, что в целом по Южному федеральному округу наблюдается довольно низкий уровень загруженности производственных мощностей по производству продуктов питания. Если мощности по производству сахара в 2018 г. были загружены почти на 95%, по переработке зерна – менее чем на 40%, молока – примерно на 50%, мяса – на 62%, что связано, в первую очередь, с высоким уровнем насыщенности рынков основных продуктов пита-

ния на фоне относительно низкого и медленно растущего уровня доходов населения и его платежеспособного спроса.

Высокий уровень дифференциации регионов по уровню аграрного потенциала и развитию отдельных отраслей сельского хозяйства и пищевой промышленности не позволяет использовать некие типовые пропорции и балансы, обеспечивающие устойчивое развитие агропродовольственных систем регионального уровня. Балансирование региональных агропродовольственных систем должно осуществляться исходя из стратегии социально-экономического развития каждого региона, наличия устойчивых конкурентных преимуществ, структуры аграрного сектора, производственных возможностей предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности, уровня насыщенности внутреннего рынка страны и экспортного потенциала отдельных отраслей агропродовольственного комплекса региона. Основная задача балансирования региональной агропродовольственной системы может быть сведена к задаче наращивания и повышения уровня использования аграрного потенциала региона, оптимизации мощностей по переработке сельскохозяйственной продукции и уровня их загрузки и минимизации диспропорций пространственного развития, обеспечивающего рост уровня жизни населения и сокращения различий в уровне экономической и физической доступности основных продуктов питания.

Для агропродовольственных систем, формирующихся в рамках интеграции технологически, организационно и экономически взаимосвязанных хозяйствующих субъектов, задача достижения сбалансированности заключается в обеспечении баланса продукции между различными звеньями цепочек формирования добавленной стоимости и баланса интересов всех субъектов интеграции за счет оптимизации схем распределения доходов, формируемых в результате реализации конечной продукции.

При реализации моделей агропромышленной интеграции, предполагающих доминирование перерабатывающих предприятий и приоритетность их экономических интересов, основная задача балансирования агропродовольственной системы сводится к максимально

возможной загрузке их производственных мощностей при минимизации затрат на приобретение сырья и транзакционных издержек в относительно длительной перспективе.

В случае если производители сельскохозяйственной продукции эффективны и финансово устойчивы, а на локализованных рынках действует несколько относительно крупных субъектов, старающихся расширить свои сырьевые зоны и обеспечить их устойчивость, то перерабатывающие предприятия, являющиеся инициаторами интеграционных взаимодействий, вынуждены перераспределять часть своих доходов в пользу производителей сырья за счет роста закупочных цен и предоставления им различного рода преференций.

Если же финансовое положение сельскохозяйственных производителей не устойчиво, то переработчики или другие бизнес-структуры, иницирующие процессы агропромышленной интеграции, реализуют стратегию поглощений, стремясь полностью контролировать производственную деятельность хозяйствующих субъектов, вошедших в состав агропромышленных формирований. При этом, получая полный контроль над многоотраслевыми сельскохозяйственными предприятиями, инициаторы реализации корпоративной модели агропромышленной интеграции сталкиваются с проблемами использования остальных видов продукции, не являющихся сырьем для перерабатывающих предприятий основной технологической цепочки. В этой ситуации они вынуждены либо организовывать новые технологические цепочки, отвлекая ресурсы от развития основного производства, либо искать каналы ее продвижения на локальном, а иногда на мировом рынках.

Учитывая, что рынки практически всех продуктов питания Российской Федерации характеризуются высоким уровнем насыщенности и сбалансированностью предложения конечной продукции агропродовольственного комплекса и платежеспособного спроса на нее, можно предположить, что рост объемов сельскохозяйственной продукции может привести к снижению цен на нее, в случае если не будут обеспечены высокие темпы роста доходов населения и изменение их рационов питания. Если оценить уровень загруженности произ-

водственных мощностей предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности, то становится очевидно, что рынки продуктов питания насыщены, но при этом между производителями продовольствия идет жесткая конкурентная борьба за сырье для производства продуктов питания в надежде увеличить долю на слабо растущих или сокращающихся рынках продовольственных товаров. В этой ситуации одним из основных путей формирования устойчивых конкурентных преимуществ является именно минимизация стоимости сырья и трансакционных издержек, реализуемая в рамках балансирования интересов интегрирующихся субъектов и обеспечения эффективности функционирования всей цепочки формирования и реализации добавленной стоимости.

В качестве основного показателя, отражающего уровень сбалансированности агропродовольственных систем, представляющих собой агропромышленные формирования различного типа, предлагается использовать: уровень загруженности производственных мощностей перерабатывающих предприятий, а для оценки баланса интересов субъектов интеграции – уровень рентабельности их производственно-финансовой деятельности. Кроме того в качестве вспомогательных критериев сбалансированности рекомендуется применять уровень использования аграрного потенциала сельскохозяйственных производителей, входящих в состав интегрированных формирований, уровень соответствия возможностей объектов инфраструктуры потребностям субъектов, формирующих производственный базис различных звеньев технологических цепочек, уровень соответствия финансовых возможностей интегрированного формирования его способности обеспечивать устойчивое воспроизводство всех элементов агропродовольственной системы.

Необходимо отметить, что комплексная оценка сбалансированности агропродовольственных систем различных уровней объективно затруднена в силу неоднородности частных критериев и их разного влияния на процессы развития.

3.2. Состояние и тенденции развития агропродовольственного комплекса Краснодарского края

Ключевым элементом агропродовольственных систем регионального уровня являются агропродовольственные комплексы регионов, представляющие собой совокупность хозяйствующих субъектов, реализующих функции производства и переработки сельскохозяйственной продукции и инфраструктурного обеспечения. Каждый региональный агропродовольственный комплекс характеризуется собственным потенциалом развития, определяемого условиями ведения сельскохозяйственного производства, уровнем обеспеченности производственными ресурсами, технологического развития, качеством инфраструктурного обеспечения, результативностью и эффективностью развития.

По природно-климатическим условиям Краснодарский край относится к регионам Российской Федерации с наиболее благоприятными условиями развития аграрного производства.

На основе комплексного использования биоклиматических, геологических, геохимических и гидролого-геоморфологических характеристик на территории Краснодарского выделяется семь основных природно-хозяйственных зон, включая зоны богарного земледелия, рисоводства и виноградарства, а также плавневую, предгорную, горно-лесную и рекреационную зону, хозяйственное использование которых определяется особенностями механизмов функционирования той или иной ландшафтной системы [29].

Общая земельная площадь Краснодарского края на 1.01.2019 г. составляла 7 548,5 тыс. га, из которых 4 706,5 тыс. га относились к землям сельскохозяйственного назначения. Площадь сельскохозяйственных угодий Краснодарского края на отчетную дату составляла 4 705,6 тыс. га, в том числе площадь пашни – 3985,6 или 84,7% от площади сельскохозяйственных угодий. По уровню распаханности сельскохозяйственных угодий Краснодарский край превосходит все региона Южного федерального округа и превышает среднероссийский показатель в 1,53 раза (рисунок 26, приложение А).

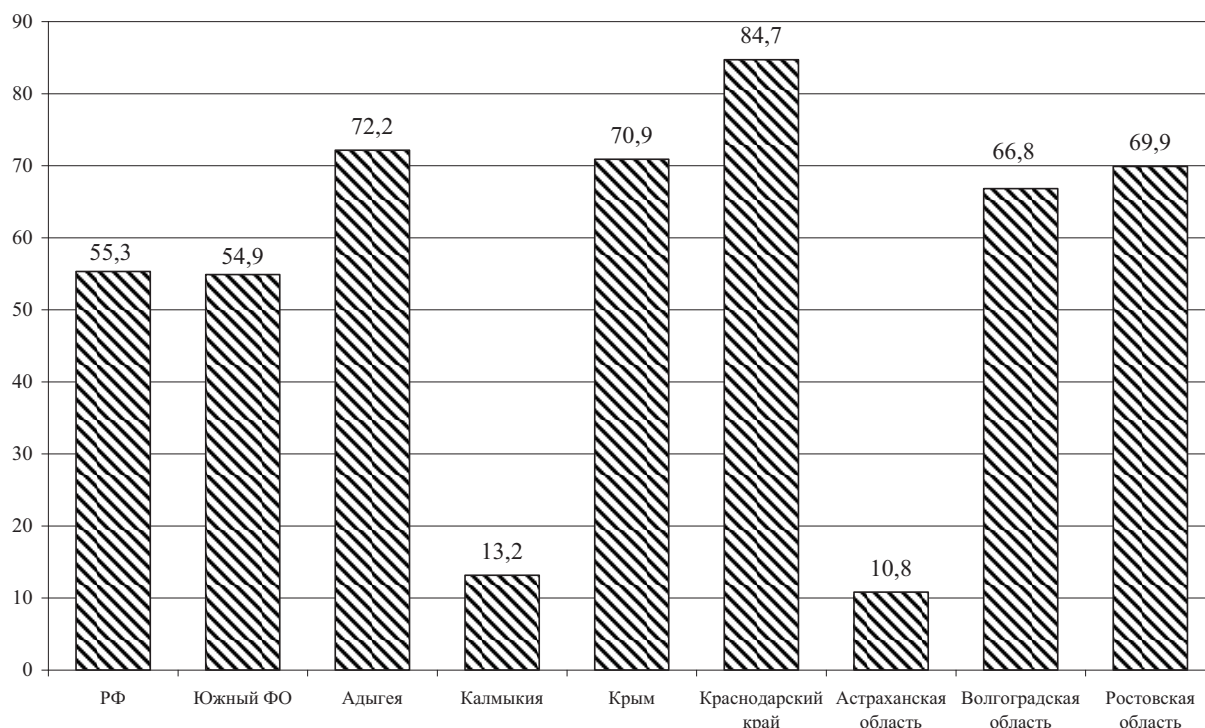

Рисунок 26 – Доля пашни в структуре сельскохозяйственных угодий на 1.01.2019 г., %

Следует также отметить, что размеру площади пашни на начало 2019 г. Краснодарский край занимал лишь шестое место в Российской Федерации, уступая таким регионам как Алтайский край (6 655,0 тыс. га), Оренбургская (6 114,9), Саратовская (5 980,6), Ростовская (5 947,4), Волгоградская (5 854,0) и Омская (4 156,6) области, Ставропольский край (3 998,6 тыс. га), а по размеру площади сельскохозяйственных угодий – 14 место.

Но объемные показатели отражают лишь размеры земельных ресурсов, тогда как с точки зрения достижения баланса между различными элементами ресурсного потенциала гораздо больший интерес представляет такой показатель как обеспеченность земельными ресурсами, в первую очередь продуктивными землями, в расчете на 1 жителя региона, а с позиций оценки трудоустроенности и обратный показатель: отношение количества сельских жителей к площади сельскохозяйственных угодий и площади пашни.

На начало 2019 г. на одного постоянного жителя Краснодарского края приходилось всего 0,84 га сельскохозяйственных угодий и 0,71 га пашни, тогда как в среднем по Российской Федерации и Юж-

ному федеральному округу данные показатели находились на уровне 1,51 и 0,84 га (по РФ) и 2,05 и 1,13 га (по Южному ФО) (рисунок 27).

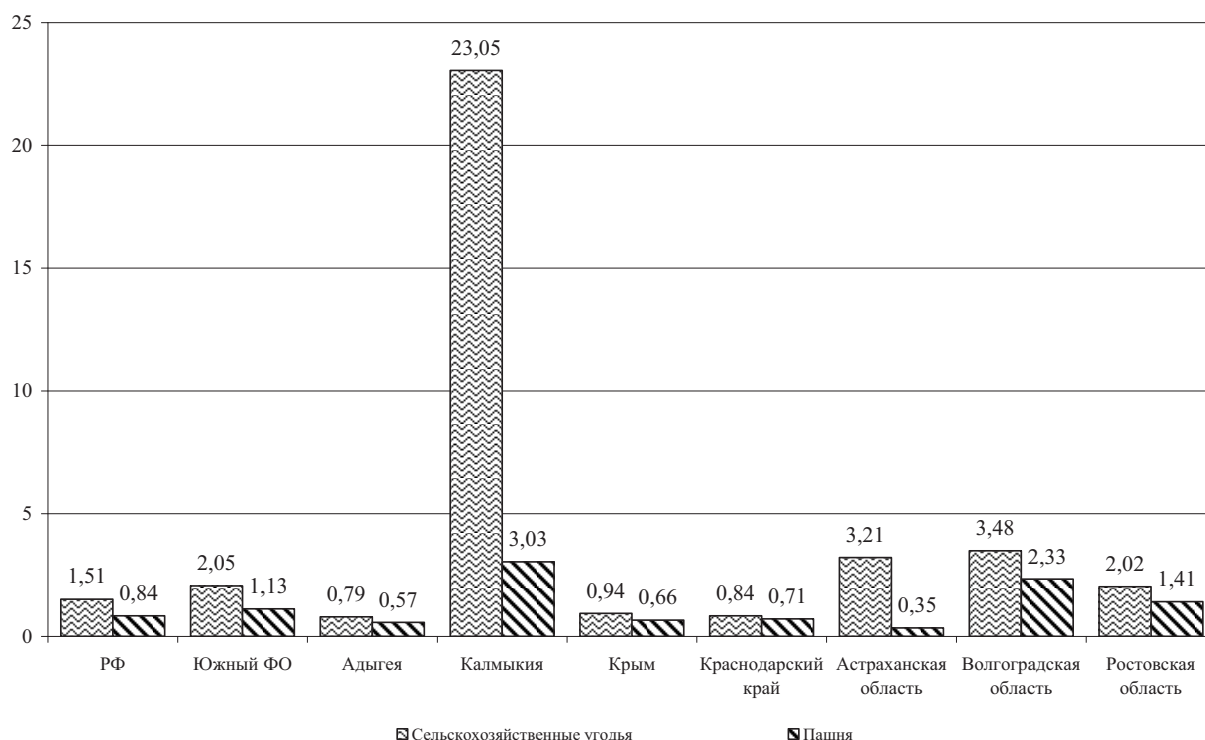

Рисунок 27 – Приходится сельскохозяйственных угодий на 1 постоянного жителя на 1.01.2019 г., га

По уровню обеспеченности продуктивными землями в расчете на 1 постоянного жителя Краснодарский край существенно уступает таким регионам Южного федерального округа как Калмыкия, Волгоградская и Ростовская область.

В условиях «избыточности» сельского населения в силу относительного небольшого числа рабочих мест на селе Краснодарский край испытывает определенные проблемы по сравнению с регионами с более высоким уровнем обеспеченности сельскохозяйственными угодьями. Так на начало 2019 г. на 100 га сельскохозяйственных угодий в Краснодарском крае приходилось 53,8 человека, а на 100 га пашни – 63,5 чел. По этим показателям Краснодарский край в Южном федеральном округе уступает лишь Адыгее (66,7 и 92,5 чел. соответственно), а по количеству сельского населения на 100 га пашни и Астраханской области (96,1 чел). По РФ данные показатели находились соответственно на уровне 16,9 и 30,5 чел. (рисунок 28).

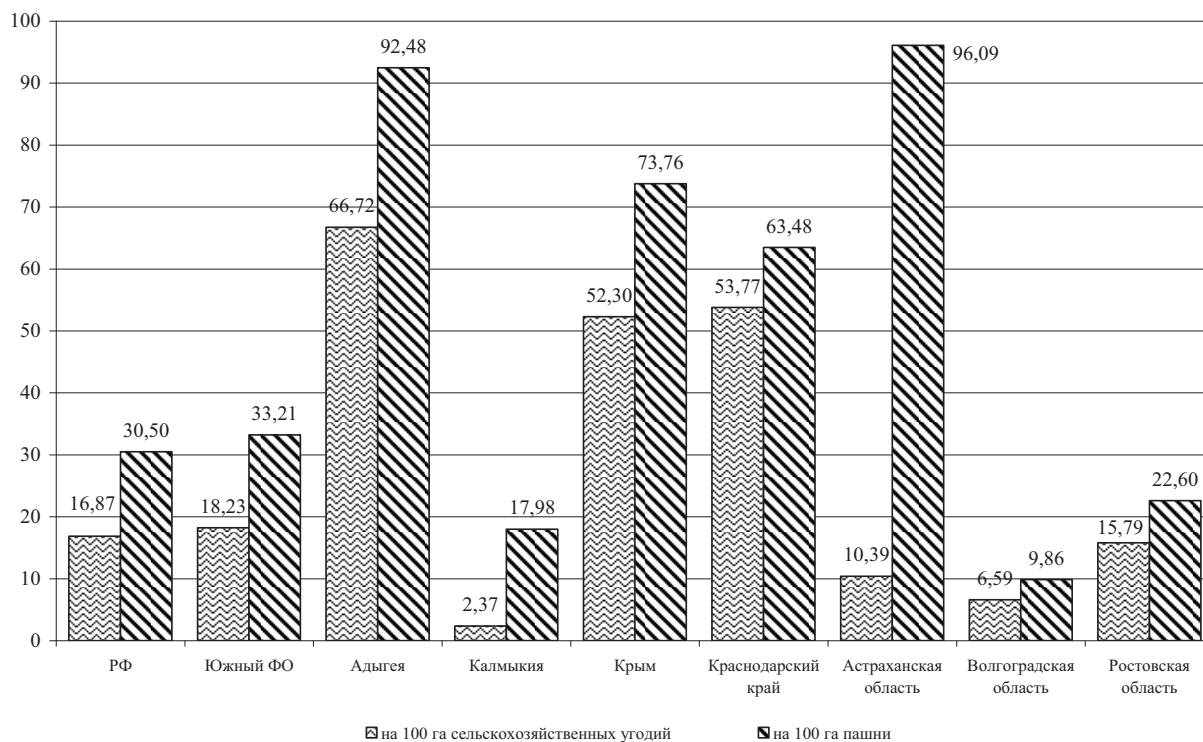

Рисунок 28 – Приходится сельских жителей на 100 га угодий на 1.01.2019 г., чел.

Одним из факторов, определяющих возможности развития частнопредпринимательской инициативы сельского населения и модели развития аграрного сектора региона, является структура собственности на землю и концепция организации ее эффективного использования. На начало 2019 г. в Краснодарском крае в собственности граждан находилось 2 755,0 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения (59% от их общей площади), в собственности юридических лиц – 649,5 тыс. га (13,8%), в государственной и муниципальной собственности – 1 282,0 тыс. га (27,2%), тогда как в целом по Российской Федерации эти показатели составляли 28,1%, 5,2% и 66,6% соответственно.

Динамика изменения распределения земель сельскохозяйственного назначения в Краснодарском крае по формам собственности приведена на рисунке 29.

В качестве дополнительной проблемы, ограничивающей потенциал эффективности использования земельных ресурсов, является высокая доля земель сельскохозяйственного назначения, собственность на которую не разграничена.

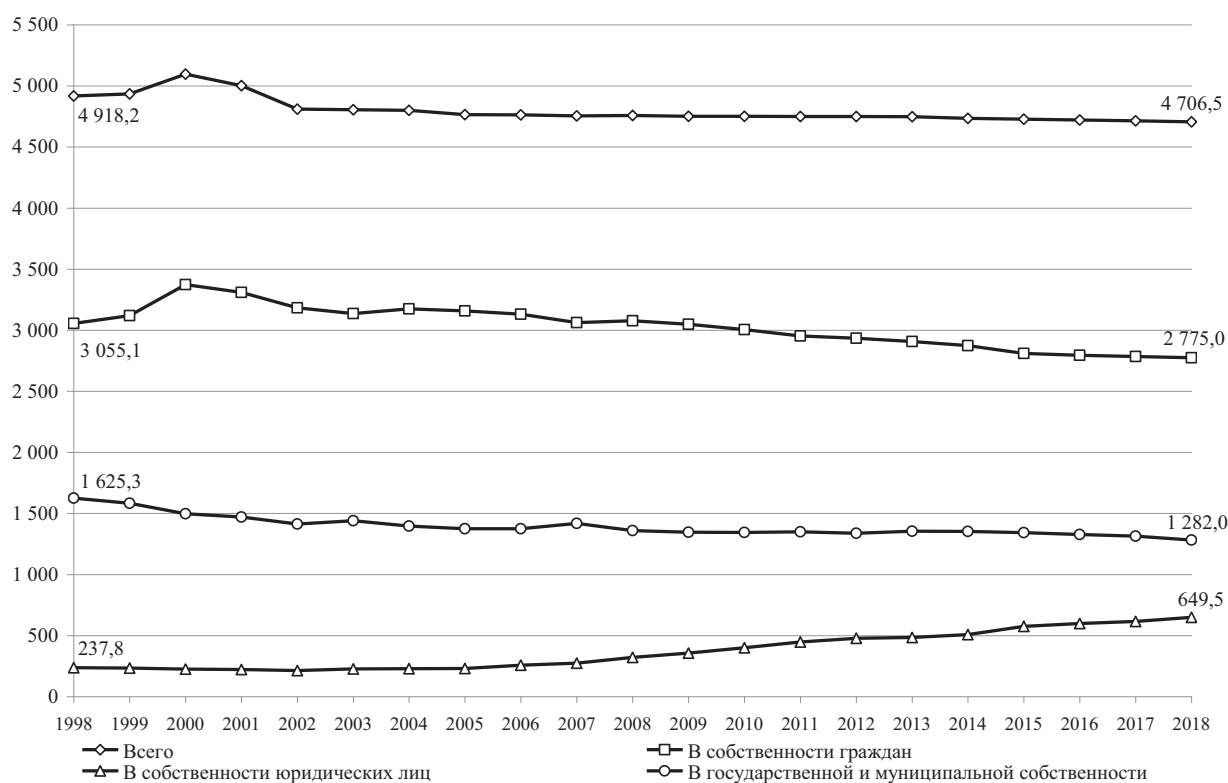

Рисунок 29 – Распределение земель сельскохозяйственного назначения по формам собственности, тыс. га

В целом по РФ доля таких земель на 01.01.2019 г. составляла 87,9% от земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной и муниципальной собственности. В Краснодарском крае процесс разграничения собственности на землю шел более активно, что позволило снизить значение данного показателя на аналогичную дату до 41,9%.

За период с 1998 по 2018 гг. площадь земель сельскохозяйственного назначения в Краснодарском крае, находящихся в собственности юридических лиц, выросла на 411,7 тыс. га или более чем в 2,7 раза, при чем этот рост происходил как за счет за счет снижения площадей земель в собственности граждан (280,1 тыс. га), так и за счет сокращения земель в государственной и муниципальной собственности (343,3 тыс. га). Следует также отметить, что общая площадь сельскохозяйственных угодий в Краснодарском крае за 1998-2018 гг. сократилась на 211,7 тыс. га, что существенно сократило производственные возможности аграрного сектора региона.

При этом следует отметить такой положительный момент как сокращение доли неиспользуемых сельскохозяйственных угодий хозяйствующими субъектами аграрного сектора Краснодарского края. Существующая система статистической отчетности позволяет оценивать эти изменения только по результатам Всероссийских сельскохозяйственных переписей (рисунок 30).

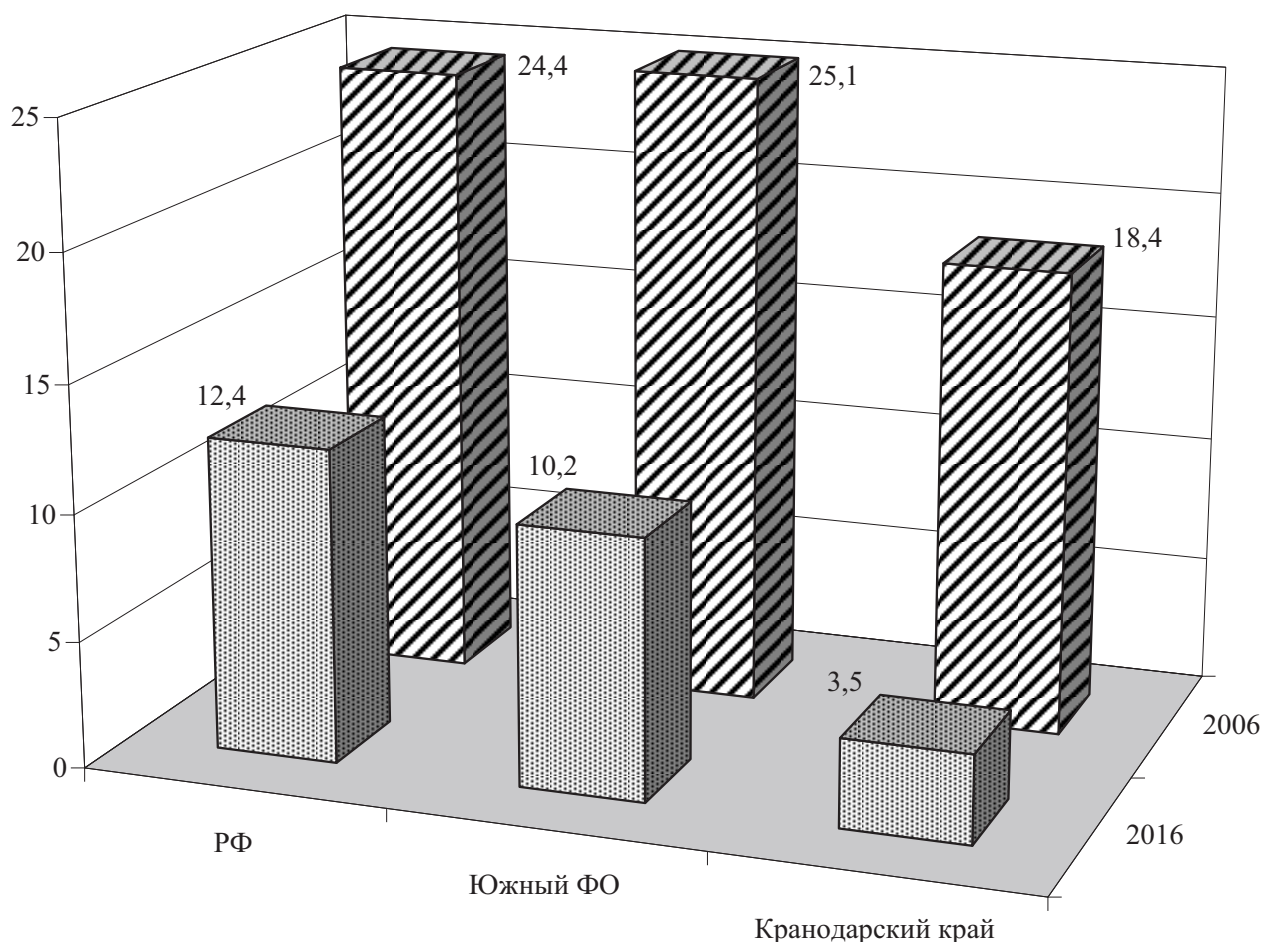

Рисунок 30 – Удельный вес неиспользуемых сельскохозяйственных угодий хозяйствами всех категорий по результатам ВСХП 2006 и 2016 гг., %

В 2016 г. доля неиспользуемых сельскохозяйственных угодий в Краснодарском крае достигла уровня всего 3,5%, тогда как в среднем по Южному федеральному округу она составляла 10,2%, а по Российской Федерации – 12,4%.

Наиболее полно в 2016 г. сельскохозяйственные угодья использовались крестьянскими (фермерскими) хозяйствами и индивидуальными предпринимателями Краснодарского края (98,7%) и сельскохозяйственными организациями (96,8%), при этом в секторе хозяйств

населения наблюдается как общее сокращение сельскохозяйственных угодий, так и угодий не вовлеченных в хозяйственный оборот. В 2016 г. их доля достигла 25,6% (таблица 11).

Таблица 11 – Использование сельскохозяйственных угодий хозяйствами различных категорий Краснодарского края, тыс. га

Показатели	Хозяйства всех категорий		Сельскохозяйственные организации		К(Ф)Х и ИП		Хозяйства населения	
	2006 г.	2016 г.	2006 г.	2016 г.	2006 г.	2016 г.	2006 г.	2016 г.
Угодья всего	4 854,1	4 198,2	3 338,0	2 840,7	821,5	1 207,3	176,6	150,2
Использовалось	3 963,3	4 052,3	3 010,3	2 748,7	798,9	1 191,8	151,2	111,7
Неиспользуемые	890,8	145,9	327,7	92,0	22,6	15,5	25,4	38,5
Доля неиспользуемых угодий, %	18,4	3,5	9,8	3,2	2,8	1,3	14,4	25,6

Источники: [94, 95]

Для аграрного сектора Краснодарского края, как и для подавляющего большинства регионов РФ, характерна тенденция концентрации сельскохозяйственного производства, проявляющаяся, прежде всего, в росте среднего размера землепользования хозяйствующих субъектов различных категорий при снижении их числа.

Так за межпереписной период (с 2006 по 2016 гг.) размер землепользования в среднем по сельскохозяйственным организациям Краснодарского края вырос с 1 801,1 до 2 056,0 га, по крестьянским (фермерским) хозяйствам и индивидуальным предпринимателям – с 59,0 до 122,4 га, а по хозяйствам населения размер землепользования снизился с 0,22 до 0,20 га. При этом размер землепользования средней сельскохозяйственной организации в Российской Федерации составил в 2016 г. 9 100,3 га, а в Южном федеральном округе – 3 045,7 га, размер землепользования крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей – 309,3 и 406,3 га, а хозяйств населения – 0,69 и 0,96 га соответственно (рисунок 31). За период с 2006 по 2016 гг. количество сельскохозяйственных организаций в Российской Федерации сократилось более чем в 1,6 раза (с 51 989 до 32 041), крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей – в 1,7 раза (с 235 957 до 140 015), а число хозяйств населения, имеющих землю увеличилось с – 17 462,5 тыс. до 17 531,1 тыс.

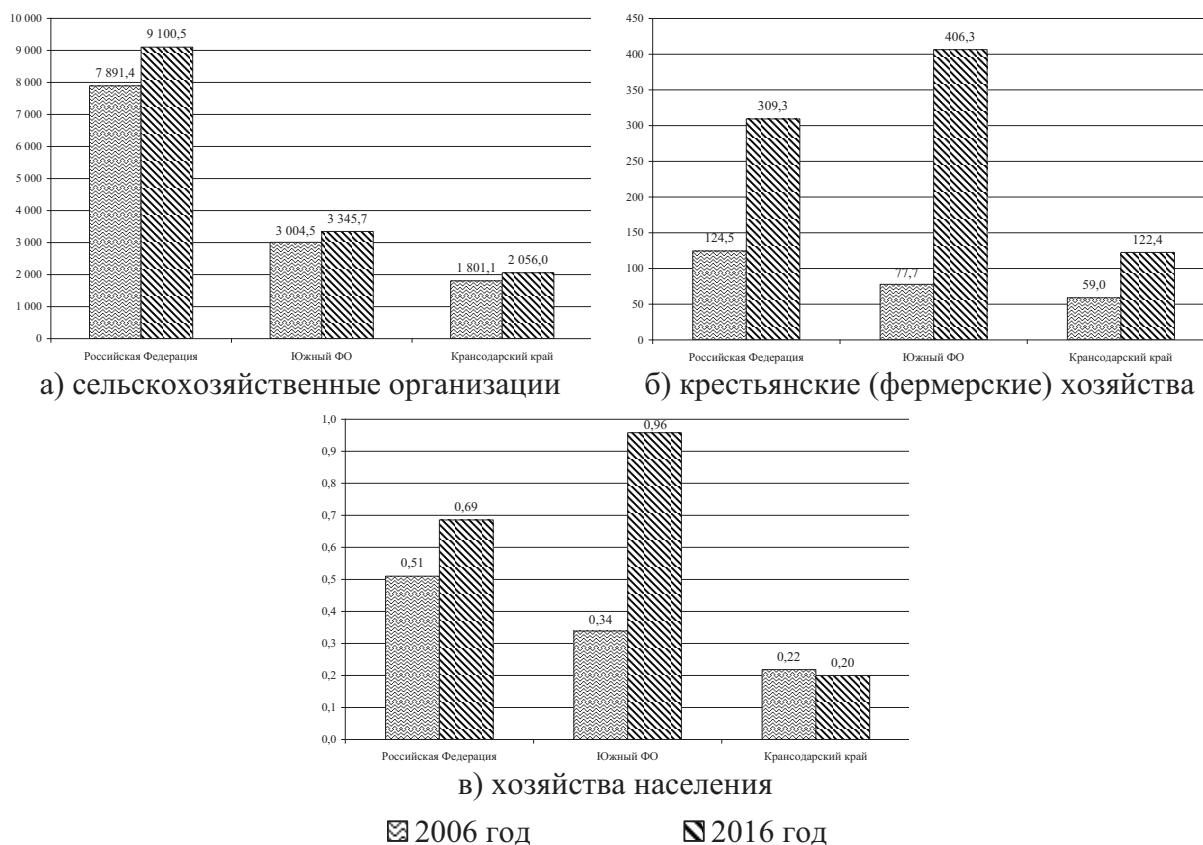

Рисунок 31 – Средний размер землепользования хозяйств различных категорий по результатам ВСХП 2006 и 2016 гг., га

По Южному ФО изменение числа хозяйств различных категорий оценивать некорректно в силу изменения состава регионов, входивших в его состав в 2006 и 2016 г.

Количество сельскохозяйственных организаций в Краснодарском крае, имеющих землю, сократилось почти в 1,4 раза (с 2 102 до 1 549), крестьянских (фермерских) хозяйств – более чем в 1,4 раза (с 14 053 до 9 944), а хозяйств населения выросло с 824,6 тыс. до 827 тыс. Необходимо отметить, что в 2016 г. размер землепользования 70% сельскохозяйственных организаций региона не превышал 1 500 га, при этом 34,5% земель находились в пользовании 65 сельхозорганизаций с площадью свыше 10 000 га. Количество фермерских хозяйств с площадью свыше 200 га за 2006-2016 гг. выросло с 928 до 1 454, а их доля в общем землепользовании фермерского сектора увеличилась с 54,1% до 69,7%. (приложение Б). К сожалению, в рамках Всероссийских сельскохозяйственных переписей не выделялись сельскохозяйственные организации, входящие в состав интегрированных формирований на правах юридических лиц, что в определенной мере

затрудняет оценку процессов концентрации земельных ресурсов, но сам факт сокращения площади землепользования сельскохозяйственных организаций Краснодарского края с 3 785,9 тыс. га в 2006 г. до 3 184,7 тыс. га в 2016 г. свидетельствует об определенных проблемах с развитием крупнотоварного производства в регионе и замедлении темпов концентрации земель у крупного агробизнеса.

Необходимо также отметить, что изменения общего размера землепользования хозяйств различных категорий не дает полного представления об изменении размера продуктивных земель, являющихся основным источником получения доходов от развития отрасли растениеводства, и уровне их использования. В действующей системе статистической отчетности об изменении размеров пахотных земель, используемых для ведения аграрного производства, можно судить лишь по данным о размере посевных площадей. В настоящее время наблюдаются тенденции сокращения посевных площадей в сельскохозяйственных организациях и хозяйствах населения Краснодарского при их росте в крестьянских (фермерских) хозяйствах и у индивидуальных предпринимателей (рисунок 32).

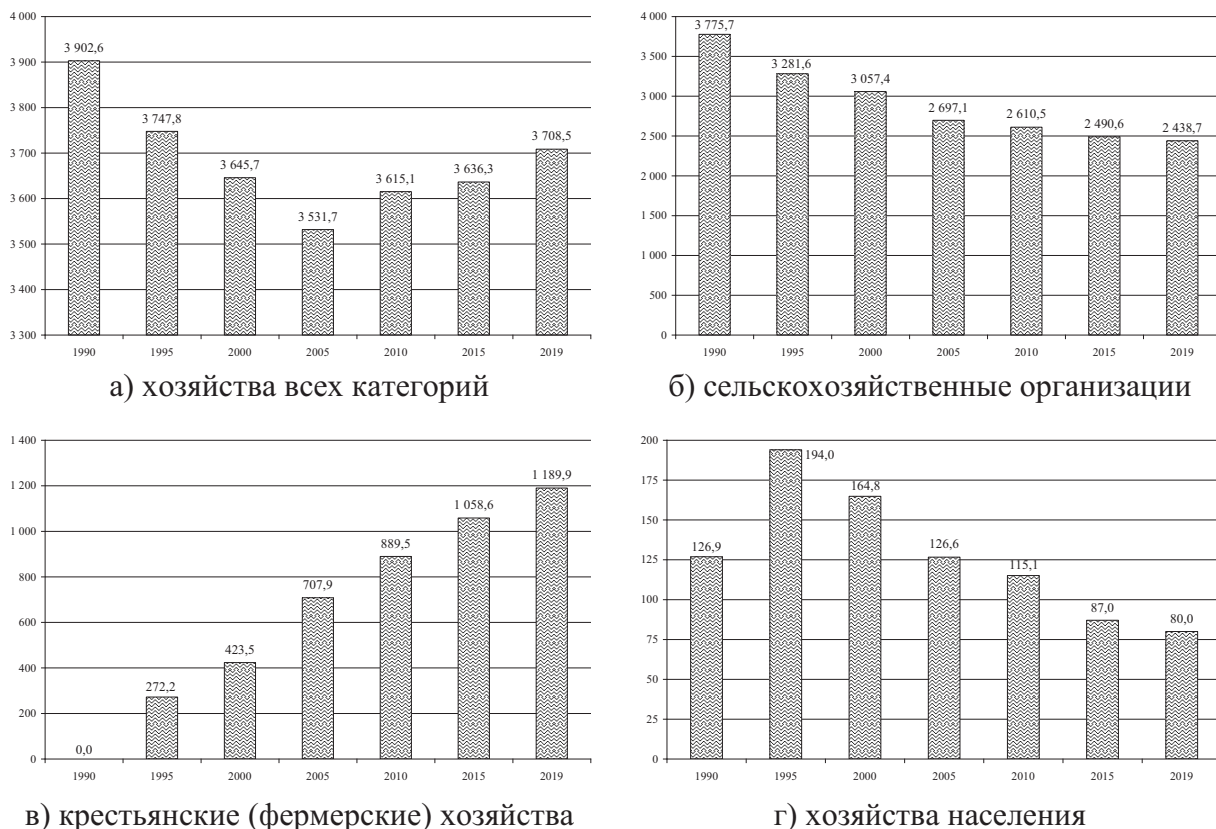

Рисунок 32 – Изменение размера посевных площадей в хозяйствах различных категорий Краснодарского края, тыс. га

Низкий уровень обеспеченности Краснодарского края землями сельскохозяйственного назначения в расчете на 1 жителя региона в сочетании с их высокими продуктивными качествами объективно обусловил высокий уровень распаханности сельскохозяйственных угодий. На 1 января 2019 г по данным Росреестра [262] по доле пашни в сельскохозяйственных угодьях Краснодарский край занимал первое место в РФ (таблица 12).

Таблица 12 – Рейтинг регионов РФ по доле пашни в сельскохозяйственных угодьях на 01.01.2019 г.

№	Регионы	Сельскохозяйственные угодья, тыс. га	Пашня, тыс. га	Доля пашни в сельхозугодьях, %
1	Краснодарский край	4 705,6	3 985,6	84,7
2	Курская область	2 437,9	1 943,5	79,7
3	Липецкая область	1 953,7	1 553,5	79,5
4	Тульская область	1 972,9	1 556,3	78,9
5	Тамбовская область	2 724,3	2 127,5	78,1
6	Чувашская Республика	1 034,4	802,4	77,6
7	Белгородская область	2 133,7	1 644,7	77,1
8	Орловская область	2 051,1	1 570,0	76,5
9	Мурманская область	25,6	19,4	75,8
10	Республика Татарстан	4 538,1	3 420,0	75,4
11	Удмуртская Республика	1 840,1	1 381,7	75,1
12	Ульяновская область	2 208,0	1 657,0	75,0
13	Кировская область	3 320,4	2 480,4	74,7
14	Воронежская область	4 075,6	3 044,4	74,7
15	Пензенская область	3 037,9	2 263,0	74,5
16	Самарская область	3 997,4	2 937,3	73,5
17	Республика Адыгея	359,8	259,6	72,2
18	Республика Крым	1 793,5	1 271,6	70,9
19	Ярославская область	1 127,8	793,2	70,3
20	Саратовская область	8 542,9	5 980,6	70,0

Источник: [262]

В среднем по Российской Федерации доля пашни в площади сельскохозяйственных угодий на начало 2019 г. составляла 55,3%, а по Южному федеральному округу – 54,9%.

По данным Министерства сельского хозяйства РФ [79] в 2017 г. в Краснодарском крае не использовалось 47,8 тыс. га пашни или

1,28% от ее наличия. По доле неиспользуемой пашни Краснодарский край не смог превзойти такие регионы Южного ФО как Ростовская область (0,11%) и Адыгея (1,18%). По Южному ФО средний удельный вес неиспользуемой пашни составлял 9,2%, а по Российской Федерации – 16,7%.

Об интенсивности использования пахотных земель в Краснодарском крае свидетельствует и крайне низкий удельный вес чистых паров в структуре пашни. В 2019 г. доля паров в пашне хозяйств всех категорий Краснодарского края составляла всего 0,4%, тогда как в среднем по РФ – 12,2%, а по Южному федеральному округу – 17,6%.

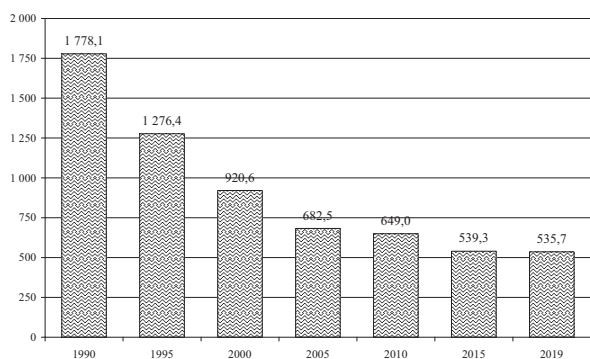
Следует признать, что в Краснодарском крае уровень вовлечения в хозяйственный оборот продуктивных земель практически достиг своего максимума и дальнейшие возможности наращивания потенциала земельных ресурсов региона связаны лишь с ростом их плодородия, повышением интенсивности использования и оптимизацией структуры посевных площадей с целью максимизации стоимости продукции сельского хозяйства, получаемой в расчете на единицу земельной площади, с учетом уровня насыщенности российского рынка отдельными видами продовольственных ресурсов и возможностями реализации модели развития, позволяющей наращивать экспортный потенциал агропродовольственной системы региона.

Земельные ресурсы, по сути, формируют продуктивный базис аграрного сектора и всего агропродовольственного комплекса региона и служат исходной точкой балансирования их производственных систем, обуславливая потребность в остальных видах ресурсов с учетом достигнутого и проектируемого уровня развития агротехнологий и имеющихся конкурентных преимуществ.

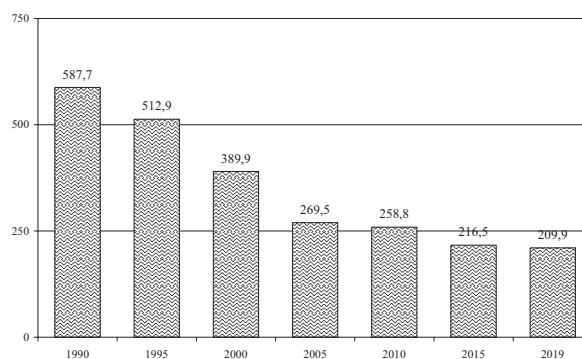
Второй группой ресурсов, в значительной мере влияющих на масштаб аграрного производства и объем продукции сельского хозяйства на уровне хозяйствующих субъектов и регионов является поголовье сельскохозяйственных животных и птицы, поскольку именно отрасль животноводства позволяет не только создать условия рационального использования земельных ресурсов, но и обеспечить суще-

ственный рост стоимости продукции в расчете на единицу земельной площади.

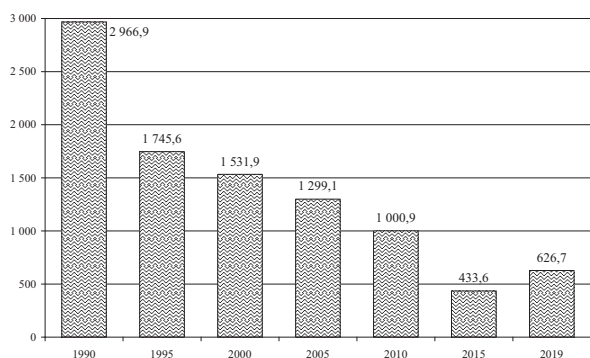
За период с 1990 по 2019 г. поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий Краснодарского края снизилось в 3,3 раза, коров – в 2,8, свиней – в 4,4, овец и коз – в 3,9, птицы – в 1,2 раза (рисунок 33)

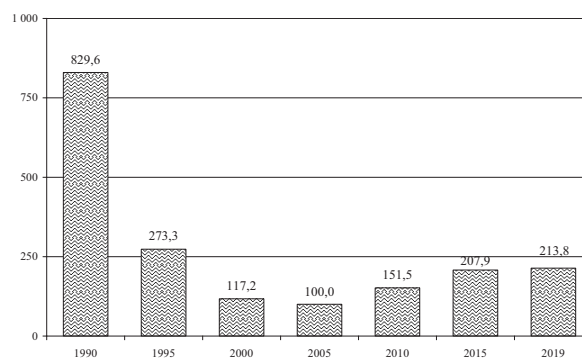
б) крупный рогатый скот

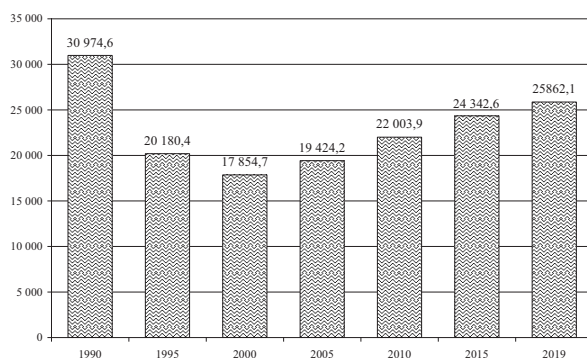
б) коровы

в) свиньи

г) овцы и козы

д) птица

Рисунок 33 – Изменение поголовья скота и птицы в хозяйствах всех категорий Краснодарского края, тыс. гол

При чем если по поголовью крупного рогатого скота и в последние годы наметилась тенденция стабилизации и даже некоторого ро-

ста (по поголовью свиней обозначился более существенный рост), то увеличение поголовья птицы, овец и коз стало объективным условием развития животноводства Краснодарского края.

Необходимо отметить разнонаправленные тенденции и разные темпы изменения поголовья различных видов скота и птицы по категориям хозяйств (рисунок 4).

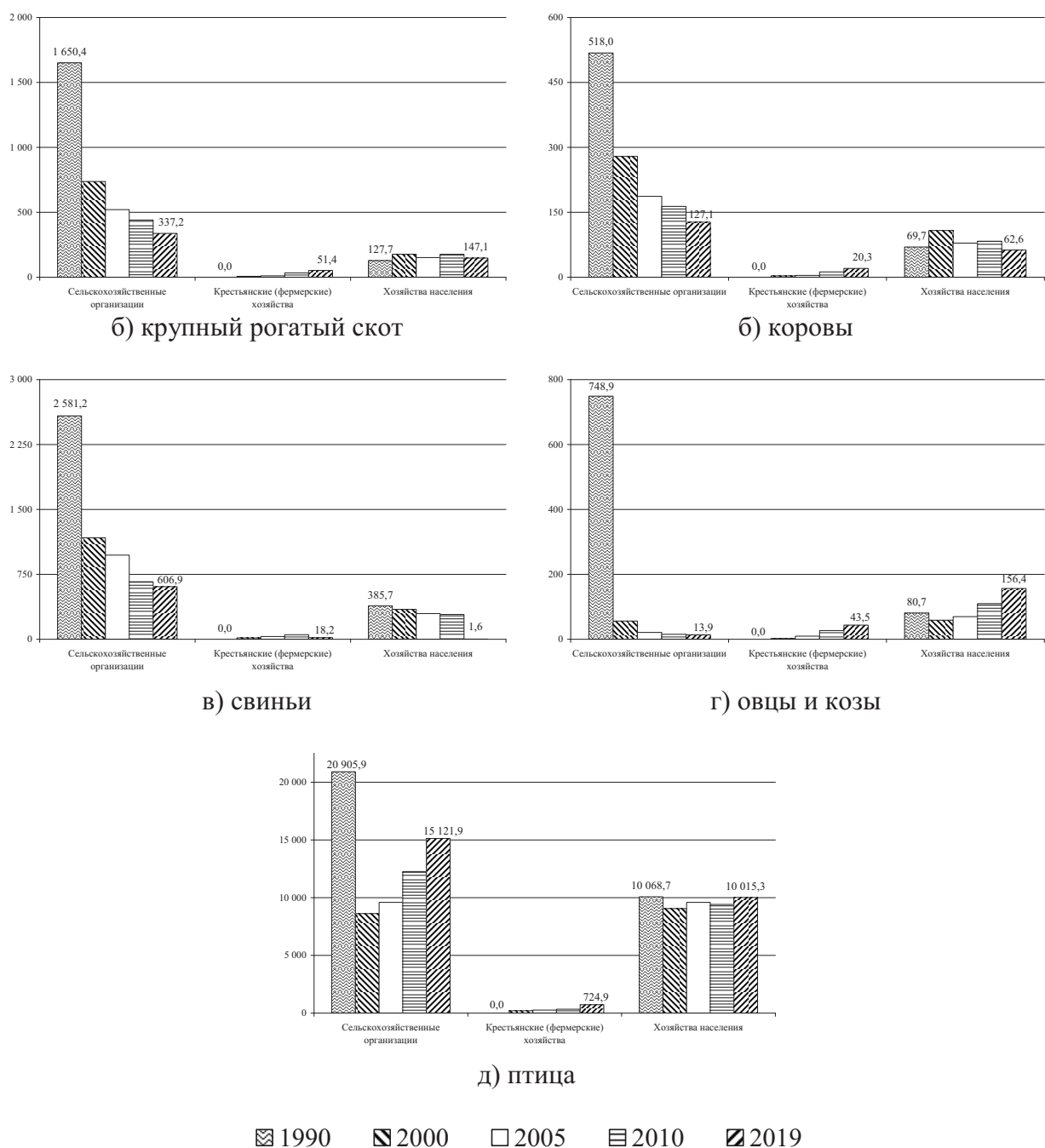

Рисунок 34 – Изменение поголовья скота и птицы в хозяйствах различных категорий Краснодарского края, тыс. гол

Представители крупного агробизнеса Краснодарского края, контролирующие сельскохозяйственные организации, четко обозначили свою позицию по отношению к развитию животноводства (кроме птицеводства), сокращая поголовье всех видов скота или полностью отказываясь от этой отрасли. По данным сельскохозяйственных переписей число сельскохозяйственных организаций, содержащих крупный рогатый скот, за период с 2006 по 2016 гг. сократилось с 373 до 200, свиней – 383 до 37, овец и коз – с 77 до 39. При этом сокращение поголовья крупного рогатого скота в сельскохозяйственных организациях сопровождалось ростом уровня его концентрации (с 1 368,1 до 1 755,1 гол. в среднем на одно хозяйство), а поголовья коров ростом среднего поголовья с 1 300,1 до 1 755,1 гол. (таблица 13).

Таблица 13 – Группировка сельскохозяйственных организаций Краснодарского края по поголовью крупного рогатого скота и коров

Показатели	Группы по размеру поголовья, гол.						Всего
	до 101	101-500	501-1000	1001-1500	1501-3000	свыше 3000	
Крупный рогатый скот							
По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г.							
Количество хозяйств	67	75	57	56	76	42	373
% от общего числа	18,0	20,1	15,3	15,0	20,4	11,3	100,0
Поголовье всего, гол.	1 851	22 786	41 660	70 220	155 267	218 526	510 310
на одно хозяйство, гол.	27,6	303,8	730,9	1 253,9	2 043,0	5 203,0	1 368,1
По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г.							
Количество хозяйств	33	28	39	23	45	32	200
% от общего числа	16,5	14,0	19,5	11,5	22,5	16,0	100,0
Поголовье всего, гол.	1 302	7 905	26 705	28 431	95 543	191 136	351 022
на одно хозяйство, гол.	39,5	282,3	684,7	1 236,1	2 123,2	5 973,0	1 755,1
Показатели	Группы по размеру поголовья, гол.						Всего
	до 100	101-300	301-500	501-1000	1001-1500	свыше 1500	
Коровы							
По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г.							
Количество хозяйств	83	73	63	82	25	24	350
% от общего числа	23,7	20,9	18,0	23,4	7,1	6,9	100,0
Поголовье всего, гол.	2 355	14 305	26 259	26 990	32 586	30 908	133 403
на одно хозяйство, гол.	28,4	196,0	416,8	329,1	1 303,4	1 287,8	381,2
По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г.							
Количество хозяйств	29	33	27	41	20	25	175
% от общего числа	16,6	18,9	15,4	23,4	11,4	14,3	100,0
Поголовье всего, гол.	891	6 756	11 151	11 904	17 648	24 830	73 180
на одно хозяйство, гол.	30,7	204,7	413,0	290,3	882,4	993,2	418,2

Источник: [218, 219]

В 2016 г. из 1 261 сельскохозяйственных организаций Краснодарского края скотоводством занимались лишь 200 хозяйств (15,9% от их общего числа). В среднем по Российской Федерации этот показатель находился на уровне 39,8%, а по Южному ФО – 16,1%. Аналогичная ситуация наблюдается и в свиноводстве (таблица 14).

Таблица 14 – Группировка сельскохозяйственных организаций Краснодарского края по поголовью свиней

Показатели	Группы по размеру поголовья, гол				Всего
	до 201	201-500	501-1000	свыше 1000	
По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г.					
Количество хозяйств	117	28	29	209	383
% от общего числа	30,5	7,3	7,6	54,6	100,0
Поголовье всего, гол	6 706	9 103	21 955	1 007 288	1 045 052
на одно хозяйство, гол.	57,3	325,1	757,1	4 819,6	2 728,6
По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г.					
Количество хозяйств	2	1	3	31	37
% от общего числа	5,4	2,7	8,1	83,8	100,0
Поголовье всего, гол	147	281	2 048	446 311	448 787
на одно хозяйство, гол.	73,5	281,0	682,7	14 397,1	12 129,4

Источник: [218, 219]

За межпереписной период производство свинины переместилось на крупные комплексы, функционирующие в рамках интегрированных формирований. В 2016 г. на этих комплексах было сосредоточено 99,4% поголовья всех свиней, содержащихся в сельскохозяйственных организациях Краснодарского края, а количество хозяйств данной категории, развивающих свиноводство, сократилось более чем в 10 раз (с 383 до 37). Это было связано как с ростом рисков распространения АЧС, так и с низкой эффективностью системы межсубъектных взаимодействий между производителями свинины и крупными переработчиками мяса в условиях относительно высокого уровня насыщения отечественного рынка мяса свиней при практически не растущем спросе на него со стороны населения и сложностях выхода на внешний рынок.

Практически полностью отказались сельскохозяйственные организации Краснодарского края от развития овцеводства. Если в 1990 г.

в хозяйствах данной категории содержалось 748,9 тыс. гол овец (90,3% от их общего поголовья), то к 2019 г. поголовье овец в сельскохозяйственных организациях сократилось всего до 13,9 тыс. гол. (почти в 54 раза). По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. овцы содержались лишь в 39 сельскохозяйственных организациях региона из 1261.

На этом фоне устойчивый рост поголовья скота и птицы (за исключением поголовья свиней) демонстрирует сектор крестьянских (фермерских) хозяйств рисунок 35).

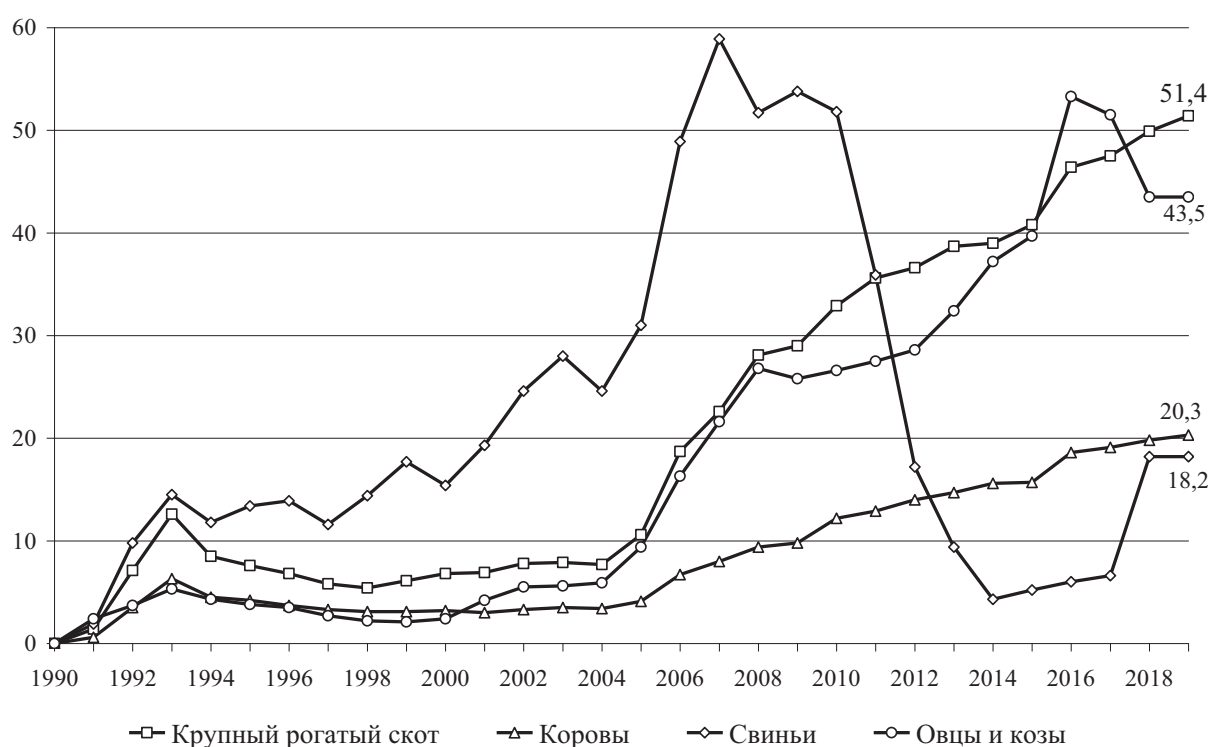

Рисунок 35 – Изменение поголовья сельскохозяйственных животных в крестьянских (фермерских) хозяйствах Краснодарского края, тыс. гол

Поголовье птицы на начало 2019 г. в крестьянских (фермерских) хозяйствах региона достигло 724,9 тыс. гол., но это составило всего 2,8% от поголовья птицы в хозяйствах всех категорий Краснодарского края.

По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. на одно крестьянское (фермерское) хозяйство, включая индивидуальных предпринимателей, приходилось 75,4 гол. крупного рогатого скота, 35,6 гол. коров, 241,2 гол. свиней, 104 гол. овец и коз, 2431 гол. птицы. По РФ данные показатели находились на уровне соответ-

ственно 62, 32, 61, 461 и 275 гол., то есть фермеры Кубани обеспечивали более высокий уровень концентрации поголовья, за исключением овец и коз. Так, например, в 112 хозяйствах (19,0% от общего числа фермерских хозяйств, содержащих крупный рогатый скот) содержалось более 100 голов КРС (в среднем 280,5 гол. на хозяйство), в 37 хозяйствах (7,8%) – более 100 коров (в среднем 216,9 гол.), в 5 хозяйствах (23,8%) – более 100 свиней (в среднем 910,6 гол.), в 19 хозяйствах (4,1%) – более 1000 овец и коз (в среднем 743,1 гол.), в 46 хозяйствах (17,6%) – более 1000 голов птицы (в среднем 12 813,0 гол.). При этом следует отметить, крупный рогатый скот в 2016 г. содержался всего в 6,5% фермерских хозяйств региона, свиньи – в 0,2% хозяйств, овцы – в 5,2% хозяйств птица – в 3,9% хозяйств.

То есть можно констатировать, что в Краснодарском крае не созданы условия, позволяющие резко нарастить поголовье скота и птицы в крестьянских (фермерских) хозяйствах, что на фоне сокращения поголовья продуктивных животных в сельскохозяйственных организациях региона существенно ограничивает возможности реализации аграрного потенциала региона и приводит к резкому росту интенсивности пахотных земель за счет перенасыщения севооборотов зерновыми и техническими культурами.

На этом фоне довольно интересные тенденции изменения поголовья скота и птицы наблюдаются в секторе хозяйств населения Краснодарского края. Высокая плотность сельского населения в условиях сокращения числа сельскохозяйственных организаций и крестьянских фермерских хозяйств (за межпереписной период 2006-2016 гг. их число уменьшилось соответственно с 1 076 до 1 061 и с 12 072 до 9 054) и снижения числа рабочих создала объективные предпосылки сохранения всех видов скота и птицы (за исключением свиней) и ставки населения на развитие животноводства как значимого источника дополнительного дохода сельских семей. Если в целом по Российской Федерации поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах населения с 1990 по 2019 г. снизилось на 25,8%, то в Краснодарском крае оно выросло с 127,7 до 147,1 тыс. гол (на 15,2%) (рисунок 36)

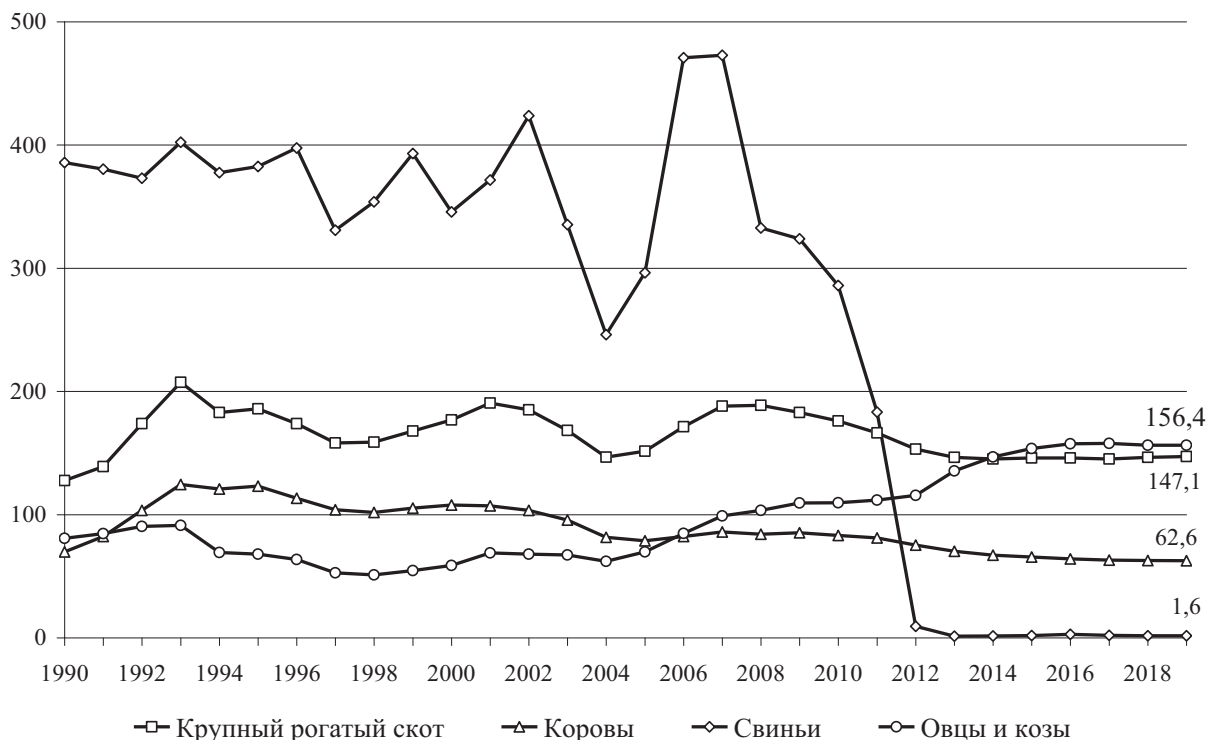

Рисунок 36 – Изменение поголовья сельскохозяйственных животных в хозяйствах населения Краснодарского края, тыс. гол

Гораздо меньший уровень сокращения поголовья в хозяйствах населения Краснодарского края отмечался по коровам и птице. В РФ за 1990-2019 гг. поголовье коров в хозяйствах данной категории сократилось на 36,2%, а на Кубани – всего на 10,2%, а поголовье птицы соответственно на 57,0% и 0,5%. Если по Российской Федерации падение поголовья овец и коз в хозяйствах населения составило 84,8%, то население Краснодарского края увеличило его за отчетный период почти в два раза. Единственной отраслью животноводства, практически прекратившей свое существование в хозяйствах населения Краснодарского края, стало свиноводство из-за введения со стороны региональных властей жестких требований к содержанию свиней вследствие угрозы эпидемии африканской чумы свиней.

Необходимо отметить, что доля хозяйств населения Краснодарского края, содержащих крупный рогатый скот, по данным ВСХП-2016, составила всего 3,8% от их общего числа, тогда как по РФ она находилась на уровне 12,0% (на одно хозяйство приходилось в среднем 4,7 и 4,5 гол. соответственно). Доля хозяйств, содержащих свиней, по РФ составляла 7,1%, а на Кубани – 0,1%, овец – 6,1% и 3,1%,

птицу – 27,0% и 39,2%. Кроме того, определенный интерес представляет сопоставление показателей, характеризующих отношение поголовья скота и птицы в хозяйствах населения к численности сельского населения (таблица 15).

Таблица 15 – Приходится скота и птицы, содержащихся в хозяйствах населения, на 1000 сельских жителей, гол.

Виды животных	Российская Федерация	Краснодарский край
1990 г.		
Крупный рогатый скот	253,6	59,9
Коровы	134,6	32,7
Свиньи	181,9	180,8
Овцы и козы	413,7	37,8
Птица	4 844,8	4 719,5
2019 г.		
Крупный рогатый скот	195,4	58,1
Коровы	89,3	24,7
Свиньи	280,5	0,6
Овцы и козы	65,4	61,8
Птица	2 165,0	3 958,6

Рассчитано по: [85]

Если учесть, что в среднем по Российской Федерации на одного сельского жителя в 2019 г. приходилось 0,06 га посевных площадей, а в Краснодарском крае – 0,03 га, то, принимая во внимание различия в количестве скота в расчете на 1000 сельских жителей, можно констатировать, что уровень «домашней сельскохозяйственной нагрузки» сельских жителей Краснодарского края существенно ниже, чем по РФ, что существенно ограничивает возможности формирования доход сельских семей и обеспечения самозанятости на селе позволяет констатировать наличие довольно острой проблемы поддержания трудовых балансов сельской экономики.

Необходимо отметить, что аграрное производство по-прежнему остается основным источником доходов сельского населения и требует особого внимания с точки зрения реализации аграрного потенциала сельских территорий и его продуктивного базиса, определяемого наличием сельскохозяйственных угодий и поголовьем скота и птицы.

Особенно актуальна эта проблема для регионов, в которых численность сельского населения не снижается. По темпам прироста сельского населения за период с 1990 по 2019 гг. Краснодарский край занимает в России 8 место, уступая лишь северо-кавказским республикам и Калининградской области (таблица 16).

Таблица 16 – Рейтинг регионов РФ по приросту сельского населения

№	Регионы	Численность постоянного сельского населения в среднем за год, чел.		2019 г. к 1990 г., %	Прирост сельского населения, чел.
		1990 г.	2019 г.		
	Российская Федерация	38 898 774	37 440 360	96,3	-1 458 414
1	Республика Дагестан	1 039 615	1 684 810	162,1	645 195
2	Республика Ингушетия	140 702	219 798	156,2	79 096
3	Чеченская Республика	614 889	928 935	151,1	314 046
4	Кабардино-Балкарская Республика	301 568	414 853	137,6	113 285
5	Республика Северная Осетия-Алания	200 151	250 140	125,0	49 989
6	Карачаево-Черкесская Республика	214 956	266 590	124,0	51 634
7	Калининградская область	186 457	221 306	118,7	34 849
8	Краснодарский край	2 133 425	2 530 021	118,6	396 596
9	Ленинградская область	567 056	657 870	116,0	90 814
10	Республика Адыгея (Адыгея)	207 120	240 074	115,9	32 954
11	Свердловская область	591 150	654 037	110,6	62 887
12	Республика Алтай	141 693	154 935	109,3	13 242
13	Республика Башкортостан	1 410 306	1 535 705	108,9	125 399
14	Тульская область	345 399	374 209	108,3	28 810
15	Ростовская область	1 246 474	1 343 849	107,8	97 375
16	Удмуртская Республика	480 684	515 173	107,2	34 489
17	Астраханская область	318 722	338 224	106,1	19 502
18	Республика Хакасия	156 513	163 618	104,5	7 105
19	Самарская область	622 029	640 475	103,0	18 446
20	Оренбургская область	762 909	784 120	102,8	21 211
21	Ставропольский край	1 129 551	1 159 849	102,7	30 298
22	Московская область	1 363 747	1 394 038	102,2	30 291

Рассчитано по: [85]

При этом по приросту сельского населения (396,6 тыс. чел.) за исследуемый период Краснодарский край занимает второе место, уступая лишь Дагестану (645,2 тыс. чел.).

Наряду с численностью всего сельского населения Краснодарского края до 2009 г. происходило увеличение его трудоспособной части (1 463,5 тыс. чел.), после чего наметилось устойчивое снижение числа трудоспособного населения (рисунок 37).

Рисунок 37 – Изменение численности сельского населения Краснодарского края в трудоспособном возрасте, тыс. чел.

Рост численности сельского населения Краснодарского края проходил на фоне устойчивого сокращения числа хозяйствующих субъектов крупного, среднего и малого агробизнеса. По данным Всероссийских сельскохозяйственных переписей за период с 2006 по 2016 гг. число сельскохозяйственных организаций, ведущих сельскохозяйственную деятельность, сократилось в регионе на 29,0%, а крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей – на 25% (таблица 17).

Таблица 17 – Изменение количества сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей по данным ВСХП

Показатели	Российская Федерация			Краснодарский край		
	2006 г.	2016 г.	2016 г. в % к 2006 г.	2006 г.	2016 г.	2016 г. в % к 2006 г.
Сельскохозяйственные организации всего	59 208	36 048	60,9	2 335	1 805	77,3
в т.ч. осуществлявшие деятельность	40 627	27 521	67,7	1 776	1 261	71,0
Крестьянские (фермерские) хозяйства и ИП всего	285 141	174 765	61,3	18 333	14 124	77,0
в т.ч. осуществлявшие деятельность	147 496	115 597	78,4	12 072	9 054	75,0

Источник: [349, 350]

Модернизация технико-технологического базиса аграрного производства и широкое внедрение современных агротехнологий объективно обусловили рост производительности труда и устойчивое сокращение рабочих мест в аграрном секторе.

За межпереписной период Среднегодовая численность работников сельскохозяйственных организаций Краснодарского края снизилась на 46,9%, а в субъектах фермерского предпринимательства – на 35,4% (таблица 18).

Таблица 18 – Изменение среднегодовой численности работников сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей по данным ВСХП

Показатели	Российская Федерация			Краснодарский край		
	2005 г.	2015 г.	2015 г. в % к 2005 г.	2005 г.	2015 г.	2015 г. в % к 2005 г.
Сельскохозяйственные организации всего	2 909 438	1 323 958	45,5	195 049	103 630	53,1
Крестьянские (фермерские) хозяйства и ИП всего	587 893	300 848	51,2	33 600	21 708	64,6

Источник: [349, 350]

Кроме того необходимо отметить, что более 10% работников сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей Краснодарского края в 2015 г. имели статус сезонных или временных работников.

В Статистическом ежегоднике, выпускаемом Управлением Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея (Краснодарстат), приводятся данные об изменении среднегодовой численности занятых в экономике по укрупненному виду такой экономической деятельности как сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство, свидетельствующие, что за период с 2010 по 2018 гг. доля занятых в этом секторе экономики края сократилась с 17,1% до 9,2%, а их число более чем в 1,6 раза (таблица 19).

Таблица 19 – Среднегодовая численность занятых в экономике по основному виду экономической деятельности: сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство в Краснодарском крае

Показатели	Годы								
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Численность занятых, тыс. чел.	389,6	386,4	383,8	381,3	377,2	270,4	272,7	247,0	240,6
Доля от общего числа занятых, %	17,1	16,9	16,5	16,4	16,2	11,6	10,7	9,5	9,2

Источник: [132]

Резкое снижение численности занятых в 2015 г. связано с изменением классификаторов видов экономической деятельности, но даже этот факт оказывает принципиального влияния на общую тенденцию устойчивого сокращения числа занятых в этом секторе экономики.

При этом общее количество рабочих мест, исчисляемых путем суммирования всех видов работ наемных работников и работающих не по найму, а также производство в домашнем хозяйстве товаров и услуг для продажи и обмена и продукции сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства для собственного использования, в Краснодарском крае по Разделу А Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство оценивалось Краснодарстатом в 2018 г. в 912,9 тыс., что составляло 74,5% от уровня 2011 г. (таблица 20).

Таблица 20 – Количество рабочих мест на всех видах работ по производству товаров и услуг (в среднем за год) в Краснодарском крае, тыс.

Показатели	Годы								
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Всего по экономике	3359,8	3373,6	3363,9	3372,7	3390,0	3358,8	3479,8	3462,4	3359,8
Сельское и лесное хозяйство, охота	1225,8	1236,0	1226,4	1231,1	1230,6	901,4	899,1	912,9	1225,8
Доля в общем количестве рабочих мест, %	36,5	36,6	36,5	36,5	36,3	26,8	25,8	26,4	36,5

Источник: [132]

Необходимо отметить и более высокую численность лиц, занятых выполнением сельскохозяйственных работ, в расчете на одно хозяйство населения Краснодарского края. Если в целом по Российской Федерации доля хозяйств с численностью более 3 человек составляла 27,8% от их общего числа, а по Южному ФО – 29,2%, то по Краснодарскому краю – 31% (таблица 21).

Таблица 21 – Распределение хозяйств населения по численности лиц, занятых выполнением сельскохозяйственных работ, в Краснодарском крае по данным ВСХП-2016, тыс.

Регионы	Всего хозяйств	в т.ч. с численностью занятых сельскохозяйственной деятельностью, чел.						
		1	2	3-4	5-6	7-8	9-11	12 и более
РФ	18 718,6	5 759,4	7 762,2	4 644,5	494,6	47,5	9,0	1,6
Южный ФО	2 556,7	758,7	1 051,7	674,5	65,2	5,4	1,0	0,2
Доля в общем количестве хозяйств, %								
Краснодарский край	976,4	285,5	388,1	271,3	28,3	2,6	0,5	0,1
РФ	100,0	30,8	41,5	24,8	2,6	0,25	0,05	0,01
Южный ФО	100,0	29,7	41,1	26,4	2,6	0,21	0,04	0,01
Краснодарский край	100,0	29,2	39,7	27,8	2,9	0,27	0,05	0,01

Источник: [350]

Существенно изменился и технико-технологический базис системы аграрного производства.

При оценке количественных изменений основных видов сельскохозяйственной техники в сельскохозяйственных организациях Краснодарского края за период с 1990 по 2018 гг. возникает ощущение полного развала их материально-технической базы (таблица 22).

Таблица 22 – Наличие основных видов техники в сельскохозяйственных организациях Краснодарского края, ед.

Виды техники	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.	2018 г. в % к 1990 г.
Тракторы	60 413	51 793	40 818	27 443	20 857	17 439	17 395	28,8
Зерноуборочные комбайны	13 977	11 671	6 771	4 236	3 176	3 086	3 324	23,8
Свеклоуборочные комбайны	1 680	1 702	1 335	851	366	277	253	15,1
Картофелеуборочные комбайны	100	88	54	19	29	35	32	32,0
Кормоуборочные комбайны	4 121	3 655	2 830	1 374	758	501	457	11,1
Кукурузоуборочные комбайны	1 487	1 342	956	478	205	151	104	7,0
Сеялки	24 652	18 540	13 892	10 103	5 498	3 914	3 322	13,5
Доильные установки и агрегаты	7 978	5 390	3 542	2 316	1 482	1 082	935	11,7

Рассчитано по: [85]

Количество тракторов за исследуемый период снизилось в 3,5 раза, зерноуборочных комбайнов – в 4,2, свеклоуборочных – в 6,6, кормоуборочных – в 9,0, кукурузоуборочных комбайнов – в 14,3 раза, сеялок – в 7,4 раза, доильных установок и агрегатов – в 8,5 раз (рисунок 37).

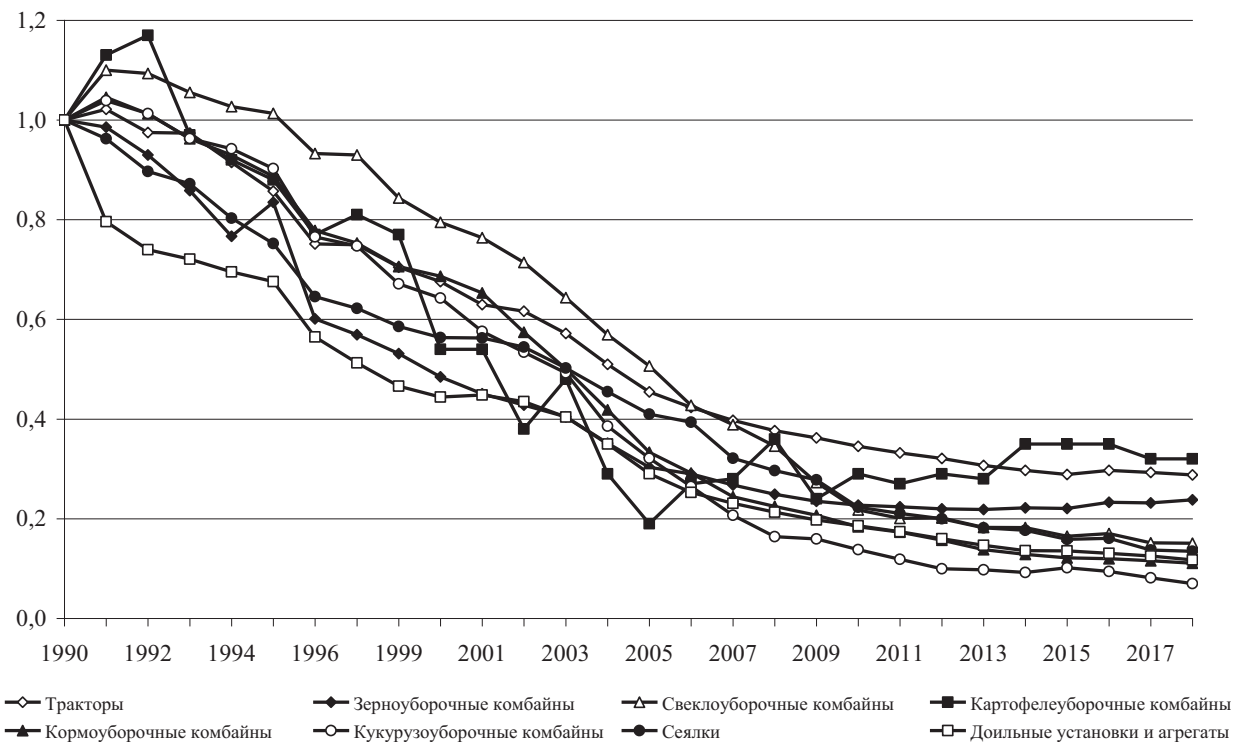

Рисунок 38 – Изменение количества техники в сельскохозяйственных организациях Краснодарского края (1990 г. = 1)

Аналогичная ситуация наблюдалась с энергетическими мощностями сельскохозяйственных организаций (рисунок 39).

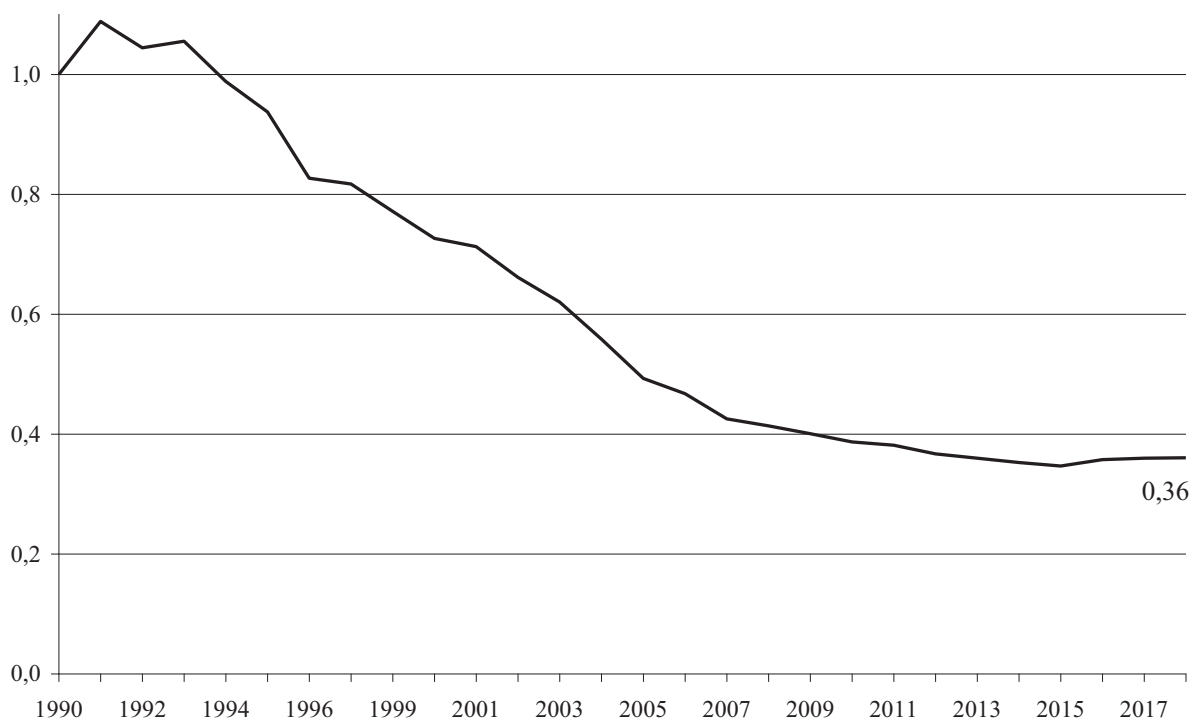

Рисунок 39 – Изменение энергетических мощностей сельскохозяйственных организациях Краснодарского края (1990 г. = 1)

При этом наблюдается устойчивая тенденция роста энерговооруженности сельскохозяйственных организаций и снижения энергообеспеченности (рисунок 40).

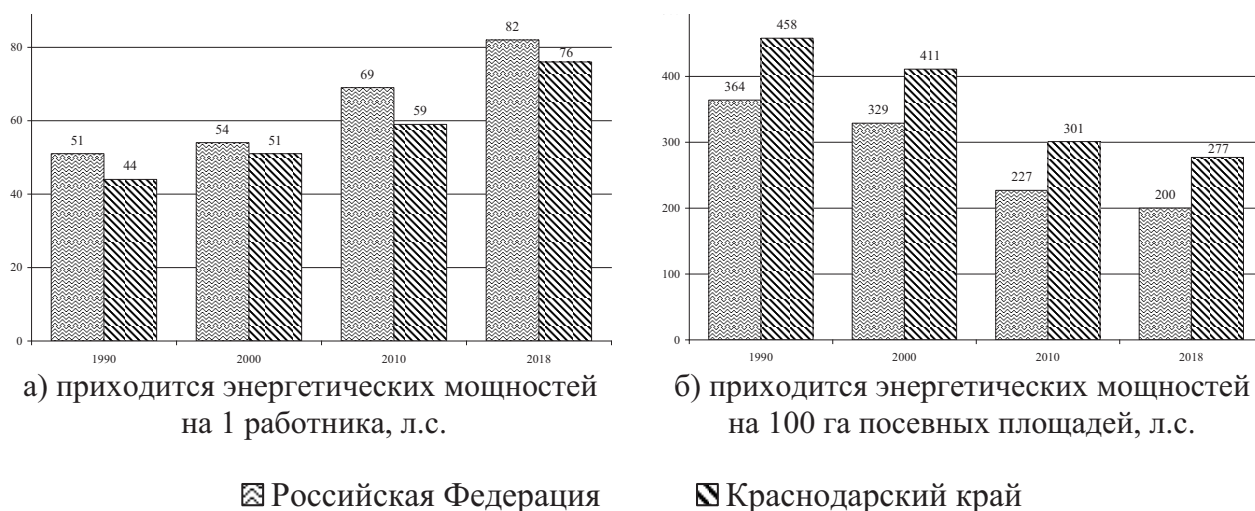

Рисунок 40 – Сравнительная оценка энерговооруженности и энергообеспеченности в сельскохозяйственных организациях РФ и Краснодарского края

Сельскохозяйственные организации Краснодарского края существенно опережают по уровню энерговооруженности сельскохозяйственные организации Российской Федерации, уступая им по уровню энергообеспеченности.

Необходимо отметить, что сокращение машинно-тракторного парка и энергетических мощностей произошло под влиянием нескольких факторов, основными из которых являются:

- оптимизация состава и структуры машинно-тракторного парка и исключение из его состава «избыточной» техники, в том числе редко или совсем не используемой в процессе производства;

- отказ от эксплуатации морально и физически устаревшей техники и переориентации сельскохозяйственных производителей на современную высокопроизводительную технику;

- освоение новых ресурсосберегающих технологий и использование многофункциональных комбинированных агрегатов;

- возможность использования услуг машинно-технологических станций и других организаций, оказывающих механизированные услуги в сфере сельского хозяйства;

- сокращение числа техники, задействованной для обслуживания животноводческих отраслей и заготовки кормов и др.

В среднее значение коэффициента обновления тракторов в сельскохозяйственных организациях Краснодарского края в 1990-2018 гг. составило 3,5, тогда как в целом по Российской Федерации находилось на уровне 2,7 (рисунок 41).

Самые высокие коэффициенты обновления техники в сельскохозяйственных организациях наблюдались по зерноуборочным и свеклоуборочным комбайнам, а в Краснодарском крае и по комбайнам для уборки картофеля.

Разные темы обновления различных видов сельскохозяйственной техники обусловили различия в показателях в обеспеченностью ею в расчете на 1000 га пашни или посевных площадей отдельных сельскохозяйственных культур или их групп (рисунок 42).

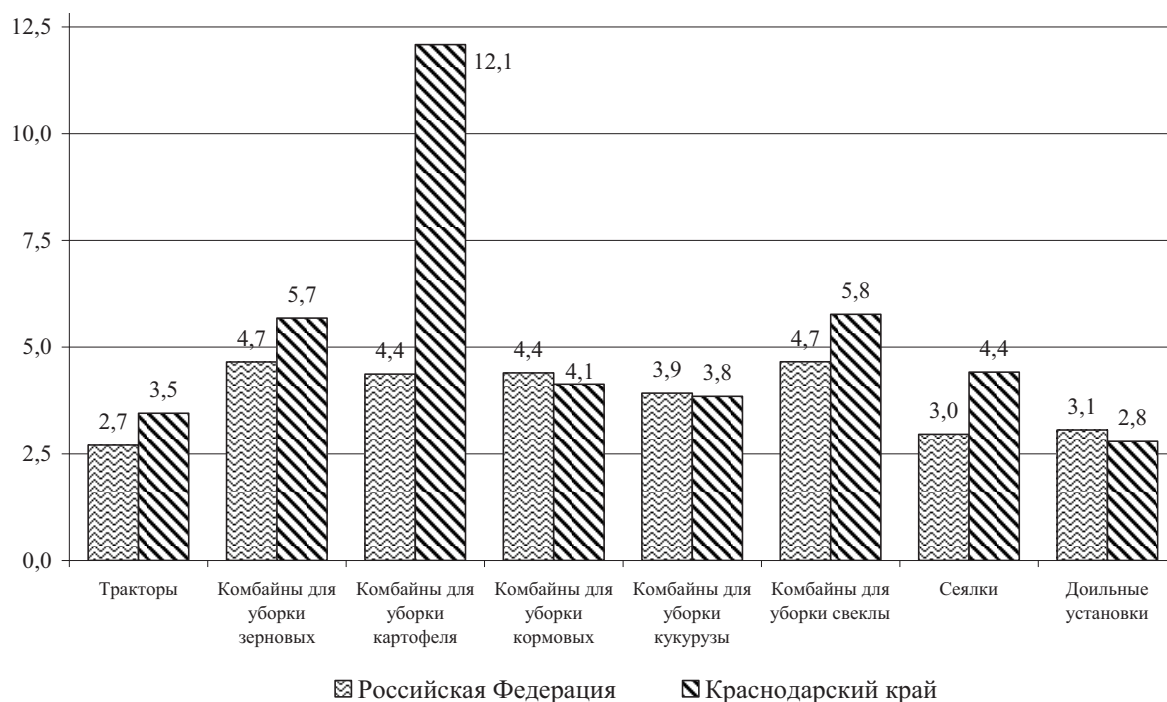

Рисунок 41 – Средний коэффициент ежегодного обновления основных видов техники в сельскохозяйственных организациях РФ и Краснодарского края в 1990-2018 гг.

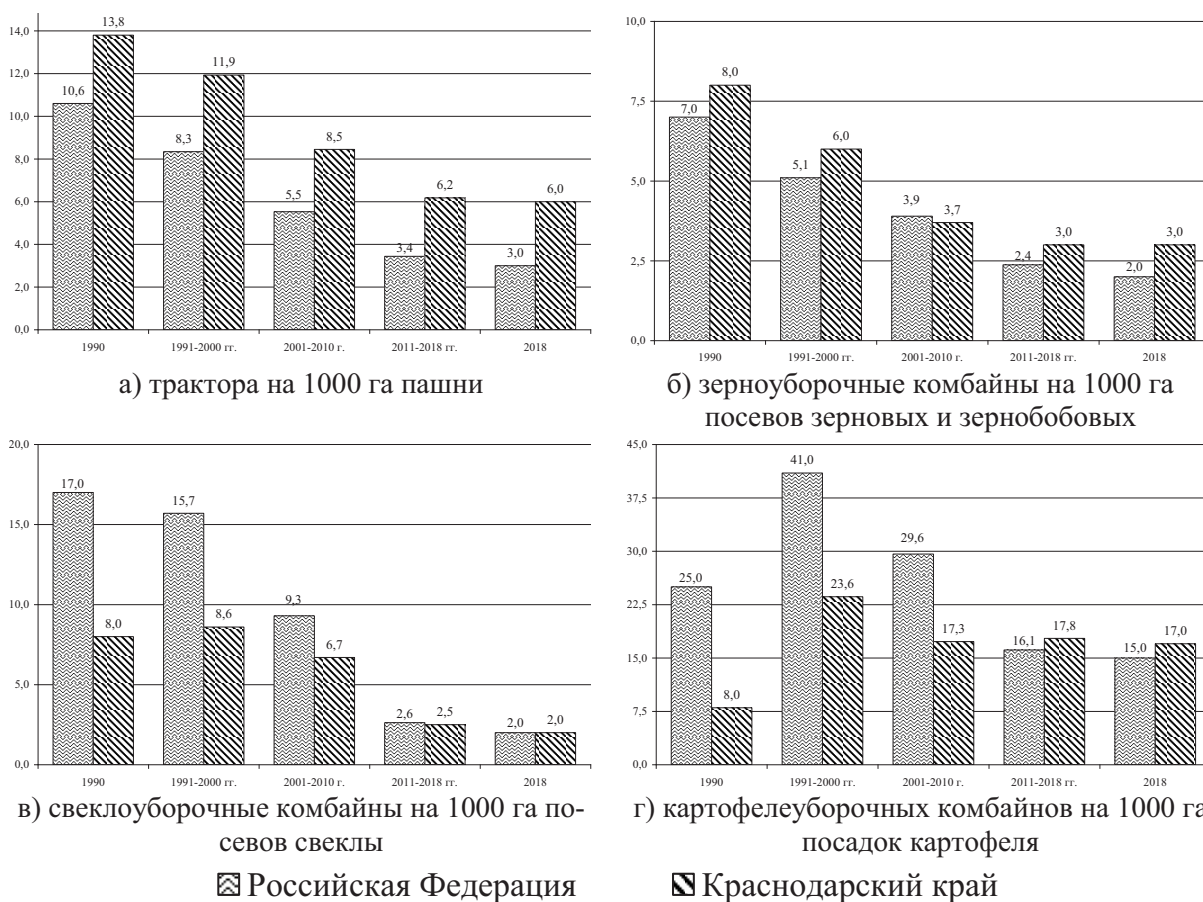

Рисунок 42 – Сравнительная оценка обеспеченности сельскохозяйственных организаций РФ и Краснодарского края основными видами техники

Если в сельскохозяйственных организациях Краснодарского края на 1000 га пашни в 2018 г. приходилось 6 тракторов, тогда как в среднем по РФ всего 3 трактора. Обеспеченность сельскохозяйственных организаций Кубани зерноуборочными комбайнами в 2018 г. была в 1,5 раза, а картофелеуборочными комбайнами в 1,1 выше чем в РФ, и лишь по обеспеченности свеклоуборочными машинами наблюдался паритет. При чем, в 1990 г. средняя сельскохозяйственная организация Российской Федерации превосходила по уровню обеспеченности свеклоуборочными комбайнами среднюю сельскохозяйственную организацию Краснодарского края более чем в два раза.

При этом сельскохозяйственные производители Краснодарского края и Российской Федерации довольно существенно отличались по возрастной структуре тракторов и зерноуборочных комбайнов. В сельскохозяйственных организациях Краснодарского края за период между Всероссийскими сельскохозяйственными переписями 2006 и 2016 гг. доля тракторов старше 9 лет снизилась 77,8% до 62,6%, а по фермерским хозяйствам – с 80,9% до 54,6%, тогда как по Российской Федерации уровень этих показателей снизился соответственно с 83,5% до 68,0% и с 82,3% до 62,6% (таблицы 23 и 24).

Таблица 23 – Возрастная структура тракторов сельскохозяйственных производителей Краснодарского края по данным ВСХП, %

Показатели	Доля тракторов в возрасте		
	до 4 лет	4-8 лет	9 лет и более
По данным ВСХП 2006 г.			
Сельскохозяйственные организации			
Российская Федерация	5,6	10,9	83,5
Краснодарский край	6,6	15,6	77,8
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели			
Российская Федерация	5,1	12,7	82,3
Краснодарский край	5,3	13,7	80,9
По данным ВСХП 2016 г.			
Сельскохозяйственные организации			
Российская Федерация	11,7	20,3	68,0
Краснодарский край	13,2	24,2	62,6
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели			
Российская Федерация	14,3	23,1	62,6
Краснодарский край	16,4	29,0	54,6

Источник: [308, 309]

Аналогичная ситуация к 2016 г. сложилась и по зерноуборочным комбайнам (таблица 24).

Таблица 24 – Возрастная структура зерноуборочных комбайнов сельскохозяйственных производителей Краснодарского края по данным ВСХП, %

Показатели	Доля тракторов в возрасте		
	до 4 лет	4-8 лет	9 лет и более
По данным ВСХП 2006 г.			
Сельскохозяйственные организации			
Российская Федерация	10,7	15,2	74,1
Краснодарский край	10,1	14,3	75,6
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели			
Российская Федерация	4,7	10,0	85,3
Краснодарский край	4,1	10,5	85,4
По данным ВСХП 2016 г.			
Сельскохозяйственные организации			
Российская Федерация	19,4	29,2	51,4
Краснодарский край	22,7	31,0	46,3
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели			
Российская Федерация	13,0	19,2	67,9
Краснодарский край	13,4	24,8	61,8

Источник: [308, 309]

С началом радикальных реформ конца прошлого века, предполагавшим отказ от централизованного планирования развития всех отраслей экономики и размещения аграрного производства в соответствии с общественными интересами, а также трансформации структуры аграрного сектора за счет слома существовавшей колхозно-совхозной системы, произошли существенные изменения в специализации хозяйствующих субъектов Краснодарского края, связанные с приоритетным развитием тех отраслей сельского хозяйства, которые обеспечивали максимальный экономический эффект и быструю окупаемость инвестиций. Для сельского хозяйства Кубани такими драйверами развития стали отрасли растениеводства, что позволило региону практически по всем видам продукции этих отраслей выйти на уровень дореформенного 1990 г. и даже превзойти его (рисунок 43).

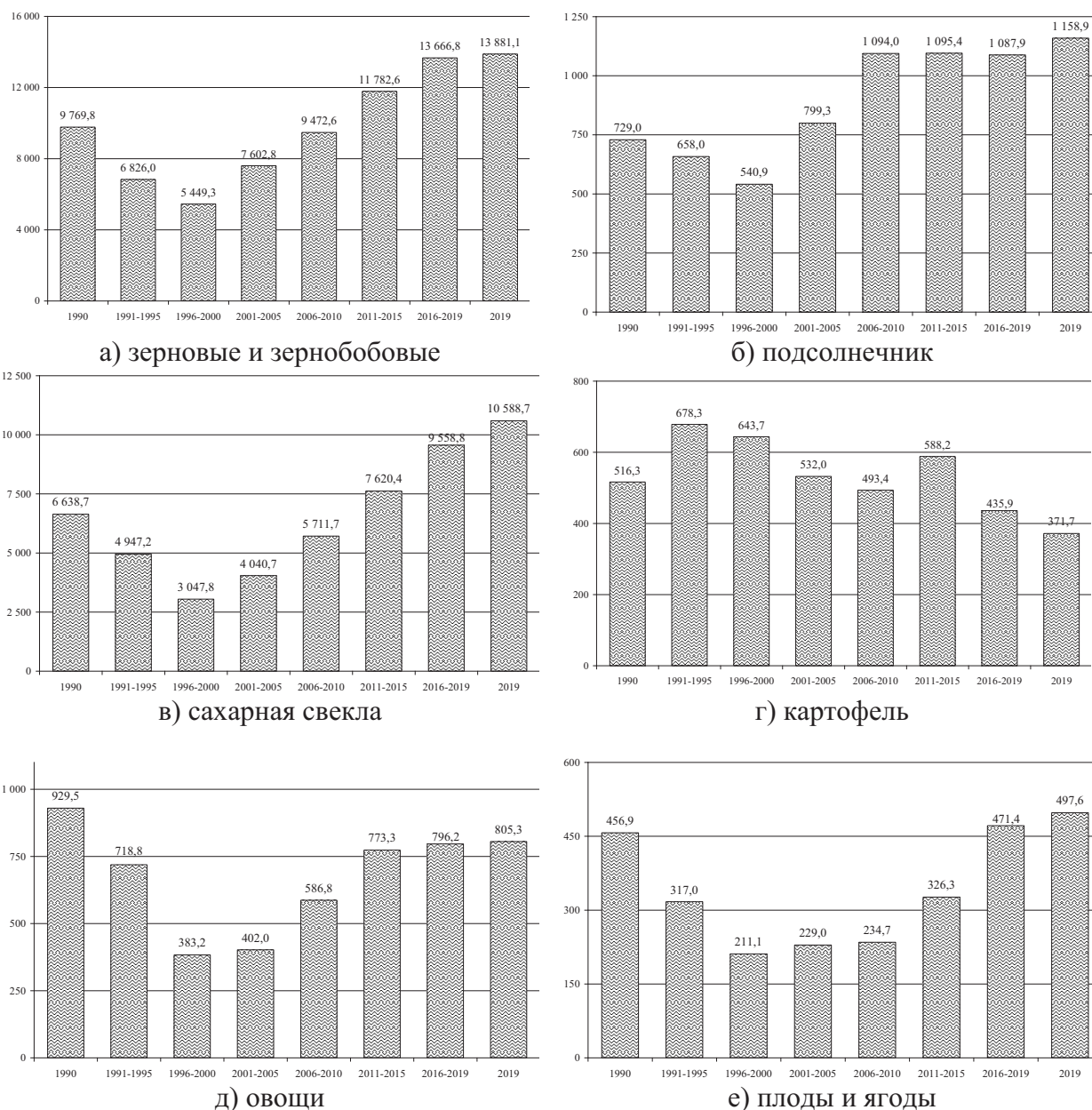
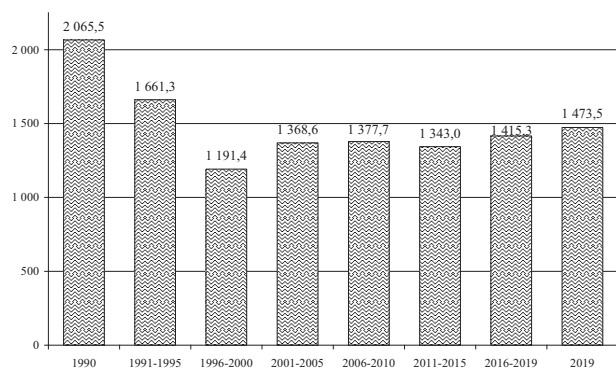

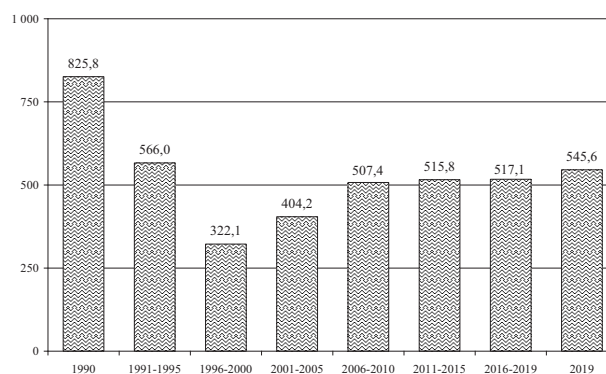
Рисунок 43 – Производство основных видов продукции растениеводства хозяйствами всех категорий Краснодарского края, тыс. т

В Краснодарском крае к 2019 г. уровень производства 1990 г. по зерновым и зернобобовым культурам был превышен более чем на 42%, по подсолнечнику и сахарной свекле – почти в 1,6 раза, по плодам и ягодам – на 8,9% и лишь по объемам производства картофеля и овощей наблюдалось отставание (72,0% и 86,6% соответственно).

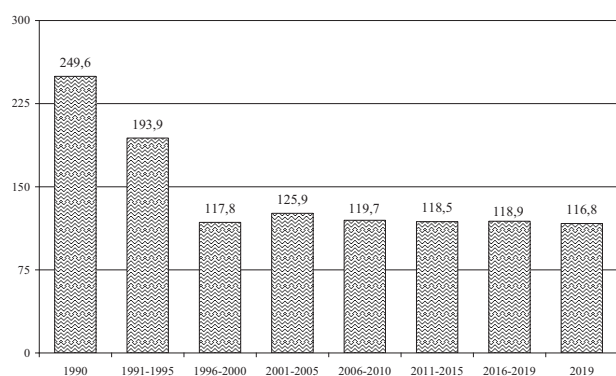
При этом по производству молока, мяса и яиц Краснодарский край существенно отстает от уровня 1990 г. (71,3%, 66,1% и 96,4% соответственно) (рисунок 44).

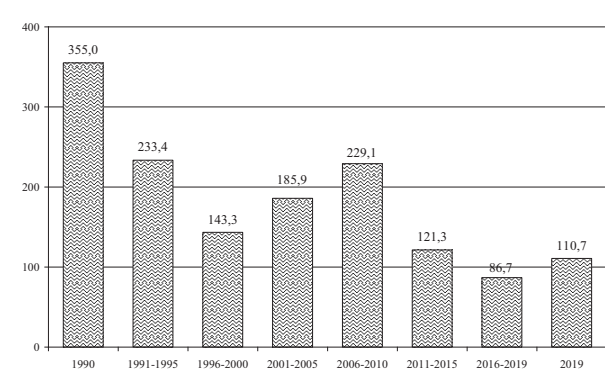
а) молоко

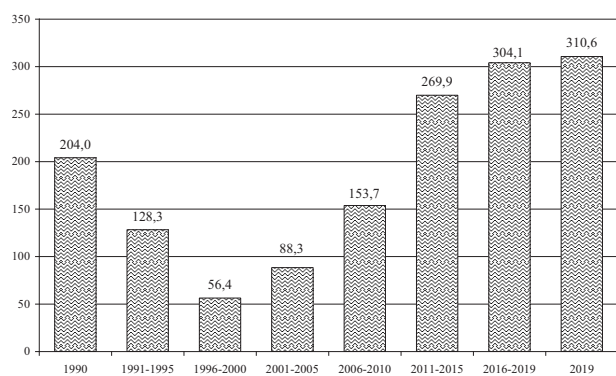
б) мясо скота и птицы всего

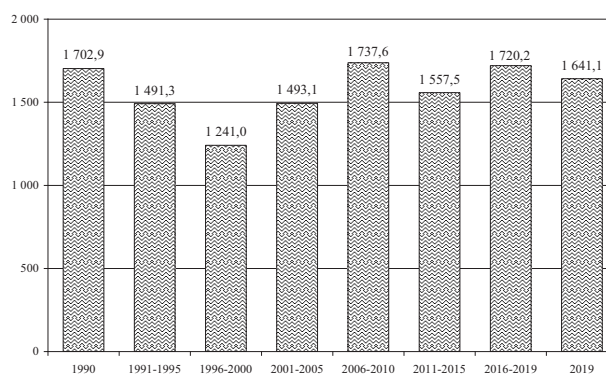
в) КРС на убой в живом весе

г) свиньи на убой в живом весе

д) птица на убой в живом весе

е) яйца, млн шт.

Рисунок 44 – Производство основных видов продукции животноводства хозяйствами всех категорий Краснодарского края, тыс. т

По производству зерна на душу населения в 2019 г. Краснодарский край превосходил Российскую Федерацию почти в три раза, сахарной свеклы – более чем в пять раз, плодов и ягод – в 3,7 раза, подсолнечника – в 1,9 раза, овощей – в полтора раза, молока – в 1,2 раза, незначительно уступая по мясу и яйцам (соответственно 93,5% и 95,1% к уровню РФ) и существенно по производству картофеля (более чем в три раза) (таблица 25).

Таблица 25 – Производство основных видов сельскохозяйственной продукции на душу населения, кг

Виды продукции	1990 г.		2019 г.	
	Российская Федерация	Краснодарский край	Российская Федерация	Краснодарский край
Зерновые и зернобобовые	788,5	2 094,5	825,7	2 457,6
Подсолнечник	23,2	156,3	111,1	205,2
Сахарная свекла	218,5	1 423,3	370,3	1 874,7
Картофель	208,5	110,7	150,4	65,8
Овощи	69,8	199,3	96,1	142,6
Плоды и ягоды	16,1	98,0	23,9	88,1
Молоко	376,5	442,8	213,5	260,9
Скот и птица (в живом весе)	68,3	177,0	103,3	96,6
Яйца, шт.	320,8	365,1	305,6	290,6

Рассчитано по: [85]

Особое внимание следует обратить на изменение структуры производимого в регионе мяса.

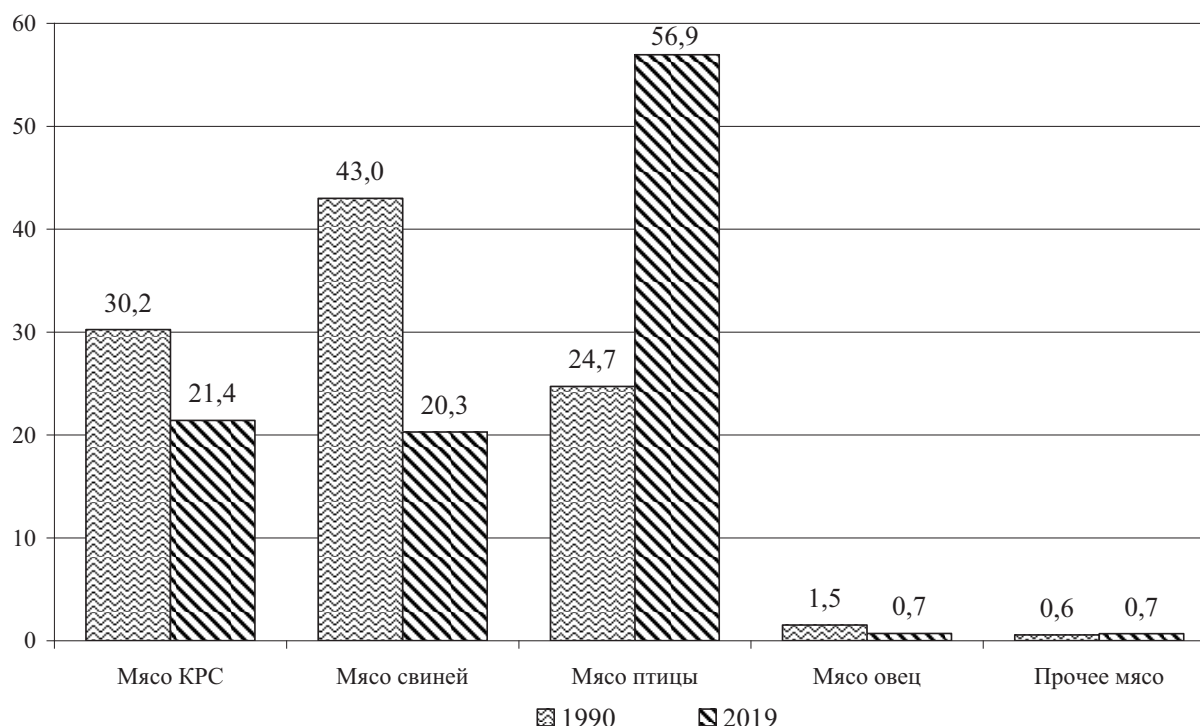

Рисунок 45 – Доля отдельных видов мяса в общем объеме производства в хозяйствах всех категорий Краснодарского края, %

Если в 1990 г. основную часть производимого в Краснодарском крае мяса составляло мясо свиней (43,0%), то к 2019 г. начало наблюдаться абсолютное доминирование мяса птицы (56,9%).

Рост объемов производства сельскохозяйственной продукции объективно обусловил необходимость модернизации предприятий пищевой промышленности региона и увеличения объемов производства продуктов питания.

Современная пищевая промышленность Краснодарского края представлена более чем 2 200 производствами, на которых работают 45,5 тыс. чел., почти 10% из них относятся субъектам крупного и среднего бизнеса. Эти предприятия производят широкий ассортимент продовольственных товаров (свыше 2,5 тыс. наименований), из которых более 40% относятся к числу перспективных разработок, соответствующих международным стандартам качества. По мнению региональных властей, перед предприятиями пищевой промышленности Краснодарского края стоит стратегическая задача расширения ассортимента продуктов питания и повышения их конкурентоспособности. В качестве одного из перспективных направлений развития отрасли в регионе признано развитие глубокой переработки зерна, например, такой пищевой добавки как мальтодекстрин, являющейся сырьем для заменителя грудного молока.

В структуре пищевой промышленности края наиболее значимую роль играют предприятия масложировой, молочной, мясной, сахарной, плодоовощной и консервной отраслей. Только за 2010-2016 гг. предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности Краснодарского края смогли увеличить производство мяса и субпродуктов почти в 2 раза, мясных консервов – более чем в полтора раза, консервированных фруктов – в 2,3 раза, масла растительного рафинированного – в 1,6 раза, сыра и сахара свекловичного – в 1,5 раза (таблица 26).

Изменение классификатора видов экономической деятельности 2017 г. существенно затруднило сопоставимость показателей объемов производства продуктов питания по их видам, но тенденции, сформировавшиеся с начала десятых годов сохранились практически по всем видам пищевой продукции.

Таблица 26 – Производство пищевых продуктов в Краснодарской крае, тыс. т

Пищевые продукты	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2016 г. в % к 2010 г.
Мясо и субпродукты	99,0	121,6	142,7	193,2	195,2
Полуфабрикаты мясные	29,7	53,9	62,5	162,5	547,1
Колбасные изделия	101,7	87,3	80,1	65,2	64,1
Консервы мясные, млн усл. банок	2,4	3,5	4,3	3,7	154,2
Рыба переработанная	18,4	13,3	21,7	24,9	135,3
Соки фруктовые и овощные, млн усл. б.	378,6	92,6	161,5	151,4	40,0
Консервы фруктовые, млн усл. б.	31,8	37,5	15,7	73,3	230,5
Овощи и грибы замороженные	4,4	3,4	5,2	5,3	120,5
Масло растительное нерафинированное	657,0	917,0	901,2	512,6	78,0
Масло растительное рафинированное	237,1	432,6	536,6	370,9	156,4
Молоко жидкое обработанное	268,9	334,1	326,2	309,5	115,1
Масло сливочное	7,7	10,0	9,7	10,1	131,2
Сыры и продукты сырные	15,6	22,2	23,7	23,4	150,0
Молоко сгущенное, млн. усл. б.	65,7	98,3	78,7	94,2	143,4
Мороженое и десерты	20,2	6,5	16,0	28,1	139,1
Мука	454,0	440,8	447,5	479,2	105,6
Крупы	316,5	440,6	330,6	404,0	127,6
Хлеб и хлебобулочные изделия	317,7	320,7	320,5	303,4	95,5
Кондитерские изделия	82,8	83,3	93,6	90,9	109,8
Сахар белый свекловичный	959,2	1 088,4	1 038,3	1 475,4	153,8
Сахар белый тростниковый	739,2	140,2	86,9	29,7	4,0
Изделия макаронные	8,7	1,0	2,2	6,3	72,4
Майонезы	19,4	19,6	19,0	21,1	108,8
Кетчуп и соусы томатные, млн. усл. б.	38,0	43,0	45,3	78,7	207,1

Рассчитано по: [133]

В структуре стоимости продуктов питания, произведенных в Краснодарском крае в 2018 г., лидирующие позиции занимают растительные масла и жиры (19,8%), а также продукты переработки молока (15,7%) и мяса (14,2%) (таблица 27).

К прочим продуктам питания относятся сахар, кондитерские изделия и другая пищевая продукция.

Несмотря на рост объемов производства продуктов питания наблюдается существенная недогрузка производственных мощностей предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности Краснодарского края.

Таблица 27 – Структура производства продуктов питания в Краснодарском крае в 2018 г.

Отрасли пищевой промышленности	Млн руб.	%
Переработка молока	48 828,9	15,7
Переработка мяса	44 008,7	14,2
Переработка фруктов и овощей	34 437,4	11,1
Переработка рыбы	973,2	0,3
Производство масел и жиров	61 422,5	19,8
Производство муки, круп, крахмала	19 809,9	6,4
Производство хлебобулочных изделий	19 182,8	6,2
Производство прочих продуктов	68 116,3	22,0
Производство готовых кормов	13 361,7	4,3

Рассчитано по: [132]

В 2018 г на крупных и средних предприятиях Кубани мощности по разделке и фасовке мяса крупного рогатого скота и свиней были задействованы всего на 44,9%, мяса птицы – на 71,9%, по производству плодоовощных консервов – на 52,8%, растительных масел – на 49,8%, сыров – на 41,2%, масла сливочного – на 23,7%, муки – на 34,0%, круп – на 44,2%, хлебобулочных изделий – на 39,1% (таблица 28).

Дефицит сырья предприятий пищевой промышленности объективно обуславливает усиление конкуренции на рынках сельскохозяйственной продукции и необходимость развития системы интеграционных взаимодействий производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции.

Рост объемов производства продукции аграрного сектора и модернизация предприятий пищевой промышленности Краснодарского края объективно обуславливают рост экспортного потенциала регионального агропродовольственного комплекса.

В 2018 г. производители Кубани увеличили стоимость экспорта сельскохозяйственной продукции и продуктов ее переработки более чем на 2 млрд руб. (уровень 2017 г. был превышен на 24%), а количество стран-экспортеров продукции региона выросло до 140. [132]

Таблица 28 – Использование среднегодовой мощности предприятий Краснодарского края по выпуску пищевых продуктов (без субъектов малого предпринимательства) в 2018 г., %

Продукты питания	Значение
Мясо (без птицы) парное или охлажденное	44,9
Мясо и субпродукты птицы	71,9
Флодоовощные консервы	52,8
Масла растительные и их фракции	49,8
Молоко, кроме сырого	49,3
Масло сливочное и пасты масляные	23,7
Сыры	41,2
Мука	34,0
Крупа	44,2
Изделия хлебобулочные	39,1
Сахар белый свекловичный	94,4

Рассчитано по: [132]

Оценка современного состояния и тенденций развития агропродовольственного комплекса Краснодарского края позволяет сделать вывод об устойчивости сформировавшихся трендов и возможности не только наращивания потенциала развития, но и повышения уровня его использования.

3.3. Оценка интеграционных процессов в агропродовольственном комплексе Краснодарского края

Базовой целью агропромышленной интеграции является формирование эффективных цепочек создания дополнительной стоимости за счет объединения субъектов, реализующих функции производства сельскохозяйственной продукции и его переработки и их инфраструктурного обеспечения. При этом длина и сложность продуктовых цепочек определяется уровнем разделения труда, технологиями производства и способом доведения готовой продукции до конечного потребителя. Одни продуктовые цепочки ориентированы на создание продуктов, потребляемых в ходе производства других видов продукции (например, комбикорма, кормовые добавки, семена и др.), вторые предполагают доведение продуктов до объектов розничной торговли,

третьи – экспорт сельскохозяйственного сырья, четвертые – экспорт продуктов его глубокой переработки и др.

Сложившаяся в стране система продовольственного обеспечения предполагает одновременное функционирование различных типов продовольственных рынков, отличающихся сырьевой направленностью, глубиной переработки сельскохозяйственного сырья и уровнем продовольственного сервиса. Первый тип продовольственных рынков представлен рынками продуктов питания, потребляемых в не переработанном виде (яйца, фрукты, картофель, овощи и др.), второй тип – рынками продовольственных товаров с относительно низким уровнем переработки (мясо, молоко, крупы и др.), третий тип – рынками продовольственных товаров, полученных в результате глубокой переработки сельскохозяйственной продукции (мясные и молочные продукты, сахар, хлеб и хлебобулочные изделия, растительные масла, плодоовощные консервы и др.), четвертый тип – рынками товаров промежуточного потребления, необходимых для производства продукции высоких уровней передела (глутен, аминокислоты, клейковина, лецитин, сывороточный белок и др.), пятый тип – сферой продовольственного сервиса (система общественного питания, реализация кулинарных изделий и полуфабрикатов и др.).

Многообразие продуктовых цепочек, разный уровень их сложности и длины, особенности выбора оптимальных форм межсубъектных взаимодействий, объективно обуславливают использование множества моделей интеграционных отношений.

Одной из наиболее распространенных моделей организации агропромышленной интеграции в Краснодарском крае является холдинговая модель, предполагающая образование жестко структурированных интегрированных формирований, охватывающих различные звенья одной или нескольких продуктовых цепочек путем полного контроля за деятельностью экономически, организационно и технологически взаимосвязанных хозяйствующих субъектов. Реализация данной модели агропромышленной интеграции, ориентированной на получение дополнительного экономического эффекта за счет повыше-

ния уровня концентрации капитала и производства и минимизации логистических издержек, привела к появлению корпоративных структур, контролирующих экономические пространства в границах различных регионах.

Так, например, в рейтинге крупнейших землевладельцев РФ, составленном журналом Forbes, первое место занимает АО Фирма «Агрокомплекс им. Н.И. Ткачева», владеющая 649 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения в Краснодарском и Ставропольском краях, Адыгеи и в Ростовской области (стоимость земли 68,5 млрд руб.). Агрохолдинг «Степь», базирующийся в Ростове-на-Дону, владеет 412 тыс. га земель, расположенных в Краснодарском и Ставропольском краях и в Ростовской области (45,6 млрд руб.). Банк земли концерна «Покровский» (штаб-квартира находится в ст. Каневской Краснодарского края) представлен 240 тыс. га земель, используемых для ведения аграрного производства. Землями в Краснодарском крае (кроме того в Ростовской и Волгоградской областях) владеет также и агропромышленная группа «Юг Руси» (всего 200 тыс. га). 112 тыс. га земли находится под контролем агрохолдинга «Рассвет» (бывшее АО Агрообъединение «Кубань»). [285]

Следует отметить, что компания «Мираторг», являющаяся крупнейшим землевладельцем страны (контролирует около 1 млн га земель сельскохозяйственного назначения в таких областях как Брянская, Калининградская, Тульская, Калужская, Смоленская, Орловская, Белгородская и Курская) по стоимости земель (45 млрд руб.) находилась только на третьем месте, уступая Агрокомплексу им. Н.И. Ткачева и холдингу «Степь». Четвертое место по стоимости земель (39,4 млрд руб.) занимает группа компаний «Продимекс», 892 тыс. га земель которого сосредоточены в Воронежской, Белгородской, Липецкой, Курской, Тамбовской и Пензенской областях, Краснодарском и Ставропольском краях, в республике Башкортостан.

Кроме того на территории Краснодарского края активную деятельность осуществляют корпорации надрегionalного уровня, ак-

тивно инвестирующие средства не в приобретение земель, а в развитие перерабатывающих мощностей и объектов инфраструктуры.

Например, группа компаний ЭФКО (штаб-квартира в Белгородской области), входящая в тройку самых крупных компаний АПК Российской Федерации и являющаяся ведущим холдингом масложирового профиля на рынке ЕЭС, помимо переработки масличных культур (перерабатывающие мощности находятся в Белгородской области, Краснодарском крае и Казахстане) вложило средства в строительство и развитие инфраструктуры единственного в РФ глубоководного морского маслониливного терминала, позволяющего осуществлять перевалку жидких пищевых грузов (порт Тамань).

Группа компаний «Ренна», специализируясь на переработке молока, контролирует Кореновский молочно-консервный комбинат. Аналогичную схему реализуют АО «Данон Россия» (Молочный комбинат Лабинский, группа компаний PepsiCo (ОАО «Тимашевский молочно-комбинат»), ГК «Доминант» (ЗАО Сыродельный комбинат «Ленинградский»). Эти четыре предприятия перерабатывают более 50% молока, производящегося в Краснодарском крае.

Многоотраслевой характер основной части сельскохозяйственных предприятий Краснодарского края объективно обусловил необходимость их интеграции в различные технологические цепочки, связанные с хранением и переработкой как растениеводческой (зерновые и зернобобовые, масличные культуры, сахарная свекла, овощи, плоды), так и животноводческой продукции (как правило, молоко и мясо). При этом если часть интегрированных агропромышленных формирований ориентируется на развитие одной-двух, в редких случаях трех отраслей пищевой промышленности, то отдельные интегрированные структуры реализуют стратегию расширения направлений бизнеса, инвестируя средства в развитие новых для себя отраслей.

Так, например АО фирма «Агрокомплекс имени Н.И. Ткачева» изначально создавалась как объединение предприятия, специализировавшегося на откорме крупного рогатого скота, и комбикормового завода, в состав которого позднее вошел Выселковский элеватор. Затем

был построен цех по производству хлебобулочных изделий, поглощены маслозавод «Бейсугский» и птицефабрика «Гражданская», введен в эксплуатацию собственный мясокомбинат. На следующем этапе решалась задача расширения площади землевладений, освоения производства овощей и закладки садов, а также формирования устойчивой сырьевой базы перерабатывающих предприятий, входящих в состав интегрированного формирования. Включение в состав Агрокомплекса птицефабрик «Славянская» и «Краснодарский бройлер» дало толчок резкому увеличению производства мяса птицы и продуктов его переработки. Реконструкция комбикормового завода позволила увеличить производство комбикормов и кормовых добавок до 1 100 т в сутки и полностью обеспечить себя кормами высокого качества. С присоединением семеноводческого опытно-производственного хозяйства «Ордынское» Агрокомплекс начал развивать новую для себя отрасль – рисоводство. С начала десятых годов в рамках диверсификации деятельности значительные инвестиции были направлены в молочное и мясное скотоводство, свеклосахарное производство, развитие элеваторного хозяйства, переработку мяса и молока, а также приобретение активов как в Краснодарском крае, так и в соседних регионах, что позволило Агрокомплексу выйти на лидирующие позиции в РФ по производству практически всех основных видов продуктов питания. Особое внимание при этом уделялось развитию фирменной розничной сети магазинов, число которых к 2017 г. превысило 650.

Агрессивная политика поглощений и модернизации технической базы всех субъектов, формирующих различные звенья технологических цепочек АО фирма «Агрокомплекс имени Н.И. Ткачева», привели к крайне высокому уровню закредитованности интегрированного формирования. В 2018 г. объем кредиторской задолженности вырос до 63,5 млрд руб. при сумме годовой выручки около 50 млрд руб. Только проценты по кредитам в 2018 г. составили более 10 млрд руб. Необходимо отметить, что если объем выручки за период с 2015 до 2019 г. вырос на 29,3%, то себестоимость продаж – на 41,6%, что обусловило получение в 2018 г. убытка в размере 2,9 млрд руб.

Анализ бухгалтерских балансов Агрокомплекса за 2014-2018 гг., проведенный В.В. Шевцовым и Г.Г. Карпенко [355], позволил им констатировать значительный рост стоимости внеоборотных активов, произошедший, главным образом, за счет трехкратного увеличения размера долгосрочных обязательств, достигших к началу 2019 г. отметки свыше 64 млрд руб. (сумма краткосрочных обязательств за это же время выросла более чем в четыре раза). По данным этих исследователей размер обязательств АО фирма «Агрокомплекс имени Н.И. Ткачева» к 2019 г. составил свыше 167 тыс. руб. в расчете на один гектар пашни. Нарастающие темпы роста заемных средств привели к снижению уровня автономности хозяйствующего субъекта. При нормативном значении в 0,5, коэффициент автономности, отражающих соотношение собственного капитала к стоимости активов, снизился с 0,45 в 2014 г. до 0,20 в 2018 г., а коэффициент финансовой независимости (нормативное значение 0,7) вырос до 4. О снижении уровня инвестиционной привлекательности АО фирма «Агрокомплекс имени Н.И. Ткачева» свидетельствует и устойчивое снижение коэффициента текущей ликвидности с 2 в 2014 г. до 0,84 в 2018 г. [357]

Несколько иная модель агропромышленной интеграции реализуется агрохолдингом «Рассвет» (до мая 2019 г. – АО «Агрообъединение «Кубань»»), сделавшим ставку на развитие молочного скотоводства (10 комплексов и крупных молочно-товарных ферм), свиноводства (2 свинокомплекса), коневодства и традиционных для региона отраслей растениеводства. Необходимо отметить, что все земли, находящиеся в хозяйственном обороте агрохолдинга, находятся на территории Краснодарского края. Промышленное ядро агрохолдинга представлено мясоперерабатывающим комплексом «Кубань» (8,4 тыс. т продукции в год), сахарным заводом «Свобода» (мощность до 7 тыс. т свеклы в сутки), тремя семенными заводами, двумя зерновыми элеваторами (мощность единовременного хранения более 150 тыс. т), многофункциональным сервисным центром по обслуживанию и ремонту сельскохозяйственной техники. Данное интегрированное агропромышленное формирование контролируется группой «Базовый

элемент». В настоящее время идут процессы корректировки структуры интегрированного формирования, эффективность функционирования которого на протяжении последних лет остается довольно высокой. В 2018 г. чистая прибыль агрохолдинг «Кубань» по РСБУ составила 1,5 млрд руб.

В отличие от Агрокомплекса имени Н.И. Ткачева агрохолдинг «Кубань» имеет достаточно высокий уровень автономии (коэффициент автономии в 2016-2018 гг. находился в пределах 0,54-0,57 при нормативном значении 0,5), близкое к нормативному уровню значение коэффициента финансовой зависимости (0,75-0,84) и текущей ликвидности (1,36-1,53) [357].

Модель развития агропромышленной интеграции в рамках финансово-промышленной группы реализуется ОАО «Южная многоотраслевая корпорация», в состав которой входят 84 субъекта различного профиля, в т.ч. торговые сети «ЕстЪ» (52 торговых объекта) и «Маг-Мак» (8 супермаркетов), ООО «Металлглавнаб-1», «Кубань-торгодежда», ЗАО «Кубаньоптпродторг», Динской мясокомбинат, предприятие по производству плодоовощной продукции «Кормилица», кондитерская фабрика «Любимая Кубань», винный завод в Славянске-на-Кубани, несколько сельскохозяйственных предприятий, а также ООО «Банк Южной многоотраслевой корпорации». Для данной корпорации агропродовольственный бизнес является вспомогательным направлением, позволяющим диверсифицировать инвестиционный портфель.

Принципиально иной подход к организации агробизнеса демонстрирует агрохолдинг «Степь», входящий в состав АФК «Система». Учредители данного интегрированного формирования сделали акцент на развитии традиционных отраслей растениеводства, молочного животноводства, интенсивного садоводства, овощеводства и трейдинг продукции аграрного сектора, взаимодействуя по вопросам переработки сельскохозяйственной продукции с другими агрохолдингами и независимыми переработчиками. Несмотря на отсутствие собственного сектора переработки продукции по оценкам журнала «Эксперт» [4]

по итогам 2018 г. агрохолдинг «Степь» занял 27 место среди компаний агропродовольственного комплекса страны по суммарному объему выручки, а по уровню размера выручки в расчете на 1 га земельного фонда – 19-е место.

В качестве примера реализации договорной модели интеграционных взаимодействий также можно привести ООО Крахмальный завод «Гулькевичский», специализирующийся на переработке зерна кукурузы и производстве кукурузного крахмала, крахмальной патоки, мальтодекстрина с различными показателями декстрозного эквивалента, глютена кукурузного, кукурузного глютенowego корма, зародыша кукурузного, мезги кукурузной обезвоженной, высокопротеиновых кукурузных отрубей, сгущенного кукурузного экстракта. Отсутствие конкурентов на региональном рынке позволяет предприятию формировать устойчивую сырьевую базу и сконцентрировать финансовые и инвестиционные ресурсы на развитии собственной технико-технологической базы, а не на производителей сельскохозяйственной продукции, интегрируя их в технологические цепочки за счет использования привлекательных для аграриев закупочных цен на фоне насыщения внутренних рынков традиционных для региона видов сельскохозяйственной продукции при устойчивом росте спроса на продукты переработки кукурузы как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Аналогичная модель интеграционного взаимодействия производителей сельскохозяйственной продукции и ее переработчиков реализуется ПАО «Хлеб Кубани», являющегося одним из крупнейших производителей комбикормов Юга Российской Федерации и предлагающего хозяйствующим субъектам аграрного сектора комбикорма в рассыпном и гранулированном виде для сельскохозяйственной птицы всех возрастных групп, для выращивания и откорма свиней как по промышленным технологиям, так и в хозяйствах населения, для крупного рогатого скота молочного и мясного направления с различным уровнем продуктивности, для кроликов (с использованием травяной муки), полнорационные корма для прудовых рыб и др.

Необходимо отметить, что и ООО Крахмальный завод «Гулькевичский», и ПАО «Хлеб Кубани» вошли в состав единственного пока в Краснодарском крае промышленного кластера «Кубань» (в 2018 г. внесен в реестр Минпромторга).

Краснодарский край относится к регионам Российской Федерации, лидирующим по уровню развития пищевой промышленности.

В 2019 г. на территории Краснодарского края осуществляли деятельность:

– 40 предприятий по переработке масличных культур (АО МЖК «Армавирский», ООО МЖК «Краснодарский», ООО Завод по экстракции растительных масел группы агропромышленных компаний «Юг Руси», ООО Лабинский МЭЗ, ООО «Флорентина» Усть-Лабинский эфирно-маслоэкстракционный комбинат, ООО фирма «Лига», ООО Маслозавод «Павловский», ООО Компания «Благо», ООО «Центр Соя», ООО «Кубанские масла», ООО «Апрель», ООО Маслозавод «Тихорецкий», ЗАО фирма «Юг», маслозавод ООО «ГАЛС», ООО «Агро-Кубань», ООО «Калининский маслозавод» и др.);

– 13 крупных и средних предприятий мясной промышленности (ОАО Сочинский мясокомбинат, ООО Армавирский мясоконсервный комбинат, ЗАО Мясокомбинат «Новороссийский», ООО Мясоптицекомбинат «Каневской», ЗАО Курганинский мясоптицекомбинат, ЗАО Мясоперерабатывающий комбинат «Динской», Завод детских мясных консервов «Тихорецкий», ООО Тимашевскмясопродукт, ОАО Павловский мясокомбинат, АО фирма «Агрокомплекс им. Н.И. Ткачева», мясоперерабатывающий комплекс «Кубань» (агрохолдинг «Кубань») и др.), а также 11 мясоперерабатывающих предприятий малой мощности;

– 15 крупных и средних предприятий молочной промышленности (ЗАО Сыродельный комбинат «Ленинградский» и его филиалы, ООО Маслозавод «Абинский», ООО «КубаньРус-Молоко», ЗАО «Гулькевичский молзавод», ЗАО Кореновский молочно-консервный комбинат, Молочный комбинат «Лабинский», ЗАО Приморско-Ахтарский молочный завод, ОАО маслосырзавод «Славянский», ООО фирма «Калория», ЗАО Тбилисский маслосырзавод, Тимашевский молочный

комбинат, ЗАО Сыркомбинат «Тихорецкий», АО фирма «Агрокомплекс им. Н.И. Ткачева»);

– 16 сахарных заводов («Кристалл» АО фирма «Агрокомплекс им. Н.И. Ткачева», ООО «Гирей-Сахар», ООО «Динск-Сахар», ПАО «Каневсксахар», АО «Кореновсксахар», ЗАО Сахарный комбинат «Курганинский», ООО «Лабинск-Сахар», ОАО Сахарный завод «Ленинградский», ОАО «Кристалл-2», ОАО «Викор», ООО Павловский сахарный завод, ЗАО Тбилисский сахарный завод, ООО Тимашевский сахарный завод, ЗАО Сахарный комбинат «Тихорецкий», АО «Успенский сахарник», АО Сахарный завод «Свобода»);

– 10 крупных мукомольных предприятий (ОАО «Армавирский хлебопродукт», ОАО Кропоткинский элеватор, ОАО Новороссийский комбинат хлебопродуктов, АО фирма «Агрокомплекс имени Н.И. Ткачева», ПАО Комбинат хлебопродуктов «Тихорецкий», ООО Усть-Лабинская зерновая компания, ООО «Мукерья», ООО «Кубаньагросервис», ООО «Сил-Трейд»);

– 35 предприятий хлебопекарной промышленности (ОАО Анапский хлебокомбинат, ОАО Апшеронский хлебозавод, ОАО Краснодарский хлебозавод №6, ОАО Крымский хлебозавод, ОАО Сочинский хлебокомбинат, ОАО Славянский хлебозавод, ООО Брюховецкий хлебозавод, ООО Старотитаровский хлебозавод, ООО Хлебокомбинат Тимашевского райпо, ОАО Лабинский хлебозавод, ОАО «Новороссахлебкондитер», ОАО Ахтырский хлебозавод и др.);

– 3 предприятия макаронной промышленности (ИП Герцев А.Н., АО Кропоткинский элеватор, ООО Леонардо Баффи);

– 39 предприятий по производству круп (ООО Марьянский рисоизвод, ОАО Полтавский комбинат хлебопродуктов, АО фирма «Агрокомплекс имени Н.И. Ткачева», ОАО «Краснодарзернопродукт», ООО Кубанская крупяная компания, ООО Галицинский рисовый завод, ОАО Славянский комбинат хлебопродуктов, ООО Колос Кубани и др.);

– 46 элеваторов и хлебоприемных пункта (ОАО Албашский элеватор, ОАО Ангелинский элеватор, ОАО «Армавирский хлебопродукт»,

ОАО Белоглинский элеватор, ОАО Брюховецкий элеватор, ОАО Величковский элеватор, элеватор АО фирма "Агрокомплекс" им. Н.И. Ткачева, ОАО Динской элеватор, ОАО Ейский портовый элеватор, ОАО "Еянский элеватор, ОАО Коноковский элеватор, ОАО Кореновский элеватор, ООО «Крымская Зерновая компания», ОАО Малороссийский элеватор, ПАО Хлеб Кубани и др.);

– 14 комбикормовых предприятий (ООО «Центр Соя», ООО «Микс-Лайн» ООО «Южная корона» Брюховецкий комбикормовый завод, ЗАО Белореченский комбикормовый завод, АО фирма «Агрокомплекс им. Н.И. Ткачева», ООО «Зерно», ЗАО «Комбикорм», АО Комбикормовый завод «Павловский», ОАО Славянский КХП, ПАО «Хлеб Кубани», ООО «Премикс», ООО Усть-Лабинская зерновая компания «Кубань», ООО «Комбикорм» АПК «Кубаньхлеб», ООО «Новые комбинированные корма»);

– 9 предприятий кондитерской промышленности (ООО «Южная звезда», ОАО «Галан», ОАО Кондитерский комбинат «Кубань», ОАО «Виктория», ОАО «Кондитерская фабрика», ООО «Метрополис», ИП Штукерт Г.Н., ООО «Кубанская кормилица», ИП Орлов В.В.);

– один крахмальный завод (ООО Крахмальный завод Гулькевичский);

– 23 предприятия консервной промышленности (ООО Славянский консервный комбинат, Консервный цех ООО Лабинский МЭЗ, ООО «Техада», ООО "Южная соковая компания, ООО «Бондюэль-Кубань», ООО Консервное предприятие «Русское поле – Албаши», ООО «Кубань-Ти», ООО «Кубанские консервы», ООО Кубанский консервный комбинат, ООО «Кубанские деликатесы», ОАО «Кубанский стандарт», СПК «Восток», ОАО Медведовский завод плодопереработки, ЗАО «Дары Кубани», ООО «Кубаньпродторгсервис», ООО «Юнона Инвест Лтд», ООО «Пищевик» и др.).

Такой высокий уровень концентрации предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции объективно обуславливает усиление конкурентной борьбы за сырье, а задача формирования устойчивых сырьевых зон вынуждает собственников перерабатыва-

ющих предприятий использовать все многообразие схем обеспечения интеграционных взаимодействий с сельскохозяйственными производителями: от их поглощения до предоставления всякого рода преференций. Но если стратегии первого рода ведут к росту как инвестиционных и операционных расходов, связанных с производством необходимых видов продукции аграрного сектора, то стратегии второго рода предполагают существенный рост логистических издержек, существенно снижающих доходность основного бизнеса.

Кроме того, инвестиционная активность инициаторов интеграционных взаимодействий и формирования замкнутых цепочек создания добавленной стоимости, направленная на рост объемов выпуска традиционных видов продуктов питания и сырья для их производства, резко снизилась в условиях насыщения внутреннего рынка и отсутствия роста реальных доходов населения страны при наличии определенных сложностей по увеличению экспорта продуктов высоких переделов, связанных как с относительно низкой конкурентоспособностью отечественной продукции, так и с низким уровнем развития экспортной логистической инфраструктуры. Резкое снижение рентабельности агропромышленного производства и необходимость перехода на модели работы на стагнирующих и насыщенных рынках привели к очередному перетоку финансового и промышленного капитала и изменению бизнесландшафта региональных агропродовольственных систем. Так, например, начали оптимизацию своих кубанских активов такие крупные акторы как ГК «Разгуляй», ГК «Продимекс», ГК «РусАгро» и др., Агрокомплекс имени Н.И. Ткачева начал приобретать активы в соседних регионах, о корректировке своей структуры объявил агрохолдинг «Рассвет».

Трансформация агропродовольственной системы Краснодарского края и системы интеграционных взаимодействий производителей и переработчиков продукции аграрного сектора происходит под влиянием совокупности разнонаправленных факторов, к числу которых можно отнести:

– благоприятные природно-климатические условия, обеспечивающие наличие устойчивых конкурентных преимуществ ведения сельского хозяйства и возможность эффективного развития практически всех отраслей аграрного производства;

– высокое плодородие продуктивных земель и выгодное их расположение, обеспечивающие получение высоких рентных доходов и повышающее их привлекательность как объекта долгосрочных инвестиций;

– высокий уровень хозяйственной освоенности территории региона и концентрации сельского населения позволяют минимизировать расходы на инфраструктурное и кадровое обеспечение процессов агропромышленного производства;

– относительно высокий уровень развития транспортной и рыночной инфраструктуры, позволяющий минимизировать логистические издержки на формирование цепочек добавленной стоимости, связанных с экспортом сельскохозяйственной продукции и продуктов ее переработки;

– в рамках решения задач импортозамещения государство сделало ставку на масштабные инвестиционные проекты, реализация которых была возможна только крупными агрохолдингами (новый вид господдержки – компенсация части прямых понесенных затрат на создание и модернизацию объектов АПК), что дало импульс росту инвестиций в агропромышленное производство и наращиванию объемов выпуска широкого спектра продовольственных товаров;

– активное участие в развитии агропромышленного бизнеса Краснодарского края международных корпораций и корпораций национального уровня существенно обостряет конкуренцию как на рынках сельскохозяйственного сырья, так и рынках продуктов его переработки;

– диффузия крупных корпораций в агропродовольственную систему региона приводит к размыванию границ локализованных рынков, существенно затрудняя управление процессами балансирования развития агропродовольственных систем регионального уровня;

– поглощение интегрированными формированиями многоотраслевых сельскохозяйственных предприятий вынуждает их либо развивать переработку непрофильных для них видов продукции, либо организовывать интеграционные взаимодействия с другими бизнес-структурами, обеспечивающими функционирование других продуктовых цепочек;

– реализация интегрированными агропромышленными формированиями инновационно-ориентированной модели развития аграрного производства обусловила устойчивый рост объемов производства практически всех видов сельскохозяйственной продукции и насыщение внутреннего рынка основных продовольственных ресурсов;

– модернизация и наращивание производственных мощностей перерабатывающих предприятий обусловила возникновение проблемы их загрузки на фоне насыщения рынка продуктов переработки зерна, масличных культур и сахарной свеклы, недостаточных темпов роста объемов производства плодов и овощей и товарного молока;

– холдинговая модель агропромышленной интеграции обеспечила высокие темпы роста производства сельскохозяйственной продукции и продуктов ее переработки в условиях ненасыщенных рынков и выделения значительных средств государственной поддержки крупнотоварного аграрного производства, но столкнулась с проблемой падения эффективности функционирования в условиях ограниченности спроса на производимую продукцию;

– существующая схема распределения средств государственной поддержки ориентирована, в первую очередь, на развитие крупных интегрированных агропромышленных формирований, что обуславливает высокий уровень их зависимости от текущей аграрной политики и финансовых возможностей государства;

– невозможность функционирования замкнутых агропродовольственных систем и интегрированных агропромышленных формирований объективно обуславливает необходимость устойчивых взаимодействий экономических субъектов, интегрированных в различные

цепочки создания добавленной стоимости как на региональном, так и на межрегиональном уровне;

– реализуемые в регионе модели агропромышленной интеграции не предполагают иных форм взаимодействия агрохолдингов с независимыми сельскохозяйственными организациями и субъектами малого агробизнеса кроме приобретения готовой продукции, тогда как в развитых странах широкое распространение получает встраивание последних в различные звенья технологических цепочек;

– рост конкуренции на внутренних продовольственных рынках и зависимость агробизнеса от уровня государственной поддержки снизили инвестиционную привлекательность сельского хозяйства для финансового и промышленного капитала и обусловили определенное ограничение инновационно-инвестиционного потенциала развития региональной агропродовольственной системы;

– в условиях насыщения регионального продовольственного рынка основными видами продуктов питания собственного производства задача роста объемов производства сельскохозяйственной продукции и продуктов ее переработки может быть эффективно решена за счет агрессивной экспансии на рынки других регионов и внешний рынок;

– занимая значимую нишу в системе продовольственного обеспечения региона и страны, крупные корпорации достаточно успешно лоббируют свои интересы на всех уровнях государственного управления, обеспечивая получение широкого круга преференций и конкурентных преимуществ, позволяющих вести агрессивную маркетинговую политику на рынках, представляющих для них первоочередной интерес;

– с целью повышения уровня сбалансированности агропродовольственной системы региона, сглаживания внутриотраслевых противоречий и повышения эффективности интеграционных взаимодействий региональные власти пытаются реализовать кластерную модель развития агропродовольственного комплекса и др.

Оценка протекания процессов агропромышленной интеграции позволяет утверждать, что в Краснодарском крае именно агрохолдин-

ги продолжают оставаться доминирующей формой реализации интеграционных взаимодействий хозяйствующих субъектов, формирующих цепочки создания дополнительной стоимости, обеспечивающей возможность реализации инновационно-ориентированной модели эволюции агропродовольственной системы региона, но потенциал их развития существенно ограничивается в условиях насыщения продовольственных рынков и сокращения объемов государственной поддержки. В условиях трансформации производственных систем интегрированных агропромышленных формирований холдингового типа и оптимизации структуры их активов резко возрастает роль региональных органов власти как основного регулятора агропродовольственной системы региона, призванных за счет перераспределения средств государственной поддержки обеспечить сбалансированность и пропорциональность регионального агропродовольственного комплекса и устойчивость развития сельских территорий.

4. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ

4.1. Стратегические ориентиры развития агропромышленной интеграции в Краснодарском крае

Задача обоснования перспектив развития экономических систем относится к компетенции стратегического управления и предполагает ориентацию на стратегию развития как самой системы, так и ее отдельных элементов.

Рассматривая агропродовольственный комплекс страны как сложную и неоднородную систему, можно предположить, что единая стратегия его развития будет носить несколько декларативный характер, определяя глобальную цель развития и приоритетные задачи, решение которых позволяет достичь поставленную цель.

Так, например, в Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в качестве целей первого этапа ее реализации (2013-2017 гг.) были обозначены: обеспечение продовольственной независимости страны в соответствии с параметрами, определенными в Доктрине продовольственной безопасности РФ, ускоренное импортозамещение по таким видам продовольственных ресурсов как мясо, молоко, овощи, картофель и плодово-ягодная продукция, рост конкурентоспособности отечественной продукции аграрного сектора и продуктов ее переработки, а в качестве целей второго этапа (2018-2025 гг.) – обеспечение продовольственной безопасности РФ с учетом обеспечения экономической и физической доступности основных видов продовольственных ресурсов, рост объемов добавленной стоимости продукции, производимой в аграрном секторе к 2025 г. до 5 774,3 млрд руб., рост экспорта сельскохозяйственного сырья и продуктов его переработки к 2025 году к уровню 2017 г. не менее чем в 2,1 раза.

После изменения структуры данной Государственной программы в феврале 2019 г. она стала включать в себя две основные подпрограммы: «Развитие отраслей агропромышленного комплекса» и «Обеспечение условий развития агропромышленного комплекса», в

рамках которых были выделены ведомственные и целевые проекты, а также ведомственные целевые программы. Так подпрограмма «Развитие отраслей агропромышленного комплекса» включает в себя ведомственные проекты «Развитие отраслей АПК, обеспечивающих ускоренное импортозамещение основных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия», «Стимулирование инвестиционной деятельности в АПК», «Техническая модернизация АПК» и федеральные проекты «Экспорт продукции агропромышленного комплекса», «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации», а подпрограмма «Обеспечение условий развития агропромышленного комплекса» – ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство», а также ведомственные целевые программы «Устойчивое развитие сельских территорий», «Развитие мелиоративного комплекса России», «Обеспечение общих условий функционирования отраслей АПК», «Научно-техническое обеспечение развития отраслей АПК», «Организация ветеринарного и фитосанитарного надзора».

Действительно, в условиях существенной дифференциации регионов России по уровню развития сельского хозяйства, перерабатывающей промышленности, производственной и рыночной инфраструктуры, стратегия развития данного типа экономических систем должна отражать лишь общие направления развития агропродовольственного комплекса и намерения государства влиять на процессы его структурной и технико-технологической модернизации через реализацию государственных программ и национальных проектов, связанных с развитием этого важнейшего сектора системы общественного производства.

На уровне отдельных регионов стратегия развития агропродовольственного комплекса может быть детализирована с учетом специфики каждого региона, его аграрного потенциала и потенциала развития и стратегии развития всего региона как локализованной экономической системы.

Обобщая мнения значительного числа исследователей [39, 98, 137, 236, 369], можно утверждать, что направления стратегического развития конкретных региональных агропродовольственных комплексов формируются под воздействием таких элементов как:

- стратегические цели развития, не противоречащие целям социально-экономического развития регионов;

- региональная политика территориального развития, определяющая возможности снижения неравномерности развития сельских территорий;

- региональная кластерная политика и политика взаимодействия с интегрированными агропромышленными формированиями холдингового типа межрегионального и национального уровней;

- региональные программы государственной поддержки отдельных отраслей сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности;

- наличие альтернатив выхода на стратегические параметры развития в условиях реализации различных сценариев функционирования;

- уровень насыщенности региональных рынков отдельных видов сельскохозяйственной продукции и продуктов их переработки;

- уровень конкурентоспособности производимой продукции и экспортный потенциал регионального агропродовольственного комплекса;

- уровень развития инновационной системы региона и инвестиционного потенциала хозяйствующих субъектов агропродовольственного комплекса;

- инвестиционная привлекательность отдельных отраслей аграрного производства и переработки сельскохозяйственной продукции;

- структура аграрного сектора и качество конкурентной среды, определяемое уровнем доминирования на локальных рынках субъектов крупного агробизнеса;

- уровень развития производственной, логистической, рыночной, социальной, информационной и других видов инфраструктуры;

- уровень бюджетной поддержки различных отраслей агропродовольственного комплекса и ее доступность для хозяйствующих субъектов различных категорий и др.

При этом следует учитывать совокупность задач, стоящих перед агропродовольственным комплексом страны в контексте государственной политики развития системы общественного производства и самого общества. К числу программных документов, определяющих вектор развития макроэкономической системы и ее отдельных элементов относятся: Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года, Стратегия научно-технического развития РФ до 2035 года, Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 года, Стратегия экологической безопасности РФ на период до 2025 года, Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы и др. Кроме того, к документам стратегического уровня относятся Национальные проекты, разработанные в рамках исполнения Указа президента РФ от 7.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», охватывающие такие направления как демография, здравоохранение, образование, жилье и городская среда, экология, безопасные и качественные автомобильные дороги, производительность труда и поддержка занятости, наука, цифровая экономика, культура, малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, международная кооперация и экспорт.

Методология разработки стратегии развития экономических систем регионального уровня определяется ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [203] (глава 8 «Документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания на уровне субъекта РФ»).

В Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года [287] в качестве общесистемных проблем, ограничивающих возможности развития региона, разработчики указывают: низкую глобальную конкурентоспособность основных экономических комплексов, значительный уровень инертности институциональной среды, неразвитость системы наращивания человеческого капитала; неразвитость региональной инновационной системы, зна-

чительный уровень антропогенной нагрузки на экосистему края, наличие значительных пространственно-инфраструктурных ограничений, высокую зависимость от внешних источников финансирования, В качестве системной проблемы также выделяются низкое качество механизма стратегического управления, недостаточный уровень кластерной активности экономических субъектов, медленный переход к системе проектного управления развитием региона.

Повышение эффективности функционирования всей экономической системы региона разработчики Стратегии связывают в проведении акцентированной и концентрированной кластерной политики и формированием механизма прямого стимулирования развития системы кластерных взаимодействий, в т.ч. с созданием специального института развития кластеров.

В качестве ключевых характеристик региональной кластерной политики выделяются:

- концентрация усилий и ресурсов на участках, обеспечивающих рост объемов производства и конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках;

- формирование кластеров так называемой «умной» экономики на базе сложившихся основе экономических комплексов;

- ориентация на модель устойчивого экспортоориентированного развития;

- реализация политики формирования экосистем предпринимательства в рамках активизации процессов инновационно-инвестиционного развития;

- оптимизация сложившихся технологических цепочек, позволяющая максимизировать объем добавленной стоимости, генерирующейся экономическими субъектами края;

- преобразование механизма госрегулирования в механизм участия государства в процесс управления кластерного развития;

- активное участие государства в содействии продвижению товаров, произведенных на территории края на межрегиональных и международном рынках;

– участие края в межрегиональном разделении труда и интеграции региональной экономической системы в кластеры более высокого уровня;

– модернизация инновационной системы края и инновационной инфраструктуры, стимулирование инновационной активности бизнес-структур, научных и образовательных учреждений;

– снижение дифференциации территорий по уровню экономического развития за реализации значимых для региона проектов, позволяющих получить максимально возможный мультипликативный эффект.

Одним из ключевых кластеров «умной» экономики региона, по мнению разработчиков Стратегии, является кластер экологизированного агропромышленного комплекса с глубокой переработкой продукции аграрного сектора.

Высокий уровень насыщения региональных рынков всех основных видов сельскохозяйственной продукции предполагает ориентацию агропродовольственного комплекса Краснодарского края на экспорт продовольственных ресурсов. При этом опережающий рост объемов добавленной стоимости может быть обеспечен при изменении сырьевой ориентации экспорта продукции, производимой субъектами агропродовольственного комплекса региона. В настоящее время более 95% экспорта продовольственных ресурсов составляют зерно и злаки, при этом загрузка мощностей предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции составляет 60-80%.

Ориентация на рост глубины переработки продукции аграрного сектора требует модернизации традиционных технологических цепочек и создания механизмов повышения эффективности взаимодействия производителей сельскохозяйственной продукции и ее переработчиков, корректировки отраслевой структуры агропродовольственного комплекса и перераспределения ресурсов в пользу отраслей с максимальным экспортным потенциалом при условии выполнения ограничений, обусловленных участием региона в межрегиональном

разделении труда и необходимостью обеспечения продовольственной безопасности страны.

Стратегией социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года перед региональным агропродовольственным комплексом ставится глобальная цель вывода региона на лидирующие позиции по уровню развитию «умного» и экологизированного АПК, обеспечивающего высокую степень переработки сельскохозяйственного сырья и производство широкого спектра продовольственных ресурсов высокого качества с уникальными потребительскими свойствами и способными конкурировать как внутренних, так и на внешних рынках. Данная цель детализируется в виде трех целей второго уровня: самообеспечение региона продовольственными ресурсами за счет формирования системы эффективного, рационального и диверсифицированного аграрного производства на основе реализации инновационно-инвестиционной модели развития; наращивание объемов экспорта конкурентоспособной, брендированной, экологически чистой, высококачественной продукции агропродовольственного комплекса, в первую очередь продуктов переработки высоких переделов; развитие товарного рыбоводства и рыболовства и производств по обработке и переработке водных биологических ресурсов.

Реализация глобальной и локальных целей развития агропродовольственного комплекса региона может быть достигнута при условии решения совокупности задач, связанных с формированием устойчивых конкурентных преимуществ. К числу таких задач в Стратегии относятся:

- расширение спектра используемых технико-технологических, организационно-экономических и продуктовых инноваций, обеспечивающих рост объемов производства и переработки продукции сельскохозяйственной продукции и принципиального изменения качественной структуры ее экспорта;

- формирование регионального агропродовольственного кластера, обеспечивающего повышение эффективности межотраслевых и межсубъектных взаимодействий и оптимизацию существующих техноло-

гических цепочек, позволяющих максимизировать размер добавленной стоимости;

– модернизация системы кадрового обеспечения агропродовольственного комплекса, обеспечение непрерывности образования работников и формирования компетенций, позволяющих реализовывать инновационно-инвестиционную модель развития;

– технико-технологическая модернизация сельского хозяйств и перерабатывающей промышленности, выравнивание уровня технико-технологического развития субъектов крупного, среднего и малого агробизнеса, инициация процессов трансформации агропродовольственного комплекса;

– создание условий повышения устойчивости развития сельских территорий, рационализация использования природных ресурсов и развитие региональной агроэкосистемы;

– развитие производственной, рыночной, информационной, социальной инфраструктуры и других видов инфраструктурного обеспечения;

– повышение инвестиционной привлекательности агропродовольственного комплекса Краснодарского края и снижение административных барьеров, ограничивающих приток инвестиционных ресурсов.

Исходя из целей и задач, поставленных перед агропродовольственным комплексом Краснодарского края в Стратегии развитии региона, магистральным направлением его развития является наращивание объемов производства высококачественной конечной продукции высоких переделов и наращивание экспортного потенциала края по основным видам продовольственных ресурсов.

Масштабность задач, стоящих перед агропродовольственным комплексом Краснодарского края, требует его структурной модернизации, определенной диверсификации как аграрного сектора, так и перерабатывающей промышленности, повышения эффективности взаимодействия производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции, совершенствования системы интеграционных взаимоотношений, повышения темпов технико-технологической мо-

дернизации всех звеньев агропродовольственного комплекса, оптимизации технологических цепочек, минимизации транзакционных издержек и формирования, в конечном счете, устойчивых конкурентных преимуществ, позволяющих региональным производителям в долгосрочной перспективе успешно конкурировать как на российском, так и на внешнем рынках.

Данное направление формализуется через детализацию отдельных элементов, определяющих общую траекторию развития агропродовольственного комплекса.

В частности перед аграрным сектором ставятся задачи опережающего развития таких отраслей сельского хозяйства как молочное скотоводство, свиноводство, птицеводство, садоводство и виноградарство, овощеводство открытого и закрытого грунта, чаеводство, рисоводство; переход на технологии производства сельскохозяйственной продукции с улучшенными потребительскими свойствами; снижение себестоимости производимой продукции; повышение эколого-экономической эффективности использования аграрного потенциала региона.

Субъекты, формирующие сектор пищевой и перерабатывающей промышленности, должны сосредоточить усилия на модернизации производственных мощностей, обеспечивающих максимизацию глубины переработки сельскохозяйственной продукции и производства тех видов продуктов, на которые наблюдается устойчивый рост спроса на внутреннем и внешнем рынках, при сохранении своей доли на внутренних рынках основных видов продовольственных ресурсов; активно осваивать биотехнологии; широко внедрять технологии безотходного производства, позволяющие минимизировать затраты на утилизацию отходов при улучшении экологической ситуации.

Решение задачи наращивания объемов производства сельскохозяйственной продукции объективно требует адекватного развития системы инфраструктурного обеспечения, в первую очередь расширения мощностей по первичной обработке и хранению продукции с коротким сроком хранения или требующей создания особых условий

для сохранения своих потребительских свойств, оптимизации логистической сети и системы транспортировки сельскохозяйственного сырья к его переработчикам и готовой продукции к конечным потребителям, включая ее экспорт.

По мнению региональных властей, комплексное решение задач целевого развития агропродовольственного комплекса Краснодарского края может быть обеспечено в рамках создания кластера экологизированного агропромышленного производства, специализирующегося на глубокой переработке всех видов сельскохозяйственной продукции, производимой хозяйствующими субъектами аграрного сектора региона. Формирование данного кластера относится к числу флагманских проектов социально-экономического развития Краснодарского края и направлено на совершенствование системы кооперационных и интеграционных взаимодействий сельскохозяйственных производителей и предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности и существенное повышение несырьевой доли экспорта продовольственных ресурсов. В составе данного кластера предполагается выделение таких субкластеров как «Экологизированное сельское хозяйство», «Умная переработка», виноградно-винодельческий и рыбохозяйственный.

Учитывая высокий уровень неопределенности и рисков, разработчики Стратегии оценивали возможности ее реализации по трем сценариям развития региона: инерционного (сохранение жестких ограничений ресурсов), базового (наличие умеренных ограничений ресурсов) и оптимистичного (наличие мягких ограничений ресурсов). Ограниченные возможности инерционного сценария позволяют реализовать лишь наиболее значимые для региона проекты, а одним из основных критериев определения приоритетности проектов является уровень их ресурсоемкости. В рамках базового сценария, предполагающего существенное ослабление ресурсных ограничений, приоритет отдается проектам с низким уровнем рисков реализации и нескольким флагманским проектам с достаточно высокими рисками. Оптимистичный сценарий, характеризующийся практически полным

снятием ограничений по реализации потенциала развития социально-экономической системы региона, позволяет провести полную модернизацию экономики края и реализовать инновационно-инвестиционную модель развития, базирующуюся на доминировании кластерного типа межотраслевых и межсубъектных взаимодействий.

Порядок реализации Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края определен планом мероприятий, утвержденный Постановлением главы администрации Краснодарского края. В этом плане приводятся: экспертный прогноз ключевых индикаторов развития Краснодарского края по сценариям реализации Стратегии, перечень флагманских проектов, описание мероприятий, обеспечивающих выход на прогнозируемые параметры, а также перечень государственных программ, отражающих особенности развития отдельных отраслей и сфер экономики региона.

Так, например, в первом разделе Плана мероприятий при описании индикаторов развития сельского хозяйства (Ц-9.1.) и пищевой и перерабатывающей промышленности (Ц-9.2.) по оптимистичному варианту к 2030 г. планируется рост валовой добавленной стоимости до 605,2 и 351,3 млрд руб. соответственно. По оптимистичному сценарию валовая добавленная стоимость продукции сельского хозяйства превышает уровень инерционного варианта в 1,30 раза, а продукции пищевой и перерабатывающей промышленности – в 1,63 раза (таблица 29).

Прогнозируемый минимальный рост объемов производства продукции по сравнению с достигнутым уровнем и по сценариям развития отмечается по группе зерновых и зернобобовых культур. При этом вопросы развития производства сахарной свеклы, подсолнечника, овощей и картофеля остались за пределами данного плана мероприятий, что нарушает принцип системности рассмотрения проблем функционирования агропродовольственного комплекса как сложной территориально отраслевой системы, тем более с учетом значимости данных отраслей растениеводства для экономики как отдельных сельскохозяйственных производителей, так и региона в целом.

Таблица 29 – Экспертный прогноз индикаторов развития сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности Краснодарского края на 2030 г.

Показатели	Сценарии реализации Стратегии			Отношение оптимистичного варианта к инерционному, %
	Инерционный	Базовый	Оптимистичный	
Сельское хозяйство				
Валовая добавленная стоимость, млрд руб.	464,4	532,5	605,2	130,3
Объемы производства, тыс. т				
Зерновые и зернобобовые	14536	14754	15286	105,2
Виноград	225	240	265	117,8
Плоды и ягоды	562	707	920	163,7
Мясо крупного рогатого скота	138	173	207	150,0
Мясо свиней	159	218	262	164,8
Мясо птицы	333	416	499	149,8
Молоко	1950	2175	2605	133,6
Производство продуктов питания				
Валовая добавленная стоимость, млрд руб.	216,2	311,2	351,3	162,5
Объемы производства, тыс. т				
Масла растительные нерафинированные	750	1062	1234	164,5
Масла и жиры рафинированные	455	769	893	196,3
Молоко, кроме сырого	477	600	633	132,7
Мука, крупы	1100	1847	2148	195,3
Крахмалы, крахмалопродукты	111	182	206	185,6
Корма для животных	1419	1860	2372	167,2
Алкогольные напитки (кроме вина), тыс. дал	29517	31685	33854	114,7
Вино, тыс. дал	18866	23162	25058	132,8
Безалкогольные напитки, тыс. дал	24514	33834	38184	155,8

Источник: [216]

Не раскрытым остался и вопрос о необходимости корректировки структуры зерновых и зернобобовых культур.

Аналогичные «пробелы» отмечаются и при изучении вопросов развития производства пищевых продуктов. В Плане мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края ничего не сказано о развитии производств, связанных с переработкой мяса, плодовоовощной продукции, таких перспективных направлений развития пищевой промышленности как быстрая заморозка скоропортящейся продукции, изготовление полуфабрикатов и др.

Определенная декларативность отмечается и при описании мероприятий, планируемых в рамках проекта создания «Кластера экологизированного АПК с умной переработкой», получившего статус флагманского проекта. В качестве таких мероприятий относятся: расширение экспорта продукции комплекса, развитие субкластера «Экологизированное сельское хозяйство», агропищевого субкластера «Умная переработка», виноградно-винодельческого кластера, рыбохозяйственного кластера, реализация кластерной активации Краснодарского края, повышение уровня привлекательности специальностей АПК, обеспечение научно-технического развития АПК и достижение высокого уровня экологизации всех производственных процессов, освоение новых перспективных технологий производства и переработки сельскохозяйственной продукции, использование платформенных технологий межотраслевого назначения, обеспечение эффективного и бережливого использования природных ресурсов, создание условий для устойчивого развития сельских территорий, развитие современной инженерной, дорожной и жилищной инфраструктуры, повышение инвестиционной привлекательности АПК региона, рост объемов производства сельскохозяйственной продукции и повышение ее качества в соответствии с потребностями перерабатывающей промышленности, переориентация на производство высокомаржинальных видов продукции, развитие технологий безотходного производства и производства экологически чистых продуктов питания, стимулирование интеграционных взаимодействий между производителями и переработчиками сельскохозяйственной продукции и др. По каждо-

му из мероприятий указываются ответственные исполнители, ожидаемые результаты, сроки реализации, территории реализации и связь мероприятий с государственными программами Краснодарского края.

При этом следует отметить, что конкретных мероприятий, направленных на создание условий формирования агропродовольственного кластера регионального уровня в Плане не приводится, что, в определенной мере, ограничивает возможности реализации стратегических инициатив по развитию агропродовольственного комплекса Краснодарского края и достижению параметров, определенных Стратегий развития региона.

В этой связи в качестве первоочередного мероприятия по реализации Стратегии развития Краснодарского края предлагается разработка Стратегии развития агропродовольственного комплекса региона, в которой должны быть определены перспективы каждого продуктового подкомплекса, разработаны перспективные балансы продовольственных ресурсов, обеспечивающие сбалансированное развитие производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции, и оценены возможности реализации нескольких сценариев развития в зависимости от уровня государственной поддержки отдельных субъектов, отраслей и территорий, формирующих региональный агропродовольственный комплекс. Кроме того, в данной Стратегии должны быть описаны процессы корректировки структуры аграрного сектора края (изменения роли интегрированных агропромышленных формирований, сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств и хозяйств населения), необходимой для повышения уровня использования аграрного потенциала региона. В качестве самостоятельного раздела предлагается выделять описание региональной политики развития интеграционных и кооперационных взаимодействий производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции; механизмов формирования регионального агропродовольственного кластера и инициации процессов кластерных взаимодействий государства, крупных интегрированных структур холдингового типа, представителей крупного, среднего и мелкого агробизнеса,

предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности, субъектов, реализующих функции инфраструктурного обеспечения агропродовольственного комплекса; описание перспективных цепочек формирования добавленной стоимости при производстве основных видов продуктов питания; функции государства как специфического участника кластерных взаимодействий.

Очевидно, что принятие и реализация Стратегии развития агропродовольственного комплекса региона потребует формирования адекватного институционально-экономического механизма, учитывающего системные приоритеты институциональных преобразований, объективный характер необходимых институциональных изменений, имеющиеся дисбалансы и дисфункции институциональной среды, неоднородность субъектов, формирующих агропродовольственный комплекс региона, высокий уровень инерционности субъектов малого предпринимательства, составляющих значимую часть аграрного сектора края, необходимость параллельного решения задач отраслевого и территориального развития, риски трансформации устоявшихся институтов, необходимость модернизации и постоянной настройки системы государственного управления процессами развития агропродовольственного комплекса и обеспечения баланса интересов бизнеса и общества. Основные задачи данного механизма будут заключаться в постоянной корректировке траектории развития агропродовольственного комплекса края в условиях нестабильности внешней среды функционирования; снижении негативного влияния совокупности факторов, ограничивающих потенциал развития данного территориально-отраслевого образования; поддержании оптимальной структуры агропродовольственного комплекса и балансирование развития его отдельных элементов, организации эффективной системы интеграционных взаимодействий субъектов, формирующих значимые для региона цепочки создания добавленной стоимости.

Проблема эффективного развития агропродовольственного комплекса может быть успешно решена лишь при условии формирования рациональной системы межотраслевых и межсубъект-

ных отношений, обеспечивающих устойчивость рациональных технологических, экономических и организационных взаимодействий всех звеньев цепочек формирования добавленной стоимости и возможности балансирования разнонаправленных экономических интересов субъектов, вынужденных интегрироваться для обеспечения собственного воспроизводства.

4.2. Методологические аспекты обоснования перспективной модели развития агропромышленной интеграции

Агропромышленная интеграция традиционно рассматривается как экономически обусловленная форма взаимодействия производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции, позволяющая обеспечить рациональную организацию цепочек добавленной стоимости и регламентировать систему организационно-экономических и технологических отношений между взаимодействующими субъектами. Многообразие интеграционных взаимодействий объективно предполагает множество способов их оформления и моделей, позволяющих идентифицировать различные формы развития агропромышленной интеграции.

Модель развития агропромышленной интеграции предлагается рассматривать как способ организации межотраслевых и межсубъектных взаимодействий элементов агропродовольственного комплекса, объективно возникающих в процессе установления и поддержания технологических, экономических и организационных связей между звеньями цепочек создания добавленной стоимости и внутри них.

Динамический характер интеграционных отношений и возможность выбора различных форм интеграционных взаимодействий определяют специфику обоснования модели развития агропромышленной интеграции, реализация которой позволяла бы в относительно длительной перспективе поддерживать устойчивость интеграционных взаимосвязей за счет поддержания достаточно высокого уровня эффективности всех звеньев технологических цепочек и балансирования экономических интересов интегрирующихся субъектов.

Обоснование перспективной модели агропромышленной интеграции требует объективной оценки закономерностей ее развития.

В качестве ключевых закономерностей, оказывающих значимое влияние на понимание перспектив развития интеграции производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции можно выделить:

устойчивую зависимость интенсивности интеграционных процессов от экономического уровня развития субъектов аграрного сектора и перерабатывающей промышленности;

прямую связь между побудительными причинами установления и поддержания интеграционных связей и формой организации интеграционных взаимодействий;

повышение темпов концентрации производства и расширения границ экономических пространств, контролируемых интеграционными формированиями;

одновременное протекание процессов углубления специализации интегрированных формирований и диверсификации их производственных систем, усложнение технологических цепочек;

ограниченное число форм организации интеграционных взаимодействий при росте числа разнородных субъектов различных сфер деятельности, интегрирующихся между собой;

объективность процессов усложнения интеграционных взаимодействий в соответствии с развитием производительных сил, технологий производства и производственных отношений;

повышение уровня инновационной активности всех субъектов агропродовольственного комплекса и модернизацию инновационных систем всех уровней;

необходимость поддержания баланса общественных, групповых и индивидуальных интересов субъектов, формирующих цепочки создания добавленной стоимости;

повышение социальной ответственности интегрированных формирований и их вовлечение в процессы обеспечения устойчивого развития сельских территорий;

формирование гибких схем распределения добавленной стоимости между субъектами агропромышленной интеграции, обеспечивающих достижение компромисса в рамках реализации их экономических интересов;

трансформацию институциональной среды, регламентирующей систему интеграционных взаимодействий и порядок формирования и функционирования цепочек создания добавленной стоимости;

сохранение способности интегрированных формирований проводить оптимизацию структуры технологических цепочек и интеграционных взаимодействий;

В основе обоснования перспективной модели развития интеграционных взаимоотношений в региональном агропродовольственном комплексе лежит совокупность следующих методологических положений:

агропромышленная интеграция является естественным способом взаимодействия производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции;

формы агропромышленной интеграции должны быть адекватными уровню развития производительных сил и производственных отношений;

каждая форма агропромышленной интеграции реализуется с помощью механизма инициации и поддержания интеграционных взаимодействий;

в основе интеграционных взаимодействий лежит необходимость построения эффективных технологических цепочек, обеспечивающих конкурентоспособность конечной продукции;

инициатором интеграционных взаимодействий, как правило, выступают субъекты, доминирующие в технологических цепочках;

форма интеграции должна обеспечивать заинтересованность одних звеньев технологических цепочек в эффективном функционировании остальных звеньев;

одной из главных задач агропромышленной интеграции является обеспечение устойчивости субъектов, формирующих все звенья технологических цепочек;

эффективность формы агропромышленной интеграции определяется ее способностью обеспечить минимизацию совокупной суммы непроизводительных затрат, в первую очередь транзакционных издержек;

устойчивость интеграционных взаимодействий обеспечивается путем поддержания баланса интересов участников интеграционных объединений и использования гибкой системы распределения и перераспределения добавленной стоимости между интегрирующимися субъектами;

экономические кластеры не могут быть созданы директивно, кластерный тип интеграционных взаимодействий возникает лишь при наличии определенных условий и, как правило, эти взаимодействия носят неформальный характер;

кластерная модель агропромышленной интеграции на уровне регионального агропродовольственного комплекса предполагает наличие устойчивых интеграционных связей между интегрированными агропромышленными формированиями холдингового типа, автономно функционирующими сельскохозяйственными организациями, предприятиями пищевой и перерабатывающей промышленности, субъектами малого агробизнеса, а также субъектами, реализующими функции инфраструктурного обеспечения агропродовольственного комплекса и др.

Интеграция, как экономическое явление является объективным следствием разделения труда и специализации отдельных хозяйствующих субъектов на реализации отдельных функций в рамках единых технологических цепочек. Чем выше становился уровень развития производительных сил и интенсивнее усложнялись технологии производства конечной продукции, тем сложнее становились взаимодействия технологически взаимосвязанных субъектов, обуславливая необходимость четкого структурирования и формализации системы межотраслевых и межсубъектных отношений. Удлинение технологических цепочек, риск оппортунистического поведения отдельных субъектов, грозящего устойчивости и эффективности всей совокупно-

сти интегрирующихся субъектов, вынуждал участников интегрированных формирований выбирать те модели взаимодействий, которые обеспечивали бы относительную стабильность всего объединения и заинтересованность отдельных субъектов, представляющих различные звенья технологических цепочек, в поддержании устойчивых технологических, экономических и организационных связей между собой.

С появлением специализированных производств по переработке сельскохозяйственной продукции и в процессе наращивания их производственных мощностей возникла проблема формирования их сырьевых зон, требующихся для обеспечения минимизации постоянных издержек и поддержания относительно высокого уровня конкурентоспособности конечной продукции. Для решения данной проблемы именно субъекты, реализующие функции переработки, использовали весь спектр доступных форм интеграционных взаимодействий: от простых срочных договоров, до полного поглощения отдельных сельскохозяйственных товаропроизводителей. При этом последний вариант, позволяющий полностью исключить риски оппортунистического поведения, вынуждал переработчиков изымать определенную часть ресурсов из основного производства и направлять их на финансирование производства сельскохозяйственной продукции, что в значительной степени ограничивало потенциал развития ключевого звена технологической цепочки (переработка сельскохозяйственного сырья и выпуск конечной продукции), но положительно влияло на устойчивость всей цепочки создания добавочной стоимости. Кроме того, многоотраслевой характер сельскохозяйственных производителей, контролируемых перерабатывающими предприятиями, требовал финансирования не только той отрасли аграрного производства, которая являлась источником необходимого для переработчика вида сырья, но и других сопутствующих отраслей, что требовало интеграции с другими переработчиками или диверсификации собственных производственных систем, что в условиях высокой конкуренции и ограничен-

ных финансовых ресурсов существенно повышало уровень диверсификационных и модернизационных рисков.

В этой связи особую актуальность приобретает необходимость формирования механизма интеграционных взаимодействий, реализующего функции их инициации, оформления и поддержания. Данный механизм должен обеспечить решение двух, казалось бы, противоречащих друг другу задач: с одной стороны, интеграционные отношения должны быть достаточно гибкими и адекватно изменяться в соответствии с изменениями внешней среды функционирования, но, с другой стороны, эти отношения должны быть достаточно устойчивы, для того что бы сохранялась устойчивость развития всех субъектов, интегрированных в конкретные технологические цепочки. Комплексное решение данных задач возможно лишь при наличии инструментов, позволяющих поддерживать баланс экономических интересов интегрирующихся субъектов за счет готовности некоторых из них идти на временные компромиссы и уступки, ради максимизации совокупной выгоды при условии последующей компенсации недополученных доходов или понесенных потерь в денежной или иной форме.

На каждом этапе общественного развития модель развития агропромышленной интеграции должна обеспечивать минимизацию совокупных непроизводительных издержек, главным образом, транзакционных затрат, которые несут участники интеграционных формирований в процессе интеграционных взаимодействий. По мнению Н.Н. Рябчиковой [258], к основным элементам транзакционных затрат относятся издержки поиска (затраты, связанные с поиском контрагентов), издержки установления деловых контактов (затраты, связанные с ведением переговоров и оформлением отношений), издержки оппортунистического поведения (затраты, связанные с обеспечением устойчивости и долговременности связей), издержки сохранения рыночной ниши (затраты, связанные с удержанием рыночной позиции), издержки мониторинга (затраты, связанные с отслеживанием изменения рыночной конъюнктуры), издержки поиска и обработки информации (затраты, связанные с устранением асимметрии информации и

повышения ее релевантности). Устойчивые интеграционные взаимодействия позволяют не только снизить совокупные транзакционные издержки, но и рационализировать структуру операционных расходов и организацию денежных потоков, оптимизируя схему использования заемных и привлеченных средств с учетом минимизации затрат на их обслуживание.

Следует также отметить, что существующие в агропродовольственном комплексе дисбалансы и диспропорции особенно отчетливо проявляются в условиях кризиса. Перспективная модель агропромышленной интеграции должна быть ориентирована на создание условий преодоления как межотраслевых дисбалансов и диспропорций, так и этих экономических патологий на уровне отдельных звеньев технологических цепочек, обеспечивая равный доступ субъектов различных категорий к ресурсам и их равноправие как участников интеграционных объединений.

Авторы монографии «Развитие продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе: межотраслевые аспекты исследования» [232], оценивая перспективы развития агропродовольственного комплекса и агропромышленной интеграции, справедливо отмечают, что стратегия развития агропродовольственного комплекса страны предполагает его структурную модернизацию и обеспечение государственного контроля за функционированием критически важных для общества технологических цепочек и развитием их ключевых звеньев. Разработка такой стратегии требует формирования механизма эффективной координации меж- и внутриотраслевых цепочек создания добавленной стоимости и обеспечения устойчивых конкурентных преимуществ. При этом конкурентоспособность технологической цепочки должна определяться не только по уровню конкурентоспособности конечной продукции, но и с учетом зависимости отдельных звеньев этой цепочки от промежуточного импорта (например, семян, племенного материала, средств защиты животных и растений, кормовых добавок, пищевых ферментов и др.).

Кроме того при обосновании перспективной модели развития агропромышленной интеграции необходимо учитывать уровень технологической неоднородности региональных агропродовольственных комплексов, обусловленной как уже сложившейся системой специализации аграрного сектора и перерабатывающих производств, так и разными темпами модернизации отдельных продуктовых подкомплексов, определяемых наряду с рыночными факторами (экономическая эффективность, инвестиционная привлекательность, наличие устойчивых конкурентных преимуществ, инновационный потенциал и др.) и уровнем государственной поддержки конкретных отраслей сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности.

Качество перспективной модели агропромышленной интеграции определяется ее способностью обеспечивать структурную сбалансированность всего комплекса технологических цепочек, формирующих агропродовольственный комплекс регионального уровня, поскольку лишь при успешном решении задач достижения межотраслевой сбалансированности, эквивалентности межотраслевых обменов и эффективности межотраслевых взаимодействий можно добиться повышения устойчивости технологических цепочек и субъектов, формирующих их различные звенья. При этом необходимо принимать во внимание определенную деформированность российского продовольственного рынка, обусловленную фрагментарностью сложившегося механизма межотраслевой и внутриотраслевой конкуренции, низким качеством конкурентной среды, достаточно высоким уровнем монополизации значительной части локальных продуктовых рынков, неравенством доступа к средствам государственной поддержки. Повышение качества рыночного пространства и совершенствование отношений обмена в рамках технологических цепочек возможно лишь в случае усиления рыночного влияния сельскохозяйственных производителей за счет их консолидации, повышения сбалансированности звеньев цепочек создания добавленной стоимости, снижения роли неформальных институтов, определяющих поведение субъектов в сфере

обмена экономическими благами, реального участия государства в развитии отраслей с высокой зависимостью от импорта и низким уровнем инвестиционной привлекательности и др.

Перспективная модель развития агропромышленной интеграции должна учитывать формирующиеся тренды развития агропродовольственного комплекса и наиболее вероятные направления его трансформации.

С точки зрения понимания процессов трансформации агропродовольственных систем различного уровня заслуживает внимания позиция Н. Лычева [161], сформулировавшего тренды их развития на ближайшую и среднесрочную перспективу. К числу таких трендов он относит:

изменение товарной политики производителей продовольствия для роста объемов товаров на насыщенных и перенасыщенных рынках путем производства продуктов с новыми потребительскими свойствами;

рост концентрации перерабатывающих производств и углубление специализации крупных производителей продуктов питания в условиях жесткой конкуренции;

ориентация на расширение производства продуктов питания с высоким экспортным потенциалом и выход на рынки стран, потребление продовольствия в которых в ближайшее время может начать расти;

повышение внимания государства к проблеме снижения зависимости агропродовольственного комплекса от промежуточного импорта товаров, необходимых для производства сельскохозяйственного сырья и продуктов его переработки;

получение дополнительных конкурентных преимуществ теми интегрированными агропромышленными формированиями, которые контролируют все звенья цепочек создания добавленной стоимости;

углубление региональной специализации и формирование устойчивых межрегиональных связей в рамках единой системы продовольственного обеспечения страны;

инициация процессов трансформации сельского хозяйства, перерабатывающих производств и системы инфраструктурного обеспечения, формирование цифровых экосистем и использование универсальных цифровых платформ;

активное вовлечение в технологические цепочки субъектов малого агробизнеса, способных обеспечить производство продукции с жестко заданными качественными характеристиками;

сохранение ресурсной модели развития агропродовольственного комплекса с ориентацией на производство биржевых товаров с устойчивым спросом и повышение глубины переработки всех видов производимой продукции;

рост спроса на продукты питания со специальными потребительскими свойствами, отвечающими индивидуальным запросам промежуточных и конечных потребителей;

изменение поведения потребителей с достаточно высоким уровнем доходов и усиление их влияния на ассортимент производимой продукции и ее потребительские свойства.

Принимая во внимание внутреннюю сущность такой специфической экономической системы как агропродовольственный комплекс и совокупность отношений, формирующих их разнородных субъектов, можно утверждать, что модель развития агропромышленной интеграции является своеобразной проекцией модели развития агропродовольственного комплекса, в которой особое внимание уделяется механизмам интеграционных взаимодействий, обеспечивающих устойчивость организационно-экономических и технологических связей между элементами агропродовольственных систем различных уровней.

Стратегический уровень проблемы выбора перспективной модели развития агропромышленной интеграции, по мнению О.А. Родионовой [248], в значительной мере повышает научную значимость концептуально-методологического обоснования базовых направлений и ключевых условий совершенствования механизма межотраслевых взаимодействий в рамках агропродовольственного комплекса. Она

считает, что в настоящее время доминируют два типа механизма межотраслевых взаимодействий: иерархический (объединение имущественно зависимых субъектов) и контрактный (объединение субъектов на договорной основе). Мы разделяем позицию О.А. Родионовой, полагая, что ошибки в определении баланса этих типов механизмов интеграционных взаимодействий могут породить довольно масштабные отрицательные эффекты, связанные не только с ростом транзакционных издержек, но и к сбоям в воспроизводственных процессах субъектов, представляющих различные звенья технологических цепочек. Ошибки, допущенные при выборе механизмов регулирования интеграционных взаимодействий, объективно обуславливают нарастание противоречий между интегрирующимися субъектами, порождая конфликт интересов и снижая эффективность и устойчивость развития всей агропродовольственной системы.

В этой связи, в рамках формирования системы интеграционных взаимодействий особое внимание должно уделяться так называемой «настройке» экономических субъектов, имеющих статус генерального актора. Термин «генеральный актер» предложил использовать Г. Клейнер и применять его применительно к тем типам субъектов, которые на конкретном этапе развития системы общественного производства оказывают доминирующее влияние на функционирование конкретных социально-экономических систем [110]. Исходя из данного подхода, к генеральным актерам интегрированных агропромышленных формирований могут относиться как субъекты, инициировавшие процессы интеграции и контролирующие деятельность основной части субъектов, образующих различные звенья технологических цепочек, так и субъекты, доминирующие на уровне отдельных звеньев цепочек генерации добавленной стоимости. Очевидно, что рост числа генеральных акторов в рамках отдельных технологических цепочек и усиление их влияния на процесс выпуска конечной продукции объективно усложняет систему межотраслевых взаимодействий и требует поиска компромиссных решений, способных создать

условия реализации ключевых экономических интересов всех участников интеграционных объединений.

Несколько с других позиций к раскрытию сущности механизма интеграционных взаимодействий подходит П.М. Советов. В его трактовке данный механизм рассматривается как совокупность экономических рычагов и форм целенаправленного воздействия на экономические интересы товаропроизводителей, мотивации их производственной, инвестиционной и инновационной активности» [276, с. 242]. П.М. Советов справедливо отмечает, что функционал механизма интеграционных взаимодействий определяется в соответствии с действием объективных экономических законов и экономической политики государства и направлен на оптимизацию технологических цепочек и структуры интегрированных формирований с учетом специфики различных форм взаимодействия интегрирующихся субъектов, что объективно обуславливает определенное многообразие организационных структур данного механизма при наличии неких универсальных элементов, связанных с реализацией общих принципов организации интеграционных взаимодействий.

Особое внимание при формировании механизма интеграционных взаимодействий должно уделяться решению проблем балансирования стратегий углубления специализации и диверсификации производственных систем субъектов, представляющих разные звенья цепочек формирования добавленной стоимости. Например, для сельскохозяйственных производителей, развивающих совокупность отраслей растениеводства и животноводства, а также вспомогательные и обслуживающие производства, эта проблема заключается в определении оптимальных межотраслевых пропорций, характеризующих набор отраслей и их размер.

В качестве основного объекта механизма интеграционных взаимодействий выделяются межотраслевые и межсубъектные связи и отношения. Межотраслевые и межсубъектные связи обеспечивают согласованность действий хозяйствующих субъектов, тогда как отношения – отражают интенсивность и качество взаимодействия. При этом в последнее время особое внимание уделяется проблеме обеспе-

чения эквивалентности экономических отношений. В современной экономической литературе [248] содержание понятия «эквивалентность» сопряжено с такими категориями как «пропорциональность», «паритетность», «сбалансированность». Способность экономических систем к саморегуляции, в том числе корректировке пропорций, позволяет им сохранять структурную и функциональную гибкость, обеспечивая возможность эволюции и адаптации к изменениям среды функционирования. То есть процесс развития агропромышленной интеграции может рассматриваться как непрерывный процесс самоорганизации и саморегулирования агропродовольственной системы, в рамках которой формируются цепочки создания добавленной стоимости и возникают интеграционные отношения.

В настоящее время сложилось несколько подходов к классификации моделей интеграционных взаимодействий. Так, например, А.А. Дибиров [76] считает, что в мировой практике исследования процессов развития интегрированных формирований различного типа в качестве классификационного признака при определении модели интеграции используют тип субъектов, чьи интересы доминируют в рамках конкретного интегрированного объединения. Исходя из этого, он предлагает различать три типа базовых моделей интеграционных взаимодействий. Модель первого типа (англо-американская модель) предполагает доминирование интересов инициаторов интеграции, как правило, контролирующих все звенья цепочек создания добавленной стоимости; модель второго типа (японская модель) – доминирование интересов технологической цепочки как единой организации (корпорации); модель третьего типа (немецкая модель) – доминирование индивидуальных интересов каждого субъекта интеграции. А.В. Харитонов [338] отмечает широкое распространение альтернативного подхода, в рамках которого выделяется четыре направления (модели) развития интеграционных взаимодействий. В рамках первой модели идет речь об интеграционных взаимоотношениях конкурирующих субъектов, расположенных на локализованных территориях и взаимодействующих на локализованных рынках; в рамках второй модели – об интеграции локально интегрированных компаний, связанных инте-

грационными отношениями в рамках специализации отдельных территорий; в рамках третьей модели – о вертикальной интеграции взаимосвязанных субъектов при активном участии государства в реализации функций координации деятельности участников интегрированного формирования; в рамках четвертой модели – об объединении относительно мелких производителей вокруг крупных головных компаний, являющихся монополистами на локальных рынках. Но в любом случае каждая из моделей отражает способ организации взаимодействий определенного набора субъектов, образующих структуру некоего интегрированного агропромышленного формирования, в определенных условиях внешней среды. На региональном уровне в качестве такого интегрированного агропромышленного формирования принято рассматривать региональный агропродовольственный комплекс, объединяющий производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции, а также субъектов, реализующих функции ресурсов для агропродовольственного комплекса, инфраструктурного обеспечения и реализации сельскохозяйственной продукции и продуктов ее переработки. В качестве ключевых элементов внешней среды, существенной влияющих на выбор типа интеграционных взаимодействий и их содержание, предлагается выделять: государство как регулятор и координатор интеграционных взаимодействий, институциональную среду, инновационную систему агропродовольственного комплекса и конечных потребителей сельскохозяйственной продукции и продуктов ее переработки.

На рисунке 46 представлена обобщенная схема интеграционных взаимодействий структурных элементов агропродовольственных систем регионального уровня.

Если в условиях централизованной плановой экономики эволюция интеграционных отношений позволила объединить в рамках такого единого объекта управления как агропромышленный комплекс совокупность функционально связанных разнородных субъектов, представляющих различные сферы и отрасли народного хозяйства, то в ходе радикальных экономических реформ сложившаяся система агропромышленной интеграции была разрушена.

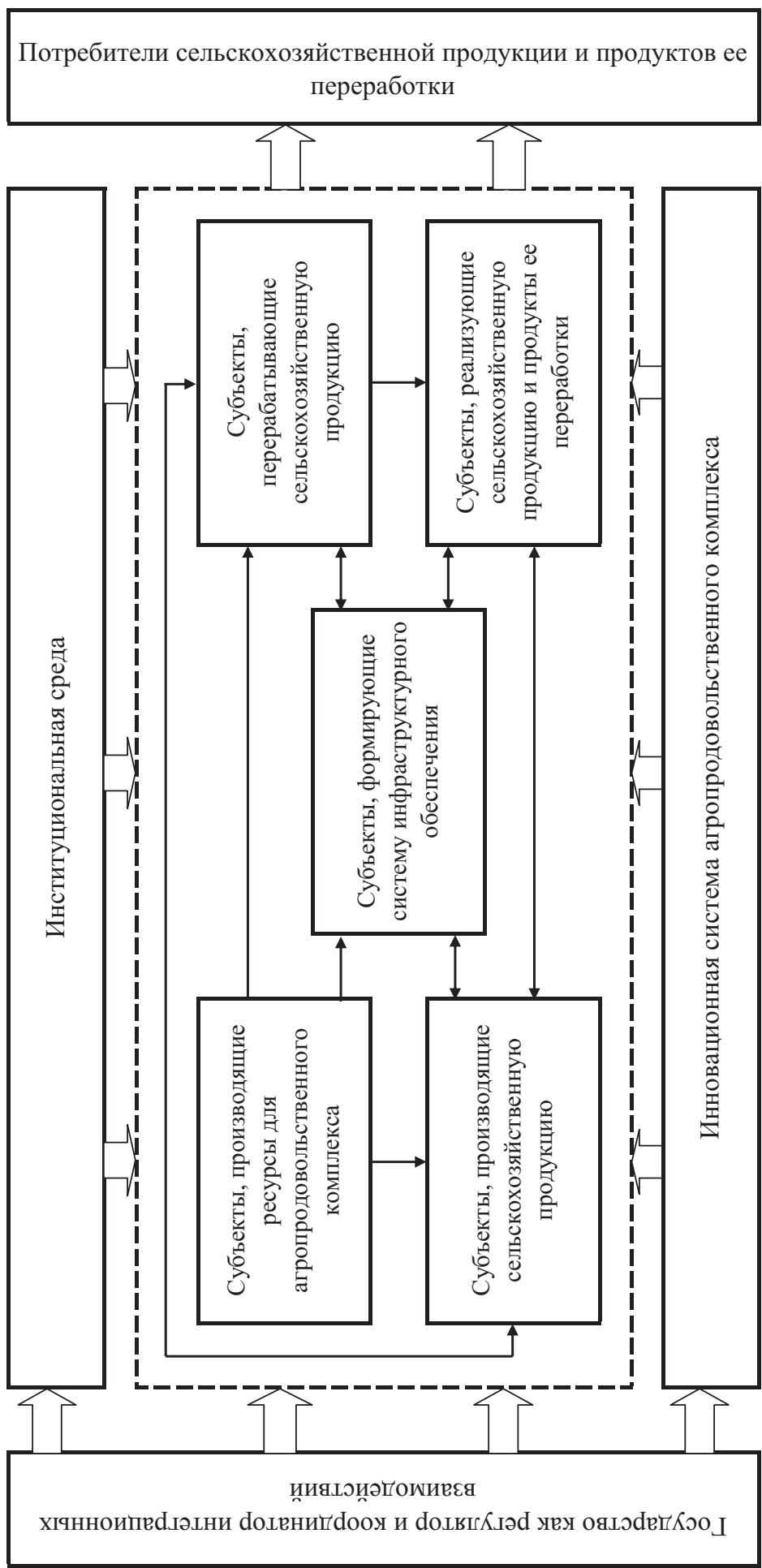

Рисунок 46 –Обобщенная схема интеграционных взаимодействий в агропродовольственном комплексе

Трансформация организационно-экономического механизма общественной системы производства, смена собственников и реформирование структуры аграрного сектора, резкое падение доходности сельского хозяйства, обострение противоречий между производителями и переработчиками сельскохозяйственной продукции вызвали нарастание кризиса системы агропромышленного производства и интеграционных взаимодействий.

Преодоление кризиса стало возможным лишь в начале нулевых годов, когда после финансового кризиса 1998 г. когда финансовый и промышленный капитал стал активно перетекать в отрасли, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции, и непосредственно в сельское хозяйство.

Необходимость создания устойчивых сырьевых зон перерабатывающих предприятий, быстрого наращивания объемов производства сырья для переработки и исключения возможностей оппортунистического поведения сельскохозяйственных производителей объективно обусловили широкое распространение холдинговой модели агропромышленной интеграции, в рамках которой головная компания полностью контролировала процессы производства сельскохозяйственной продукции, ее переработки и доведения до потребителей. В настоящее время в некоторых регионах агропромышленные формирования холдингового типа производят до 50% продукции агропродовольственного комплекса, а по отдельным видам продукции их доля превышает 75-80%. Другой тип организации интеграционных взаимодействий, базирующийся на заключении срочных договоров в последние годы, обеспечивает взаимодействие незначительного числа самостоятельно функционирующих перерабатывающих предприятий с производителями сельскохозяйственной продукции, в том числе входящих в состав интегрированных формирований холдингового типа, а также интегрированных формирований холдингового типа между собой.

В ближайшей перспективе прогнозируются следующие изменения в траектории развития агропромышленной интеграции:

– снижение доходности агропромышленного производства, обусловленное быстрым насыщением внутреннего рынка практически всеми видами продовольственных товаров и ограниченными возможностями отдельных интегрированных формирований по выходу на внешний рынок, потребует консолидации усилий отдельных субъектов и координации взаимодействий для наращивания их экспортного потенциала;

– наличие в составе интегрированных формирований холдингового типа многоотраслевых сельскохозяйственных предприятий потребует либо развития новых видов перерабатывающих производств за счет сокращения ресурсов, направляемых на развитие основного вида деятельности, либо установлению устойчивых интеграционных связей с перерабатывающими предприятиями, не входящими в состав данного формирования;

– необходимость углубления специализации и концентрации ресурсов на отдельных звеньях цепочек формирования добавленной стоимости потребует вовлечения в систему интеграционных взаимодействий независимых сельскохозяйственных производителей, в том числе и субъектов малого агробизнеса, а также сельскохозяйственных производителей, входящих в состав других интегрированных формирований холдингового типа;

– задача ускоренной модернизации технико-технологической базы сельскохозяйственных производителей и предприятий перерабатывающей промышленности потребует реализации крупных инвестиционных проектов, что повышает зависимость интегрированных формирований от уровня государственной поддержки и стимулирует их участие в различных формах государственно-частного партнерства;

– высокий уровень зависимости производителей сельскохозяйственной продукции и ее переработчиков от импорта технологий и некоторых видов ресурсов (семена, племенной материал, кормовые добавки, пищевые ферменты и ингредиенты и др.) вынуждают интегрированные формирования включать в цепочки создания добавленной

стоимости субъекты, способные снизить их ресурсную импортозависимость, и инвестировать средства в развитие инновационной системы;

– инициированные государством процессы цифровой трансформации экономики требуют переосмысления системы интеграционных взаимодействий в соответствии с новой идеологией формирования цифровых экосистем и использования универсальных цифровых платформ, позволяющих повысить эффективность организационно-экономических и производственных связей;

– принятие национальных проектов связано с повышением социальной нагрузки на интегрированные формирования, связанной с развитием сельских территорий контролируемых ими экономических пространствах, и тесной координации деятельности по развитию социальной сферы с государством и органами местного самоуправления и др.

Данные изменения создают объективные предпосылки инициации процессов перехода к кластерной модели интеграционных взаимодействий субъектов регионального агропродовольственного комплекса.

В качестве основных сущностных характеристик кластерной модели развития агропромышленной интеграции можно выделить:

– усиление интеграционных взаимодействий между интегрированными формированиями холдингового типа;

– вовлечение в технологические цепочки субъектов малого агробизнеса, занимающих существенный удельный вес в производстве отдельных видов сельскохозяйственной продукции;

– трансформацию функций государства как координатора процессов развития территориального и отраслевого развития;

– повышение глубины переработки сельскохозяйственной продукции и усложнение цепочек создания добавленной стоимости;

– включение в цепочки создания добавленной стоимости субъектов, обеспечивающих снижение зависимости интегрированных формирований от импорта ресурсов;

– наращивание экспортного потенциала регионального агропродовольственного комплекса и корректировку его отраслевой структуры;

– развитие системы инфраструктурного обеспечения субъектов агропродовольственного комплекса, ориентированной на минимизацию трансакционных и логистических издержек;

– ускоренную модернизацию инновационной системы регионального агропродовольственного комплекса и повышение инновационной активности субъектов всех звеньев технологических цепочек;

– массовый переход на использование цифровых технологий и формирование цифровых экосистем, принципиально меняющих систему интеграционных взаимодействий;

– развитие институциональной среды, обеспечивающей эффективность интеграционных взаимодействий и их адаптацию к изменениям условий функционирования и балансирование интересов разнородных участников агропромышленной интеграции и др.

Вместе с тем необходимо еще раз подчеркнуть, что экономические кластеры не могут быть созданы директивно. Кластерные взаимодействия являются особой стадией процесса развития интеграционных отношений, переход к которой происходит в условиях осознания каждым интегрирующимся субъектом необходимости интеграции и возможности реализации своих экономических интересов именно за счет установления взаимовыгодных организационно-экономических и технологических связей в рамках одной или нескольких цепочек создания добавленной стоимости.

Поставленная Стратегией социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года [287] задача создания регионального агропромышленного кластера и перечень мероприятий по ее реализации позволяют утверждать, что, по сути, речь ведется не о создании кластера в его истинном понимании, а восстановлении управляемости регионального агропродовольственного комплекса и попытке властей региона обеспечить сбалансированность территориально-отраслевого развития края и повышению уровня использования его агропромышленного потенциала за счет корректировки структуры агропродовольственного комплекса, диверсификации его производственной системы, трансформации подсистемы инфраструктурного

обеспечения, развития государственно-частного партнерства, усиления роли государства в регулировании процессов развития агропромышленного производства и координации взаимодействия интегрирующихся хозяйствующих субъектов.

4.3. Особенности организации продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе и перспективы их развития

Перспективы развития агропромышленной интеграции могут оцениваться через призму решения двух основных задач: совершенствования продуктовых цепочек и повышения эффективности системы межсубъектных и межотраслевых взаимодействий, обеспечивающей их устойчивость.

В настоящее время сложилось несколько подходов к раскрытию сущности продуктовых цепочек, формирующихся в рамках интеграционных взаимодействий субъектов, совместно участвующих в создании определенного конечного продукта.

В основе теории продуктовых цепочек лежит тезис о том, что в процессе производства каждого вида конечной продукции происходит объединение цепочек поставщиков ресурсов и производителей отдельных компонентов, необходимых для создания конечной продукции, а также каналов обмена и распределения между интегрирующимися субъектами и с потребителями, причем звенья данных цепочек обладают свойствами неоднородности, прерывистости и самоорганизации, возникающих вследствие нелинейного поведения формирующих их субъектов [43].

Ряд авторов [153, 223, 293, 334] акцентирует внимание на технологических аспектах взаимодействия интегрирующихся субъектов и предлагает использовать термины «технологические цепочки» и «производственно-технологические цепочки», определяя их как последовательность производственных операций, этапов, переделов, обеспечивающих преобразование ресурсов в некий конечный продукт, или объединение субъектов, необходимых для реализации единого технологического цикла.

Но гораздо большее распространение получил поход, раскрывающий сущность продуктовых цепочек с позиции создания добавленной стоимости. При этом следует отметить продолжающуюся в отечественной экономической литературе дискуссию о правильной трактовке содержания данной категории, вызванного неоднозначностью перевода англоязычного термина «value». Именно поэтому, введенный в научный оборот термин «value chain» стал переводиться на русский язык и как «цепочка создания стоимости», и как «цепочка стоимости», и как «цепочка создания ценности», и как «цепочка ценности» и др. Неоднозначность трактовки объективно обусловила и двойственность подхода к пониманию сущности процесса создания конечного продукта. С одной стороны он представляется как процесс создания стоимости товара, формирующейся на основе издержек, понесенных в каждом звене продуктовой цепочки, а с другой стороны, как процесс создания ценности, способной удовлетворить потребность конкретного экономического субъекта через потребление конкретного продукта.

Сторонники стоимостного подхода к рассмотрению сущности продуктовых цепочек сводили задачу повышения их эффективности к сокращению совокупных издержек, в первую очередь непроизводственных затрат, связанных с производством конечной продукции и доведением ее до потребителя. При этом вся продуктовая цепочка представляется как единый бизнес-процесс, ориентированный на конечного потребителя, а объектами управления цепочками создания стоимости являются как факторы, определяющие содержание и особенности протекания процесса генерации нового продукта, так и совокупность межсубъектных связей между экономическими агентами, интегрированными в продуктовые цепочки. Использование данного подхода предполагает выделение в числе базовых свойств продуктовых цепочек, наряду с неоднородностью, прерывистостью и самоорганизацией, такого свойства как устойчивость. Под устойчивостью продуктовой цепочки в данном контексте понимается ее способность сохранять структурную и функциональную целостность в условиях

прогнозируемых колебаниях среды функционирования и генерировать конкурентные преимущества, позволяющие сохранять рыночные позиции.

Достаточно сторонников имеется и у подхода, предполагающего рассмотрение продуктовых цепочек как цепочек создания добавленной (некоторые исследователи предлагают использовать термин «добавочной») стоимости.

Так, например, З.А. Васильева, А.В. Москвина, Т.П. Лихачева и Е.С. Ковзунова [228] предлагают определять добавленную стоимость как разницу между стоимостью конечной продукции и стоимостью товаров и услуг, приобретенных для ее производства. При этом в качестве основных элементов, формирующих добавленную стоимость, они выделяют: амортизацию, затраты на оплату труда, налоги, страховые взносы и прибыль. Вместе с тем, рассматривая добавленную стоимость в контексте интересов отдельных экономических агентов, они считают возможным оценивать ее через чистую добавленную стоимость (Net Value Added), валовую добавленную стоимость (Gross Value Added), экономическую добавленную стоимость (Economic Value Added), добавленную рыночную стоимость (Market Value Added) и денежную добавленную стоимость (Cash Value Added).

По мнению О.В. Демьяновой, Е.В. Руновой, С.Д. Вдовиной и Д.Р. Садыковой [73] добавочная стоимость представляет собой приращение стоимости экономических благ, создаваемых каждым субъектом по отношению к стоимости потребленных ресурсов, необходимых для их производства.

В рамках следующего подхода [232] цепочка создания добавленной стоимости рассматривается в виде некой матрицы элементов, описывающей структуру интегрированного формирования и вклад каждого элемента в процесс приращения стоимости продукта на отдельных звеньях продуктовых цепочек. При этом многомерность и сложность межсубъектных связей обуславливают нелинейный характер процессов трансформации исходных ресурсов в экономические блага, способные удовлетворить запросы конечных потребителей.

Сторонники использования термина «цепочки создания ценностей» в качестве одного из основных аргументов указывают на затратный характер описания продуктовых цепочек через создание дополнительной стоимости, обращая внимание на то обстоятельство, что рост стоимости конечной продукции может происходить за счет роста издержек, что будет снижать эффективность продуктовой цепочки и конкурентоспособность предлагаемых потребителю товаров и услуг, тогда как рыночного успеха будет достигать то объединение взаимодействующих субъектов, которое сможет создать экономические блага не только удовлетворяющие конкретные потребности экономических агентов, но и характеризующиеся минимальной стоимостью. Цепочка создания ценности при этом представляет собой последовательное дополнение к исходной ценности промежуточного экономического блага еще одной дополнительной ценности, формируемой на очередном этапе преобразования исходных ресурсов в конечный продукт потребления.

В данном контексте продуктовая цепочка рассматривается как сложный, системно упорядоченный комплекс дополняемых друг друга ценностей, позволяющих реализовать интересы всех экономических агентов, интегрированных в данную цепочку, и конечных потребителей в той или иной форме индивидуализированной полезности [59].

Масштабность продуктовых цепочек, определяемая границами территориально-отраслевых образований и числом взаимодействующих хозяйствующих субъектов, требует соблюдения определенных принципов, обеспечивающих интеграцию продуктовых цепочек в единое экономическое пространство и согласование процессов их функционирования со стратегией социально-экономического развития регионов. К числу таких принципов можно отнести:

- принцип системности развития (каждое интегрированное формирование и контролируемые им продуктовые цепочки рассматриваются как элемент региональной экономической системы);
- принцип обеспечения продовольственной безопасности (структура конечной продукции продуктовых цепочек и каналы ее распре-

ления должны определяться исходя из необходимости обеспечения продовольственной безопасности страны);

– принцип рациональности (каждая продуктовая цепочка стремится к достижению рациональной структуры, позволяющей упростить систему межотраслевых и межсубъектных взаимодействий и минимизировать трансакционные издержки);

– принцип сбалансированности интересов (устойчивость продуктовых цепочек определяется качеством механизмов балансирования интересов взаимодействующих субъектов и учет интересов государства и населения территорий, контролируемых интегрированными формированиями);

– принцип единого экономического пространства (конфигурация продуктовых цепочек не должна разрушать единое экономическое пространство региона и учитывать интересы регионального агропродовольственного комплекса и региональной системы продовольственного обеспечения);

– принцип взаимодействия с государством (стратегия развития продуктовых цепочек должна быть адекватна стратегии развития страны и регионов, а интегрированные формирования должны активно участвовать в государственных программах развития отдельных отраслей агропродовольственного комплекса и территорий) и др.

С.Э. Солдатова и К.Ю. Волошенко [279], исследуя процессы организации продуктовых цепочек, отмечают, что разделение труда и специализация субъектов на отдельных операциях, формирующих единый технологический цикл, лишь создают предпосылки их интеграции в единую цепь создания стоимости, но не означают автоматического включения. В качестве полноценного звена таких цепочек хозяйствующие субъекты могут рассматриваться либо при условии ведения совместного производства с субъектами, представляющими другие звенья и участия в распределении и присвоении экономической ренты, либо при осуществлении общей координации всех взаимодействующих субъектов в рамках классических интегрированных

формирований иерархического типа или квазиинтегрированных структур.

Структурная и функциональная сложность продуктовых цепочек, множество форм и способов их организации объективно обусловили многообразие подходов к их классификации.

Так, например, в основу одного из подходов положен способ управления в цепочках стоимости, предложенный Г. Джереффи [379], позволяющий выделять цепочки стоимости, сформированные на основе устойчивых экономических и технологических связей между субъектами интегрированных формирований, позволяющих реализовывать свои интересы в достаточно длительной перспективе; временных экономических и технологических связей, обусловленных высоким уровнем независимости субъектов интегрированных формирований за счет наличия у них уникальных компетенций; неформальных (доверительных) отношений между субъектами интегрированных формирований, возникающих в силу территориальной близости, и позволяющих минимизировать непроизводительные издержки; доминирования крупных участников интегрированных формирований и их тотального влияния на поведение более мелких экономических агентов, вплоть до полного поглощения; создания иерархических структур управления цепочками стоимости, в том числе межотраслевыми и межсубъектными взаимодействиями. В рамках второго подхода [235] цепочки создания стоимости предлагается классифицировать по типу интеграции и различать цепочки, интегрированные сверху (хозяйствующий субъект, инициирующий процессы интеграции, контролирует все уровни создания стоимости); цепочки, интегрированные снизу (инициаторами интеграции выступают хозяйствующие субъекты, представляющие первичные звенья продуктовых цепочек); цепочки, интегрированные в рамках одного хозяйствующего субъекта (один субъект объединяет в себе все звенья продуктовой цепочки); цепочки, интегрирующие узкоспециализированные производства (каждое звено продуктовой цепочки представлено отдельным субъектом, обладающим уникальными компетенциями). Еще один подход [12] базиру-

ется на группировке цепочек стоимости по их масштабу и предполагает выделение глобальных, территориальных, отраслевых цепочек, цепочек отдельных продуктов, цепочек уровня хозяйствующих субъектов и их подразделений и т.п. Другие подходы в качестве классификационных признаков используют такие показатели как роль субъекта в цепочке создания стоимости, интенсивность интеграционных взаимодействий, по способу координации взаимодействий и др.

Эволюция теории организации цепочек стоимости привела к смещению акцентов с оптимизации операционной деятельности субъектов, интегрированных в рамках продуктовых цепочек, к оптимизации межотраслевых и межсубъектных связей, и к рассмотрению цепочек создания стоимости как специфических бизнес-систем, обеспечивающих формирование замкнутого технологического цикла, связанного с производством определенного конечного продукта, и реализацию полного воспроизводственного цикла. Именно в рамках бизнес-систем технологически, экономически и организационно взаимодействующие хозяйствующие субъекты интегрируют индивидуальные цепочки создания стоимости, образуя, по мнению А.Ю. Студеникиной [290], особого рода метапредприятия, которые она определяет как специфический тип интеграционных отношений, обеспечивающий повышение устойчивости межсубъектных связей и оптимизацию комбинаций взаимодополняющих друг друга стоимостных цепочек через генерацию устойчивых метацепочек.

Особенности организации продуктовых цепочек в значительной мере определяются отраслевой спецификой интеграционных взаимодействий и наличием альтернативных каналов распределения промежуточной и конечной продукции. Условная схема продуктовой цепочки в агропродовольственном комплексе приведена на рисунке 47.

Ядром продовольственных цепочек, формирующихся в рамках агропродовольственного комплекса, можно считать технологический цикл, объединяющий звенья производства сельскохозяйственной продукции и ее переработки.

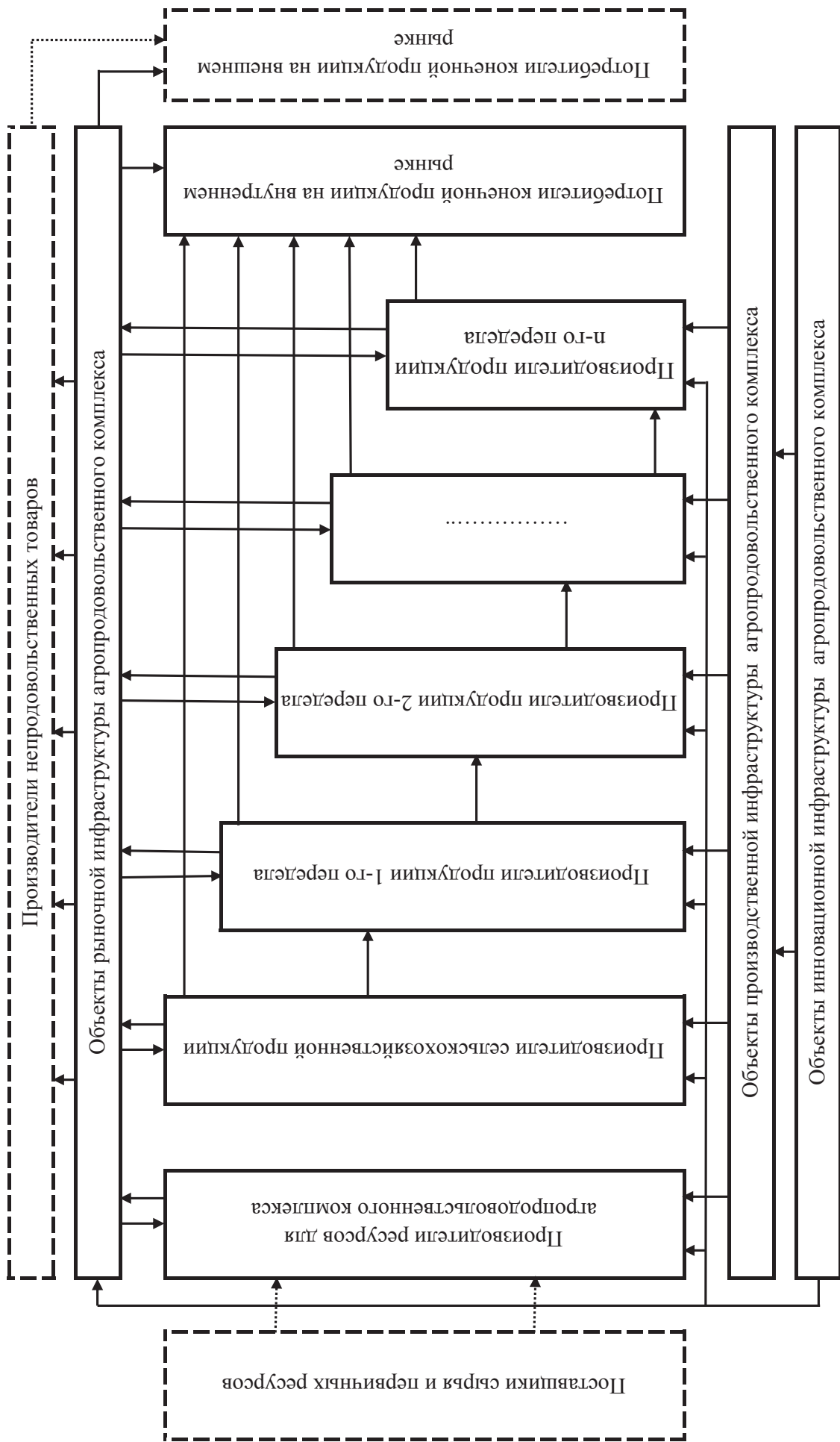

Рисунок 47 – Условная схема продуктовой цепочки в агропродовольственном комплексе

Независимо от форм реализации интеграционных взаимодействий в агропродовольственном комплексе именно эти звенья формируют производственную систему продуктовой цепочки.

При этом следует отметить, что в качестве конечной продукции, создаваемой в рамках одной продуктовой цепочки, может выступать продукция, производимая на каждом из переделов, и даже сельскохозяйственная продукция в не переработанном виде.

Например, если рассматривать цепочку по переработке зерна, то можно заметить, что конечный потребитель может потреблять, пусть и в незначительных объемах, непосредственно зерно, муку, крупы, хлебобулочные, макаронные и кондитерские изделия, мюсли, крахмал, спиртные напитки и др. Кроме того, глубокая переработка зерна позволяет получать такие виды продукции как глюкозу, глюкозно-фруктозные сиропы, нативный и модифицированный крахмалы, крахмальные заменители сахара (глюкоза, декстроза, мальтоза, фруктоза и др.), клейковину (глютен), органические (янтарная, лимонная, молочная и др.) и аминокислоты (лизин, триптофан, треонин, метионин и др.), витамины, биоэтанол и др., являющиеся сырьем для производства широкого спектра как продовольственных, так и непродовольственных товаров. Так же следует отметить, что значительная часть произведенного зерна используется на корм скоту и формирование семенного фонда.

В современной практике используется два пути выбора специализации продуктовых цепочек. Первый путь связан с концентрацией ресурсов перерабатывающих предприятий, интегрированных в продуктовую цепочку, на производстве одного вида конечной продукции. Например, конечной продукцией цепочки по переработке зерновых может являться мука. Второй путь ориентирован на диверсификацию переработки и увеличение ее глубины. Например, на базе мукомольных производств организуются предприятия по производству хлебобулочных или макаронных изделий. Именно второй путь, ориентированный на охват всех звеньев технологической цепочки от производства исходного сырья для переработки до всего спектра продуктов его переработки, обеспечивает устойчивость продуктовой цепочки, воз-

возможность оперативной корректировки ассортимента производимой продукции в соответствии с изменениями рыночной конъюнктуры, минимизации транзакционных издержек и усиления рыночного влияния интегрированных формирований, координирующих деятельность отдельных звеньев продуктовой цепочки.

При этом длина цепочек и необходимость синхронизации деятельности отдельных хозяйствующих субъектов в рамках единого технологического цикла объективно обуславливают вовлечение в продуктовые цепочки объектов производственной инфраструктуры, которые могут создаваться как подразделения сельскохозяйственных или перерабатывающих предприятий, так и в виде самостоятельных субъектов, обеспечивающих технологическое взаимодействие различных звеньев продуктовой цепочки и бесперебойность функционирования производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции.

Кроме того необходимость минимизации затрат, связанных с обеспечением товародвижения между звеньями продуктовых цепочек и вывода конечной продукции на уровень ее потребителя, создает предпосылки формирования рыночной инфраструктуры продуктовой цепочки, позволяющей эффективно управлять потоками товаров, перемещаемых в рамках цепочки, и каналами обмена продукцией и ее распределения.

Еще одна тенденция трансформации продуктовых цепочек связана с усилением взаимодействий интегрированных формирований с производителями ресурсов для агропродовольственного комплекса. В первую очередь это касается производства кормов и кормовых добавок, семян, средств защиты растений и др.

Необходимость сохранения конкурентоспособности продукции, производимой в рамках конкретных продуктовых цепочек, требует непрерывного совершенствования технологий производства и переработки сельскохозяйственной продукции. Для решения данной задачи интегрированные формирования, контролирующие отдельные продуктовые цепочки, реализуют стратегию инновационно-ориентированного развития, создавая собственную инновационную

инфраструктуру или интегрируясь в региональные или отраслевые инновационные системы, минимизируя затраты на поиск инноваций, их трансляцию и адаптацию к конкретным хозяйствующим субъектам, внедрение и дальнейшее сопровождение. В настоящее время крупные агропромышленные компании национального и межрегионального уровня в рамках государственно-частного партнерства принимают активное участие в программах создания научных центров, связанных с научным обеспечением агропродовольственного комплекса и внедрения инновационных технологий в сферу производства и переработки сельскохозяйственной продукции.

Рост объемов производства практически всех основных видов сельскохозяйственной продукции привел к насыщению внутренних рынков продовольственных ресурсов в значительной мере ограничив возможности использования агропромышленного потенциала регионов. В условиях насыщения внутренних рынков традиционных видов продовольственных товаров дальнейший рост производства аграрной продукции и продуктов ее переработки возможен либо за счет роста внутреннего спроса, в том числе на новые продукты питания, изготавливаемые из традиционного сырья, либо за счет увеличения объемов вывоза продовольственных ресурсов на внешний рынок и реализации экспортоориентированной модели развития агропродовольственного комплекса. При этом возникает необходимость объективной оценки экспортных возможностей с учетом обеспечения продовольственной безопасности страны и удовлетворения потребности в продукции агропродовольственного комплекса сопряженных отраслей из других сфер системы общественного производства. То есть управление данным каналом распределения продукции, создаваемой в пространствах продуктовых цепочек, должно относиться к компетенции государства и регулироваться через его экспортно-импортную и таможенную политику.

В настоящее время существует две основные концепции организации продуктовых цепочек. Первая базируется на постулате главенства потребителя продукции и предполагает формирование цепочки по направлению от потребителя до производителей исходного сырья,

необходимого для производства конечной продукции. В основе второй концепции лежит тезис о первичности производства сырья при условии оптимизации его использования по каналам распределения. В рамках первой концепции, как правило, используется принцип узкой специализации производителей конечной продукции, а продуктовая цепочка отражает один канал использования исходного сырья. В контексте второй концепции применяется многоканальный подход к использованию исходного сырья, объективно обуславливающий наличие нескольких видов конечной продукции.

С позиций обеспечения сбалансированности агропродовольственных систем регионального уровня представляется целесообразным формирование агрегированных продуктовых цепочек по типу исходного сырья (например, продукты, получаемые в результате переработки зерна, переработки подсолнечника, переработки молока и т.п.), что позволит координировать процессы формирования балансов продовольственных ресурсов и их распределения с учетом интересов региона и отраслей, сопряженных с агропродовольственным комплексом. При этом в рамках агрегированных продуктовых цепочек можно выделять специализированные цепочки, ориентированные на производство отдельных видов конечной продукции, но интегрированные с другими цепочками, использующими одно и то же сырье. По своей сути экономические пространства агрегированных продуктовых цепочек в целом соответствуют экономическим пространствам продуктовых подкомплексов.

Еще одной специфической чертой организации продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе является необходимость встраивания в них сельскохозяйственных производителей, развивающих, как правило, несколько отраслей. Многоотраслевой характер хозяйствующих субъектов аграрной сферы, позволяющий повысить уровень использования их потенциала развития, объективно обуславливает их интеграцию одновременно в несколько продуктовых цепочек, что, с одной стороны, повышает устойчивость их функционирования за счет диверсификации производственных систем, а с другой стороны, отрицательно влияет на устойчивость продуктовых цепочек,

поскольку автономно функционирующий сельскохозяйственный производитель может произвольно корректировать свою отраслевую структуру в соответствии с изменением рыночной конъюнктуры. В этих условиях задача формирования устойчивой сырьевой зоны переработчиков сельскохозяйственной продукции выходит на уровень задач уровня стратегического направления и побуждает интегратора использовать схемы жестких форм контроля поставщиков сырья вплоть до их полного поглощения. Но при этом, решая задачу гарантированного поступления необходимого для переработчика сырья, интегрированное формирование сталкивается с необходимостью повышения эффективности использования прочих видов сельскохозяйственной продукции, что вынуждает их либо развивать ее переработку на своих производственных мощностях, либо интегрироваться с другими переработчиками, входя в другие продуктовые цепочки.

Значительный масштаб интегрированных агропромышленных формирований и многоотраслевая направленность большинства их них обуславливают необходимость организации иерархической системы продуктовых цепочек, на верхнем уровне которой будут находиться продуктовые цепочки регионального уровня, а на последующих уровнях агрегированные цепочки интегрированных формирований и специализированные продуктовые цепочки. Успешное решение комплекса организационно-экономических задач, связанных с поддержанием устойчивых горизонтальных и вертикальных связей в системе агропромышленного производства, с согласованием интересов государства и всех участников всей совокупности продуктовых цепочек, с координацией их деятельности в контексте реализации стратегии развития агропродовольственного комплекса региона может быть обеспечено в рамках кластерной модели агропромышленной интеграции и формирования в регионе нескольких продуктовых кластеров, обеспечивающих эффективное взаимодействие субъектов, интегрированных в агрегированные продуктовые цепочки.

5. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СБАЛАНСИРОВАННОГО И ПРОПОРЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

5.1. Обоснование системы мероприятий по повышению уровня сбалансированности агропродовольственного комплекса региона

Одним из ключевых свойств эффективно и устойчиво развивающихся экономических систем является их сбалансированность. Именно сбалансированность систем позволяет поддерживать рациональные пропорции между их элементами и обеспечивать минимизацию затрат, необходимых для достижения совокупности поставленных целей, удерживая систему на оптимальной траектории развития. Динамический характер развития экономических систем и изменчивость среды их функционирования объективно обуславливают необходимость регулярного перехода систем из одного сбалансированного (равновесного) состояния в другое в рамках их адаптации к изменениям внешней среды. Следует отметить, что в контексте нашего исследования баланс рассматривается как частный случай равновесия взаимодействующих элементов, такого их состояния, когда действие их друг на друга равнозначно с позиций оптимального уровня взаимовлияния.

Очевидно, что структурно-функциональная сложность экономических систем, неоднородность формирующих их элементов, разная скорость воспроизводства элементов и адаптации к изменениям условий функционирования создают предпосылки возникновения различных дисбалансов, существенно ограничивающих возможности развития систем в целом.

Е.С. Бородушко [33] под экономическими дисбалансами предлагает понимать различные диспропорции, возникающие в структуре экономических систем, в тенденциях развития их элементов и их интересах, во внутрисистемных и межсистемных отношениях, в механизмах организационно-экономических и технико-технологических взаимодействий, в инфраструктурном обеспечении и др. У Т.В. Щетиловой [364] дисбалансы это неравновесные состояния экономиче-

ских систем, нарушения состояния равновесия и оптимальных пропорций, обеспечивающих целостность системы как в статике, так и в динамике развития, при этом в качестве системных дисбалансов она предлагает выделять структурные, функциональные и целевые дисбалансы, а также дисбаланс между самой системой и средой ее функционирования. В рамках данного подхода структурные дисбалансы рассматриваются как в контексте отклонения от оптимальных пропорций между элементами экономических систем, так и в контексте несбалансированности воспроизводственных процессов; функциональные дисбалансы – как несоответствие функций, реализуемых отдельными элементами систем, потребностям других элементов и всей системы в целом; целевые дисбалансы – как противоречия целей развития отдельных элементов системы и их интересов; дисбалансы между системой и внешней средой – с одной стороны, как несоответствие между предложением экономических благ, генерируемых экономической системой, и спросом на них со стороны общества и других экономических систем, а с другой стороны, как неспособность макрорегуляторов эффективно воздействовать на структуру производимых экономических благ, отдельными экономическими системами, и общую устойчивость локализованных систем общественного производства в условиях глобализации экономики.

Необходимо отметить, что дисбалансы могут задавать вектор как позитивных изменений системы, позволяющий достичь нового эффективного равновесного состояния, так и негативных тенденций (приводящих к деградации отдельных элементов и всей системы в целом).

К основным типам дисбалансов, присущих агропродовольственным системам как специфическому виду территориально-отраслевых комплексов, предлагается относить:

- дисбалансы системы продовольственного обеспечения региона;
- дисбалансы продуктовых цепочек, формирующих агропродовольственную систему регионального уровня;
- ресурсные дисбалансы региональной системы аграрного и агропромышленного производства;

- дисбалансы развития территорий, формирующих пространственный базис агропродовольственной системы региона;
- дисбалансы развития отраслей, формирующих производственный базис агропродовольственной системы регионального уровня;
- экологические дисбалансы.

Поддержание сбалансированности агропродовольственных систем может быть обеспечено за счет устранения этих дисбалансов, влияющих на качество их развития.

Поскольку ключевая функция агропродовольственного комплекса регионального уровня заключается в обеспечении продовольственной независимости региона и максимизации уровня использования его аграрного и агропромышленного потенциала с учетом природно-климатических условий, ограничивающих ассортимент производимой сельскохозяйственной продукции, то основным дисбалансом, влияющим на устойчивость агропродовольственного комплекса региона, является несоответствие объемов производимой и потребляемой продукции аграрного сектора и продуктов ее переработки. Отраслевая структура системы аграрного производства региона определяется совокупностью факторов, влияющих на эффективность производства и реализации конкретных видов продукции. В условиях устранения государства от регулирования отраслевых пропорций хозяйствующие субъекты ориентируют свои производственные системы на развитие тех отраслей, которые обеспечивают получение максимальной прибыли на единицу расходуемых ресурсов в ближайшей перспективе, что, с одной стороны, повышает их кратковременную устойчивость, а с другой стороны, приводит к разбалансированию системы продовольственного обеспечения региона и росту логистических затрат, связанных с доставкой недостающих продовольственных ресурсов из-за пределов региона, и снижению загруженности мощностей по переработке сельскохозяйственной продукции.

Одним из важнейших показателей, отражающих уровень самообеспечения региона основными видами продуктов питания, является отношение объемов их производства в регионе к объему их фактиче-

ского потребления населением региона в течение года. В настоящее время органы официальной статистики в разрезе регионов разрабатывают балансы по ограниченному виду продовольственных ресурсов, что существенно затрудняет прогнозные расчеты по балансированию систем продовольственного обеспечения регионального уровня.

Так по данным Росстата [85] в среднем за 2010-2019 гг. Краснодарский край произвел меньше чем потребил лишь два вида продовольственных ресурсов: плоды и ягоды (73,3% к уровню потребления), а также яйца (93,3%), причем, начиная с 2017 г. отмечается снижение объемов производства картофеля ниже уровня его потребления (рисунок 48).

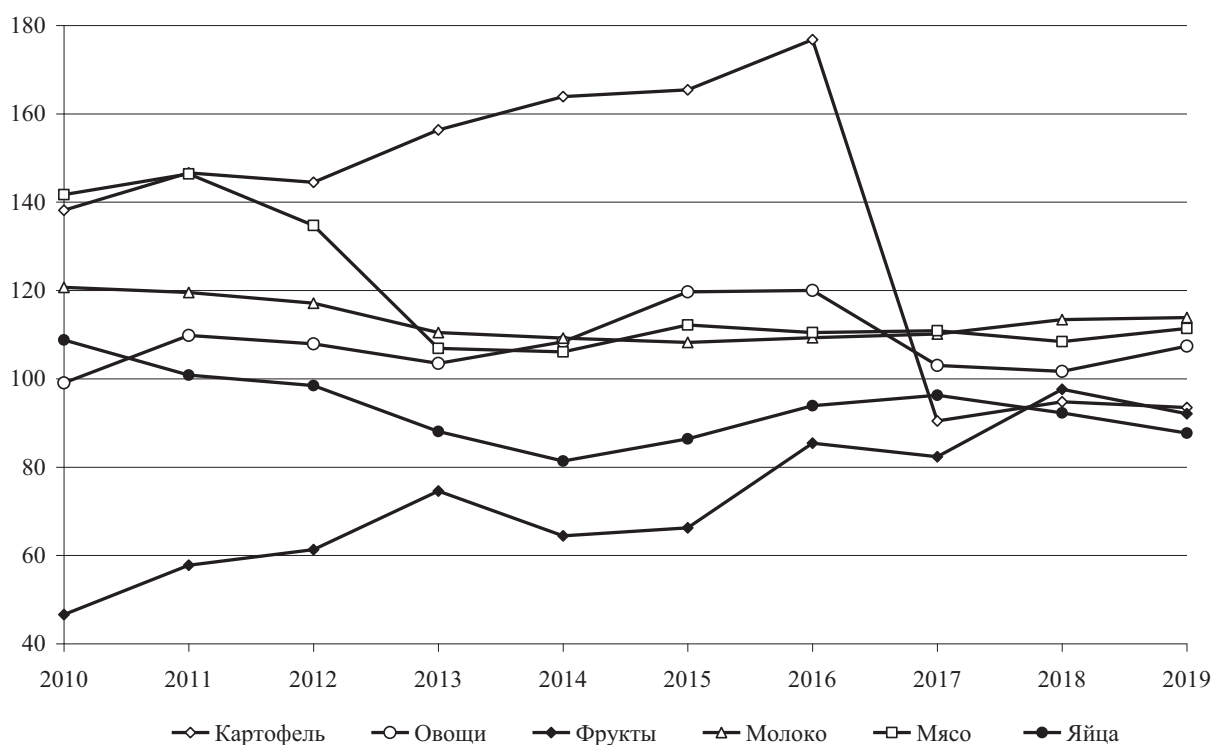

Рисунок 48 – Уровень самообеспеченности Краснодарского края основными видами продовольственных ресурсов, %

Наряду с показателями продовольственной самообеспеченности, отражающими соотношение произведенных и потребленных в регионе продовольственных ресурсов, для понимания качества сбалансированности системы продовольственного обеспечения региона определенный интерес представляет сравнение объемов ресурсов вывозимых за пределы региона и ввозимых в него (таблица 30).

Таблица 30 – Ввоз-вывоз продовольственных ресурсов в Краснодарском крае в среднем в 2010-2019 гг., тыс. т

Продовольственные ресурсы	Вывоз из региона	Ввоз в регион	Сальдо вывоза-ввоза
Зерно	14 205,8	5 003,0	9 202,8
Картофель	99,9	224,2	-124,3
Овощи	572,5	562,5	9,9
Плоды и ягоды	1 105,4	1 406,5	-301,1
Молоко	587,6	551,7	36,0
Мясо	173,7	237,8	-64,1
Яйцо, млн шт.	507,8	763,4	-255,6

Источник [85]

Краснодарский край имеет отрицательное сальдо вывоза-ввоза продукции в среднем за 2010-2019 гг. по картофелю (ввоз семенного картофеля и картофеля сортов длительного хранения), плодово-ягодной продукции (главным образом фрукты, не произрастающие в регионе), мясу и мясопродуктам (мясо крупного рогатого скота, мясо овец и некоторые виды мясных деликатесов) и яйцам (завозится как племенное, так и товарное яйцо).

Сложившаяся рыночная конъюнктура объективно обусловила ориентацию сельскохозяйственных производителей Краснодарского края на производство таких товарных культур как зерновые, подсолнечник и сахарная свекла, объемы производства которых превышали внутренние потребности региона за последнее десятилетие в 4 и более раз.

Кроме того следует отметить высокую зависимость продовольственной системы Краснодарского края от импорта продовольственных ресурсов. Так по данным Росстата [234] в 2019 г. по группе «Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье» из региона было экспортировано продукции на сумму 2 537,1 млн долл. США, а объем импорта составил 2 240,0 млн долл. США, тогда как, например, по Ростовской области данные показатели находились на уровне 4536,7 и 307,9 млн дол. США соответственно.

С позиций повышения уровня продовольственного самообеспечения представляется целесообразным акцентировать внимание региона на развитии таких отраслей животноводства как мясное скотоводство и яичное птицеводство, а также разработать программы поддержки производства раннего картофеля, овощей, плодов и ягод.

В качестве первоочередных мер по преодолению дисбалансов системы продовольственного обеспечения предлагается за счет мер государственного регулирования:

самообеспечение региона теми продуктами питания, собственное производство которых является конкурентоспособным с учетом средств государственной поддержки;

обеспечить устойчивые каналы реализации излишков сельскохозяйственной продукции за пределы региона (включая экспорт), возникающих при максимизации уровня использования аграрного потенциала края;

повысить глубину переработки продукции и расширение ассортимента продовольственных товаров и сырья для их производства с целью роста внутреннего спроса на них;

повысить экономическую привлекательность социально значимых для региона отраслей сельскохозяйственного производства и стимулировать реализацию инвестиционных проектов по их развитию.

Широкий ассортимент продукции, производимой хозяйствующими субъектами аграрного сектора Краснодарского края, и продуктов ее переработки объективно обуславливает наличие множества продуктовых цепочек, в рамках которых происходит интеграция производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции. Если в условиях плановой экономики задача максимальной загрузки перерабатывающих мощностей и формирования их рациональных сырьевых зон решалась за счет централизованного управления процессами агропромышленной интеграции и оптимизации размещения сельскохозяйственного производства и объектов пищевой и перерабатывающей промышленности, то в результате радикальных экономических реформ в целом достаточно сбалансированная система устойчивых продуктовых цепочек была разрушена, а попытки формирования новой системы интеграционных взаимодействий, базирующейся на принципах экономического саморегулирования цепочек создания добавленной стоимости, долгое время не приводили к требуемым результатам, что привело к возникновению дисбалансов продуктовых

цепочек, формирующих агропродовольственную систему регионального уровня.

Одним из наиболее объективных показателей, характеризующих уровень сбалансированности продуктовых цепочек является уровень загрузки производственных мощностей по переработке сельскохозяйственной продукции (рисунок 49).

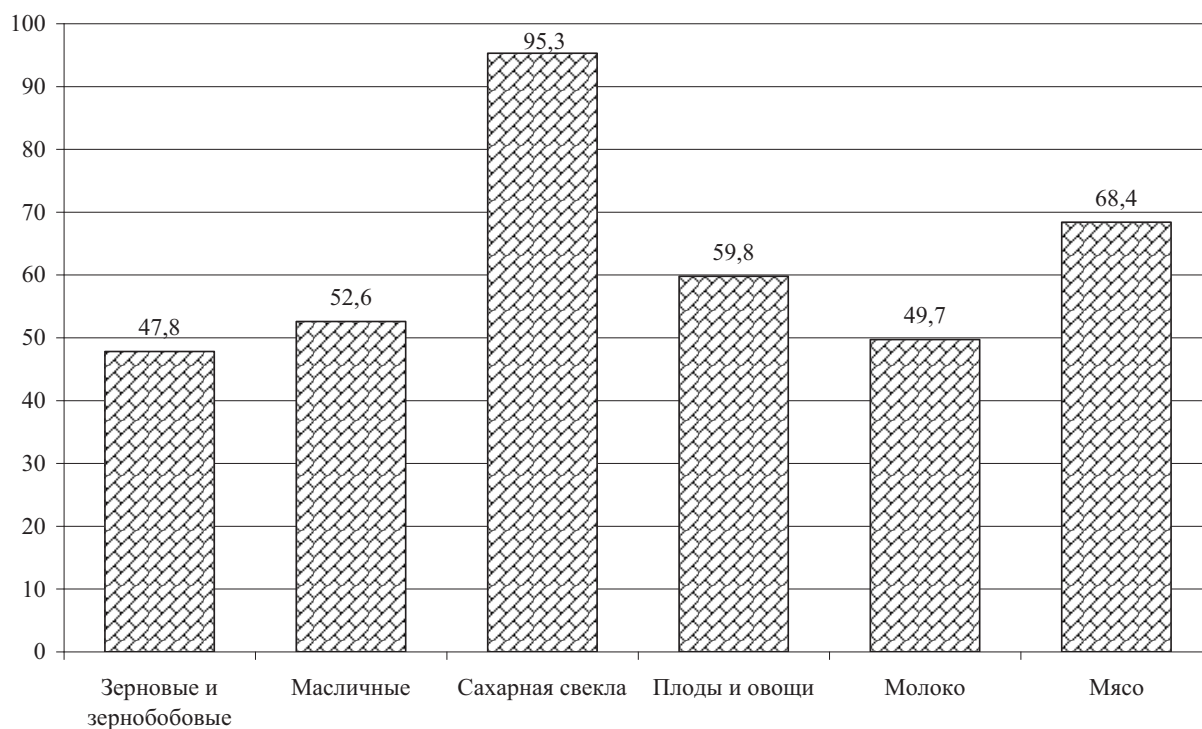

Рисунок 49 – Уровень загрузки производственных мощностей по переработке сельскохозяйственной продукции Краснодарском крае в 2010-2019 гг. (без субъектов малого предпринимательства), %

В среднем в 2010-2019 гг. перерабатывающие предприятия Краснодарского края (без субъектов малого предпринимательства) смогли загрузить мощности по переработке зерновых культур на 47,8%, молока – на 49,7%, масличных культур – на 52,6%. На 59,8% в отчетном периоде оказались загружены мощности по переработке плодоовощной продукции, на 68,4% – по переработке мяса. Лишь загрузка сахарных заводов находилась на уровне выше 95%. В значительной мере дисбалансы продуктовых цепочек вызваны неразвитостью системы интеграционных взаимодействий производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции, связанной с определенным монополизмом последних и неготовностью их делить-

ся с поставщиками сырья добавленной стоимостью на принципах взаимовыгодности. Отсутствие долгосрочных договоров на поставки согласованных объемов продукции в условиях колебаний рыночной конъюнктуры объективно влияет на низкую устойчивость интеграционных связей и попытки непрерывного поиска максимально выгодных каналов реализации сельскохозяйственного сырья, что, в конечном счете, ведет к росту транзакционных издержек и постоянных затрат на единицу конечной продукции, выпускаемой в рамках отдельных продуктовых цепочек, снижая эффективность функционирования всех интегрирующихся субъектов.

Для ликвидации дисбалансов продуктовых цепочек представляется целесообразным:

- заключение соглашений о формировании устойчивых сырьевых зон предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности;

- заключение долгосрочных соглашений об интеграции многоотраслевых производителей сельскохозяйственной продукции в различные продуктовые цепочки;

- повышение устойчивости взаимодействий производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции на основе пересмотра системы интеграционных отношений;

- формирование адекватной межзвенной инфраструктуры в цепочках создания добавленной стоимости.

Эффективность экономических систем определяется в том числе влиянием целой группы факторов, к числу которых относится и сбалансированность ресурсов, используемых для производства экономических благ. За счет оптимального соотношения факторов производства экономическая система может обеспечить непрерывность воспроизводственных процессов, минимизируя при этом затраты на приобретение ресурсов и их содержание.

Специфика сельского хозяйства как отрасли общественного производства заключается, в первую очередь, в использовании продуктивных земель, формирующих пространственный базис хозяйствующих субъектов аграрной сферы. Как правило, именно земель-

ные ресурсы становятся базисом, влияющим на пропорции соотношения между всеми видами ресурсов, необходимых для ведения аграрного производства.

По данным Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Краснодарскому краю [78] общая площадь земель сельскохозяйственного назначения в регионе на 1.01.2020 г. составляла 4 695,3 тыс. га, из которых 2 757,8 тыс. га или 58,7% находились в собственности граждан, 670,4 тыс. га (14,3%) – в собственности юридических лиц, а 1 267,1 тыс. га (27,0%) – в государственной и муниципальной собственности. Следует отметить, что из 2 757,8 тыс. га, находящихся в собственности граждан, 2 068,2 тыс. га находились в общей долевой собственности, а 76,6 тыс. га относились к не востребовавшимся земельным долям. На начало 2020 г. в Краснодарском крае было зарегистрировано 414 710 собственников земельных долей, но всего лишь около 55% из них получили правоустанавливающие документы на принадлежащие им земельные доли.

Принципиально за годы экономических реформ изменилась структура аграрного сектора Краснодарского края.

Если на начало 1991 г. в регионе вели производство 798 сельскохозяйственных предприятий (колхозы, совхозы и другие коллективные хозяйства), то в 2020 г. сельскохозяйственную деятельность осуществляли почти 1,6 тыс. сельскохозяйственных организаций (различные акционерные общества хозяйственные товарищества и производственные кооперативы), 161 подсобное сельскохозяйственное предприятие и около 700 предприятий и организаций других организационно-правовых форм [78]. Кроме того аграрное производство вели государственные и муниципальные унитарные сельскохозяйственные предприятия (67 единиц) и научно-исследовательские и учебные учреждения (115 единиц). Совокупная площадь земель, находящихся в хозяйственном обороте сельскохозяйственных организаций и предприятий Краснодарского края на 1.01.2020 г. составляла 3 383,7 тыс. га, в т.ч. 2 939,1 сельскохозяйственных угодий.

Кроме того существенный вклад в производство сельскохозяйственной продукции региона оказывают крестьянские (фермерские) хозяйства. На начало 2020 г. в крае было зарегистрировано 13 619 хозяйств (общая площадь обрабатываемых земель 811,1 тыс. га) и 5 606 индивидуальных предпринимателей, не образовавших крестьянское (фермерское) хозяйство (345,4 тыс. га). Весомую роль в развитие сельского хозяйства Краснодарского края играют хозяйства населения, число которых на 1.01.20 г. оставляло 844 536, а площадь закрепленных земель – 176,1 тыс. га.

Эффективное управление сбалансированным развитием агропродовольственных систем возможно лишь при наличии объективной информации о наличии ресурсов и их качестве. Но существующая система государственного управления в сфере использования и охраны земель Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии пока не обеспечивает выполнение этого условия. Так в докладе Управления данной службы по Краснодарскому краю (раздел: Государственный кадастровый учет земельных участков и государственная регистрация прав на них) приводится следующая информация о земельных участках, сведения о которых содержались в ЕГРН. По состоянию на 31.12.2019 г. общая площадь земельных участков сельскохозяйственного назначения составляла 5 922,9 тыс. га. Площадь земельных участков, границы которых были установлены в соответствии с требованиями земельного законодательства при этом составляла 4 476,8 тыс. га (75,6%). Если учесть, что согласно информации из раздела «Распределение земельного фонда по угодьям» этого же доклада площадь земель сельскохозяйственного назначения составляет 4 695,3 тыс. га, то можно понять, что действенного учета продуктивных земель в регионе пока так и не налажено, что не только не позволяет объективно оценить наличие продуктивных земель, используемых для производства сельскохозяйственной продукции, но и затрудняет оптимизацию ресурсных пропорций агропродовольственной системы региона.

Высокие темпы научно-технического прогресса и развития технологий аграрного производства объективно требуют адекватных темпов обновления материально-технической базы отрасли. Устойчивый диспаритет цен на продукцию сельского хозяйства и ресурсы, необходимые для ее производства, существенно сужает воспроизводственный потенциал хозяйствующих субъектов аграрного сектора, лимитируя их финансовые возможности. Ограниченная доступность инвестиционных ресурсов для основной массы субъектов среднего и малого агробизнеса является практически непреодолимым барьером на пути их технологического развития. При этом интегрированные агропромышленные формирования, формирующие современную технико-технологическую базу за счет средств крупных инвесторов в условиях их приоритетной поддержки со стороны государства, смогли выйти на траекторию реализации инновационно-инвестиционной модели развития, обеспечивающей формирование относительно устойчивых конкурентных преимуществ, что, с одной стороны, позволило довольно быстро нарастить объемы производства практически всех видов продовольственных ресурсов и выйти на уровень дореформенного периода, а с другой, спровоцировать сохранение ресурсного дисбаланса остальных сельскохозяйственных производителей.

Кроме того, переход к инновационно-инвестиционной модели развития, предполагающий принципиальное повышение уровня механизации и автоматизации сельскохозяйственного производства, объективно обуславливает резкое снижение численности работников, занятых в аграрном секторе, меняя при этом структуру занятых и требования к их профессиональной подготовке. Внедрение современных технико-технологических решений в систему аграрного производства также характеризуется двойственностью последствий: наряду с ростом производительности труда и повышением эффективности произведенной продукции происходит падение уровня занятости сельского населения и уровня его доходов, а проблемы углубляющегося дисбаланса между наличием трудовых ресурсов сельской местности и возможностью их трудоустройства ведет не только к повышению со-

циальной напряженности на селе и деградации человеческого капитала, но и требует выделения значительного объема бюджетных средств на обеспечение выполнения минимальных социальных стандартов. Данная ситуация усугубляется еще и тем, что высокая конкурентоспособность сельских территорий Краснодарского края объективно обусловила относительно высокую плотность сельского населения по сравнению с другими регионами страны. Так если на начало 2020 г. в среднем по Российской Федерации на 1 сельского жителя приходилось 5,93 га сельскохозяйственных угодий, а в Южном федеральном округе 5,49 га, то в среднем по Краснодарскому краю – всего 1,86 га.

Для преодоления ресурсных дисбалансов региональной системы аграрного и агропромышленного производства необходимо;

- завершить постановку на кадастровый учет всех продуктивных земель и провести окончательное разграничение собственности на них;

- разработать региональную программу модернизации технико-технологической базы сельскохозяйственных производителей;

- разработать региональную программу диверсификация сельской экономики, направленную на повышение занятости сельского населения и уровня его доходов;

- обеспечить повышение доступности для субъектов среднего и малого агробизнеса кредитных ресурсов, необходимых для обеспечения непрерывности воспроизводства.

Особенности агропродовольственных систем как сложных интегрированных структур предполагают уделение особого внимания поддержанию сбалансированности развития как территорий, так и отраслей, формирующих их пространственный и производственный базис. Для агропродовольственных систем регионального уровня крайне важно обеспечить равномерность хозяйственной освоенности земель сельскохозяйственного назначения, позволяющего максимально использовать аграрный потенциал развития отдельных сельских территорий, и вовлечение в аграрное производство трудоспособного сельского населения, способствующее росту его доходов и повышению качества жизни.

В Краснодарском крае наблюдается существенная дифференциация муниципальных районов по уровню сельского населения, занятого в сельскохозяйственных организациях (таблица 31, приложение Е).

Таблица 31 – Доля населения, занятого в сельскохозяйственных организациях Краснодарского края, %

Районы	2010 г.	2015 г.	2019 г.
Выселковский	9,3	10,6	11,0
Новокубанский	10,7	8,5	7,1
Кореновский	6,3	5,6	6,4
Щербиновский	5,6	5,0	5,4
Ейский	6,9	4,4	4,4
Усть-Лабинский	7,6	5,3	4,4
Славянский	7,4	4,8	4,4
Брюховецкий	6,7	4,5	4,3
Белоглинский	4,2	3,6	4,3
Каневской	6,2	4,7	4,1
Абинский	4,8	4,0	4,1
Павловский	4,4	3,9	3,8
Темрюкский	5,6	4,0	3,7
Гулькевичский	8,3	4,4	3,5
Тимашевский	6,9	4,2	3,3
Красноармейский	4,0	3,4	3,1
Куцевский	3,6	3,1	3,0
Староминский	5,1	3,7	2,9
Калининский	6,2	3,1	2,8
Тбилисский	4,2	3,4	2,8
Лабинский	3,7	3,6	2,6
Курганинский	4,5	2,7	2,4
Приморско-Ахтарский	4,6	3,3	2,2
Тихорецкий	3,4	2,0	2,0
Динской	2,7	2,4	2,0
Мостовский	2,1	2,3	1,9
Ленинградский	3,9	2,3	1,9
Успенский	2,5	1,9	1,6
Белореченский	0,5	1,6	1,5
Новопокровский	3,2	1,9	1,1
Кавказский	2,8	1,5	1,0
Крыловский	0,6	0,6	0,8
Северский	2,0	0,9	0,8
Крымский	1,3	0,7	0,8
Отрадненский	1,6	0,7	0,8
Апшеронский	0,5	1,6	0,8
Туапсинский	0,4	0,6	0,5

Рассчитано по данным [22]

Занятость сельского населения в сельскохозяйственных организациях напрямую зависит от уровня концентрации сельскохозяйственного производства, определяемого системой его территориального размещения. Если в Выселковском районе работниками сельхоз организаций в 2019 г. являлись 11,0% населения муниципального района, то в Крыловском, Северском, Крымском, Отрадненском, Апшеронском и Туапсинском районах данный показатель находится на уровне менее 1%. Только в трех районах в сельскохозяйственных организациях в 2019 г. было трудоустроено более 5% населения: в Новокубанском – 7,1%, в Кореновском – 6,4%, в Щербиновском – 5,4%.

В среднем по региону уровень занятости населения муниципальных районов в сельскохозяйственных организациях в 2019 г. составил 3,1%. За последние 10 лет размер данного показателя устойчиво снижался: в 2010 г. он находился на уровне 4,5% (рисунок 50).

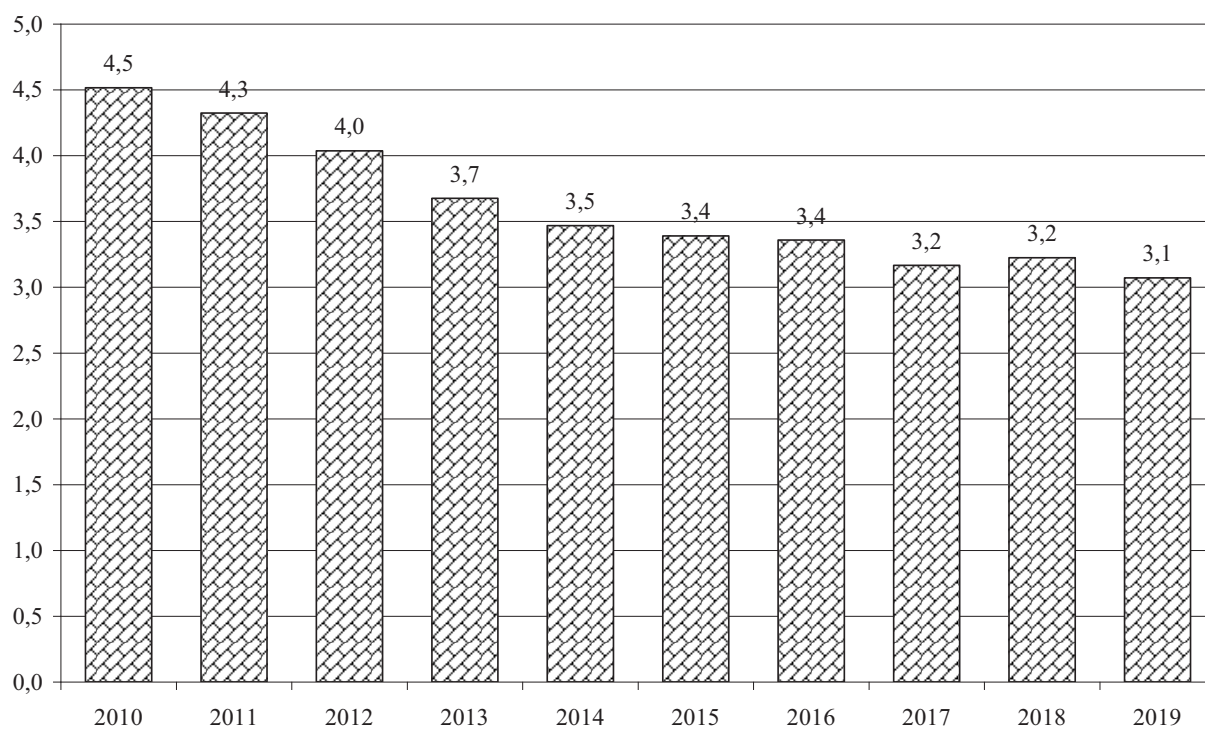

Рисунок 50 – Доля населения, занятого в сельскохозяйственных организациях Краснодарского края, %

Не менее важным критерием сбалансированности развития сельских территорий является уровень средней заработной платы работников сельскохозяйственных организаций. В 2019 г. среднемесячная заработная плата работников сельскохозяйственных организаций Краснодарского края составляла 31 136,6 руб. (99,6% от среднемесяч-

ной заработной платы работников организаций по всем видам деятельности) (таблица 32).

Таблица 32 – Среднемесячная заработная плата работников организаций в муниципальных районах Краснодарского края, руб.

Муниципальные районы	Все виды деятельности	Сельское хозяйство	Заработная плата в сельском хозяйстве к заработной плате в целом по организациям, %
Выселковский	37 464,7	41 576,0	111,0
Белоглинский	30 743,6	38 701,2	125,9
Успенский	32 974,1	38 441,9	116,6
Темрюкский	47 159,5	36 561,3	77,5
Крыловский	27 824,7	36 155,1	129,9
Крымский	33 863,1	36 128,6	106,7
Куцевский	32 309,3	35 917,3	111,2
Славянский	34 914,8	35 609,2	102,0
Щербиновский	30 267,9	35 089,2	115,9
Брюховецкий	30 951,7	35 064,7	113,3
Усть-Лабинский	31 319,5	35 040,2	111,9
Отраденский	30 283,1	34 790,5	114,9
Новокубанский	30 261,2	34 431,2	113,8
Белореченский	32 264,9	34 372,5	106,5
Ленинградский	32 608,7	34 239,7	105,0
Павловский	30 594,4	34 206,2	111,8
Кореновский	32 712,9	34 086,6	104,2
Тимашевский	37 359,3	33 983,4	91,0
Тихорецкий	32 843,9	33 959,7	103,4
Красноармейский	30 991,5	33 507,8	108,1
Староминский	29 657,3	32 582,5	109,9
Каневской	32 524,6	32 144,5	98,8
Лабинский	29 239,7	31 538,4	107,9
Динской	32 983,4	30 717,7	93,1
Гулькевичский	30 559,8	30 243,9	99,0
Мостовский	30 141,0	30 119,8	99,9
Курганинский	27 616,2	29 933,9	108,4
Калининский	29 335,8	29 555,6	100,7
Тбилисский	30 562,3	28 756,7	94,1
Ейский	30 189,9	28 547,3	94,6
Абинский	34 363,8	28 452,3	82,8
Кавказский	32 328,7	26 125,4	80,8
Приморско-Ахтарский	27 815,9	25 707,0	92,4
Новопокровский	27 755,3	25 525,8	92,0
Северский	42 265,7	23 759,3	56,2
Туапсинский	38 372,7	23 200,5	60,5
Апшеронский	28 475,6	20 279,6	71,2
В среднем	32 267,6	32 136,6	99,6

Рассчитано по данным [22]

Но если в сельскохозяйственных организациях Выселковского района заработная плата находилась на уровне 41 576,0 руб., то в Апшеронском районе она едва превысила 20 тыс. руб. Следует отметить, что в 22 муниципальных районах Краснодарского края из 37 средняя заработная плата работников сельскохозяйственных организаций превышала уровень средней заработной платы по организациям по всем видам деятельности. Лидирующие позиции по данному показателю занимают сельскохозяйственные организации Крыловского (129,9%) и Белоглинского (125,9) районов. В 16 районах из 37 (43,2%) заработная плата работников сельскохозяйственных организаций была ниже среднего уровня по совокупности сельскохозяйственных организаций муниципальных районов региона.

За период с 2010 по 2019 гг. заработная плата работников сельскохозяйственных организаций муниципальных районов Краснодарского края выросла более чем в 2,5 раза (рисунок 51).

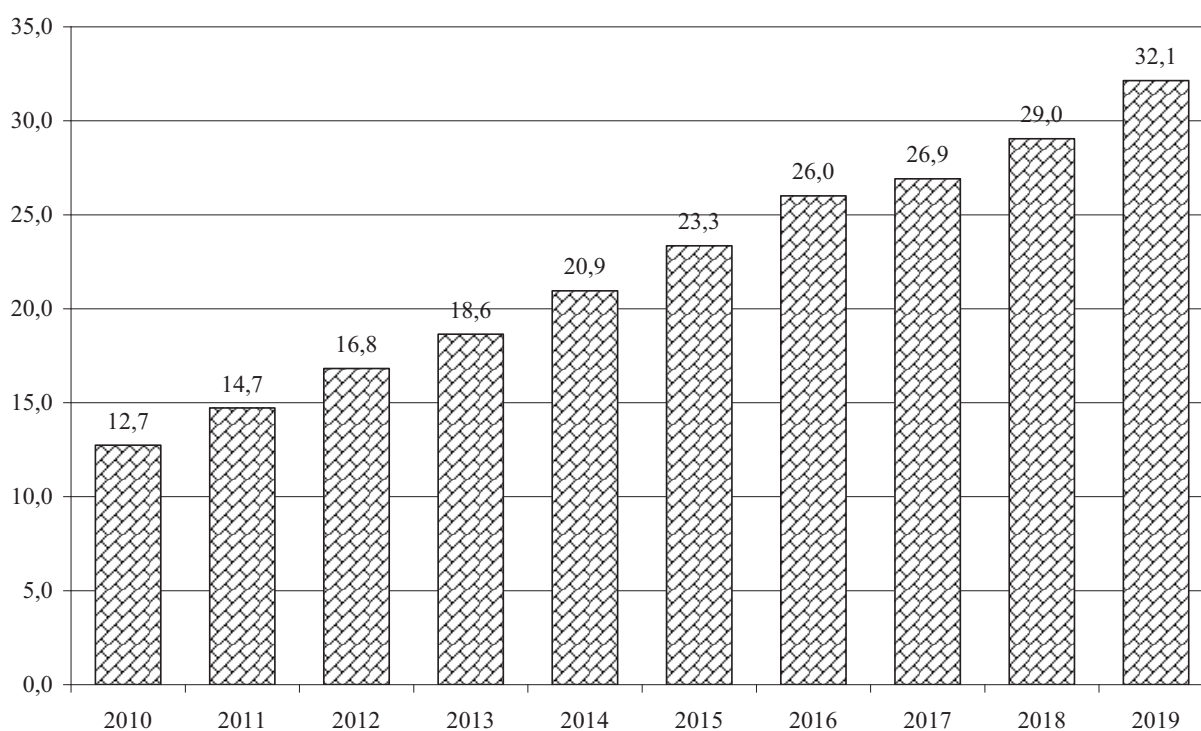

Рисунок 51 – Зарботная плата работников сельскохозяйственных организаций муниципальных районов Краснодарского края, тыс. руб.

Рост зарплат работников сельскохозяйственных организаций является прямым следствием роста производительности их труда, но в условиях сокращения рабочих мест в аграрном секторе объективно обостряются проблемы обеспечения занятости сельского населения и

формирования их доходов на уровне, обеспечивающем хотя бы простое воспроизводство человеческого капитала.

Кроме того довольно остро стоит проблема формирования местных бюджетов, без решения которой невозможно обеспечить рост качества жизни сельского населения и устойчивость развития сельских территорий, формирующих пространственный базис всей системы аграрного производства агропродовольственных систем регионального уровня.

Для снижения уровня дисбалансов территориального развития агропродовольственных систем рекомендуется:

- разработка мер государственной поддержки инвестиционных проектов агропродовольственной направленности, реализуемых на территориях с низким уровнем использования аграрного потенциала;

- разработка программ развития сельской экономики, направленной на повышение занятости сельского населения и уровня их доходов;

- развитие системы потребительских кооперативов, обеспечивающих формирование условий, необходимых для развития сектора малого агробизнеса;

- стимулирование создания малых предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции и производству продовольственных товаров с особыми потребительскими качествами.

Углубление специализации хозяйствующих субъектов является одним из наиболее действующих инструментов концентрации ресурсов на развитии тех отраслей, которые в конкретных природно-климатических условиях позволяют обеспечить максимальный уровень эффективности производства.

Если в условиях плановой экономики формирование отраслевой структуры агропродовольственных систем происходило исходя из задач их комплексного развития на основе системного подхода к обоснованию оптимального соотношения отраслей с учетом задач соци-

ально-экономического развития территориальных образований и хозяйствующих субъектов, то с началом радикальных реформ и резкого снижения роли государства как естественного регулятора основным фактором, определяющим развитие тех или иных отраслей сельскохозяйственного производства, стала рыночная конъюнктура, а с приходом в аграрную сферу крупного капитала, реализующего свои интересы через создание интегрированных агропромышленных структур холдингового типа, использующих жесткие формы воздействия на интегрированных в них сельскохозяйственных производителей, трансформация отраслевой структуры агропродовольственных систем начала проводиться не только экономическими, но административными методами. При этом экономические интересы крупных интегрированных агропромышленных формирований стали в определенной мере противоречить интересам региона и сельских сообществ.

За период с 1990 по 2019 гг. поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий Краснодарского края снизилось в 3,3, коров в 2,8, свиней в 4,7, овец и коз в 3,9 раза [85]. Сокращение поголовья сельскохозяйственных животных естественным образом повлияло на сокращение посевов кормовых культур и трансформацию всей структуры посевных площадей, что привело не только к нарушению принципов рационального использования продуктивных земель, но и к снижению экологической устойчивости сельских территорий.

Крайне медленно развиваются отрасли имеющие высокий потенциал развития и позволяющие создавать дополнительные рабочие места в сельской местности, но характеризующиеся высоким уровнем инвестиционных и операционных затрат, например тепличное производство.

Рынок овощей защищенного грунта является одним из самых перспективных с позиций реализации программы импортозамещения. По оценкам специалистов Плодоовощного союза [182] для реализации программы импортозамещения по овощам защищенного грунта в

РФ необходимо иметь теплиц общей площадью 3,5 тыс. га при соотношении современных и морально устаревших 7:3, тогда как в 2019 г. этот показатель находился на уровне 2,65 тыс. га при соотношении 1:1. При этом отмечается падение инвестиционной привлекательности отрасли, обусловленное сокращением государственной поддержки развития тепличного производства и устойчивым ростом тарифов на энергоносители.

Крайне проблематичным без государственного вмешательства представляется развитие органического сельского хозяйства, основные ограничители которого обусловлены не только отсутствием значимых объемов государственной поддержки производства экологически чистой сельскохозяйственной продукции, но отсутствием единых регламентов и стандартов в этой сфере аграрной деятельности.

Изменение структуры продукции сельского хозяйства привело к существенным трансформациям сырьевых зон перерабатывающих предприятий, а снижение уровня загруженности их производственных мощностей и рост логистических издержек в условиях нестабильных интеграционных связей обусловил снижение конкурентоспособности производимой продукции и закрытие целого ряда относительно мелких предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности, что, в свою очередь, привело к сокращению рабочих мест в сельской местности, падению доходов сельского населения, ограничению возможностей реализации его экономических интересов.

Для обеспечения сбалансированности отраслевого развития агропродовольственной системы Краснодарского края предлагается:

- обосновать оптимальную отраслевую структуру сельскохозяйственного производства края, обеспечивающую сочетание интересов агробизнеса и региона как социально-экономической системы;
- разработать перспективный план развития социально значимых отраслей аграрного производства и их размещения с учетом возможностей устранения дисбалансов территориального развития;

– актуализировать научные основы рационального ведения сельскохозяйственного производства с учетом прогнозируемых трансформаций отраслевой структуры сельского хозяйства.

Повышение уровня интенсификации сельскохозяйственного производства объективно повлияло на рост уровня антропогенной нагрузки на агроэкосистемы и снижение экологической устойчивости агроландшафтов.

Наблюдающийся в последние время рост объемов использования минеральных удобрений и химических средств защиты растений, расширение мелиорируемых площадей влияет на изменение флоры и фауны экосистем. Сокращение площадей многолетних трав и использование отвальной обработки почв усиливает процессы ветровой и водной эрозии почв, отрицательно влияя на их физическую структуру и продуктивные свойства.

Активное развитие орошаемого земледелия (за 2020-2024 гг. в Краснодарском крае планируется расширить площадь орошаемых земель на 15 тыс. га и довести ее до уровня более 400 тыс. га) требует разработки и реализации мероприятий по борьбе с засолением почв, недопущения роста уровня нитратов в продукции в следствии применения повышенных доз внесения минеральных удобрений под сельскохозяйственные культуры, возделываемые на поливе, поддержания водного баланса локализованных экосистем, что требует жесткого экологического контроля со стороны государства.

Наращивание поголовья свиней и птицы сопровождается ростом отходов, в первую очередь, продуктов их жизнедеятельности. Особо остро эта проблема стоит на крупных комплексах и птицефабриках с высоким уровнем концентрации поголовья в условиях высокой плотности сельского населения региона, требующих дополнительного использования ветеринарных препаратов, часть из которых попадает как в товарную продукцию, снижая их потребительские свойства, так и в навоз и помет.

Специалисты-экологи отмечают, что эти отходы животноводства в соответствии с Критериями отнесения отходов к I-V классам опасности по степени негативного воздействия на окружающую среду [134] являются отходами третьего класс опасности, а в перепревшем виде – к четвертому, а их вывоз в поле в непереработанном виде не позволяет устранить их негативное воздействие на экосистему, поскольку вместе с ними в почву вносятся не только значительное количество разного рода болезнетворных микроорганизмов, но и достаточно много вредных химических соединений. Пилотные проекты создания биогазовых установок и производства органических удобрений из отходов жизнедеятельности животных и птицы показали их коммерческую неэффективность, но без развития этих технологий решение проблем региональной агроэкосистемы представляется невозможным.

В рамках обеспечения сбалансированного экологического развития агропродовольственной системы Краснодарского края представляется необходимым:

- разработать региональную программу биологизации земледелия, ориентированную на повышение экологической устойчивости агроландшафтов и формирование условий производства экологически чистой продукции;

- разработать региональную программу повышения экологической устойчивости мелиорируемых земель;

- разработать региональную программу утилизации отходов отрасли животноводства;

- разработать региональную программу повышения экологической безопасности пищевых и перерабатывающих производств.

Основные дисбалансы, характерные для агропродовольственного комплекса Краснодарского края, и мероприятий по их устранению приведены на рисунке 52.

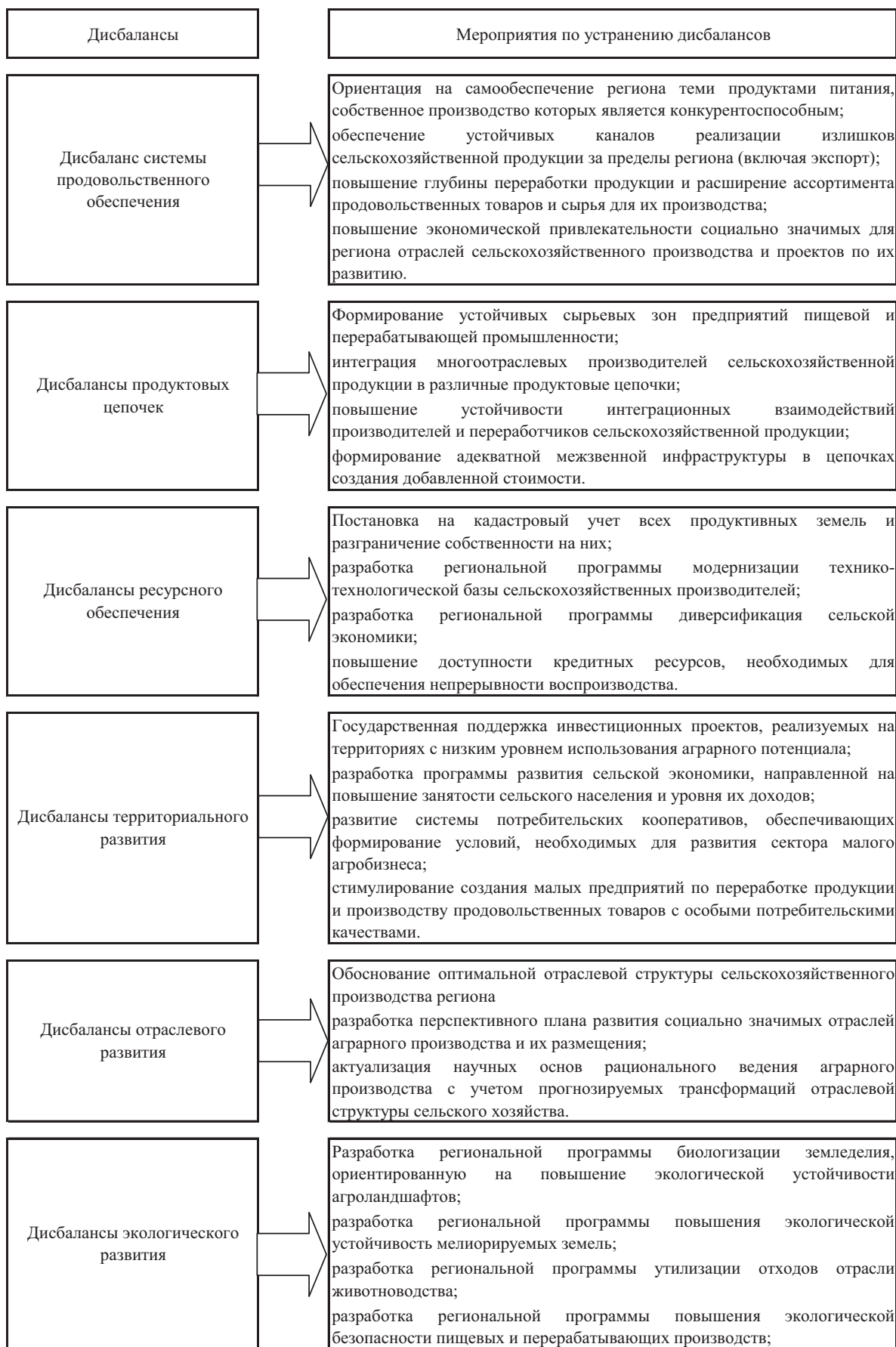

Рисунок 52 – Дисбалансы развития агропродовольственного комплекса Краснодарского края и мероприятия по их устранению

Совокупность данных мероприятий отражает круг стратегических и тактических задач, решение которых должно быть предусмотрено в программах развития регионального агропродовольственного комплекса с учетом обеспечения баланса интересов формирующих его субъектов.

Реализация этих мероприятий требует формирования механизма управления сбалансированным развитием агропродовольственных систем различного уровня и организации системы его информационного обеспечения, позволяющей создать информационный базис, необходимый управляющей подсистеме для эффективного воздействия на управляемую подсистему в целом и ее отдельные элементы.

5.2. Информационное обеспечение управления сбалансированным развитием регионального агропродовольственного комплекса

Эффективность управления в значительной степени определяется качеством системы информационного обеспечения. В широком смысле под информационным обеспечением понимается совокупность средств и методов оптимизации информационных потоков, формирования информационного фонда, содержащего информацию, требующуюся для эффективного решения задач стратегического, тактического и оперативного управления экономическими системами и их взаимодействиями. Система информационного обеспечения управления может рассматриваться как один из основных результатов информатизации экономических субъектов различных уровней. Следует отметить наличие множества подходов к раскрытию сущности информатизации как экономической категории. В контексте данного исследования предлагается применять подход [125], в рамках которого информатизация трактуется как «организационный процесс формирования оптимальных условий, обеспечивающих удовлетворение информационных потребностей различных пользователей на основе развития информационных технологий, непрерывного формирования информационных ресурсов и обеспечения регламентированного доступа к ним».

Ряд авторов делает акцент на использовании термина «информационное пространство». Так, по мнению В.П. Черданцева и П.Е. Кобелева [345], именно главными компонентами информационного пространства являются: информационные ресурсы (данные зафиксированные на различных носителях), средства и методы реализации информационных процедур (поиск, сбор, хранение, обработка, распространение и передача данных), инфраструктура информационных взаимодействий (каналы связи, формы и методы их использования), методы организации доступа к информационным ресурсам (регламентация доступа, обеспечение информационной безопасности), нормативное и правовое обеспечение процессов информационных взаимодействий. В рамках других подходов единое информационное пространство представляется виртуальной информационной площадкой, в границах которой происходит стандартизация и оптимизация потоков информации и обеспечение ее доступности [184], отождествляется с киберпространством [47], трактуется как общность взаимодействующих на информационном уровне экономических субъектов, а также обеспечивающих их технологий [15], определяется в виде совокупности таких элементов, как информационные ресурсы и структуры, обеспечивающие процессы их формирования и использования [317] и др. Исходя из предметной области данного исследования нам представляется целесообразным использование термина «единое информационное пространство», определяемого как «целенаправленно формируемая совокупность информационных ресурсов, средств и каналов доступа к ним в рамках обеспечения эффективного взаимодействия интегрирующихся субъектов ... и удовлетворения их информационных потребностей» [91].

При этом необходимо отметить, что понятие «информационное пространство» гораздо шире понятия «система информационного обеспечения». Если информационное пространство представляется, в первую очередь, как множество информационно взаимодействующих субъектов, то система информационного обеспечения – как информационный базис управления этими субъектами и их взаимодействиями.

С точки зрения информационного обеспечения управление сбалансированным развитием агропродовольственных систем может рассматриваться как управление горизонтальными и вертикальными взаимодействиями формирующих их элементов. В этой связи особую актуальность приобретают задачи идентификации ключевых информационных потоков, обеспечения релевантности циркулирующей в них информации, устойчивости системы прямых и обратных связей, минимизации затрат на формирование информационного фонда, поиск и обработку необходимой информации, совершенствования инструментов и методов решения управленческих задач и др.

Сложность, многоуровневость и многофункциональность агропродовольственных систем требуют выделения основных субъектов управления их сбалансированным развитием. К их числу предлагается относить: государство, региональные и муниципальные органы власти, интегрированные агропромышленные формирования (национального, межрегионального и регионального уровней), юридически обособленные хозяйствующие субъекты аграрного сектора, пищевой и перерабатывающей промышленности, субъекты, реализующие функции инфраструктурного обеспечения, объединения субъектов на принципах их кооперации, отраслевые союзы. Каждый из субъектов, реализуя определенные функции управления, формирует единую систему управления сбалансированным развитием агропродовольственного комплекса страны, позволяющую не только обеспечить ее продовольственную безопасность, но и создать условия поддержания баланса интересов всех субъектов, взаимодействующих в рамках агропродовольственных систем различного уровня. Очевидно, что эффективность управления вертикальными и горизонтальными взаимодействиями субъектов, формирующих агропродовольственный комплекс, может быть обеспечена при их интеграции в единое информационное пространство, обеспечивающего общий информационный базис управления его развитием, и создании взаимосвязанных механизмов поддержания оптимальных пропорций развития на всех звеньях цепочек создания добавленной стоимости.

Исходя из этого можно предположить, что система информационного обеспечения управления сбалансированным развитием агро-

продовольственных систем будет ориентироваться на реализацию как системных (общих), так и специфических (частных) функций, определяемых местом отдельных субъектов управления в цепочках создания добавленной стоимости и особенностями их организационно-экономических механизмов.

К общим функциям систем информационного обеспечения управления сбалансированным развитием агропродовольственных систем предлагается относить:

- формирование единого информационного фонда, содержащего детализированную информацию о состоянии и развитии всех субъектов, формирующих агропродовольственные системы различного уровня;

- формирование единой системы непрерывного мониторинга процессов развития агропродовольственных систем и оперативной актуализации единого информационного фонда;

- сбор информации, отражающей текущее и прогнозируемое состояние внешней среды функционирования субъектов агропродовольственного комплекса, и предоставление регламентированного доступа к ней;

- актуализацию инструментального обеспечения процессов решения управленческих задач, связанных с оптимизацией пропорций развития агропродовольственных систем и повышением эффективности межсубъектных взаимодействий;

- установление единых стандартов обмена информацией и внедрение общей системы электронного документооборота в рамках информационных пространств различного уровня локализации и др.

Частные функции систем информационного обеспечения управления сбалансированным развитием отдельных субъектов управления определяются через совокупность целей их развития.

Например, для субъектов государственного и муниципального управления функции информационного обеспечения будут определяться исходя из приоритетности задач поддержания необходимого уровня продовольственной безопасности и сбалансированного пространственного развития территорий различного уровня локализаций. Для субъектов, контролирующих цепочки создания добавленной стоимости, приоритетными являются задачи поддержания оптимальных

межзвенных пропорций и выбора рациональных схем межсубъектных и межзвенных взаимодействий, обеспечивающих минимизацию транзакционных издержек и балансирование интересов интегрирующихся субъектов. Для субъектов, реализующих функции производства или переработки сельскохозяйственной продукции, к числу первоочередных задач управления сбалансированным развитием относятся задачи оптимизации отраслевой структуры и ресурсных пропорций, решение которых позволит максимально эффективно использовать их потенциал развития и интегрироваться в те продуктовые цепочки, где с минимальными издержками будет реализован их экономических интерес. Для субъектов системы инфраструктурного обеспечения решение проблемы сбалансированного развития может быть решена через повышение уровня загруженности их производственных мощностей и формирование устойчивых взаимосвязей с остальными субъектами агропродовольственного комплекса, а также снижение стоимости услуг за счет использования инноваций и рационализации системы взаимодействий с контрагентами. Для субъектов, объединившихся на принципах кооперации, задача устойчивого и эффективного развития будет решаться на основе создания условий достижения баланса экономических интересов отдельных субъектов через концентрацию ресурсов и усилий, необходимую для получения дополнительного экономического эффекта, распределяемого пропорционально индивидуальному вкладу каждого кооператора. Определенное влияние на сбалансированное развитие агропродовольственных систем оказывают отраслевые союзы, которые за счет консолидации усилий и создания отраслевого лобби могут довольно значительно воздействовать на всех субъектов агропродовольственных систем, в том числе на государство, отстаивая интересы ограниченного круга производителей отдельных видов сельскохозяйственной продукции и ее переработчиков.

Именно целевая направленность приоритетных задач управления, характерная для различных типов субъектов, формирующих агропродовольственный комплекс, обуславливает особенности частных функций системы информационного обеспечения управления их сбалансированным развитием.

К числу ключевых характеристик системы информационного обеспечения управления предлагается относить и принципы их организации. Так, например В.Ф. Курносова [145], считая, что основной формой организации системы информационного обеспечения являются автоматизированные информационные системы, предлагает выделять три группы принципов: общие принципы, принципы формирования информационной системы, принципы оценки качества системы информационного обеспечения (рисунок 53).

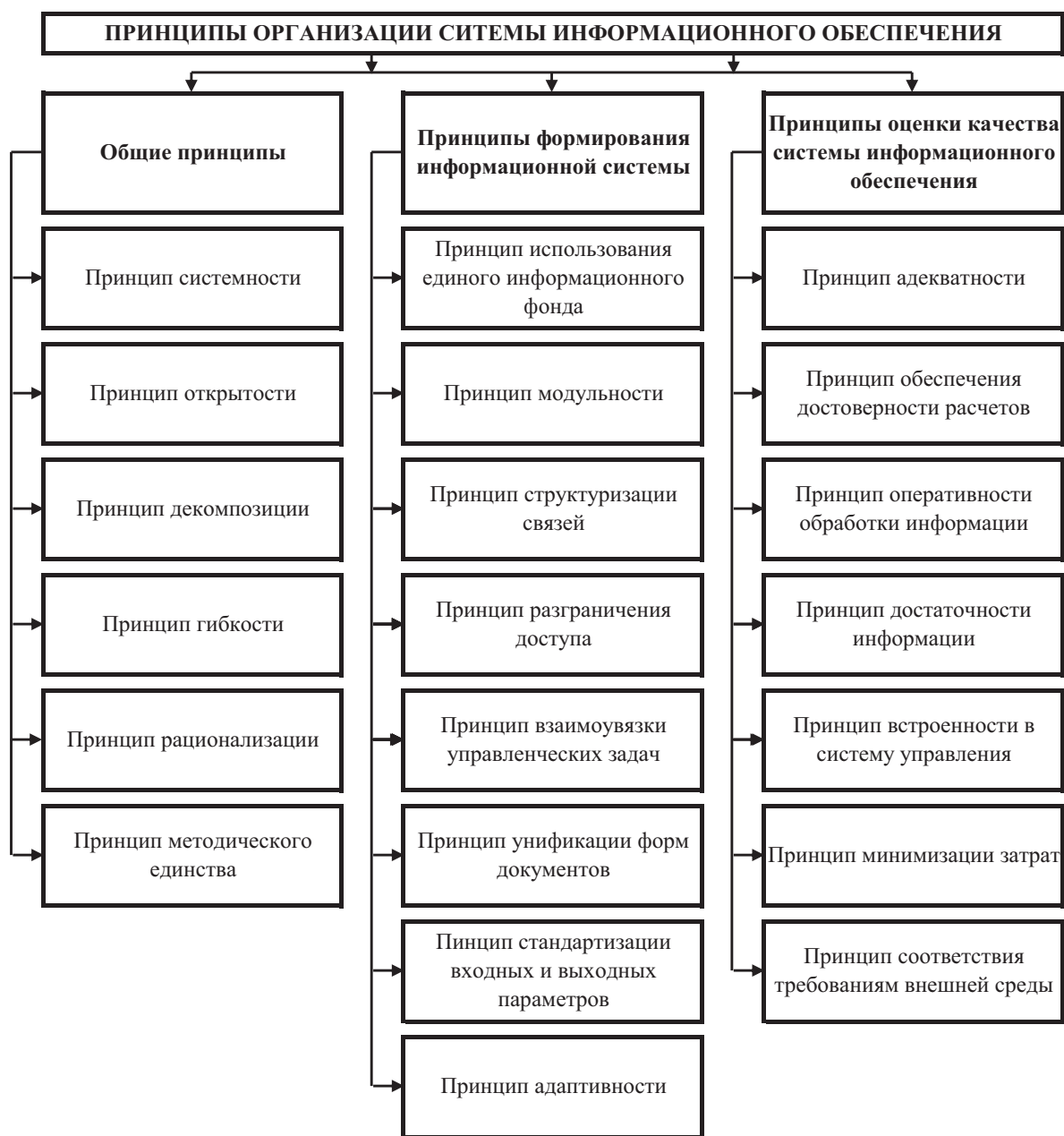

Рисунок 53 – Принципы формирования системы информационного обеспечения управления [145]

В рамках предлагаемого нами подхода к пониманию сущности системы информационного обеспечения в качестве базовых принципов формирования системы информационного обеспечения управления сбалансированным развитием агропродовольственных систем предлагается выделять:

- принцип системности (реализуется через моделирование информационных взаимосвязей между субъектами агропродовольственных систем);

- принцип иерархичности (отражает систему вертикальных и горизонтальных межсубъектных и межзвенных взаимодействий);

- принцип регламентированного доступа (обеспечивает доступ субъектов к системе в соответствии с делегированными правами);

- принцип методологического единства (предполагает использование единых методов организации информационных процессов и решения управленческих задач);

- принцип актуальности (обеспечивает постоянную актуализацию информационных ресурсов и адаптацию их структуры к потребностям пользователей);

- принцип оптимальности (обеспечивает минимизацию затрат на формирование информационных ресурсов, необходимых пользователям всех уровней).

Совокупность субъектов управления, общесистемных функций, частных задач отдельных субъектов управления и принципов формирования представляет собой набор обобщенных сущностных характеристик системы информационного обеспечения управления сбалансированным развитием агропродовольственных систем, представленный на рисунке 54.

В случае необходимости эти характеристики могут быть детализированы в разрезе каждого структурного элемента, в первую очередь в разрезе отдельных субъектов управления, путем уточнения целей и задач развития, специфики системы управления, организационной структуры, качества информационной инфраструктуры и др.

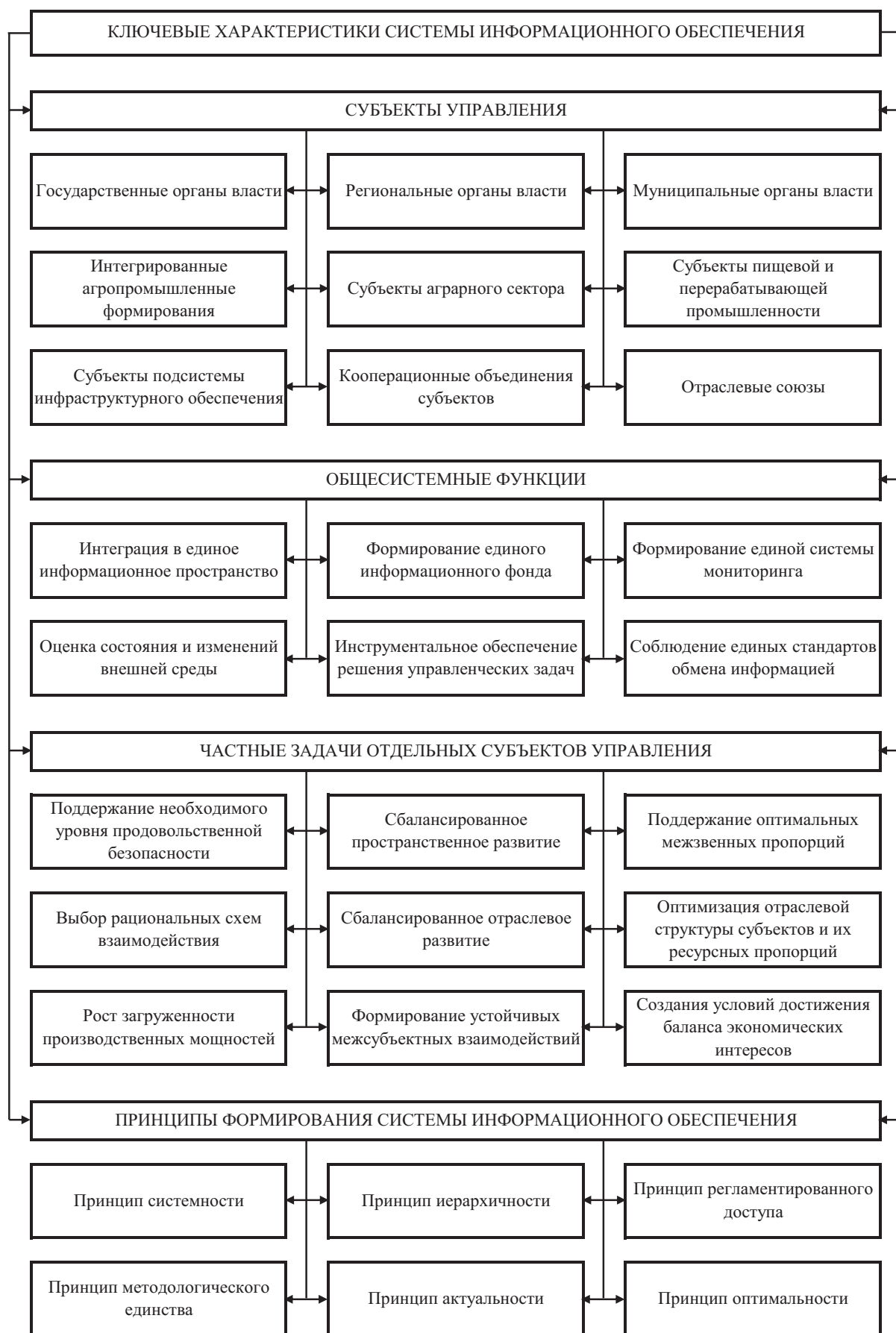

Рисунок 54 – Сущностные характеристики системы информационного обеспечения управления сбалансированным развитием агропродовольственных систем

Качественно новые возможности системы информационного обеспечения управления сбалансированным развитием агропродовольственных систем появляются с развитием цифровых технологий и формированием условий массовой инициации процессов цифровой трансформации экономических субъектов. При этом необходимо отметить, что переход к модели цифрового развития предполагает масштабную цифровую трансформацию как производственных систем экономических субъектов и подсистем управления ими, так и систем межсубъектных взаимодействий.

Термин «цифровая трансформация» вошел в научный оборот несколько лет назад наряду с термином «цифровая экономика» и в широком смысле означал специфический процесс трансформации экономических систем и их отдельных элементов на основе использования цифровых технологий. Дополнительный импульс изучению особенностей цифровой трансформации экономических систем получило с принятием Программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [229], позже преобразованной в Национальную программу с одноименным названием [212]. Данная Национальная программа предусматривала реализацию шести проектов федерального уровня (рисунок 2), которые ориентированы на формирование институциональных условий, необходимых для инициации процессов цифровой трансформации, и развитие информационной инфраструктуры, необходимой для формирования единого информационного пространства.

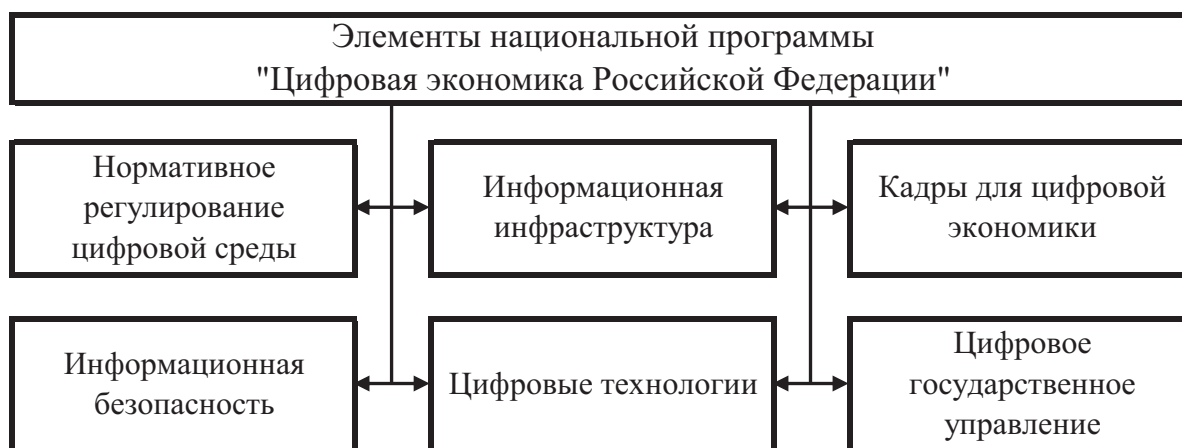

Рисунок 55 –Проекты федерального уровня, предусмотренные НП «Цифровая экономика Российской Федерации»

Сельское хозяйство и агропродовольственный комплекс не вошли в число приоритетных направлений Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», но Министерство сельского хозяйства РФ разработало собственный ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство» [46], предусматривающий реализацию мероприятий, связанных с разработкой национальной цифровой платформы, ориентированной на реализацию функций государственного управления агропродовольственным комплексом и интеграцию в единое информационное пространство производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции, на рационализацию системы межсубъектных и межзвенных взаимодействий в рамках агропродовольственных систем и цепочек создания добавленной стоимости; формированием подсистемы кадрового обеспечения субъектов агропродовольственного комплекса, направленной на подготовку и переподготовку работников всех уровней, обладающих компетенциями, необходимыми для эффективного использования цифровых технологий в профессиональной деятельности.

Следует отметить, что до сих пор отсутствует согласованная концепция единой цифровой платформы, на базе которой могут быть интегрированы инструменты решения стандартных задач государственного и хозяйственного управления развитием агропродовольственных систем различного уровня. Это привело к тому, что в настоящее время доминирующей оказывается модель фрагментарной цифровизации деятельности сельскохозяйственных производителей, сущность которой состоит во внедрении уникальных, часто не связанных между собой, цифровых решений в разные сферы деятельности хозяйствующих субъектов аграрного сектора, что приводит к росту затрат на приобретение и обслуживание новых программно-аппаратных комплексов и порождает определенные противоречия при разработке стратегии комплексной цифровизации в силу отсутствия единых стандартов реализации информационных процессов, общих принципов формирования цифровых экосистем и организации механизмов межсубъектных взаимодействий, универсальных платформенных ре-

шений, учитывающих специфику агропродовольственного комплекса и формирующих его субъектов.

Под цифровой экосистемой принято понимать совокупность субъектов, взаимодействующих на основе использования взаимосвязанных цифровых платформ, прикладных онлайн-сервисов и специализированных информационных систем. Вместе с тем существуют и альтернативные подходы к раскрытию сущности цифровых экосистем. Так, например, цифровая экосистема может рассматриваться как особая система комплементарных благ, доступных конечному потребителю на основе использования цифровых технологий [335], или как информационная система, обладающая свойствами самоорганизации, масштабирования и устойчивости и организованная на принципах цифрового взаимодействия формирующих ее элементов [251], или как совокупность цифровых объектов, информационной инфраструктуры, субъектов цифровых взаимодействий и информационной среды, определяющей формы и механизмы этих взаимодействий [378], или как среда, обеспечивающая распространение различных сервисов, цифровых продуктов, IT-решений в локализованной среде информационных взаимодействий [8].

Н. Розанова [251] считает, что цифровые экосистемы, как формы взаимодействия экономических агентов, появились в результате эволюции сетевой модели бизнеса, предполагающей наличие некой платформы, позволяющей обеспечить распределение экономических благ и других ценностей. Но на определенном этапе их развития и расширения функционала возникли ограничения как технологического, так и экономического характера, связанные с необходимостью вовлечения в бизнес большого числа новых субъектов, взаимодействующих (в т.ч. и конкурирующих) с субъектами, инициировавшими создание исходных платформ и первоначальных сервисов. Вовлечение широкого круга субъектов в цепочки создания, распределения и потребления ценностей на основе цифровых технологий взаимодействий дало импульс трансформации сетевого бизнеса в цифровые экосистемы. При этом необходимо отметить, что переход от традици-

онных форм взаимодействия к платформенным в значительной степени ограничивает вариативность поведения взаимодействующих субъектов в силу жесткой формализации и алгоритмизированности процессов взаимодействий в цифровой среде.

В современной экономической литературе довольно часто используются и такие термины как «цифровые платформенные экосистемы», «цифровые предпринимательские экосистемы», «цифровые экосистемы отрасли», «экосистема цифровых взаимодействий», «экосистемы цифровых технологий», но в основе всех этих терминов лежит, как правило, принцип платформенной организации взаимодействия субъектов цифровой экономики, набор которых определяется спецификой конкретной предметной области.

Очевидно, что многообразие цифровых экосистем объективно порождает необходимость разработки множества цифровых платформ, позволяющих учесть целевую ориентацию экосистем и специфику внутрисистемных взаимодействий. Наиболее часто в качестве основного классификационного признака цифровых платформ используется их функционал. В рамках данного подхода наиболее часто выделяют платформы нескольких типов: технологического (обеспечивают доступ субъектов к информационным ресурсам и ИТ-технологиям), функционального (обеспечивают доступ субъектов к инструментам решения функциональных задач), инфраструктурного (обеспечивают доступ субъектов к информационной инфраструктуре), корпоративного (обеспечивают взаимодействие субъектов в границах структур корпоративного типа), отраслевого (обеспечивают взаимодействие субъектов в рамках отдельных отраслей), интеграционного (обеспечивают взаимодействие субъектов в рамках интеграционных взаимодействий), коммуникативного (обеспечивают взаимодействие субъектов на рыночном пространстве) и др.

Именно цифровые платформы и совокупность их пользователей формируют структуру цифровой экосистемы и ее архитектуру (рисунок 56).

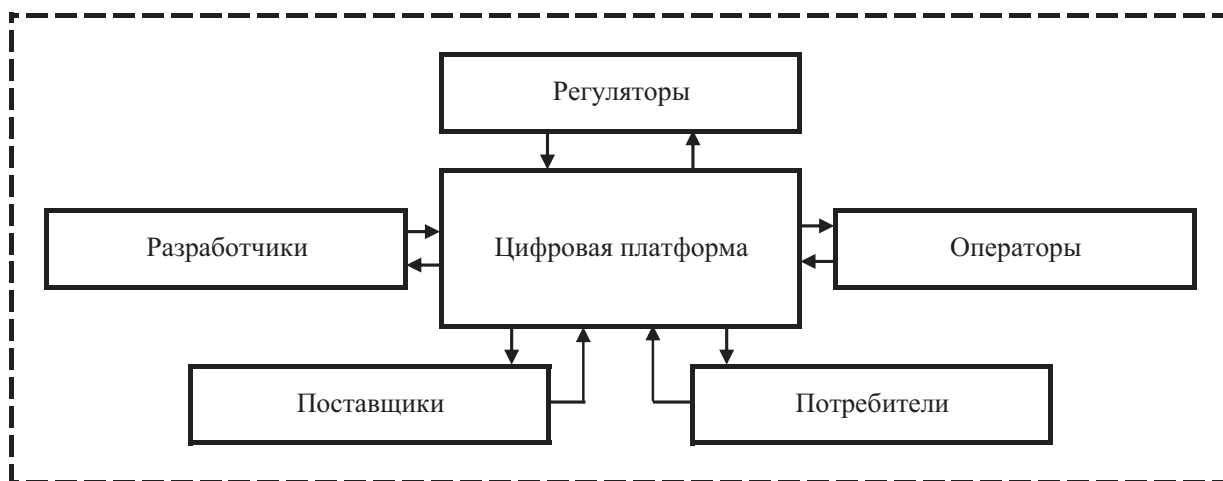

Рисунок 56 – Структура цифровой экосистемы

Совокупность пользователей цифровых платформ можно разделить на несколько групп по типу реализуемых функций: разработчики, операторы, регуляторы, поставщики, потребители.

Группа разработчиков обеспечивает создание сервисов и модулей, определяющих функционал платформы, группа операторов – управляет процессами функционирования платформы и обеспечивает доступ к ней, группа регуляторов – регулирует процессы взаимодействий всех типов пользователей и обеспечивает соблюдение норм и правил пользования платформой, группа поставщиков – осуществляет экономические блага и иные ценности, потребляемые пользователями платформы, группа потребителей – удовлетворяет те или иные потребности через потребление благ, доступных через цифровую платформу. В зависимости от масштаба цифровой платформы и совокупности реализуемых функций может происходить объединение различных групп пользователей. Например, одни и те же субъекты могут реализовывать функции и разработчиков, и операторов платформ, или и операторов, и регуляторов. А государство как пользователь цифровой платформы может выступать в лице регулятора, поставщика и потребителя.

Следует отметить, что управление цифровыми платформами как специфической формой распределенных информационных систем может быть как централизованным (предполагает четкую иерархическую структуру и наличие единого органа управления), так и децентрализованным (обеспечивает равноправие всех участников, консен-

сусное принятие решений, базируется на использовании одноранговой сети технологий блокчейна).

Идея концепции формирования единого информационного пространства в масштабах страны через создание общей цифровой экосистемы, предполагающей использование единой универсальной цифровой платформы, на практике реализуема крайне сложно в силу необходимости развития специализированных профессиональных платформ, учитывающих специфику каждой предметной области и позволяющих решать уникальные для этих областей задачи. Более перспективным направлением формирования крупных цифровых экосистем можно считать переход к модели организации вертикальных и горизонтальных информационных взаимодействий множества специализированных цифровых платформ, использующих единые стандарты работы с информационными ресурсами.

Исходя из этого цифровые экосистемы агропродовольственных систем как многоуровневых и многоотраслевых формирований с большим количеством вертикальных и горизонтальных связей будут представлять собой форму организации межсубъектных и межуровневых взаимодействий субъектов, интегрированных в цепочки создания добавленной стоимости, на основе развития специализированных цифровых платформ и средств обеспечения межплатформенных взаимодействий. Такая архитектура цифровых экосистем позволяет обеспечить принципы их открытости, системности, динамичности, адаптивности и рациональности, определяющие возможности устойчивого развития данной формы взаимодействия субъектов и реализации индивидуальных интересов каждого из них через реализацию системных интересов.

В настоящее время полноценные цифровые экосистемы разрабатываются для отраслей и сфер с высоким уровнем информатизации и возможностью формализации процессов, необходимой для их цифровизации. В качестве примера таких цифровых экосистем можно привести Google, Amazon, Alibaba, QIWI, Uber, Яндекс и др. Определенных успехов в развитии собственной цифровой экосистемы достиг Сбербанк, постоянно расширяющий ее функционал и предлагающий участникам все более широкий набор сервисов.

При этом успехи в разработке цифровых платформ, обеспечивающих цифровое взаимодействие субъектов на уровне отдельных отраслей, корпораций и цепочек создания добавленной стоимости, пока не столь очевидны. В данном сегменте цифровизации экономических систем продолжают преобладать IT-решения частных производственных, технологических и управленческих задач, предлагаемые разработчиками исходя из собственного видения и понимания проблем, слабо интегрируемые между собой и использующие разные стандарты информационных взаимодействий. При этом каждый из разработчиков стремится презентовать свои разработки как базис будущей универсальной цифровой платформы, которая может стать типовой для определенной категории хозяйствующих субъектов.

В качестве примеров выводимых на рынок IT-решений для производителей сельскохозяйственной продукции, ориентированных на формирование цифровых экосистем агропродовольственных систем, можно привести платформу «Свое Фермерство», продвигаемую Россельхозбанком [264]. В настоящее время данная платформа реализует функции поиска товаров, необходимых для ведения аграрного производства (основных и оборотных средств), поиска работы, обеспечения сервисного обслуживания сельскохозяйственных производителей (предлагается набор агро-и бизнес-сервисов: от услуг по подбору семян до ведения онлайн-бухгалтерии), дистанционного банковского обслуживания. Концепция данной платформы предполагает объединение в рамках одной цифровой экосистемы сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей, научных и образовательных учреждений, торговых организаций и других субъектов. Но, к сожалению, функционал данной платформы представляется крайне ограниченным и она не может быть использована для эффективного управления сбалансированным развитием агропродовольственных систем.

Свою версию «Цифровой экосистемы АПК» презентовала компания «Ростелеком». Данная экосистема представляет собой мульти-сервисный комплекс, содержащий базу единой нормативно-справочной информации и обеспечивающий системную интеграцию данных. Собственный проект цифровой экосистемы АПК предлагает

компания ЛАНИТ-Интеграция. Данная экосистема предполагает интеграцию шести специализированных платформ, реализующих функции сбора данных о функционировании субъектов агропродовольственного комплекса, о процессах цифрового землепользования и землеустройства, результатах агрометеопрогнозирования, информационного обеспечения деятельности участников экосистемы, формирования информационных ресурсов и обеспечения доступа к ним, обеспечение информационной поддержки и предоставления услуг, отслеживания процессов движения сельскохозяйственной продукции и продуктов ее переработки и доведения до конечного потребителя.

На статус цифровых экосистем АПК претендуют и узкофункциональные платформенные решения. Например, платформа Agrisale.ru, реализующая функции цифрового агрегатора и специализированного маркетплейса для продавцов и покупателей сельскохозяйственной продукции.

Особенности агропродовольственных систем как объекта управления сбалансированным развитием объективно обуславливают необходимость уделять особое внимание формированию многоуровневых цифровых экосистем, обеспечивающим возможность интеграции в них всех субъектов, представляющих различные звенья цепочек создания добавленной стоимости, на основе цифровизации межсубъектных и межзвенных взаимодействий и повышения качества координации деятельности хозяйствующих субъектов, связанных между собой интеграционными отношениями. С этих позиций именно цифровые экосистемы могут стать ключевым фактором, определяющим вектор развития системы межсубъектных и межзвенных взаимоотношений в рамках агропродовольственных систем различного уровня, стратегию цифровизации деятельности производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции, а также объектов их инфраструктурного обеспечения, функционал специализированных цифровых платформ, обеспечивающих возможность решения типовых задач развития различных типов хозяйствующих субъектов, и стандарты их интеграции в единое информационное пространство экосистемы.

5.3. Обоснование прогнозных параметров сбалансированного развития агропродовольственного комплекса Краснодарского края

Управление сбалансированным развитием агропродовольственного комплекса может быть представлено как регулирование пропорций между его элементами. В качестве объектов управления в этом случае рассматриваются: хозяйствующие субъекты аграрного сектора, формирующие его структуру и структуру сельскохозяйственной продукции, предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности, объекты инфраструктуры, обеспечивающие эффективность межсубъектных взаимодействий и доведение создаваемых экономических благ до конечных потребителей.

В качестве одного из доступных инструментов управления сбалансированным развитием экономических систем традиционно используются межотраслевые балансовые модели, описывающиеся в виде системы линейных уравнений и таблиц межотраслевых балансов, отражающих процессы формирования ресурсов отдельных отраслей и их использования. Впервые описание проблемы межотраслевого баланса в виде математической модели было предложено В. Леонтьевым. Разработанный В. Леонтьевым метод получил название «затраты – выпуск» и, как отметила М.А. Ризванова [243], создал предпосылки наполнения теории общего равновесия практическим содержанием.

Традиционно модели данного типа принято представлять в виде трех блоков (квадрантов). В рамках первого блока описывается совокупность межотраслевых взаимозависимостей, проявляющихся в форме промежуточного потребления отдельных видов ресурсов (в столбцах таблицы отражается распределение производства отдельных видов продукции конкретными отраслями, в строках – объемы их производственного потребления). Второй блок отображает распределение конечной продукции отраслей по каналам использования, связанным с ее потреблением, накоплением и экспортом, при этом в качестве основных потребителей конечной продукции фигурируют совокупность домохозяйств и государство как институт общественного

потребления. В третьем блоке моделируется схема распределения добавленной стоимости, создаваемой в процессе производства конечной продукции. Основными элементами добавленной стоимости традиционно считаются: заработная плата, прибыль после уплаты налогов, сумма налоговых отчислений. В качестве составляющей добавленной стоимости рассматривается и сумма амортизационных отчислений, исключаемая из распределяемых доходов.

Изначально в структуре модели межотраслевого баланса выделялся и четвертый блок, предназначенный для описания совокупности перераспределительных отношений, реализующихся в рамках финансово-кредитной системы, но широкого практического применения данный квадрант не получил.

К числу основных задач, решаемых с помощью межотраслевой балансовой модели, по мнению Е.Г. Решетниковой [241], относятся: оценка процессов воспроизводства с учетом их материально-вещественного состава в разрезе отдельных отраслей; формализация описания процессов производства, обмена, распределения и потребления продукции; детальное описание системы счетов, учитывающих различные товары и услуги, порядок формирования доходов и распределения капитала в разрезе отдельных отраслей; установление влияния отдельных факторов производства на конечный результат развития экономических систем.

В общем виде модели межотраслевых балансов представляют собой способ количественного описания структуры экономических систем на основе исследования структуры затрат взаимосвязанных отраслей. Исходная информация, необходимая для построения моделей межотраслевых балансов формируется либо на основе детального изучения структуры затрат каждой из взаимосвязанных отраслей (как правило, отражающих основной вид деятельности), либо через корректировку технологических коэффициентов, отражающих взаимосвязь отраслей и полученных на основе изучения аналогичных систем другого уровня. Второй подход принято называть оценочным. Именно данный подход наиболее часто используется при разработке моде-

лей сбалансированного развития экономических систем регионально-го и межрегионального уровня, а информационная база данных моделей формируется на основе изучения межотраслевых связей на национальном уровне.

Современная наука предложила довольно эффективные методы и инструменты построения и реализации моделей межотраслевых балансов, но при этом существует целый ряд проблем, существенно ограничивающий практику их использования на уровне территориально-отраслевых комплексов и экономических систем регионального уровня. Например, Е.В. Горшенина [64] обращает внимание на принятие целого ряда упрощающих предположений в значительной мере противоречащих имеющейся практике экономических допущений. К их числу она относит предположения, связанные с неограниченностью области допустимых решений, с пропорциональностью производственных затрат и объёмов производимой продукции, наличием только одного способа производства конкретного вида конечной продукции, открытостью балансовой модели и др.

Объективность метода моделирования межотраслевых балансов обеспечивается высокой степенью детализации балансов и, соответственно, очень большим объемом статистической информации, отражающей межотраслевые взаимодействия, что порождает не только проблему сбора необходимого массива исходных данных и обеспечения их достоверности, но трудоемкостью обоснования матрицы коэффициентов, являющейся ядром балансовой модели. Кроме того относительно длительный срок разработки межотраслевых балансов (как правило пять лет) не позволяет учесть технологические изменения, происходящие в различных отраслях за время формирования таблиц «затраты – выпуск».

Кроме того, Е.А. Дурова, А.А. Салов, И.В. Федосеев [84] отмечают наличие проблемы линейности технологических коэффициентов, использующихся в балансовых моделях. Если до середины XX века в основе разработки модели межотраслевого баланса лежал принцип сохранения пропорций отраслевой структуры и технологи-

ческого уровня развития системы производства, то с ускорением темпов научно-технического прогресса и переходом на инновационную модель развития стало очевидно, что воспроизводственные процессы не однородны, поскольку разные темпы воспроизводства различных элементов экономических систем определяют различные темпы изменения макро- и микропропорций, что требует обоснования неких коэффициентов эластичности, обеспечивающих учет специфики отдельных воспроизводственных процессов и неоднородного воздействия внешних факторов на совокупность межотраслевых связей.

Довольно критически к практическому применению модели Леонтьева подходит и С.А. Карганов [104]. По его мнению, недостатки модели межотраслевого баланса связаны:

– во-первых, с искажением содержания экономических категорий и их оценок, используемых в качестве параметров модели (если промежуточную продукцию нельзя считать законченным продуктом отрасли, то теряется экономический смысл их суммирования при оценке итогов по строкам модели межотраслевого баланса; в том случае, если промежуточная продукция равнозначна по содержанию конечной продукции, то нет смысла ее суммирования при оценке условно чистой продукции, производимой в столбцах модели);

– во-вторых, с несоответствием значений экономических показателей, определяемых исходя из параметров модели, их прогнозируемым величинам (изменения размера производственных затрат и объемов производства неадекватны изменениям факторов их обусловивших);

– в-третьих, с невозможностью использования модели для оценки конечного объема производственных затрат и объемов производства (модель «затраты – выпуск» позволяет в полном объеме описать потребности лишь производителей продукции в контексте затрат, которые требуется возместить, и в контексте объемов продукции, произведенной для реализации в этих же отраслях, при этом объективной оценки потребности других отраслей – производителей в модели не предусмотрено);

– в-четвертых, с несоответствием объемов производства продукции, оцененных с помощью модели межотраслевого баланса, с потребностями в ней (плановые параметры, получаемые в результате реализации модели межотраслевого баланса не обеспечивают равенства объемов производства продукции с потребностью в ней, поскольку сбалансированность данных показателей может быть обеспечена только при сбалансированности объемов промежуточной продукции, передаваемой в рамках межотраслевых поставок).

Также С.А. Карганов настаивает на невозможности применения модели межотраслевого баланса для оценки перспектив внедрения инноваций в отдельные отрасли и прогнозирования их влияния на взаимосвязанные отрасли, а также аргументировано доказывает некорректности использования данной модели для прогнозирования условной чистой продукции. Особенное внимание С.А. Караганов уделяет никому качеству системы информационного обеспечения моделей межотраслевого баланса, обусловленному несоответствием показателей, отражающих общие объемы производства, используемой в статистике системе показателей, описывающих функционирование макроэкономической системы.

На проблемы обеспечения достоверности исходной информации, необходимой для построения модели межотраслевого баланса обращает и А.А. Анфиногентова [16]. В значительной мере, по ее мнению, это обусловлено организационной структурой российской макроэкономической системы, в которой доминируют крупные бизнес-структуры, генерирующие около 60% всей вновь созданной стоимости реального сектора экономики. Данные бизнес-структуры, имея активы в самых разных регионах страны, являются сложно организованными иерархическими структурами, объединяющими множество цепочек создания добавленной стоимости и характеризующиеся сложной системой прямых и обратных межсубъектных и межуровневых связей, которые оказывают непосредственное влияние на формирование структуры и объемов промежуточного потребления и конечного спроса на широкий спектр производимых продуктов. В этих

условиях межотраслевые связи приобретают статус внутрикорпоративных, что существенно искажает экономическое содержание процесса распределения промежуточной продукции и формирования матрицы коэффициентов межотраслевых взаимосвязей, поскольку обособленные подразделения крупных бизнес-структур не обязаны предоставлять государству информацию об объемах и структуре промежуточного потребления. Дополнительные сложности процессу обоснования коэффициентов межотраслевых взаимосвязей придает развитие системы аутсорсинга, размывающей функциональную ограниченность отдельных отраслей и требующей понимания необходимости уточнения допущений, лежащих в основе использования базовой модели «затраты – выпуск», в частности допущения о наличии только одного способа производства конкретного вида продукции.

Обобщая методологические и методические проблемы использования моделей межотраслевых балансов, Т.Р. Гареев и К.Ю. Волошенко [58] предлагают систематизировать их в разрезе трех основных групп. К первой группе они относят проблемы системно-методологического характера (совершенствование методологии разработки моделей развития территориально-отраслевых комплексов и экономических систем регионального уровня, разработка динамических балансовых моделей, учитывающих циклический характер экономического развития, повышение объективности отражения межотраслевых связей и степени детализации описываемых пропорций), ко второй – проблемы территориально-структурного характера (обоснование специфики моделей межотраслевого баланса, отражающей пространственные и структурные особенности территориально-отраслевых комплексов и региональных экономических систем), к третьей – связанные с формированием информационно-статистической базой моделирования (сложности сбора и обработки информации, обеспечения репрезентативности исходных данных, обеспечение необходимой степени детализации описания экономических процессов, внутри- и межсистемных связей и др.).

Определенную специфику построения и использования моделей межотраслевых балансов обуславливают структурные и сущностные особенности экономических систем, являющихся объектом моделирования.

Для агропродовольственных систем в качестве таких особенностей можно выделить:

– неоднородность структуры аграрного сектора, представленного крупными интегрированными агропромышленными формированиями, сельскохозяйственными организациями, крестьянскими (фермерскими) хозяйствами и хозяйствами населения, определяющая сложность определения коэффициентов матрицы межотраслевых взаимодействий для отдельных отраслей;

– наличие крупных интегрированных агропромышленных формирований межрегионального и национального уровней, контролирующих все звенья цепочек создания добавленной стоимости и использующих собственные схемы организации межотраслевых взаимодействий;

– высокую долю хозяйств населения в производстве отдельных видов сельскохозяйственной продукции в отсутствии объективных данных о производственных затратах, значительный удельный вес внутрихозяйственного потребления продукции собственного производства;

– несовпадение методик учета затрат на производство сельскохозяйственной продукции при разных системах налогообложения, особенности распределения добавленной стоимости при различных способах организации интеграционных взаимодействий в рамках различных продуктовых цепочках;

– высокий уровень дифференциации сельскохозяйственных производителей по уровню технико-технологического развития, типу реализуемых воспроизводственных процессов и участию в распределении добавленной стоимости;

– значительный уровень изменчивости технологий производства продукции растениеводства под влиянием природно-климатических условий, влияющих кроме того на объемы производства и промежуточного потребления отдельных видов сельскохозяйственной продукции;

– относительно высокий уровень монополизма региональных рынков сельскохозяйственной продукции, затрудняющий объективную оценку пропорций распределения добавленной стоимости и формирования доходов сельскохозяйственных производителей различных типов;

– отсутствие объективных данных об объемах конечного потребления отдельных продуктов питания и затратах на их приобретение и др.

Совокупность особенностей агропродовольственных систем как объекта моделирования методами разработки межотраслевых балансов в сочетании с теоретико-методологическими проблемами прикладного использования балансовых моделей объективно обуславливают необходимость использования альтернативных подходов к обоснованию оптимальных пропорций развития агропродовольственных комплексов различного уровня.

Поскольку задача достижения и поддержания сбалансированности и пропорциональности экономических систем относится к компетенции стратегического управления, то обоснование оптимальных пропорций должно происходить исходя из стратегических целей системы.

В настоящее время развитие агропродовольственного комплекса Кубани осуществляется исходя из Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года, утвержденной Законом Краснодарского края от 21 декабря 2018 г. №3930-КЗ [287]. В соответствии с данной Стратегией агропромышленный комплекс относится к приоритетным направлениям развития региона и привлечения инвестиций. При этом агропромышленный комплекс представляет собой совокупность трех кластеров: агропищевого, винодельческого и рыбоперерабатывающего. В рамках дальнейших иссле-

дований агропищевой кластер будет рассматриваться как особая форма организации регионального агропродовольственного комплекса.

Следует отметить, что Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года фокусирует внимание на целеполагании перспектив изменения агропромышленного комплекса региона, формализации целей через систему индикаторов и ожидаемых результатов, но не отвечает на вопросы о необходимых изменениях хозяйственной и отраслевой структуры аграрного сектора Краснодарского края и направлениях развития пищевой и перерабатывающей промышленности региона.

Стратегическая цель развития регионального агропромышленного комплекса (развитие умного и экологизированного АПК, ориентированного на глубокую переработку сельскохозяйственной продукции) применительно к агропродовольственному комплексу (агропищевому кластеру) в рамках Стратегии детализируется в цели более низкого уровня: развитие рационального и диверсифицированного сельского хозяйства на основе широкого внедрения инноваций, способного полностью удовлетворить потребности региона в основных видах продуктов питания и сырье для их производства; развитие системы производства высококачественных продуктов питания и продуктов переработки сельскохозяйственного сырья, в объемах, позволяющих не только покрыть внутренние потребности региона, но и нарастить экспортный потенциал агропродовольственного комплекса региона и повысить его роль в межрегиональной системе разделения труда по производству продовольственных ресурсов.

При этом прогноз производства основных видов продукции растениеводства ограничивается зерновыми и зернобобовыми культурами, а при прогнозировании развития животноводства отсутствуют индикаторы развития такой отрасли как производство яиц. Кроме того, система индикаторов развития АПК, используемая в Стратегии, описывает лишь объемы производства отдельных видов сельскохозяйственной продукции и продуктов ее переработки, не давая ответа на вопрос об ожидаемых изменениях структуры аграрного сектора ре-

гиона, поголовья скота и птицы и модернизации производственных мощностей пищевой и перерабатывающей промышленности и обеспечения их загруженности. Отсутствие необходимого уровня детализации прогноза развития отмечается и в Плане мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года, утвержденном Постановлением главы администрации (губернатором) Краснодарского края от 3 июня 2019 г. №328 [216].

Следует отметить, что обоснование параметров развития всех базовых экономических комплексов, в том числе АПК, обосновывается в рамках трех сценариев развития: инерционного (предполагает сохранение стандартных инерционных трендов и сохранение ресурсных ограничений, позволяющих реализовывать только приоритетные проекты с возможным увеличением срока их реализации; базового (предполагает снятие основных ресурсных ограничений и реализацию достаточно большого числа масштабных проектов с относительно высоким уровнем рисков); оптимистического (предполагает масштабную модернизацию технико-технологической базы комплекса, переход к инновационной модели развития на базе широкого использования технологий «умной» экономики).

Сопоставление прогнозируемых объемов производства основных видов сельскохозяйственной продукции в Краснодарском крае в 2020 г. и предусмотренных Стратегией на 2021 г. (таблица 33) свидетельствует о довольно низком уровне достоверности прогнозных параметров развития агропродовольственного комплекса региона даже на ближайшую перспективу.

Например, если по производству зерновых и зернобобовых, а также винограда и мяса крупного рогатого скота регион не смог выйти на уровень параметров инерционного сценария развития, то по объему производства мяса птицы всего на 2% отстал от параметров базового варианта, а по молоку, плодам и ягодам превысил их. При этом по производству мяса свиней в живом весе индикаторы оптимистического варианта были превышены почти на 27%.

Таблица 33 – Индикаторы реализации Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края, отражающие объемы производства сельскохозяйственной продукции в 2021 г., тыс. т

Показатели	2020 г.	Инерционный	Базовый	Оптимистичный
Зерновые и зернобобовые	12 105,0	14 146	14 534	14 359
Виноград	195,9	206	206	212
Плоды и ягоды	503,2	489	498	577
Мясо КРС	119,4	122	132	142
Мясо свиней	135,5	93	101	107
Мясо птицы	317,4	303	324	346
Молоко	1 553,9	1 424	1 536	1 627

Источник: [85], [287]

При таком уровне ошибочности оценки тенденций развития отдельных отраслей сельского хозяйства возникают определенные сомнения в объективности оценки прогнозов на более длительную перспективу, в частности на 2030 г. (таблица 34).

Таблица 34 – Индикаторы реализации Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края, отражающие объемы производства сельскохозяйственной продукции в 2030 г., тыс. т

Показатели	2020 г.	Инерционный	Базовый	Оптимистичный
Зерновые и зернобобовые	12 105,0	14 536	14 754	15 286
Виноград	195,9	225	240	265
Плоды и ягоды	503,2	562	707	920
Мясо КРС	119,4	138	173	207
Мясо свиней	135,5	159	218	262
Мясо птицы	317,4	333	416	499
Молоко	1 553,9	1 950	2 175	2 605

Источник: [85], [287]

Кроме того отмечаются определенные несоответствия оценки перспектив развития сельского хозяйства в Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года и в Государственной программе Краснодарского края «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». Если в Государственной программе обоснованы планируемые объемы производства основных видов сельско-

хозяйственной продукции до 2025 г. и объемы финансирования мероприятий по их достижению, то способы достижения индикаторов, отражающих уровень развития сельского хозяйства региона к 2030 г., остаются не раскрытыми.

Дополнительные проблемы по оценке перспектив обеспечения сбалансированного развития агропродовольственного комплекса Краснодарского края связаны с исключением из Стратегии развития региона вопросов обеспечения сырьем перерабатывающих свеклосахарного, масложирового, овощного продуктовых подкомплексов. В качестве индикаторов развития пищевой промышленности в Стратегии используются только объемы производства ограниченного круга пищевых продуктов: растительных масел (рафинированных и нерафинированных), муки и круп, крахмала и крахмалопродуктов, а также молока (кроме сырого). При этом достоверность этих индикаторов представляется довольно низкой, исходя из реальных объемов производства этих видов продовольствия в последние годы (таблица 35).

Таблица 35 – Индикаторы реализации Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края (объемы производства пищевых продуктов в 2021 г.), тыс. т

Пищевые продукты	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Прогноз		
				Инерционный	Базовый	Оптимистичный
Масла растительные нерафинированные	664,6	734,1	590,5	720	784	827
Масла и жиры растительные рафинированные	383,6	318,9	300,1	425	567	598
Молоко, кроме сырого	293,0	307,8	305,1	327	380	400
Мука, крупы	499,8	445,8	380,1	940	1 128	1 203

Источник: [85], [287]

А выход на параметры даже базового сценария к 2030 г. представляется возможным лишь при принципиальном изменении конъюнктуры на рынке продовольствия и ускоренной модернизации технико-технологической базы предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности (таблица 36).

Таблица 36 – Индикаторы реализации Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края, отражающие объемы производства пищевых продуктов, тыс. т

Пищевые продукты	2021 г.			2030 г.		
	Инерционный	Базовый	Оптимистичный	Инерционный	Базовый	Оптимистичный
Масла растительные нерафинированные	720	784	827	750	1 062	1 234
Масла и жиры рафинированные	425	567	598	455	769	893
Молоко, кроме сырого	327	380	400	477	600	633
Мука, крупы	940	1 128	1 203	1 100	1 847	2 148

Источник: [85], [287]

Определив прогнозные значения ограниченного круга индикаторов, отражающих развитие пищевого кластера Краснодарского края, разработчики Стратегии не смогли обеспечить системный подход к оценке перспектив развития агропродовольственного комплекса, не уточнив, за счет каких факторов планируется рост производства отдельных видов продукции, какие требуются изменения структуры посевных площадей и изменения поголовья скота и птицы, как будет меняться структура аграрного сектора, каким образом будет поддерживаться сбалансированность и пропорциональность агропродовольственной системы региона.

Очевидно, что общие тенденции развития агропродовольственного комплекса Краснодарского края будут совпадать с общероссийскими тенденциями, характеризующимися, как отмечают О.В. Ермолова и В.В. Кирсанов [89] повышением уровня концентрации аграрного капитала и формированием практически во всех продуктовых цепочках крупных и сверхкрупных производственных систем, обеспечивающих устойчивый рост объемов производства продовольственных ресурсов: модернизацией системы интеграционных взаимодействий, создающей условия повышения уровня внутри- и межзвенной сбалансированности ресурсов, вовлекаемых в процесс производства, устойчивости внутри- и межотраслевых связей и минимизации транзакционных издержек; исключением из процесса производства ресурсов с низким уровнем конкурентоспособности (малопродуктивные земель-

ные ресурсы, трудовые ресурсы низкой квалификации, морально устаревшие основные средства и др.). Но открытым остается вопрос, связанный с обеспечением развития агропродовольственного комплекса региона в условиях существенной дифференциации отраслей и различных звеньев цепочек добавленной стоимости по уровню их доходности и сроков окупаемости инвестиций, с ролью государства в регулировании процессов распределения сельскохозяйственной продукции по каналам ее использования территориального размещения вновь создаваемых перерабатывающих мощностей и объектов инфраструктурного обеспечения. Относительно высокий и устойчивый спрос на зерно и подсолнечник на внешнем рынке объективно снижает остроту проблемы масштабной модернизации технико-технологической базы зерноперерабатывающей и масложировой промышленности, а ограниченный внутренний спрос на молоко и мясо не стимулирует развитие животноводства за счет собственных средств инвесторов. Именно поэтому тенденции развития менее доходных отраслей сельского хозяйства и повышения глубины переработки продукции аграрного сектора должны определяться государством и обеспечиваться определенным уровнем государственной поддержки, необходимым для создания условий межотраслевого перелива капитала и трансформацией элементов регионального агропродовольственного комплекса не только с позиций интересов агробизнеса, но и всей социально-экономической системы региона и сельского сообщества.

В качестве самостоятельной проблемы повышения эффективности функционирования отдельных продуктовых цепочек необходимо также рассматривать вопрос справедливости межзвенного распределения добавленной стоимости.

Оценивая объемы добавленной стоимости по отраслям следует отметить низкий уровень глубины переработки сельскохозяйственной продукции. По данным Росстата [199] в целом по Российской Федерации в 2020 г. стоимость добавленной стоимости сельского хозяйства составила 3,9 трлн руб., тогда как в отраслях пищевой и перерабатывающей промышленности всего 2,2 трлн руб. (56,4% от добав-

ленной стоимости, созданной в сельском хозяйстве). Ориентация агропродовольственного комплекса Краснодарского края на экспорт зерна и подсолнечника привела к тому, что в последние годы добавленная стоимость продукции, выпускаемой предприятиями пищевой и перерабатывающей промышленности региона, составляла немногим более 40% от добавленной стоимости произведенной в крае. В развитых странах добавленная стоимость, создаваемая при переработке сельскохозяйственной продукции, как правило, существенно превышает стоимость добавленной стоимости, генерирующейся в аграрном секторе экономики, что свидетельствует о недостаточной эффективности технологической и отраслевой структуры агропродовольственного комплекса России и Краснодарского края.

Наблюдаются существенные колебания доли отдельных звеньев в рамках конкретных продуктовых цепочек. Так, по данным некоторых исследователей [89] доля сельскохозяйственных производителей в добавленной стоимости хлеба в последние годы составляет 20-25%, по свинине – 50-53%, по сливочному маслу 55-57%. При этом доля сферы обращения в структуре конечной добавленной стоимости сливочного масла находится на уровне 17-19%, тогда по подсолнечному маслу это показатель достигает 45-47%.

Но ключевой проблемой обеспечения сбалансированности развития регионального АПК продолжает оставаться проблема сокращения дисбалансов продовольственного обеспечения региона и продуктовых цепочек, формирующих агропродовольственную систему Краснодарского края.

На наш взгляд, в качестве наиболее эффективным инструментом, реализующим системный подход к прогнозированию развития совокупности взаимосвязанных отраслей, интегрированных в различные продуктовые цепочки, являются оптимизационные экономико-математические модели, позволяющие количественно описать совокупность технологических и организационно-экономических связей между субъектами, формирующими агропродовольственную систему.

К настоящему времени исследователями разработан широкий круг экономико-математических моделей, ориентированных на реше-

ние различных задач прогнозирования развития региональных агропродовольственных комплексов [18, 60, 124, 209, 214, 274, 282]. Но для решения задачи обоснования параметров сбалансированного развития агропродовольственной системы региона в наибольшей мере подходит агрегированная оптимизационная экономико-математическая модель по балансированию сельского хозяйства региона и его продовольственного обеспечения, имеющая блочно-диагональную структуру. В качестве блоков в данной модели выделены сельскохозяйственные производители разных типов (сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства и хозяйства населения), объемы возможного ввоза отдельных видов сельскохозяйственной продукции из-за пределов региона, возможные каналы использования сельскохозяйственной продукции (производственное и личное потребление, переработка, вывоз за пределы региона), в связующем блоке моделируется прогнозный баланс продовольственных ресурсов региона [114, 122]. В качестве критерия оптимальности используется максимизация суммы условной прибыли (разница между стоимостью товарной продукции и затратами на производство сельскохозяйственной продукции и ее переработку без учета затрат в хозяйствах населения). Запись данной модели в структурном виде приведена в приложении 3.

Необходимо отметить, что при разработке данной модели в качестве объекта моделирования были взяты отрасли, формирующие, в соответствии со Стратегией социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 г., агропищевой кластер региона, а земельные ресурсы ограничивались такими видами сельскохозяйственных угодий как пашня, сенокосы и пастбища. При этом вопросы оптимизации использования многолетних насаждений и переработки плодов и ягод требуют дополнительных исследований

Для выхода на оптимальные пропорции сельского хозяйства региона и его продовольственного обеспечения требуется определенная корректировка структуры посевных площадей (таблица 37).

Таблица 37 – Размер посевных площадей в хозяйствах всех категорий Краснодарского края, тыс. га

Сельскохозяйственные культуры	В среднем в 2016-2020 гг.	2020 г.	По проекту
Зерновые и зернобобовые	2 489,5	2 532,4	2 410,0
Сахарная свекла	192,8	170,4	219,8
Подсолнечник	448,5	465,1	522,3
Соя	196,6	164,2	195,5
Картофель	35,3	29,6	32,2
Овощи	54,7	57,7	74,4
Кормовые	273,9	252,5	314,7
Посевные площади	3 691,3	3 727,2	3 768,9
Пары	95,5	56,4	14,7
Всего пашни	3 786,8	3 783,6	3 783,6

Наиболее существенны изменения размера посевных площадей планируются по овощам (рост на 36,0% к среднему уровню в 2016-2020 гг.), подсолнечнику (на 16,5%), сахарной свекле (на 14%) и группе кормовых культур (на 14,9%).

Изменения размера посевных площадей по категориям хозяйств Краснодарского края приведены в приложении И.

Необходимость самообеспечения региона продукцией животноводства объективно обусловила рост поголовья скота и птицы (таблица 38).

Таблица 38 – Поголовье скота и птицы в хозяйствах всех категорий Краснодарского края, тыс. гол.

Виды сельскохозяйственных животных	В среднем в 2016-2020 гг.	2020 г.	По проекту
Крупный рогатый скот всего	542,0	548,4	634,5
в т.ч. молочного направления	497,7	499,3	588,8
мясного направления	44,3	49,1	45,7
Коровы всего	212,6	212,2	243,3
в т.ч. молочного направления	203,0	201,6	233,2
мясного направления	9,6	10,6	10,2
Свиньи	511,6	627,0	764,2
Овцы и козы	217,4	208,0	207,9
Птица	25 800,6	23 641,4	25 161,9

Для выхода на уровень полного самообеспечения края животноводческой продукции требуется обеспечить рост поголовья крупного рогатого скота на 15,7% к уровню 2020 г., свиней – на 21,9%, птицы – на 6,4%.

Изменения размера поголовья сельскохозяйственных животных и птицы по категориям хозяйств Краснодарского края приведены в приложении К.

Прогнозируемы изменения структуры посевных площадей и поголовья сельскохозяйственных животных с учетом планируемого роста урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности скота и птицы позволят не только сбалансировать аграрный сектор региона, но обеспечат производство основных видов сельскохозяйственной продукции в объемах, необходимых для самообеспечения ими Краснодарского края в соответствии с действующими нормами рационального питания (таблица 39, приложение Л).

Таблица 39 – Объемы производства основных видов сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий Краснодарского края, тыс. т

Продукция	В среднем в 2016-2020 гг.	2020 г.	По проекту
Зерновые и зернобобовые	13 347,8	12 105,0	12 107,7
Сахарная свекла	8 816,1	5 849,0	9 396,0
Подсолнечник	1 058,9	945,9	1 120,6
Соя	337,5	318,3	435,5
Картофель	366,1	351,9	417,0
Овощи	774,7	828,0	1 030,2
Молоко	1 442,0	1 553,9	1 880,5
Мясо всего	387,6	427,7	508,5
в т.ч. мясо КРС	68,9	70,4	81,6
мясо свиней	74,8	105,3	136,7
мясо овец и коз	1,8	1,8	1,5
мясо птицы	242,1	250,3	288,6
Яйца, млн шт.	2 689,8	2 381,2	2 702,8

Следует отметить, что использование при моделировании развития агропродовольственного комплекса Краснодарского края крупноагрегированных данных позволяют оценивать лишь сальдо межрегионального обмена отдельными видами сельскохозяйственной продук-

ции и продуктов их переработки в определенной мере абстрагируясь от особенностей структуры ввоза-вывоза отдельных товарных групп продовольственных ресурсов. Кроме того, достижение самообеспечения региона основными видами продовольствия обеспечивалось для постоянного населения края. При выходе на оптимальные параметры развития отрицательное сальдо ввоза-вывоза продовольственных ресурсов будет наблюдаться только по картофелю (148,2 тыс. т или 33,1% к прогнозируемому объему производства).

Высокий уровень аграрного потенциала Краснодарского края позволяет производить основные виды сельскохозяйственной продукции в объемах, значительно превосходящих внутрирегиональные потребности. Так, прогнозируемое положительное среднегодовое сальдо ввоза-вывоза по зерну и продуктам его переработки составляет 9 238,7 тыс. т, по сахарной свекле – 8 248,5, подсолнечнику – 962,3, сое – 262,7, овощам – 299,6, молоку – 291,6,0, мясу – 93,9 тыс. т, яйцам – 96,5 млн шт.

Структура используемой оптимизационной экономико-математической модели позволяет определить планируемые объемы переработки отдельных видов сельскохозяйственной продукции в рамках прогнозного баланса продовольственных ресурсов (приложение М). Так по проекту предлагается довести объемы переработки зерна до 5,3 млн. т, а подсолнечника до 1,1 млн. т (таблица 40).

Таблица 40 – Прогнозируемые объемы переработки сельскохозяйственной продукции в Краснодарском крае, тыс. т

Виды продукции	Для региональных нужд		Для вывоза за пределы региона	Всего
	на продовольствие	на корм		
Зерно	795,2	1 870,3	2 634,6	5 300,0
Сахарная свекла	1 048,6		8 248,5	9 297,1
Подсолнечник	151,5		962,3	1 113,8
Соя		165,5	134,5	300,0
Овощи	142,0		108,0	250,0
Молоко	1 218,3		291,6	1 509,9
Мясо	142,0		93,9	235,8

При этом необходимо отметить, что объемы переработки для вывоза за пределы региона могут существенно колебаться в зависи-

мости от рыночной конъюнктуры. Например, в 2019 г. планировалось произвести 708,0 тыс. т нерафинированного подсолнечного масла, но было произведено всего 467,9 тыс. т или 66,1% к уровню плана, а излишки подсолнечника были вывезены за пределы региона (в основном на экспорт) в непереработанном виде, а производственные мощности предприятий по производству растительных масел были задействованы менее чем на 50%. Аналогичная ситуация сложилась по переработке зерна: план производства муки был выполнен в 2019 г. всего на 70,8%, хлебобулочных изделий – 77,3%, тогда как уровень использования данных мощностей составил менее 40%. При этом мощности сахарных заводов были загружены на 100%. Планируемый рост объемов производства молока и мяса позволит повысить загрузку имеющихся мощностей по их переработке соответственно до 80% и 90%.

Среднегодовая стоимость товарной продукции по оптимальному плану составит 334,2 млрд руб., размер условной прибыли, рассчитываемой как разница между стоимостью товарной продукции и затратами на производство сельскохозяйственной продукции и ее переработку без учета затрат в хозяйствах населения, – 87,1 млрд руб., а отношение условной прибыли к стоимости товарной продукции – 35,3%.

Обоснованные в результате решения экономико-математической задачи параметры развития аграрного сектора Краснодарского края формируют информационную базу, на основании которой возможно разработать совокупность балансов, обеспечивающих оптимальные пропорции развития регионального агропродовольственного комплекса и условия эффективного и устойчивого развития хозяйствующих субъектов, формирующих агропродовольственную систему региона. К числу таких балансов можно отнести: балансы продовольственных ресурсов, обеспечивающие потребность населения края в основных видах продуктов питания; балансы производства и переработки сельскохозяйственной продукции, позволяющие разработать стратегию модернизации технико-технологической

базы сельского хозяйства и предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности; балансы потребности в финансовых ресурсах и источниках их удовлетворения с учетом мер государственной поддержки.

На основании обоснованных параметров краевые власти могут разработать стратегию и региональные программы развития приоритетных отраслей сельского хозяйства, а также перерабатывающей промышленности с учетом задач снижения дисбалансов территориального развития региона и повышения уровня использования аграрного потенциала отдельных территориальных образований.

Кроме того научное обоснование размера отраслей, объемов производства и переработки сельскохозяйственной продукции позволит определить оптимальные сырьевые зоны перерабатывающих предприятий и создаст условия повышения эффективности интеграционных взаимодействий в агропродовольственном комплексе региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие экономической системы следует рассматривать как относительно устойчивый процесс аккумуляции значимых изменений ее характеристик, создающий условия перехода системы на новый уровень эволюции через обновление производительных сил и производственных отношений. Необходимо отметить, что речь идет именно о значимых для системы изменениях, происходящих на относительно длительных временных интервалах, позволяющих объективно оценить базовые тенденции и реальную направленность наблюдаемых преобразований. Одной из ключевых характеристик развития можно считать взаимосвязь фаз развития, их взаимообусловленность и непрерывность эволюции в соответствии с парадигмой развития системы.

Под сбалансированным развитием экономических систем понимается тип развития, обеспечивающий оптимальное соотношение между структурными и функциональными элементами системы и поддержание ресурсных пропорций, необходимых для сохранения целостности системы и ее эффективного функционирования. Сбалансированное развитие экономических систем предполагает обеспечение соответствия: потребностей в ресурсах их наличию и финансовым возможностям системы по их приобретению; результативности функционирования системы возможностям финансирования воспроизводственных процессов; целей и задач развития системы ее потенциалу; структуры производственной подсистемы и ее ключевых параметров целям и задачам развития экономической системы; потребностей внешней среды производственным возможностям системы; адаптационных механизмов системы уровню изменчивости среды функционирования и др.

Механизм обеспечения сбалансированности развития макроэкономической системы представляет собой совокупность политических, институциональных, правовых, экономических, организационных и экологических регуляторов позволяющих за счет применения различных методов и инструментов целенаправленно воздействовать на раз-

витие макроэкономической системы и отдельных элементов в контексте реализации стратегии ее развития.

В качестве специфического объекта управления сбалансированным развитием предлагается выделять агропродовольственные системы, в рамках которых происходит интеграция процессов производства сельскохозяйственной продукции, ее хранения и промышленной переработки. Интеграция отдельных звеньев технологических цепочек, с одной стороны, позволяет существенно повысить эффективность производства конечной продукции агропродовольственного комплекса, но, с другой стороны, порождает ряд проблем и противоречий, обусловленных усилением тесноты межсубъектных связей и взаимодействий и ростом числа субъектов интеграционных отношений, каждый из которых пытается реализовать собственные задачи развития и экономические интересы.

Интеграционная форма развития агропродовольственных систем объективно создает условия формирования оптимальных пропорций производственных систем в пределах локализованных пространств, причем уровень локализации может быть самым разным: от нескольких поселений до макроэкономической системы общества. Именно в рамках таких интегрированных формирований обеспечивается оптимизация процессов размещения производства, кооперирования и интеграции взаимодействующих хозяйствующих субъектов и общественно необходимой корректировки их специализации, создаются предпосылки повышения эффективности использования ресурсного потенциала, рационализации системы межсубъектных взаимодействий, решения задач оптимизации инфраструктурного обеспечения, распределения и перераспределения ресурсов, минимизации логистических и транзакционных издержек и др.

Под организацией интеграционных процессов предлагается понимать совокупность мероприятий и действий, связанных с обобщением объективно существующих мотиваций формирования системы устойчивых внутриотраслевых и межотраслевых взаимодействий хозяйствующих субъектов, обоснования глобальной и локальных целей

оформления интеграционных взаимодействий, выбора рациональной формы их организации, разработки механизмов управления развитием интегрированного объединения и балансирования экономических интересов интегрирующихся субъектов, обеспечивающих предотвращение их оппортунистического поведения и оптимизацию использования совокупного ресурсного потенциала.

В условиях современной России доминирующей формой интеграционных связей являются отношения вертикальной интеграции, в рамках которой приоритет развития заключается не в гармонизации и балансировании интересов интегрирующихся субъектов, что характерно для контрактной формы интеграции, а в максимизации отдачи от вложенного капитала и суммы прибыли от реализации конечной продукции за счет получения полного контроля за всеми звеньями технологической цепочки и концентрации капитала, обеспечивающих эффект масштаба и диверсификации производства.

На современном этапе агропромышленная интеграция является одним из самых эффективных инструментов развития всей системы аграрного производства, повышения конкурентоспособности отечественного аграрного сектора и его инвестиционной привлекательности, обеспечения продовольственной безопасности страны и перевода агропродовольственного комплекса на инновационно-ориентированный путь развития.

Исследование сущности процессов сбалансированного развития экономических систем, существующих причинно-следственных связей и совокупности внутрисистемных и межсистемных балансов, необходимых для обеспечения равновесного состояния системы на всей траектории ее развития, позволило установить и сформулировать экономический закон сбалансированного развития экономических систем: сбалансированное развитие экономической системы осуществляется в форме непрерывного процесса перехода системы из одного равновесного состояния в другое за счет достижения межсистемных и внутрисистемных балансов, обеспечивающих реализацию интересов взаимодействующих субъектов и уровень эффективности, необходи-

мый для воспроизводства системы и ее системных свойств. Действие данного экономического закона зависит от формы организации экономической системы, ее структурной и функциональной сложности, доминирующей формы собственности на средства производства, уровня развития межсубъектных отношений, наличия и глубины внутрисистемных противоречий, качества институциональной среды, уровня государственного воздействия на экономические процессы, уровня интеграции экономической системы в единое экономическое пространство, уровня нестабильности внешней среды и ряда других условий.

Интеграция экономических субъектов предполагает наличие специального механизма обеспечивающего инициацию, установление и поддержание интеграционных отношений с учетом институциональных форм взаимодействий. Данный механизм предлагается называть механизмом интеграционных взаимодействий и рассматривать его как совокупность организационно-экономических элементов, определяющих цель и задачи интеграционных формирований, выбор направлений и рациональных форм интеграции, содержание интеграционных отношений, специфику организации внутрисистемных и межсистемных взаимодействий, особенности формирования цепочек создания добавленной стоимости и ее распределения, и обеспечивающих подсистем. Особенности формирования отдельных структурных элементов механизма интеграционных взаимодействий определяются, в первую очередь, отраслевой спецификой интегрирующихся субъектов и продуктовых и технологических цепочек, в рамках которых создаются интеграционные структуры.

Базовой целью агропромышленной интеграции является формирование эффективных цепочек создания дополнительной стоимости за счет объединения субъектов, реализующих функции производства сельскохозяйственной продукции и его переработки и их инфраструктурного обеспечения. При этом длина и сложность продуктовых цепочек определяется уровнем разделения труда, технологиями произ-

водства и способом доведения готовой продукции до конечного потребителя.

Оценка протекания процессов агропромышленной интеграции позволяет утверждать, что в Краснодарском крае именно агрохолдинги продолжают оставаться доминирующей формой реализации интеграционных взаимодействий хозяйствующих субъектов, формирующих цепочки создания дополнительной стоимости, обеспечивающей возможность реализации инновационно-ориентированной модели эволюции агропродовольственной системы региона, но потенциал их развития существенно ограничивается в условиях насыщения продовольственных рынков и сокращения объемов государственной поддержки. В условиях трансформации производственных систем интегрированных агропромышленных формирований холдингового типа и оптимизации структуры их активов резко возрастает роль региональных органов власти как основного регулятора агропродовольственной системы региона, призванных за счет перераспределения средств государственной поддержки обеспечить сбалансированность и пропорциональность регионального агропродовольственного комплекса и устойчивость развития сельских территорий.

Многообразие интеграционных взаимодействий объективно предполагает множество способов их оформления и моделей, позволяющих идентифицировать различные формы развития агропромышленной интеграции. Модель развития агропромышленной интеграции предлагается рассматривать как способ организации межотраслевых и межсубъектных взаимодействий элементов агропродовольственного комплекса, объективно возникающих в процессе установления и поддержания технологических, экономических и организационных связей между звеньями цепочек создания добавленной стоимости и внутри них. Кластерные взаимодействия являются особой стадией процесса развития интеграционных отношений, переход к которой обеспечивает сбалансированность и устойчивость продуктовых цепочек и рост эффективности системы межотраслевых и межсубъектных взаимодействий.

С позиций обеспечения сбалансированности агропродовольственных систем регионального уровня представляется целесообразным формирование агрегированных продуктовых цепочек по типу исходного сырья (например, продукты, получаемые в результате переработки зерна, переработки подсолнечника, переработки молока и т.п.), что позволит обеспечить координировать процессы формирования балансов продовольственных ресурсов и их распределения с учетом интересов региона и отраслей, сопряженных с агропродовольственным комплексом. При этом в рамках агрегированных продуктовых цепочек можно выделять специализированные цепочки, ориентированные на производство отдельных видов конечной продукции, но интегрированные с другими цепочками, использующими одно и то же сырье.

К основным типам дисбалансов, присущих агропродовольственным системам как специфическому виду территориально-отраслевых комплексов, предлагается относить: дисбалансы системы продовольственного обеспечения региона; дисбалансы продуктовых цепочек, формирующих агропродовольственную систему регионального уровня; ресурсные дисбалансы региональной системы аграрного и агропромышленного производства; дисбалансы развития территорий, формирующих пространственный базис агропродовольственной системы региона; дисбалансы развития отраслей, формирующих производственный базис агропродовольственной системы регионального уровня; экологические дисбалансы.

С точки зрения информационного обеспечения управление сбалансированным развитием агропродовольственных систем может рассматриваться как управление горизонтальными и вертикальными взаимодействиями формирующих их элементами.

Управление сбалансированным развитием агропродовольственного комплекса может быть представлено как регулирование пропорций между его элементами. В качестве объектов управления в этом случае рассматриваются: хозяйствующие субъекты аграрного сектора, формирующие его структуру и структуру сельскохозяйственной

продукции, предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности, объекты инфраструктуры, обеспечивающие эффективность межсубъектных взаимодействий и доведение создаваемых экономических благ до конечных потребителей.

Для решения задачи обоснования параметров сбалансированного развития агропродовольственной системы региона предлагается использовать агрегированную оптимизационную экономико-математическую модель по балансированию сельского хозяйства региона и его продовольственного обеспечения, имеющую блочно-диагональную структуру. В качестве блоков в данной модели выделяются сельскохозяйственные производители разных типов (сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства и хозяйства населения), объемы возможного ввоза отдельных видов сельскохозяйственной продукции из-за пределов региона, возможные каналы использования сельскохозяйственной продукции (производственное и личное потребление, переработка, вывоз за пределы региона), в связующем блоке моделируется прогнозный баланс продовольственных ресурсов региона. В качестве критерия оптимальности используется максимизация суммы условной прибыли (разница между стоимостью товарной продукции и затратами на производство сельскохозяйственной продукции и ее переработку без учета затрат в хозяйствах населения).

Обоснованные в результате решения экономико-математической задачи параметры развития аграрного сектора Краснодарского края формируют информационную базу, на основании которой возможно разработать совокупность балансов, обеспечивающих оптимальные пропорции развития регионального агропродовольственного комплекса и условия эффективного и устойчивого развития хозяйствующих субъектов, формирующих агропродовольственную систему региона. К числу таких балансов можно отнести: балансы продовольственных ресурсов, обеспечивающие потребность населения края в основных видах продуктов питания; балансы производства и переработки сельскохозяйственной продукции, позволяющие разработать

стратегию модернизации технико-технологической базы сельского хозяйства и предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности; балансы потребности в финансовых ресурсах и источниках их удовлетворения с учетом мер государственной поддержки. На основании обоснованных параметров краевые власти могут разработать стратегию и региональные программы развития приоритетных отраслей сельского хозяйства, а также перерабатывающей промышленности с учетом задач снижения дисбалансов территориального развития региона и повышения уровня использования аграрного потенциала отдельных территориальных образований. Кроме того научное обоснование размера отраслей, объемов производства и переработки сельскохозяйственной продукции позволит определить оптимальные сырьевые зоны перерабатывающих предприятий и создаст условия повышения эффективности интеграционных взаимодействий в агропродовольственном комплексе региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агибалов А.В. Концепция оптимизации финансовых ресурсов в интегрированных структурах агропромышленного комплекса / А.В. Агибалов, А.А. Орехов // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2013. – №13 (151). – С. 47-54.
2. Агибалов А.В. Современная модель оценки риска инвестирования в аграрную сферу / А.В. Агибалов, Л.А. Запорожцева, А.Н. Гончаров // Современная экономика: проблемы и решения. – 2012. – №5 (29). – С. 23-33.
3. Аграрная экономика России: проблемы и векторы развития: монография / А. И. Трубилин и др.; науч. ред. А.И. Трубилин. – Краснодар: КубГАУ, 2018. – 342 с.
4. Агрохолдинг «Степь» признан самой динамично развивающейся компанией АПК в 2018 году // Сайт агрохолдинга «Степь». – Режим доступа: <https://www.ahstep.ru/press-center/press-release/press-29102019>
5. Агузарова Л.А. Инновационное развитие и инновационный потенциал отдельных стран / Л.А. Агузарова, М.К. Цалоева // Экономика. Бизнес. Банки. – 2017. – №1 (18). – С. 19-27.
6. Адамова К.З. Квазиинтегрированные структуры как результат новейших интеграционных процессов / К.З. Адамова // Вестник СГСЭУ. – 2011. – №1 (35). С. 9-13.
7. Айгумов А.Д. Проблемы и пути обеспечения сбалансированного развития пространственных социально-экономических систем / А.Д. Айгумов, А.З. Османова, О.В. Федорова // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2019. – №2. – С. 24-30.
8. Акаткин Ю.М. Цифровая экономика: концептуальная архитектура экосистемы цифровой отрасли / Ю.М. Акаткин, О.Э. Карпов, В.А. Конавский, Е.Д. Ясиновская // Бизнес-информатика. – 2017. – № 4(42). – С. 17-28.
9. Акимова Т.А. Экономика устойчивого развития / Т.А. Акимова, Ю.Н. Мосейкин. – М.: Экономика, 2009. – 430 с.

10. Акимова Ю.А. Системный подход к устойчивому развитию продовольственного рынка / Ю.А. Акимова, Е.Г. Коваленко // *Фундаментальные исследования*. – 2016. – № 11-1. – С. 112-116.
11. Алтухов А.И. Проблемы развития АПК страны и необходимость их ускоренного решения / А.И. Алтухов // *Экономика сельского хозяйства России*. – 2018. – №4. – С. 2-14.
12. Андреева Т.В. Оценка эффективности цепочки создания стоимости продукта в пищевой промышленности: автореф. дис. ... канд. экон. наук (08.00.05) / Т.В. Андреева. – Оренбург, 2012. – 24 с.
13. Андрианов В.Д. Стратегия и система сбалансированных показателей устойчивого развития экономики России до 2020 года / В.Д. Андрианов // *Экономические стратегии*. – 2013. – Т.15. – №7 (115). – С. 20-35.
14. Анискин Ю.П. Базовые теоретические положения организации и планирования развития интегрированных компаний / Ю.П. Анискин // *Организатор производства*. – 2009. – №2 (41). – С. 22-25.
15. Антипов А. Создание единого информационного пространства в России / А. Антипов // *Мир современной науки*. – 2016. – №2 (36). – С. 97-99.
16. Анфиногентова А.А. Управление корпорациями агропродовольственного комплекса в условиях цифровой экономики / А.А. Анфиногентова // *Региональные агросистемы: экономика и социология*. – 2020. – №1. – С. 5-13.
17. Артемова Е.И. Оптимизация институциональных условий развития инновационных процессов в АПК Краснодарского края / Е.И. Артемова, Л.В. Лазько // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. – 2015. – №114. – С. 671-682.
18. Ашинова М.К. Оптимизация пропорций развития агропромышленного комплекса в системе межотраслевого баланса / М.К. Ашинова, Р.А. Берзегов // *Новые технологии*. – 2016. – №1. – С. 41-46.
19. Аюшеева А.О. Генезис становления и развития агропромышленной интеграции / А.О. Аюшеева, П.М. Сотнич, Е.В. Галданова // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. – 2016. – №2 (19). – С. 101-109.

20. Аюшеева А.О. Организационные особенности и закономерности развития интеграционных процессов в АПК региона / А.О. Аюшеева // Наука и бизнес: пути развития. – 2013. – №3 (21). – С. 067-070.
21. Бабков Г.А. Сущность и структурные элементы АПК / Г.А. Бабков // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2011. – №9 (33). – С. 2.
22. База данных «Показатели муниципальных образований» [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst03/DBInet.cgi>
23. Байоекова Р.А. Организационно-экономические основы формирования и развития вертикально-интегрированных корпоративных структур в региональном молочно-продуктовом подкомплексе (на материалах Республики Адыгея): дисс. ... канд. экон. наук / Р.А. Байоекова. – Майкоп, 2008. – 169 с.
24. Балакин Е.В. Механизмы государственного регулирования экономики: от А. Смита до Е.М. Примакова / Е.В. Балакин, И.А. Нурмухаметов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – №5 (401). – С. 172-178.
25. Балансы продовольственных ресурсов [Электронное издание] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1265196018516
26. Балансы товарных ресурсов отдельных товаров (видов продукции) [Электронное издание] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/compendium/document/13272>
27. Белкина Е.Н. Возможности интеграции Краснодарского края в мировой агропродовольственный рынок / Е.Н. Белкина, А.А. Скоморощенко // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – Т8. – №6А. – С. 55-61.
28. Белоусова С.В. Система управления общественным сектором в свете теорий управления социально-экономическими системами / С.В. Белоусова // Вопросы управления. – 2015. – №6 (37). – С. 135-148.
29. Белюченко И.С. Экология Краснодарского края (Региональная экология) / И.С. Белюченко. – Краснодар: КубГАУ, 2010. – 356 с.

30. Бобарова М.А. Метод «Затраты-выпуск» и оптимизация региональных продовольственных рынков / М.А. Бобарова, Е.Г. Решетникова // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. – 2018. – №1. – С. 7.
31. Бобровский С. Культура управления организационным развитием предприятия / С. Бобровский // Аналитика культурологии. – 2007. – №1 (7). – С. 192-197.
32. Богданов А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: / редкол. Л. И. Абалкин (отв. ред.). Кн. 2. – М.: Экономика, 1989. – 309 с.
33. Бородушко Е.С. Дисбалансы в национальной экономике и экономическая безопасность в Российской Федерации / Е.С. Бородушко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – №3 (47). – С. 134-140.
34. Боссель Х. Показатели устойчивого развития: Теория, метод, практическое использование: Отчет, представленный на рассмотрение Бапатонской группы. Пер. с англ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – 123 с.
35. Брундтланд Г.Х. Наше общее будущее: Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития [Электронный ресурс] / Г.Х. Брундтланд и др. – ООН, 1987. – 412 с. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/df/brundtland.pdf>
36. Бурда А.Г. Кибернетический подход к моделированию экономических объектов и систем в АПК / А.Г. Бурда, Г.П. Бурда, Л.А. Исаева // Сборник научных трудов КРИА ДПО ФГБОУ ВПО Кубанский ГАУ. – Краснодар: КубГАУ, 2015. – С. 152-156.
37. Бурда А.Г. Моделирование процессов расширенного воспроизводства в АПК / А.Г. Бурда, С.Н. Косников, С.И. Турлий. – Краснодар: КубГАУ, 2015. – 146 с.
38. Бурда А.Г. Развитие и эффективность использования технического потенциала сельского хозяйства Кубани / А.Г. Бурда, С.Н. Косников, О.В. Кучер. – Краснодар: КубГАУ, 2019. – 123 с.
39. Бурковский П.В. Проблемы и стратегические направления развития агропромышленного комплекса Краснодарского края / П.В. Бурков-

ский, Л.Е. Гимельейх // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2018. – №71. – С. 10-17.

40. Бурковский П.В. Теоретические основы развития агропромышленной интеграции на региональном уровне: монография / П.В. Бурковский. – Краснодар: КубГАУ, 2017. – 101 с.

41. Буторин С.Н. Бизнес-доминирующая структура продуктовых подкомплексов аграрного сектора экономики / С.Н. Буторин, П.В. Михайлушкин // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2019. – Т.12. – №2 (61). – С. 148-153.

42. Буянова О.В. Система сбалансированных показателей как инструмент реализации стратегии / О.В. Буянова // Человеческий капитал и профессиональное образование. – 2017. – №2 (22). – С. 55-61.

43. Быков А.А. Торговля добавленной стоимостью: источники сбалансированного экономического роста / А.А. Быков, О.Д. Колб, Т.В. Хвалько. – Минск: Мисанта, 2017. – 356 с.

44. Васильева Л. Методологические аспекты управления сбалансированным развитием региональной социально-экономической системы / Л. Васильева // Бизнес. Образование. Право. – 2014. – №1 (26). – С. 143-148.

45. Вебер А. Устойчивому развитию нет разумной альтернативы / А. Вебер // Свободная мысль. – 2016. – №1 (1655). – С. 59-74.

46. Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство»: официальное издание. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. – 48 с.

47. Ведута Е.Н. Big Data и экономическая кибернетика / Е.Н. Ведута, Т.Н. Джакубова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2017. – №63. – С. 43-66.

48. Ведута Е.Н. Экономическая наука и экономико-математическое моделирование / Е.Н. Ведута, Т.Н. Джакубова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – №57. – С. 287-307.

49. Вектор развития агропродовольственного комплекса России в системе стратегических приоритетов / Н.В. Решетникова, М.Е. Кадомцева, Н.Н. Рябчикова, А.А. Дробышевский // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2018. – №1. – С. 29.

50. Вернигор Н.Ф. Государственная поддержка сельского хозяйства - неотъемлемая часть государственного регулирования / Н.Ф. Вернигор //

Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2015. – №2 (124). – С. 143-147.

51. Винокуров С.И. Углубление интеграции и расширение диверсификации агропромышленных хозяйственных структур / С.И. Винокуров, М.Ф. Тяпкина. – Иркутск: Издательство Иркутского ГАУ им. А.А. Ежовского, 2019. – 200 с.

52. Волкова Ю.А. Интеграция предприятий на рынке: проблема выбора ее формы и вида / Ю.А. Волкова, Н.П. Драгун // Вестник Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого. – 2016. – №3 (66). – С. 101-110.

53. Волкова Ю.А. Интеграция субъектов хозяйствования в современных условиях: сущность, отличительные характеристики и классификация основных форм / Ю.А. Волкова // Вестник Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого. – 2017. – № 3 (70). – С. 65-74.

54. Воробьев И. Систематизация инструментов сбалансированного управления организационным развитием / И. Воробьев, Ю. Саликов // Экономика. Инновации. Управление качеством. – 2015. – №3 (12). – С. 87-88.

55. Воронина Я.В. Необходимость организационно-экономических механизмов государственного регулирования аграрной сферы экономики и развития фермерских хозяйств / Я.В. Воронина // Аграрный вестник Урала. – 2017. – №12-2 (167). – С. 5.

56. Вострокнутов А.Е. Методика формирования бизнес-модели корпоративных интегрированных структур и разработка алгоритмов и моделей ее валидности / А.Е. Вострокнутов, В.И. Лойко // Новые технологии. – 2018. – №3. – С. 101-109.

57. Гайдук В. Современное состояние организаций молочной отрасли Краснодарского края / В. Гайдук и др. // Spirit Time. – 2018. – №8-2 (8). – С. 6-9.

58. Гареев Т.Р. Особенности построения балансовой модели эксклавного региона / Т.Р. Гареев, К.Ю. Волошенко // Экономика региона. – 2015. – №2 (42). – С. 113-124.

59. Глобальные цепочки создания добавленной стоимости как фактор повышения эффективности экономики региона / С.Н. Бочаров, В.И. Беляев, М.М. Бутакова и др. - Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2019. – 216 с.

60. Голодов С. Опыт и перспективы разработки и применения моделей агропромышленного комплекса / С. Голодов, С. Бабич, М. Кокарев // Экономика и предпринимательство. – 2017. – №8-4 (85). – С. 873-876.
61. Гончаров А.Ю. Обеспечение сбалансированного развития региона за счет модернизации сферы образования, исследований и разработок / А.Ю. Гончаров, И.Ю. Чупрова // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. – 2015. – №3. – С. 24-32.
62. Гончаров А.Ю. Сбалансированное региональное развитие и аналитические приемы его оценки / А.Ю. Гончаров // Дельта науки. – 2015. – №2. – С. 26-34.
63. Горпинченко К.Н. Методология исследования производственного потенциала АПК региона / К.Н. Горпинченко // Вестник Академии знаний. – 2018. – №4 (27). – С. 103-108.
64. Горшенина Е.В. Региональные экономические исследования: теория и практика / Е.В. Горшенина. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – 203 с.
65. Государственная программа Краснодарского края «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия»: утверждена Постановлением Главы администрации Краснодарского края от 5 октября 2015 г. № 944 [Электронный ресурс] // Сайт Министерства сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Краснодарского края. – Режим доступа: <https://msh.krasnodar.ru/gospodderzhka/otchyety/programma-2016/>
66. Грачёв Б.В. Возможности и границы применения структурно-функционального подхода в отношении интеграционных объединений / Б.В. Грачёв // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2018. – Т.26. – С. 21-36.
67. Грекова Г.И. Взаимодействие хозяйствующих субъектов: экономическая сущность и содержание / Г.И. Грекова, Е.И. Федотова // Вестник Института экономики и управления Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2015. – №2. – С. 12-18.
68. Гриценко Г.М. Институциональная среда развития регионального АПК: теоретический аспект / Г.М. Гриценко, А.Н. Лукьянов // Фундаментальные исследования. – 2014. – №12-4. – С. 794-798.

69. Грозова О. К вопросу о классификации институтов развития и институциональных рисков инновационной деятельности [Электронный ресурс] / О. Грозова // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – №4. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_17883032_98224007.pdf
70. Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) / С. Губанов // Экономист. – 2008. – №9. – С. 3-27.
71. Данькова Л.В. Интегрированные структуры в экономике сельского хозяйства региона / Л.В. Данькова, Н.А. Золотарева, А.С. Бычуткин // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2016. – №1 (48). – С. 207-213.
72. Демидов П.В. Стратегическое управление землями сельскохозяйственного назначения: сущность, принципы и оценка эффективности / П.В. Демидов, А.В. Улезько // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2018. – №2 (57). – С. 237-247.
73. Демьянова О.В. Теоретико-методологические аспекты формирования добавленной стоимости / О.В. Демьянова, Е.В. Рунова, С.Д. Вдовина, Д.Р. Садыкова // Проблемы современной экономики. – 2016. – №4 (60). – С. 72-76.
74. Денисова Н.В. Развитие интеграционных процессов в системе АПК: тенденции, особенности, проблемы в рыночных условиях / Н.В. Денисова, Н.В. Проскура // Вестник НГИЭИ. – 2019. – №6 (97). – С 39-51.
75. Деятельность институтов развития [Электронный ресурс] // Портал Минэкономразвития РФ. – Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections_instdev/institute
76. Дибиров А.А. Экономический интерес участников как основной фактор интеграции / А.А. Дибиров // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – №4 (54). – С. 117-129.
77. Дикарев В. Теоретические основы аграрных отношений в стратегии решения проблем аграрной экономики / В. Дикарев, А. Курносов // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2005. – №6. – С. 25-27.
78. Доклад о состоянии и использовании земель Краснодарского края в 2019 году [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы

государственной регистрации, кадастра и картографии по Краснодарскому краю. – Режим доступа: https://www.frskuban.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=10813&Itemid=287

79. Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2017 году. - М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. – 328 с.

80. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. №120 [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12172719/>

81. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/1315558/>

82. Доничев О. Методология оценки инновационного потенциала социально-экономических систем / О. Доничев, А. Романова, М. Баринов // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Т.15. – №1 (436). – С. 169-181.

83. Дробкова О.С. Модель управления мегарегионом на основе интеграционно-сбалансированного взаимодействия: концептуальные основы / О.С. Дробкова // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2017. – №2 (50). – С. 27.

84. Дурова Е. Проблема действенности «технологических коэффициентов» межотраслевого баланса в рамках региональной стратегии воспроизводства / Е. Дурова, А. Салов, И. Федосеев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – №10. – С. 208-212.

85. Единая межведомственная информационно-аналитическая система [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/emiss>

86. Ермакова Г.А. Тенденция развития процессов интеграции в региональном АПК / Г.А. Ермакова // Интеграционные проблемы в АПК российского Поволжья: матер. Междунар. науч.-практ. конф. - Саратов: ПНИИЭО АПК, 2017. – С. 77-81.

87. Ермолова О.В. Обеспечение межотраслевой сбалансированности в экономическом механизме управления агропродовольственным комплексом / О.В. Ермолова // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – №3. – С. 34-40.

88. Ермолова О.В. Формирование механизмов межотраслевых взаимодействий в агропродовольственном комплексе / О.В. Ермолова // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – №2. – С. 5-10.

89. Ермолова О.В. Эффективность межотраслевых взаимодействий в агропродовольственном комплексе / О.В. Ермолова, В.В. Кирсанов // Развитие территорий. – 2020. – №1 (19). – С. 38-43.

90. Жахов Н.В. Механизм государственного регулирования системного развития аграрного сектора экономики региона / Н.В. Жахов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2018. – Т.8. – №3 (28). – С. 37-44.

91. Жукова М.А. Единое информационное пространство как условие перехода к цифровой экономике / М.А. Жукова, А.В. Улезько // Современное состояние и организационно-экономические проблемы развития АПК: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Россия, Воронеж, 15-17 ноября 2018 г.). – Воронеж: ВГАУ, 2019. – С. 214-218.

92. Журова Л. Типология процессов устойчивого экономического развития экономических систем / Л. Журова, А. Топорков // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2018. – Т.2. – №1. – С. 39-49.

93. Закшевский В.Г. Стратегирование социально-экономического развития агропромышленного комплекса региона / В.Г. Закшевский, О.Г. Чарыкова, А.Ю. Квасов // АПК: Экономика, управление. – 2017. – № 12. – С. 13-23.

94. Земельные ресурсы и их использование: Том 3 // Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: в 9 т. - М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. – 312 с.

95. Земельные ресурсы и их использование: Том 3 // Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: в 8 т. - М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. – 307 с.

96. Иванова Е.В. Европейский опыт по организации агропромышленных кластеров / Е.В. Иванова // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. – 2016. – №1. – С. 117-122.

97. Иванова Е.В. Кластеры и кластерная политика в АПК / Е.В. Иванова, А.В. Саяпин //Международный сельскохозяйственный журнал. – 2018. – №5. – С. 44-47.

98. Измалков А. Приоритетные направления развития агропродовольственного комплекса региона / А. Измалков // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2016. – №3 (50). – С. 218-228.

99. Инновационные процессы: потенциал науки и задачи государства / Под ред. Г.Ю. Гуляева. – Пенза: Наука и Просвещение, 2017. – 170 с.

100. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по Краснодарскому краю: Т.1. Кн. 2. Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по городским округам и муниципальным районам Краснодарского края / Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. – Краснодар, 2018. – 464 с.

101. Калмакова Н.А. Система показателей и методов оценки сбалансированного развития промышленного предприятия / Н.А. Калмакова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2015. – Т.9. – №2. – С. 117-121.

102. Капнинова О.С. Кластеризация сельскохозяйственного производства и пищевой промышленности / О.С. Капнинова, А.В. Павлова, А.В. Полянин // Вестник Академии знаний. – 2019. – №4 (33). – С. 128-135.

103. Карамнова Н.В. Тенденции развития агропромышленной интеграции развитых стран мира / Н.В. Карамнова // Агропродовольственная политика России. – 2017. – №1 (61). – С. 26-29.

104. Карганов С.А. Об ошибочности использования в народнохозяйственном планировании экономико-математической модели В. Леонтьева и межотраслевых балансов «Затраты — Выпуск» [Электронный ресурс] / С.А. Карганов // Административно-управленческий портал. – Режим доступа: http://www.aup.ru/articles/economics/12.htm#_ftn1

105. Качественная и количественная оценка уровня продовольственной безопасности Краснодарского края / К.О. Тернавченко, Н.Л. Мала-

шенко, О.Ю. Франциско и др. // *Фундаментальные исследования*. – 2019. – №10. – С. 100-106.

106. Квазиинтеграционные структуры: от теории к управлению / С.В. Шишло, Ю.Н. Андросик, В.А. Усевич, М.М. Мистейко // *Вестник Поволжского государственного технологического университета*. Серия: Экономика и управление. – 2016. – №1 (29). – С. 35-45.

107. Керашев А.А. Проблемы и перспективы развития межотраслевого обмена в территориальном АПК на основе механизмов корпоративной интеграции / А.А. Керашев, А.А. Мокрушин, В.В. Прохорова // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 5: Экономика. – 2015. – №4 (170). – С. 173-181.

108. Кесян С.В. Кластерный подход к организации интеграционного взаимодействия субъектов АПК мезо-уровня / С.В. Кесян // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 5: Экономика. – 2014. – №3 (150). – С. 225-232.

109. Килин П.М. Межотраслевой баланс для агропромышленного комплекса региона / П.М. Килин, Н.И. Чекмарева // *Вестник Тюменского государственного университета*. – 2012. – №11. – С. 97-102.

110. Клейнер Г. От «экономики физических лиц» к системной экономике / Г. Клейнер // *Вопросы экономики*. – 2017. – №8. – С.56-73.

111. Клейнер Г.Б. От теории предприятия к теории стратегического управления / Г.Б. Клейнер // *Российский журнал менеджмента*. – 2003. – Т.1. – №1. – С. 31-56.

112. Клейнер Г.Б. Системная сбалансированность экономики: методы анализа и измерения / Г.Б. Клейнер // *Стратегическое планирование и развитие предприятий*. Секция 1: Материалы Шестнадцатого Всероссийского симпозиума. Москва, 14–15 апреля 2015 г. – М.: ЦЭМИ РАН, 2015. – С. 74–78.

113. Клейнер Г.Б. Эволюция и модернизация теории предприятия / Г.Б. Клейнер // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Экономика и управление. – 2004. – №1. – С. 123-133.

114. Коваленко Ю.Н. Управление развитием агропродовольственного комплекса / Ю.Н. Коваленко, А.В. Улезько. – Воронеж: ВГАУ, 2020. – 194 с.

115. Ковальчук М.Д. Особенности интегрированных структур в АПК / М.Д. Ковальчук // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – №4. – С. 62-65.

116. Ковальчук М.Д. Состояние интегрированных структур в сельском хозяйстве Краснодарского края / М.Д. Ковальчук // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сб. стат. по матер. XII Всеросс. конф. молод. уч. – Краснодар: КубГАУ, 2019. – С. 416-417.

117. Кожевников С.А. Институциональные и экономические основы вертикальной интеграции / С.А. Кожевников // Проблемы развития территории. – 2015. – №4 (78). – С. 142-156.

118. Козлов В.В. Инновационное развитие сельского хозяйства: ретроспективный анализ институциональной среды и уроки для России / В.В. Козлов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2018. – №5. – С. 29-32.

119. Колобова Г.А. Специфика политико-государственных механизмов регулирования экономики в современной России / Г.А. Колобова // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2016. – №1-2 (30). – С. 7-23.

120. Комарова К.А. Агропромышленная интеграция и формирование кластерных объединений организаций в АПК / К.А. Комарова, А.В. Павлова, А.В. Полянин // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2019. – №7 (52). – С. 89-95.

121. Коновалова М.Е. Институционально-технологические условия структурной сбалансированности общественного воспроизводства в трансформационной экономике России / М.Е. Коновалова. – Новосибирск: ЦРНС, 2009. – 147 с.

122. Кононова Н.Н. Перспективы технико-технологической модернизации сельского хозяйства: дисс.. ... канд. экон. наук (08.00.05) / Н.Н. Кононова. – Воронеж, 2020. – 190 с.

123. Кононова Н.Н. Технико-технологическое обеспечение развития экономических систем / Н.Н. Кононова, А.В. Улезько, А.П. Курносков // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2019. – №3 (62). – С. 114-124.

124. Конончук В.В. Моделирование инновационного устойчивого развития регионального АПК / В.В. Конончук // Экономика сельского хозяйства России. – 2021. – №1. – С. 80-86.

125. Корецкий П.Б. Направления информатизации снабженческо-сбытовой деятельности в сельском хозяйстве / П.Б. Корецкий, А.В. Улезько // Экономика сельского хозяйства России. - 2017. - №5. - С. 24-30.

126. Корецкий П.Б. Отношения обмена в системе формирования экономического пространства / П.Б. Корецкий, А.В. Улезько, Ш.Т. Каюмова // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2016. – Вып. 2 (49). – С. 155-162.

127. Коростелев В. Развитие агропродовольственного комплекса России на современном этапе: проблемы и перспективы / В. Коростелев // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. – 2017. – №1. - С. 7-13.

128. Костяева Е.В. Устойчивое развитие страхового рынка как фактор обеспечения экономической безопасности страны / Е.В. Костяева, Н.И. Аксенова // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 9-3 (86). – С. 1065-1070.

129. Котляров И.Д. Вертикально кооперированные агропромышленные организации в сельском хозяйстве стран СНГ / И.Д. Котляров // Международный научно-производственный журнал «Экономика АПК». – 2016. – №10 (264). – С. 89-94.

130. Кошелева Е.А. Формирование новой промышленной политики агропродовольственной сферы России / Е.А. Кошелева // Агропродовольственная экономика. – 2016. – №7. – С. 53-60.

131. Кравченко Д.Б. Разработка пространственно-отраслевой модели эффективного развития АПК муниципальных образований Краснодарского края / Д.Б. Кравченко // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2019. – Т.8. – №2 (27). – С. 194-198.

132. Краснодарский край. Статистический ежегодник. 2019: Статистический сборник. – Краснодар: Краснодарстат, 2020. – 394 с.

133. Краснодарский край: Основные показатели промышленного производства (натуральные показатели) по ОКВЭД-2007 (2010, 2012-2016) [Электронный ресурс] // Сайт Управления Федеральной службы государ-

ственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. – Режим доступа: https://krsdstat.gks.ru/production_kk

134. Критерии отнесения отходов к I-V классам опасности по степени негативного воздействия на окружающую среду: утверждены Приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 4 декабря 2014 г. № 536 [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/71296500/>

135. Криулина Е.Н. Роль и место интеграции в механизме управления сельским развитием / Е.Н. Криулина, И.А. Горбатко // АПК: Экономика, управление. – 2018. – №4. – С. 28-36.

136. Крылатых Э.Н. Многофункциональность агропродовольственного сектора: концепция, практическая реализация / Э.Н. Крылатых // Экономика региона. – 2011. – №4. – С. 21-35.

137. Крылатых Э.Н. Многофункциональность агропродовольственной сферы: методология исследований для разработки стратегии развития / Э.Н. Крылатых. – Москва: Энциклопедия российских деревень, 2012. – 256 с.

138. Крысанов А.В. Экономические проблемы формирования и функционирования интегрированных структур в АПК и сельском хозяйстве / А.В. Крысанов // Экономика и социум: современные модели развития. – 2017. – №15. – С. 113-125.

139. Кувшинов В.А. Концентрация сельскохозяйственного производства: тенденции и перспективы / В.А.Кувшинов, А.В.Бекетов, И.А.Минаков // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. – 2021. – №1 (64). – С. 181-186.

140. Кудош Е. Повышение эффективности взаимодействия экономических субъектов в агропромышленном комплексе / Е. Кудош // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2017. – №4 (123). – С. 41-47.

141. Кудреватых Н. Агропродовольственный кластер: понятие, функции, условия и принципы формирования / Н. Кудреватых // Технология и товароведение инновационных пищевых продуктов. – 2011. – № 2 (7). – С. 113-118.

142. Кузичева Н.Ю. Систематизация форм взаимодействия в АПК / Н.Ю. Кузичева // Теория и практика мировой науки. – 2017. – №1. – С. 24-28.

143. Курносов А. Межхозяйственная кооперация в животноводстве / А. Курносов, А. Демченко // АПК: Экономика, управление. – 1997. – №8. – С. 49-54.

144. Курносов А.П. Разработка экономико-математической модели по определению оптимальной отраслевой структуры производства в сельскохозяйственных предприятиях / А.П. Курносов и др. – Воронеж: ВГАУ, 1999. – 64 с.

145. Курносова В. Информационное обеспечение управления: сущность, функции, принципы организации / В. Курносова // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2015. – №2 (45). – С. 92-99.

146. Кусакина О.Н. Предпосылки формирования интегрированных структур в сельском хозяйстве / О.Н. Кусакина, В.А.Дорошенко // Институционально-факторные особенности и тенденции развития экономики в условиях цифровизации. – Ставрополь: Изд-во «АГРУС», 2020. – С. 156-164.

147. Кусакина О.Н. Современные тенденции интеграционных процессов в агропромышленном комплексе / О.Н.Кусакина, В.А.Дорошенко // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2020. – Т.2. – №11 (107). – С. 59-64.

148. Кусакина О.Н. Управление социально-экономической эффективностью интегрированных предпринимательских структур: региональный аспект / О.Н. Кусакина, Е.В. Кащеева, Е.В. Скиперская // Вестник АПК Ставрополья. – 2014. – №3 (15). – С. 257-262.

149. Лавриков В.И. Интеграционные процессы в агропромышленном комплексе как система факторов стабилизации и роста производства / В.И. Лавриков // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – Т.7. – №15 (108). – С. 37-44.

150. Лаженцев В.Н. Концепция программного решения проблем формирования и развития территориально-хозяйственных систем / В.Н. Лаженцев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т.10. – №5. – С. 37-50.

151. Лазько О.В. Стратегические ориентиры управления процессами цифровой трансформации в агропромышленном комплексе / О.В. Лазько,

С.В. Семченкова, О.Л. Лукашева // Московский экономический журнал. – 2018. – №4. – С. 43.

152. Лалаян Г.Г. Проблемы и перспективы повышения эффективности функционирования свеклосахарного подкомплекса АПК / Г.Г. Лалаян, Е.В. Кремянская, В.И. Перцухов. – Краснодар: КубГАУ, 2017. – 235 с.

153. Ластовка И.В. Технологические цепи как система организационно-экономических отношений / И.В. Ластовка // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2010. – №5 (107). – С. 25-29.

154. Левин Ю.А. Модернизация структуры АПК Краснодарского края: новая модель / Ю.А. Левин, Н.А. Лебедев // Инновации и инвестиции. – 2018. – №6. – С. 184-185.

155. Лиханов А.С. В поисках системного взгляда на сбалансированную систему показателей / А.С. Лиханов, Ю.Ю. Петрунин, В.М. Пурлик // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2016. – №4. – С. 3-12.

156. Лобков К.Ю. Предпосылки и значение развития интегрированных структур АПК в современных экономических условиях / К.Ю. Лобков, А.В. Цветцых, З.Е. Шапорова // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2017. – №1 (5). – С. 81-88.

157. Лойко В.И. Анализ взаимодействия сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий АПК на основе потоковых моделей стоимости в переходном режиме / В.И. Лойко, Т.П. Барановская // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2019. – Т.12. – №1 (60). – С. 193-200.

158. Лойко В.И. Управление производственным процессом в сельском хозяйстве на основе моделирования и оценки цепочек создания добавленной стоимости / В.И. Лойко, Т.П. Барановская // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2020. – №156. – С. 211-227.

159. Лукин Е.В. Отраслевая и территориальная специфика цепочек добавленной стоимости в России: межотраслевой подход / Е.В. Лукин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т.12. – №6. – С. 129-149.

160. Лытнева Н.А. Сущность, принципы и функции корпоративной политики в интегрированных формированиях АПК / Н.А. Лытнева, Н.В. Парушина, А.В. Полянин // Вестник ОрелГИЭТ. – 2017. – №4 (42). – С. 7-12.

161. Лычев Н. Десять трендов 2020 года [Электронный ресурс] / Н. Лычев // Агроинвестор. – Режим доступа: <https://www.agroinvestor.ru/opinion/article/33167-desyat-trendov-2020-goda/>

162. Май-Борода Г.Н. Методология оценки эффективности кооперационного и интеграционного взаимодействия в АПК / Г.Н. Май-Борода // Terra Economicus. – 2011. – Т.9. – №1-2. – С. 57-61.

163. Макаревич Л.О. Агропродовольственный комплекс как форма агропромышленной интеграции / Л.О. Макаревич, А.В. Улезько // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2019. – №78. – С. 27-32.

164. Макаревич Л.О. Институциональная среда и институты развития агропродовольственных систем / Л.О. Макаревич, А.В. Улезько // Финансовая экономика. – 2019. – №7. – С. 282 -285.

165. Макаревич Л.О. Интеграционные взаимодействия: сущность и механизм обеспечения / Л.О. Макаревич, А.В. Улезько // Финансовая экономика. – 2019. – №9. – С. 164 -168.

166. Макаревич Л.О. Концептуальные и методологические подходы к обеспечению сбалансированного развития агропродовольственных систем / Л.О. Макаревич, А.В. Улезько // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2019. – №3 (62). – С. 103-113.

167. Макаревич Л.О. Методологические аспекты обоснования перспективной модели развития агропромышленной интеграции / Л.О. Макаревич, А.В. Улезько // Экономика сельского хозяйства России. – 2020. – №10. – С. 100-107.

168. Макаревич Л.О. Механизм обеспечения сбалансированности развития экономических систем / Л.О. Макаревич, А.В. Улезько // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2019. – №2 (61). – С. 208-215.

169. Макаревич Л.О. Модели развития агроэкономических систем: сущность и классификация / Л.О. Макаревич, А.В. Улезько // Экономика сельского хозяйства России. – 2019. – №4. – С. 14-18.

170. Макаревич Л.О. Особенности организации интеграционных процессов в агропродовольственных системах / Л.О. Макаревич, А.В. Улезько // Новые технологии. – 2019. – №4. – С. 257-265.

171. Макаревич Л.О. Особенности организации продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе и перспективы их развития / Л.О. Макаревич, А.В. Улезько // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2020. – №3 (66). – С. 136-145.

172. Макаревич Л.О. Особенности оценки уровня сбалансированности агропродовольственных систем / Л.О. Макаревич, А.В. Улезько // Экономика сельского хозяйства России. – 2020. – №5. – С. 75-81.

173. Макаревич Л.О. Оценка интеграционных процессов в агропродовольственном комплексе Краснодарского края / Л.О. Макаревич, А.В. Улезько, В.В. Реймер // АПК: экономика и управление. – 2020. – №4. – С. 33-42.

174. Макаревич Л.О. Сбалансированное развитие экономических систем: сущность и принципы обеспечения / Л.О. Макаревич, А.В. Улезько // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2018. – №4 (59). – С. 217-225.

175. Макаревич Л.О. Сбалансированное развитие экономических систем: сущность и принципы обеспечения / Л.О. Макаревич, А.В. Улезько // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2018. – № 4 (59). – С. 141-147.

176. Макаревич Л.О. Состояние и тенденции развития агропродовольственного комплекса Краснодарского края / Л.О. Макаревич, А.В. Улезько // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2020. – №2 (65). – С. 169-177.

177. Макаревич Л.О. Специфика организации процессов управления сбалансированным развитием агропродовольственных систем / Л.О. Макаревич, А.В. Улезько // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2020. – №1 (64). – С. 108-115.

178. Макаревич Л.О. Стратегические ориентиры развития агропромышленной интеграции в Краснодарском крае / Л.О. Макаревич, А.В. Улезько, В.В. Реймер // АПК: экономика и управление. – 2020. – №10. – С. 51-63.

179. Макаревич Л.О. Формы взаимодействия субъектов агропромышленной интеграции / Л.О. Макаревич, А.В. Улезько, В.В. Реймер // Экономика сельского хозяйства России. – 2019. – №7. – С. 53-59.

180. Макаревич О.А. К вопросу об управлении корпоративными интегрированными структурами агропромышленного сектора экономики Краснодарского края / О.А. Макаревич // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – Т.11. – №11 (296). – С. 29-38.

181. Макаревич О.А. Корпоративные интегрированные структуры агропромышленного сектора экономики и оценка их развития в Краснодарском крае / О.А. Макаревич // Психология. Экономика. Право. – 2014. – №4. – С. 50-59.

182. Максимова Е. Бум строительства теплиц прошел [Электронный ресурс] // Е. Максимова // Агроинвестор. – 2020. – Режим доступа: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/34412-bum-stroitelstva-teplits-proshel/>

183. Малкандуев Э.М. Инновации как фактор комплексной модернизации и устойчивого развития ЖКХ / Э.М. Малкандуев // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2018. – №3 (83). – С. 68-72.

184. Манцеров С.А. Структурная систематика единого информационного пространства машиностроительного кластера / С.А. Манцеров, А.Ю. Панов // Вестник ВГТУ. – 2008. – Т.4. – №1. – С. 37-42.

185. Мартынов В.А. Механизмы регулирования рыночной экономики / В.А. Мартынов, Н.В. Мартынова, Е. С. Степанова // Актуальные проблемы российского менеджмента: сб. науч. тр. – Тамбов: ТГТУ, 2007. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://finlit.online/management-obschie-voprosyi/mehanizmyi-regulirovaniya-ryinochnoy.html>

186. Маточкин Е.Л. Механизм экономического взаимодействия и сбалансированности интересов субъектов корпоративного управления / Е.Л. Маточкин // Экономика и управление. – 2010. – №2 (52). – С. 73-79.

187. Минаков И.А. Кооперация и агропромышленная интеграция в АПК / И.А. Минаков. – М.: КолосС, 2007. – 264 с.

188. Минаков И.А. Развитие интеграционных процессов в агропромышленном комплексе / И.А. Минаков. – Мичуринск: МичГАУ, 2016. – 227 с.

189. Минаков И.А. Формирование продовольственной безопасности на региональном уровне / И.А.Минаков // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. – 2020. – №1 (60). – С. 203-208.

190. Минеева Н.Н. Диверсификация в агропродовольственной сфере / Н.Н. Минеева // Никоновские чтения. – 2015. – №20-1. – С. 363-365.

191. Минеева Н.Н. Сетевое взаимодействие экономических субъектов агропродовольственной системы / Н.Н. Минеева // Никоновские чтения. – 2012. – №17. – С.158-159.

192. Мираторг стал крупнейшим землевладельцем в стране [Электронный ресурс] // Агроинвестор. – Режим доступа: <https://www.agroinvestor.ru/rating/news/31724-miratorg-stal-krupneyshim-zemlevladeltsem/>

193. Митрохин В.В. Инновации как инструмент обеспечения устойчивого развития банковской сферы / В.В. Митрохин, А.В. Грибанов // Бизнес. Образование. Право. – 2018. – №3 (44). – С. 127-134.

194. Моисеев Н.Н. «Устойчивое развитие» или «стратегия переходного периода» // Зеленый мир. – 1995. – № 14. – С. 3-5.

195. Морозов В. Взаимодействие, как философско-экономическая категория (понятие, виды и свойства) / В. Морозов // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2015. – №20. – С. 81-87.

196. Мохов В.Г. Устойчивое развитие туризма / В.Г. Мохов, П.В. Павлова // Управление инвестициями и инновациями. – 2018. – №1. – С. 95-98.

197. Мыльников Е. Роль внутрикластерного взаимодействия в развитии регионального аграрного производства / Е. Мыльников, С. Головина, Н. Володина и др. // Вестник Курганской ГСХА. – 2017. – №2 (22). – С. 14-19.

198. Назаров Е. Механизмы интеграционных процессов в АПК в современных условиях хозяйствования / Е. Назаров, В. Захаров // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2017. – № Т39. – С. 1906-1910.

199. Национальные счета. Произведенный ВВП. Годовые данные по ОКВЭД 2 // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/accounts>

200. Нечаев Н. Развитие интегрированных структур в АПК: проблемы и этапы решения / Н. Нечаев, К. Терновых // Агропромышленный потенциал региона: состояние, проблемы, решения. – Елец: ЕлГУ, 2012. – С. 75-89.

201. Никифорова Ю.А. Проблемы и тенденции развития сельскохозяйственного производства в Краснодарском крае / Ю.А. Никифорова, Н.В. Гайдук // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2017. – №132. – С. 1132-1154.

202. Новиков А.И. Особенности воспроизводственного процесса в агропродовольственном секторе при решении задач импортозамещения: методологические аспекты / А.И. Новиков // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки. – 2015. – №1 (3). – С. 49-54.

203. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70684666/>

204. Обоснование алгоритма сбалансированного развития цифровой экосистемы агропродовольственного комплекса России / М.Н. Осовин // Островские чтения. – 2019. – №1. – С. 166-172.

205. Одинцов Б.Е. Моделирование процесса приведения предприятия в сбалансированное состояние / Б.Е. Одинцов, А.Н. Романов // Управленческие науки. – 2016. – Т.6. – №2. – С. 101-112.

206. Окладчик С.А. Развитие организационно-экономических отношений при агропромышленной интеграции / С.А. Окладчик // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – Т.10. – №3 (39). – С. 28-38.

207. Панеш К.М. Структурная модернизация птицепродуктового подкомплекса АПК региона на основе интеграционных трансформаций (на материалах Республики Адыгея): дисс. ... канд. экон. наук / К.М. Панеш. – Майкоп, 2013. – 173 с.

208. Папахчян И.А. Современные инструменты госрегулирования сельхозпроизводства / И.А. Папахчян, А.В. Толмачев // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2017. – №132. – С. 464-483.

209. Параметризация, моделирование и оптимизация конкурентоспособности АПК / А. Трубилин, А. Бурда, Г. Бурда и др. – Краснодар: КубГАУ, 2012. – 630 с.

210. Парамонов П.Ф. Кооперация и агропромышленная интеграция как важное направление становления организованного агропродовольственного рынка / П.Ф. Парамонов, И.Е. Халявка // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – №116. – С. 553-567.

211. Паршутина И.Г. Особенности интеграционных процессов в агропромышленном комплексе / И.Г. Паршутина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2007. – Т.3. – №2 (11). – С. 39-42.

212. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. №16) // Официальный сайт Правительства России. – Режим доступа: <http://government.ru/info/35568/>

213. Петрова-Шатохина Т. Инновационно-инвестиционный потенциал аграрного сектора: сущность и специфика формирования / Т. Петрова-Шатохина // Экономика сельского хозяйства России. – 2017. – №12. – С. 27-34.

214. Печеневский В Моделирование перспективного развития сельскохозяйственного производства АПК региона (на примере Воронежской области) / В. Печеневский, И. Загайтов, Л. Яновский // АПК: экономика, управление. – 2004. – №10. – С. 55-64.

215. Пивоварова М.А. Вызовы и угрозы устойчивому развитию мировой экономики / М.А. Пивоварова. – Экономика. Налоги. Право. – 2016. – Т.9. – №3. – С. 34-42.

216. План мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года: утвержден Постановлением главы администрации (губернатором) Краснодарского края от 3 июня 2019 г. №328 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/553366315>

217. Плякин А.В. Развитие и трансформация в структуре движения национального хозяйства / А.В. Плякин, Е.А. Орехова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2008. – Т.8. – №2. – С. 3-12.

218. Поголовье сельскохозяйственных животных: Том 5. Книга 2. Группировки объектов переписи по поголовью сельскохозяйственных животных // Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: в 9 т. - М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. – 480 с.

219. Поголовье сельскохозяйственных животных: Том 5. Книга 2. Группировки объектов переписи по поголовью сельскохозяйственных животных // Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: в 8 т. - М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. – 453 с.

220. Полтерович В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) / В.М. Полтерович // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – №5 (47). – С. 34-56.

221. Полянин А.В. Модернизация механизмов государственного регулирования агробизнеса в России / А.В. Полянин, О.В. Попова, А.А. Сидорин // Экономика и предпринимательство. – 2019. – №6 (107). – С. 82-87.

222. Полянин А.В. Современная концепция региональных точек экономического роста / А.В. Полянин, Л.И. Проняева // Регион: системы, экономика, управление. – 2020. – №2 (49). – С. 24-33.

223. Пономарева Е.В. Построение технологической цепочки как инструмент определения стратегии развития предприятия / Е.В. Пономарева // Альманах мировой науки. – 2016. – № 11-3 (14). – С. 90-92.

224. Попкова Е.В. Развитие производственной инфраструктуры в интегрированных агропромышленных формированиях / Е.В. Попкова, К.С. Терновых. – Воронеж: ВГАУ, 2012. – 226 с.

225. Попов М.В. Структурная динамика агропродовольственного комплекса: приоритеты и управление / М.В. Попов, О.В. Ермолова, В.В. Кирсанов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2019. – №5 (79). – С. 75-79.

226. Потребление основных продуктов питания населением Российской Федерации [Электронное издание] // Официальный сайт Федеральной

службы государственной статистики. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/compendium/document/13278>

227. Правкин И.М. Корпоративные структуры в развитии АПК / И.М. Правкин // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2015. – №4 (82). – С. 45-49.

228. Прикладные аспекты формирования добавленной стоимости в промышленном и агропромышленном комплексах региона / З.А. Васильева, А.В. Москвина, Т.П. Лихачева, Е.С. Ковзунова // Фундаментальные исследования. – 2018. – №11-2. – С. 188-194.

229. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. №1632-р (утратила силу) // Информационно-правовой портал Гарант.ру. – Режим доступа: base.garant.ru/71734878

230. Прущак О.. Стратегические приоритеты устойчивого развития регионального АПК / О. Прущак // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2016. – №5 (64). – С. 42-47.

231. Радзиевская Т.В. Эволюция государственного регулирования экономики, его особенности и механизм в условиях модернизации и инновационного развития в современной России / Т.В. Радзиевская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2016. – №3. – С. 18-23.

232. Развитие продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе: межотраслевые аспекты исследования / О.В. Ермолова, Н.А. Яковенко, В.В. Кирсанов и др. – Саратов: Саратовский источник, 2017. – 156 с.

233. Ревенко Л. Новые условия взаимодействия субъектов мирового рынка сельскохозяйственных товаров: противоречия цифровизации / Л. Ревенко, Н. Ревенко // Горизонты экономики. – 2018. – №4 (44). – С. 62-68.

234. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. // Росстат. – М.: Росстат, 2020. – 1242 с.

235. Резкин П.Е. Концепция цепочек создания стоимости: состояние и перспективы развития / П.Е. Резкин // Актуальные проблемы науки XXI века. – 2016. – №5. – С. 45-51.

236. Реймер В.В. Концептуальный подход к разработке стратегии инновационного развития АПК Дальнего Востока / В.В. Реймер и др. // Экономика сельского хозяйства России. – 2016. – №1. – С. 20-26.

237. Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающие современным требованиям здорового питания: утверждены Приказом Минздрава РФ от 19 августа 2016 г. № 614 [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант.ру. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71385784/>

238. Решетников Г. Институциональные преобразования в агропродовольственном комплексе: исторический аспект / Г. Решетников // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. – 2018. – Т.1. – С. 81.

239. Решетникова Е. Приоритетные направления развития институциональной среды агропродовольственного комплекса в условиях глобальных вызовов / Е. Решетникова // Островские чтения. – 2017. – №1. – С. 43-48.

240. Решетникова Е.Г. Метод межотраслевого баланса в прогнозировании развития АПК / Е.Г. Решетникова // Никоновские чтения. – 2016. – №21. – С. 81-82.

241. Решетникова Е.Г. Стратегические приоритеты инновационного развития институциональной среды АПК / Е.Г. Решетникова // Островские чтения. – 2016. – №1. – С. 44-50.

242. Решетникова Е.Г. Трансформация институтов национального агропродовольственного комплекса в условиях современных вызовов мирового продовольственного рынка / Е.Г. Решетникова // Региональные агро-системы: экономика и социология. – 2020. – №1. – С. 34-40.

243. Ризванова М.А. Применение модели межотраслевого баланса В. Леонтьева в прогнозировании экономики / М.А. Ризванова // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т.20. – №3. – С. 927-932.

244. Родионова О.А Теория, методология и практика реализации эквивалентных межотраслевых отношений в АПК / О.А. Родионова, А.С. Труба, Л.А. Головина и др. Под ред. О.А. Родионовой. – Москва: Фонд развития и поддержки молодёжи "Кадровый резерв, 2019. – 220 с.

245. Родионова О.А. Инвариантность экономических отношений в сфере производства и переработки сельхозпродукции: структурно-функциональный анализ / О.А. Родионова, О.А. Гребенькова // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2018. – №11 (44). – С. 55-62.

246. Родионова О.А. Индикаторы развития сельского хозяйства в контексте межотраслевых отношений в сфере АПК / О.А. Родионова, А.А. Перцев // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2018. – №5 (38). – С. 51-58.

247. Родионова О.А. Межотраслевое и межрегиональное развитие крупного аграрного предпринимательства / О.А. Родионова, Т.Г. Евсюкова // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. – 2020. – №3. – С. 156-163.

248. Родионова О.А. Методологические подходы к оценке эквивалентности экономических отношений на основе межотраслевых сравнений / О.А. Родионова // АПК: Экономика, управление. – 2018. – №10. – С. 66-72.

249. Родионова О.А. Стимулирующие и сдерживающие факторы развития интеграции в агропродовольственном секторе / О.А. Родионова // Аграрный вестник Урала. – 2009. – №8 (62). – С. 25-28.

250. Розанов Д.А. Совершенствование механизмов государственного регулирования экономики / Д.А. Розанов // Экономика устойчивого развития. – 2016. – №3 (27). – С. 344-350.

251. Розанова Н. Цифровая экосистема как новая конфигурация бизнеса в XXI веке / Н. Розанова // Общество и экономика. – 2019. – №2. – С. 14-29.

252. Российский статистический ежегодник [Электронное издание] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/210/document/12994>

253. Рубан В.А. Методология управления качеством развития территориально-отраслевых систем на основе партнерства / В.А. Рубан // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 2(42). – С. 274-277.

254. Румянцев А.А. Субстратный подход к построению качественно оптимальных систем, процессов и стратегий / А.А. Румянцев // Евразийский союз ученых. – 2015. – №12-2 (21). – С. 115-119.

255. Рысьмятов А.З. К расширению понимания проблем формирования гибких и адаптивных структур воспроизводства в АПК / А.З. Рысьмятов, С.А. Дьяков, А.М. Шитухин // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2017. – №127. – С. 176-192.

256. Рысьмятов А.З. Проблемы регулирования внутрикорпоративного взаимодействия участников интегрированных агропромышленных формирований / А.З. Рысьмятов, К.М. Панеш // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. – 2012. – №4 (111). – С. 207-211.

257. Рябчикова Н.Н. Механизм кластерно-сетевого управления агропродовольственным комплексом России / Н.Н. Рябчикова // Вестник НГИЭИ. – 2019. – №6 (97). – С. 23-38.

258. Рябчикова Н.Н. Оптимизация трансакционных издержек путем формирования кластерных структур в АПК / Н.Н. Рябчикова // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – №4. – С. 79-86.

259. Савченко Т.В. Управление производством масличных культур на основе кластерного подхода / Т.В. Савченко и др. – Воронеж: ВГАУ, 2013. – 160 с.

260. Сазонова А.С. Инновационный потенциал экономической системы: сущность и содержание понятия / А.С. Сазонова, Л.Б. Филиппова, Р.А. Филиппов // Инновации в промышленности, управлении и образовании: матер. конф. – Брянск: БрГТУ, 2017. – С. 8-10.

261. Саидов И.Д. Формирование эффективных интегрированных структур агропромышленного комплекса / И.Д. Саидов // Островские чтения. – 2016. – №1. – С. 423-426.

262. Сведения о наличии и распределении земель в Российской Федерации // Официальный сайт Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). – Режим доступа: <https://rosreestr.ru/site/activity/sostoyanie-zemel-rossii/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-v-rossiyskoy-federatsii/>

263. Свистула И.А. Межотраслевой подход в интеграционном развитии регионального агропромышленного комплекса / И.А. Свистула, Н.В. Белая, А.Л. Полтарыхин. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2016. – 201 с.

264. Свое Фермерство: информационный портал. – Режим доступа: <https://svoefarmerstvo.ru/>

265. Северина Ю.Н. Особенности агропродовольственного комплекса как объекта управления / Ю.Н. Северина, А.В. Улезько // Экономика сельского хозяйства России. – 2017. – №9. – С. 54-61.

266. Сельское хозяйство в России [Электронное издание] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13226>

267. Семенова И.М. Приоритетные направления развития механизма реализации экономических интересов сельского населения / И.М. Семенова и др. // Экономика сельского хозяйства России. – 2017. – №2. – С. 68-73.

268. Серебренников С.С. Моделирование механизмов устранения дисбалансов в экономической системе / С.С. Серебренников // Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. – 2017. – №23 (28). – С. 70-74.

269. Сидоров М.А. Особенности формирования региональных межотраслевых балансовых моделей / М.А. Сидоров // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2019. – №1. – С. 32-38.

270. Сидорова Е.Н. Институты развития как инструмент реализации государственной инвестиционной политики: анализ современного состояния, оценка результативности / Е.Н. Сидорова, Д.А. Татаркин // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – 2016. – Т.15. – №4. – С. 506–528.

271. Сидякина О.А. Инструментарий обеспечения устойчивого развития агропромышленного региона / О.А. Сидякина, А.В. Саяпин // Социально-экономические явления и процессы. – 2015. – Т.10. – №4. – С. 81-88.

272. Синявский Н.Г. Взаимодействие субъектов экономики в процессе институциональных преобразований в аграрной сфере / Н.Г. Синявский, Н.А. Яковенко, Н.В. Кучковская // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: Наука и высшее профессиональное образование. – 2012. – №1 (25). – С. 197-201.

273. Сироткина Н.В. Факторы и условия обеспечения сбалансированного развития региона / Н.В. Сироткина, А.Ю. Гончаров, И.Н. Воронцова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2014. – №4. – С. 93-100.

274. Скрипниченко Ю.С. Экономико-математическое моделирование результатов производственно-хозяйственной деятельности субъектов аграрного сектора экономики региона / Ю.С. Скрипниченко // Экономика и предпринимательство. – 2012. – №4 (27). – С. 215-219.

275. Смагин Б.И. Эффективность и оптимизация функционирования аграрной сферы производства / Б.И. Смагин // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. – 2019. – №4 (59). – С. 141-147.

276. Советов П.М. Агропромышленная интеграция: концепции, механизмы, эффективность / П.М. Советов. – Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН. 2007. – 117 с.

277. Соколов А.В. Производственные комплексы в экономике России / А.В. Соколов // Экономика и политика. – 2010. – №11 (72). – С. 19-22.

278. Соколов И.А. Институты развития и бюджет: результаты и перспективы [Электронный ресурс] / И.А. Соколов // Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара. – Режим доступа: http://www.iep.ru/files/strat_2020/Sokolov_06_2011.ppt.

279. Солдатова С.Э. Идентификация и моделирование участия предприятий регионального АПК в цепочках создания стоимости / С.Э. Солдатова, К.Ю. Волощенко // Управленческое консультирование. – 2016. – №10 (94). – С. 83-92.

280. Солнцев О.Г. Институты развития: анализ и оценка мирового опыта / О.Г. Солнцев, М.Ю. Хромов, Р.Г. Волков // Проблемы прогнозирования. – 2009. – №2 (113). – С. 3-29.

281. Соловьева О.А. Особенности механизма государственного регулирования экономики / О.А. Соловьева // Проблемы современной экономики. – 2011. – №4 (40). – С. 72-76.

282. Соломахин А.Н. Решение задачи оптимизации программы развития регионального АПК методом анализа иерархий Саати / А.Н. Соломахин // Системы управления и информационные технологии. – 2007. – №1-2 (27). – С. 279-282.

283. Сорокина И.О. Пути исследования мотивов экономической интеграции / И.О. Сорокина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2008. – Т.4. – №12 (33). – С. 76-84.

284. Сорокина И.О. Экономическая сущность процесса интеграции хозяйствующих субъектов / И.О. Сорокина // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2009. – №16. – С. 296-306.

285. Стали известны самые крупные землевладельцы юга России [Электронный ресурс] // ФедералПресс. – Режим доступа: <https://fedpress.ru/news/23/economy/2250431>

286. Стратегия развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации: утверждена Распоряжением Правительства РФ от 17 апреля 2012 года №559-р // Кодекс. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902343994>

287. Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года: утверждена Законом Краснодарского края от 21 декабря 2018 г. № 3930-КЗ [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/550301926>

288. Суворова А.П. Обеспечение сбалансированного развития инновационной деятельности экономических систем в строительной сфере / А.П. Суворова // Вопросы экономики и права. – 2014. – №2. – С. 65-69.

289. Судьин К.Н. Устойчивое развитие социально-экономических систем: подходы к определению сущности / К.Н. Судьин // Сибирская финансовая школа. – 2013. – №2 (97). – С. 18-22.

290. Супрядкина А.Ю. Управление цепочками создания ценностей при распределенном производстве социально значимой продукции: автореф. дис. ... канд. экон. наук (08.00.05) / А.Ю. Супрядкина. – Санкт-Петербург, 2012. – 22 с.

291. Суходолов С.М. Вертикальная агропромышленная интеграция в социально-экономическом развитии АПК России: автореф. дис. ... канд. экон. наук (08.00.01) / С.М.Суходолов. – Томск, 2006. – 23 с.

292. Тараненко В.А. Оценка и перспективы развития молочной промышленности в Краснодарском крае / В.А. Тараненко, С.Н. Косников // Вестник Башкирского государственного аграрного университета. – 2019. – №3 (51). – С. 64-69.

293. Тарануха Ю. В. Предприятие и предпринимательство в трансформируемой экономике / Е.В. Тарануха // Менеджмент в России и за рубежом. – 2003. – № 3. – С. 116-129.

294. Тебекин А.В. Анализ подходов сбалансированного развития экономических систем / А.В. Тебекин, М.С. Анастасов // Транспортное дело России. – 2016. – №5. – С. 80-83.

295. Тебекин А.В. Методические подходы к обеспечению сбалансированного развития экономических систем / А.В. Тебекин, М.С. Анастасов // Журнал исследований по управлению. – 2018. – Т.4. – №5. – С. 16-27.

296. Тебекин А.В. Эволюция теории сбалансированного развития экономических систем и современные ее тенденции / А.В. Тебекин, М.С. Анастасов // Стратегии бизнеса. – 2017. – №2 (34). – С. 7-11.

297. Теория и методы управления межотраслевыми и межрегиональными взаимодействиями в агропродовольственном комплексе / Под общ. ред. А.А. Анфиногентовой. – Саратов: Саратовский источник, 2019. – 118 с.

298. Терновых К.С. Агропромышленная интеграция в условиях трансформации экономики: тенденции и механизм реализации / К.С. Терновых, П.С. Гребнев. – Воронеж: ВГАУ, 2002. – 48 с.

299. Терновых К.С. Агропромышленные интегрированные формирования: состояние и перспективы развития: монография / К.С. Терновых, Н.Г. Нечаев, А.А. Измалков и др. – Воронеж: ВГАУ, 2013. – 245 с.

300. Терновых К.С. Интеграционные процессы в животноводстве: состояние и пути совершенствования / К.С. Терновых, А.А. Измалков // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2013. – №1 (36). – С. 336-343.

301. Терновых К.С. Интегрированные агропромышленные формирования: особенности функционирования и перспективы развития в условиях ЦЧР / К.С. Терновых и др. – Воронеж: ВГАУ, 2016. – 163 с.

302. Терновых К.С. К вопросу о механизме институционального развития сельских территорий / К.С. Терновых, А.В. Агибалов, А.Л. Маркова // Вестник аграрной науки. – 2017. – №6 (69). – С. 171-179.

303. Терновых К.С. К вопросу о формировании инновационной системы развития регионального АПК / К.С. Терновых, А.А. Измалков //

Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2015. – №4 (47). – С. 208-217.

304. Терновых К.С. Развитие интеграционных процессов в АПК региона / К.С. Терновых, А.К. Камалян, А.В. Улезько // Развитие интеграционных отношений в агропромышленном производстве: сб. науч. труд. Всеросс. науч.-практ. конф. (Москва, Воронеж, 17-19 июня 2003 г.) – М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2003. – С. 124-127.

305. Терновых К.С. Развитие интегрированных структур в АПК: проблемы и этапы решения / К.С. Терновых, Н.Г. Нечаев // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2012. – №8. – С. 53-56.

306. Терновых К.С. Экономические взаимоотношения в молочно-продуктовом подкомплексе АПК / К.С. Терновых, З.П. Медеяева // Молочная промышленность. – 2005. – №8. – С. 30-31.

307. Тесленко И.Б. Новые модели взаимодействия субъектов в условиях цифровизации / И.Б. Тесленко // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – Т.218. – №4. – С. 459-466.

308. Технические средства, производственные помещения и инфраструктура: Том 6. // Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: в 9 т. - М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. – 440 с.

309. Технические средства, производственные помещения и инфраструктура: Том 6. // Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: в 8 т. - М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. – 525 с.

310. Тимофеева Г.В. Инновационные подходы к оценке уровня продовольственной безопасности в регионе / Г.В. Тимофеева, Р.И. Акмаева, А.А. Айтпаева // Могущество Сибири будет прирастать!?: сб. докл. Международ. науч. форума «Образование и предпринимательство в Сибири: направления взаимодействия и развитие регионов»: в 4 томах. Т. 4. – Новосибирск: ГГУЭиУ, 2018. – С. 310-314.

311. Толстых Т. Методические подходы к управлению инновационным потенциалом / Т. Толстых, А. Корчагин // Экономинфо. – 2017. – №3. – С. 65-67.

312. Тополева Т.Н. Экономическая интеграция в промышленности: теоретико-методологический аспект / Т.Н. Тополева // Вестник НГИЭИ. – 2019. – №1 (92). – С. 138-148.

313. Трофимец Е.Н. Экономико-математическая модель межотраслевого баланса: теоретические аспекты / Е.Н. Трофимец // Высокие технологии и инновации в науке: сб. стат. Междунар. науч. конф. – Санкт-Петербург: Развитие, 2019. – С. 261-266.

314. Трофимова О.М. Теоретические предпосылки формирования территориально-производственных систем в регионе / О.М. Трофимова // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. – 2009. – №4 (9). – С. 91-98.

315. Трунов М.С. Адаптивное управление: сущность и механизм реализации / М.С. Трунов, А.В. Улезько, Т.В. Савченко // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2019. – № 4 (63). – С. 132-137.

316. Трухачев В.И. Модели интеграционного развития животноводства в системе агропромышленного комплекса региона / В.И.Трухачев, О.Н.Кусакина, Е.А.Косинова и др. – Ставрополь:Изд-во «АГРУС», 2019. – 340 с.

317. Турутина Е. Формирование и развитие единого информационного пространства России: политико-экономический аспект / Е. Турутина, Е. Матросов // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. – 2014. – Т.217. – №1. – С. 284-290.

318. Тюкавкин Н.М. О механизме государственного регулирования экономики / Н.М. Тюкавкин, А.В. Бадирова // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. – 2011. – №9 (90). – С. 54-57.

319. Тюпаков К.Э. Современное состояние и перспективы развития АПК Краснодарского края / К.Э. Тюпаков, В.С. Курносков // Вестник Академии знаний. – 2018. – №6 (29). – С. 253-259.

320. Уколова Н.В. Государственно-частное партнерство в современном сельском хозяйстве России: экономические аспекты развития / Н.В. Уколова, С.В. Монахов, Ю.А. Шиханова // АПК: Экономика, управление. – 2019. – №4. – С. 14-19.

321. Улезько А.В. Взаимодействие экономических субъектов: объективность и принципы организации / А.В. Улезько, К.Д. Недиков // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2020. – №1 (64). – С. 134-139.

322. Улезько А.В. Машинно-технологические станции интегрированных структур АПК: формирование, использование, информационное обеспечение процессов планирования / А.В. Улезько, А.Н. Кателиков. – Воронеж: «Истоки», 2010. – 188 с.

323. Улезько А.В. Механизм реализации экономических интересов сельского населения / А.В. Улезько, И.М. Семенова. – Воронеж: ВГАУ, 2017. – 179 с.

324. Улезько А.В. Практикум по моделированию социально-экономических систем и процессов: учебное пособие / А.В. Улезько, А.А. Тютюников. - Воронеж: ВГАУ, 2009. - 143 с.

325. Улезько А.В. Развитие ресурсной базы регионального продовольственного рынка / А.В. Улезько, Д.И. Бабин. – Воронеж: ВГАУ, 2016. – 168 с.

326. Улезько А.В. Цифровая экономика: сущность и сложности перехода / А.В. Улезько // Производство и переработка сельскохозяйственной продукции: менеджмент качества и безопасности: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 7-9 ноября 2018 г.). – Ч. I. – Воронеж: ВГАУ, 2018. - С. 231-235.

327. Урсул А.Д. Будущее в контексте перехода к устойчивому развитию / А.Д. Урсул, Т.А. Урсул // Стратегические приоритеты. – 2017. – №2 (14). – С. 114-126.

328. Устойчивое развитие экономических систем: от теории к практике / Под ред. В.В. Седова. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2014. - 244 с.

329. Участники рейтинга самых дорогих земель контролируют 7,9 млн гектаров [Электронный ресурс] // Агроинвестор. – Режим доступа: <https://www.agroinvestor.ru/rating/news/31925-uchastniki-reytinga-samykh-dorogikh-zemel-kontroliruyut-7-9-mln-gektarov/>

330. Фалеев Д.А. Основные предпосылки взаимодействия экономических субъектов мезоэкономики в рамках квазиконгломерата / Д.А. Фалеев // Транспортное дело России. – 2015. – №6. – С. 99-101.

331. Фалько С.Г. Двадцать пять лет системе сбалансированных показателей: ретроспектива и перспектива / С.Г. Фалько // Контроллинг. – 2017. – №66. – С. 2-4.

332. Федорик О.В. зернопродуктовый подкомплекс АПК: проблемы функционирования и совершенствование управления / О.В. Федорик, А.В. Улезько. - Воронеж: ВГАУ, 2000. – 166 с.

333. Федотова Г.В. Кооперация и интеграция в агропромышленном комплексе / Г.В. Федотова, Л.М. Сибэгатулина // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2016. – №29 (311). – С. 14-22.

334. Феофантов К.С. Производственные цепочки в обрабатывающей промышленности / К.С. Феофантов // Бизнес-журнал. – 2010. – №7. – С. 4-9.

335. Филимонов И.В. Экосистема цифровой экономики: проблемы предметной идентификации / И.В. Филимонов // Инновации и инвестиции. – 2020. – №6. – С. 51-58.

336. Фролова О.А. Проблемы и перспективы развития интегрированных структур в АПК / О.А. Фролова, Н.С. Кулькова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2015. – №1 (20). – С. 47-50.

337. Ханова А.А. Метод ситуационного управления сложными системами на основе сбалансированной системы показателей / А.А. Ханова, Н.С. Уразалиев, З.А. Усманова // Научный вестник Новосибирского государственного технического университета. – 2015. – №3 (60). – С. 69-82.

338. Харитонов А.В. Интеграционный подход к устойчивому развитию сельского хозяйства / А.В. Харитонов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – №8. – С. 374-388.

339. Харченко Е.В. Воспроизводственный подход к управлению развитием регионального хозяйственного комплекса / Е.В. Харченко, А.Н. Михайлов // Регион: системы, экономика, управление. – 2009. – №4 (7). – С. 96-104.

340. Хилько Н.А. Вертикальная интеграция – важнейшее направление корпоративной модернизации российской экономики / Н.А. Хилько, В.В. Каргинова // Terra Economicus. – 2009. – Т.7. – №2-3. – С. 163-165.

341. Хилько Н.А. Институты совместного развития вертикально интегрированных корпораций, сетевых организаций и региональных экономи-

ческих систем / Н.А. Хилько // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. – 2013. – №3 – (127). – С. 143-147.

342. Хицков И.Ф. Развитие интеграционных процессов в АПК Центрального Черноземья / И.Ф. Хицков, М.Е. Отинова, Г.Н. Тибирьков, Г.И. Чогут // Научное обозрение: теория и практика. – 2016. – №7. – С. 6-13.

343. Хухрин А.С. Проблемы развития агропромышленных кластеров Российской Федерации / А.С. Хухрин, О.И. Бундина // Агропродовольственная политика России. – 2014. – №1 (25). – С. 37-40.

344. Чазова И.Ю. Устойчивое развитие рынка овощей защищенного грунта / И.Ю. Чазова. – Ижевск: Шелест, 2017. – 182 с.

345. Черданцев В.П. Формирование единого информационного пространства / В.П. Черданцев, П.Е. Кобелев // Аграрный вестник Урала. - 2010. - №11-1 (77). - С. 102-103.

346. Черникова С.А. Развитие высокотехнологичных производств в региональных отраслевых структурах / С.А. Черникова // АПК: Экономика, управление. – 2020. – №2. – С. 21-28.

347. Чернова О.А. Механизмы ресурсного обеспечения стратегии сбалансированного развития региона / О.А. Чернова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – Т.1. – №2 (29). – С. 66-69.

348. Чирков Е.П. Зарубежный опыт формирования и развития агропромышленных кластеров и его адаптация в российскую практику / Е.П. Чирков, Т.И. Волкова // Агропродовольственная политика России. – 2016. – №11 (59). – С. 17-23.

349. Число объектов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Трудовые ресурсы и их характеристика: Том 2. // Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: в 9 т. - М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. – 432 с.

350. Число объектов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Трудовые ресурсы и их характеристика: Том 2. // Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: в 8 т. - М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. – 383 с.

351. Шакирова Р. Институциональная среда региональной отраслевой кластеризации / Р. Шакирова // Финансы и управление. – 2016. – №3. – С. 63-75.

352. Шанина Е. Экономические предпосылки и система организации межтерриториальной интеграции агропродовольственной сферы / Е. Шанина // Белгородский экономический вестник. – 2014. – №2 (74). – С. 36-43.

353. Шаталов М.А. Экономическая интеграция в системе взаимоотношений предприятий и организаций АПК / М.А. Шаталов, С.Ю. Мычка, Ю.О. Сафонова // Вестник Донского государственного аграрного университета. – 2015. – №2-2 (16). – С. 16-22.

354. Шевцов В.В. О некоторых итогах современной агроинтеграции / В.В. Шевцов // Инновационное развитие. – 2018. – №8 (25). – С. 83-85.

355. Шевцов В.В. О некоторых тенденциях в развитии экономических отношений и интересов / В.В. Шевцов, Г.Г. Карпенко // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 9-2. – С. 157-162.

356. Шевцов В.В. Об интеграционной специфике российского АПК / В.В. Шевцов // Региональные проблемы преобразования экономики: интеграционные процессы и механизмы формирования и социально-экономическая политика региона: Матер. IX Междунар. науч.-практ. конф. – Махачкала: ИСЭИ ДНЦ РАН, 2018. – С. 481-483.

357. Шевцов В.В. О некоторых аспектах работы крупных агроформирований / В.В. Шевцов, Г.Г. Карпенко // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2019. – Т.2. – №3. – С. 142-151.

358. Шедько Ю.Н. Комплексный подход к устойчивому развитию региона / Ю.Н. Шедько // Управленческие науки в современном мире. – 2016. – Т.2. – №2. – С. 402-404.

359. Шибанова Т.Б. Тенденции и формы интеграции в агропромышленном комплексе / Т.Б. Шибанова // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2014. – №82. – С. 104-108.

360. Шилова Н.П. Организация интегрированных формирований в агропромышленном комплексе / Н.П. Шилова // Организатор производства. – 2009. – №1 (40). – С. 27-32.

361. Шинакова Н.Ю. Объективные причины возникновения и развития агропромышленной интеграции / Н.Ю. Шинакова // Вестник АПК Верхневолжья. – 2009. – №2 (6). – С. 36-40.

362. Широцкая Е.С. Формы интеграции производителей сельскохозяйственной продукции / Е.С. Широцкая, О.В. Мамонов // Агропродовольственная экономика. – 2017. – №4. – С. 24-33.

363. Шишло С.В. Концептуальная модель формирования и развития квазиинтеграционных структур / С.В. Шишло, Ю.Н. Андросик, В.А. Усевич // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. – 2016. – №4 (32). – С. 64-78.

364. Щетилова Т.В. Системные дисбалансы макроэкономического развития: синергетический аспект / Т.В. Щетилова // Журнал экономической теории. – 2015. – №1. – С. 54-68.

365. Щетинина И.В. Основные направления развития взаимоотношений хозяйствующих субъектов в АПК / И.В. Щетинина, М.В. Стенкина // АПК: Экономика, управление. – 2018. – №10. – С. 73-82.

366. Эмануэль И.В. Развитие интегрированных структур холдингового типа в агропродовольственном комплексе / И.В. Эмануэль // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2012. – №1 (40). – С. 104-107.

367. Энгельгарт В.А. Интегрatism - путь от простого к сложному в познании явлений жизни / В.А. Энгельгарт // Вопросы философии. – 1970. – №11. – С. 103-115.

368. Юрина Е.А. Кластерные модели развития региональных систем / Е.А. Юрина, Е.В. Иванова // Социально-экономические явления и процессы. – 2015. – Т.10. – №10. – С. 189-194.

369. Юшкова Н.Г. Институциональные основания совершенствования методологии регионального стратегирования / Н.Г. Юшкова // Региональное развитие. – 2016. – №3. – С. 12.

370. Яковенко Н.А. Обоснование сценариев развития продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе / Н.А. Яковенко, И.С. Иваненко // Аграрный научный журнал. – 2017. – №7. – С. 97-100.

371. Яковенко Н.А. Стратегические направления развития агропродовольственного экспорта России / Н.А. Яковенко // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – №4. – С. 13-19.

372. Яковенко Н.А. Структурная модернизация агропродовольственного комплекса России: цели, приоритеты, особенности / Н.А. Яковенко // Островские чтения. – 2018. – №1. – С. 10.

373. Яковенко Н.А. Тенденции сбалансированности зернопродуктовой цепочки России / Н.А. Яковенко // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2020. – №2. – С. 10-16.

374. Яковенко Н.А. Формирование межотраслевых цепочек как фактор роста экспортного потенциала агропродовольственного комплекса / Н.А. Яковенко // Никоновские чтения. – 2017. – №22. – С. 264-266.

375. Ялунина Е.Н. Организационно-экономические вопросы развития агропромышленной интеграции / Е.Н. Ялунина, В.М. Гаянова // Экономика сельского хозяйства России. – 2014. – №12. – С. 56-62.

376. Янковская Е.С. Анализ системных свойств экономических дисбалансов / Е.С. Янковская // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2012. – №4 (17). – С. 84-87.

377. Agibalov A.V. Improvement of the financial management strategy for agricultural enterprises / A.V. Agibalov, Y.V. Tkacheva, L.A. Zaporozhtseva // Journal of Economic and Management Perspectives. – 2018. – V.11. – №3. P. 1686-1696.

378. Dong H. An Integrative view of the concept of Digital Ecosystem / H. Dong, F.K. Hussain, E. Chang // Proceedings of the Third International Conference on Networking and Services. Washington, DC; USA: IEEE Computer Society, 2007. - P. 42-44.

379. Gereffi G. The Organization of Buyer-Driven Global Commodity Chains: How U.S. Retailers Shape Overseas Production Networks / G. Gereffi, M. Korzeniewicz // Commodity Chains and Global Capitalism. – L.: Praeger, 1994. – P. 95–122.

380. Kusakina O.N. Integration as a factor of innovational development of agribusiness / O.N.Kusakina, E.G.Agalarova, E.A.Kosinova, Y.V.Rybasova, E.V.Skiperskaya // Growth Poles of the Global Economy: Emergence, Changes

and Future Perspectives. "Lecture Notes in Networks and Systems" Plekhanov Russian University of Economics. – Luxembourg, 2020. – Pp. 811-822.

381. Li W. Digital Ecosystems: Challenges and Prospects / W. Li, Y. Badr, F. Biennier // International Conference of Management of Emergent Digital EcoSystems. – 2012. – P.117-122.

382. Makarevich L.O. Cluster Model of Inter-Subject Interactions in Agro-Food Complex / L.O. Makarevich, A.V. Ulez'ko, V.V. Reimer// Proceedings of the International Conference on Policies and Economics Measures for Agricultural Development (AgroDevEco 2020) – 2020. – doi.org/10.2991/aebmr.k.200729.070)

383. Makarevich L.O. The institutaion conditions for the agri-food system development / L.O. Makarevich, A.V. Ulez'ko // 34th International business information management association conference (IBIMA): 13-14 November 2019, Madrid, Spain. – 2019. – pp. 1287-1292. – <https://ibima.org/accepted-paper/the-institution-conditions-for-the-agri-food-system-development/>

384. Makarevich L.O. The Mechanism of Integrational Interactions of Economic Subjects: Methodological Aspects / L.O. Makarevich, A.V. Ulez'ko // The Challenge of Sustainability in Agricultural Systems. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 205. Year: 2021. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-73097-0_4)

385. Porter M. Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. – NY, The Free Press, 1985. – 569 p.

386. Savchenko T.V. On the prospects of agro-industrial clusters formation / T.V. Savchenko, A.V. Ulez'ko, N.N. Kravchenko, A.A. Tyutyunikov // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. – 2014. – V.5. – №5. – P. 1681-1686.

387. Zaporozhtseva L.A. Developing and testing model for investment risk assessment in agriculture / L.A. Zaporozhtseva, T.V. Sabetova, Yu.V. Tkacheva // Advances in Engineering Research. – 2018. – P. 802-806.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Размер сельскохозяйственных угодий на 1.01.2019 г., тыс. га

Регионы	Сельскохозяйственные угодья						Доля пашни в сельскохозяйственных угодьях, %
	всего	в том числе					
		пашня	залежь	многолетние насаждения	сенокосы	пастбища	
РФ	221 977,1	122 753,5	4 877,5	1 914,0	24 017,5	68 414,6	55,3
Южный ФО	33 730,0	18 512,8	33,2	333,4	873,3	13 977,3	54,9
Адыгея	359,8	259,6	0,3	9,3	4,9	85,7	72,2
Калмыкия	6 317,0	831,0	10,6	2,5	103,0	5 369,9	13,2
Крым	1 793,5	1 271,6	10,6	75,8	1,9	433,6	70,9
Краснодарский край	4 705,6	3 985,6	0,3	125,4	63,2	531,1	84,7
Астраханская область	3 256,0	352,0	6,7	9,8	404,8	2 482,7	10,8
Волгоградская область	8 761,1	5 854,0	4,7	42,8	206,9	2 652,7	66,8
Ростовская область	8 510,8	5 947,4	0,0	57,9	88,1	2 417,4	69,9

Приходится сельскохозяйственных угодий на 1 постоянного жителя на 1.01.2019 г., га

Регионы	Сельскохозяйственные угодья					
	всего	в том числе				
		пашня	залежь	многолетние насаждения	сенокосы	пастбища
РФ	1,51	0,84	0,033	0,01	0,16	0,47
Южный ФО	2,05	1,13	0,002	0,02	0,05	0,85
Адыгея	0,79	0,57	0,001	0,02	0,01	0,19
Калмыкия	23,05	3,03	0,039	0,01	0,38	19,60
Крым	0,94	0,66	0,006	0,04	0,00	0,23
Краснодарский край	0,84	0,71	0,000	0,02	0,01	0,09
Астраханская область	3,21	0,35	0,007	0,01	0,40	2,44
Волгоградская область	3,48	2,33	0,002	0,02	0,08	1,06
Ростовская область	2,02	1,41	0,000	0,01	0,02	0,57

Приходится сельских жителей на 100 га угодий на 1.01.2019 г., чел.

Регионы	Сельскохозяйственные угодья				
	всего	в том числе			
		пашня	многолетние насаждения	сенокосы	пастбища
РФ	16,9	30,5	1 956,1	155,9	54,7
Южный ФО	18,2	33,2	1 843,9	703,9	44,0
Адыгея	66,7	92,5	2 581,4	4 899,5	280,1
Калмыкия	2,4	18,0	5 976,2	145,1	2,8
Крым	52,3	73,8	1 237,4	49 365,3	216,3
Краснодарский край	53,8	63,5	2 017,6	4 003,2	476,4
Астраханская область	10,4	96,1	3 451,3	83,6	13,6
Волгоградская область	6,6	9,9	1 349,1	279,1	21,8
Ростовская область	15,8	22,6	2 321,0	1 525,4	55,6

Приложение Б

Изменение размера землепользования сельскохозяйственных организаций Краснодарского края по данным ВСХП

Показатели	Группы по размеру земельной площади, га						Всего
	до 1500,1	1500,1-3000,0	3000,1-4000,0	4000,1-6000,0	6000,1-10000,0	свыше 10000,0	
По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г.							
Количество хозяйств	1 541	188	69	96	130	78	2 102
% от общего числа	73,3	8,9	3,3	4,6	6,2	3,7	100,0
Площадь всего, тыс. га	448,5	402,7	235,5	473,9	1 015,2	1 210,1	3 785,9
на одно хозяйство, га	291,0	2 142,0	3 413,0	4 936,5	7 809,2	15 514,1	1 801,1
По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г.							
Количество хозяйств	1 084	162	59	87	92	65	1 549
% от общего числа	70,0	10,5	3,8	5,6	5,9	4,2	100,0
Площадь всего, тыс. га	401,7	343,3	200,8	430,2	709,4	1 099,3	3 184,7
на одно хозяйство, га	370,6	2 119,1	3 403,4	4 944,8	7 710,9	16 912,3	2 056,0

Изменение размера землепользования крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей Краснодарского края по данным ВСХП

Показатели	Группы по размеру земельной площади, га						Всего
	до 50,1	50,1-100,0	100,1-200,0	200,1-500,0	500,1-3000,0	свыше 3000,0	
По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г.							
Количество хозяйств	10 716	1 478	931	684	239	5	14 053
% от общего числа	76,3	10,5	6,6	4,9	1,7	0,0	100,0
Площадь всего, тыс. га	143,0	105,8	131,2	210,3	217,1	21,1	828,5
на одно хозяйство, га	13,3	71,6	140,9	307,5	908,4	4 220,0	59,0
По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г.							
Количество хозяйств	5 818	1 530	1 142	950	489	15	9 944
% от общего числа	58,5	15,4	11,5	9,6	4,9	0,2	100,0
Площадь всего, тыс. га	95,6	110,6	162,0	299,8	480,7	68,3	1 217,0
на одно хозяйство, га	16,4	72,3	141,9	315,6	983,0	4 553,3	122,4

Изменение размера землепользования хозяйств населения Краснодарского края по данным ВСХП

Показатели	Группы по размеру земельной площади, га						Всего
	до 0,06	0,06-0,20	0,21-0,30	0,31-0,50	0,51-1,00	свыше 1,00	
По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г.							
Количество хозяйств	52,1	478,8	143,9	109,0	32,6	8,2	824,6
% от общего числа	6,3	58,1	17,5	13,2	4,0	1,0	100,0
Площадь всего, тыс. га	1,9	59,9	36,2	42,7	21,4	17,6	179,7
на одно хозяйство, га	0,04	0,13	0,25	0,39	0,66	2,15	0,22
По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г.							
Количество хозяйств	67,7	507,6	134,3	92,8	19,3	5,3	827,0
% от общего числа	8,2	61,4	16,2	11,2	2,3	0,6	100,0
Площадь всего, тыс. га	2,6	61,7	34,0	36,5	12,5	17,8	165,1
на одно хозяйство, га	0,04	0,12	0,25	0,39	0,65	3,36	0,20

Приложение В

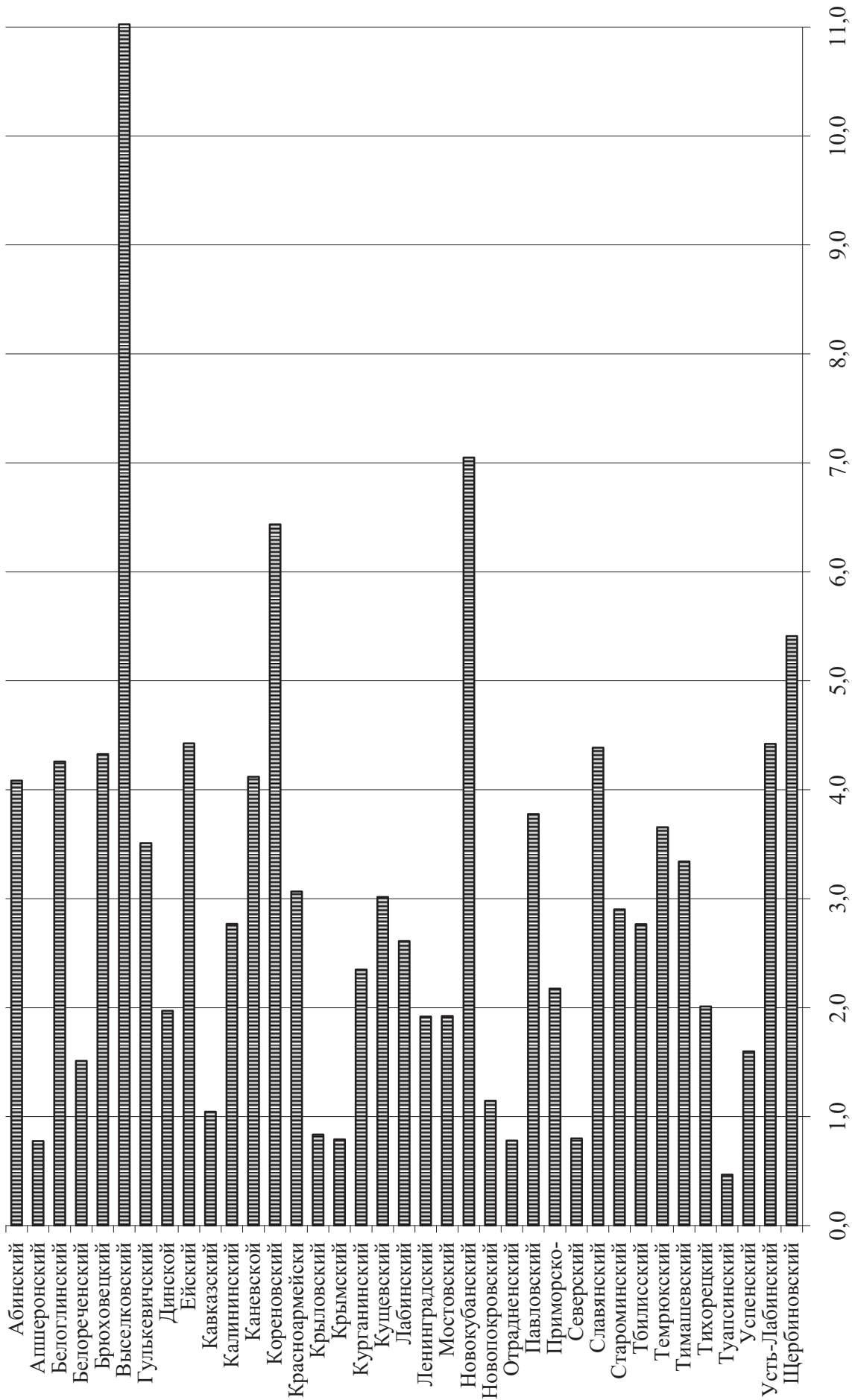
Коэффициенты обновления сельскохозяйственной техники

	В среднем за год в периоде:				В среднем в 2001-2018 гг.
	2001-2005 гг.	2006-2010 г.	2011-2015 гг.	2016-2018 г.	
Российская Федерация					
Тракторы	1,7	2,8	3,2	3,4	2,7
Зерноуборочные комбайны	3,0	4,9	5,1	6,2	4,7
Картофелеуборочные комбайны	2,5	6,2	4,7	3,8	4,4
Кормоуборочные комбайны	3,1	5,0	4,7	4,9	4,4
Кукурузоуборочные комбайны	3,1	3,6	5,3	3,4	3,9
Свеклоуборочные машины	3,6	4,6	4,5	6,8	4,7
Сеялки	2,3	2,9	3,2	3,7	3,0
Доильные установки и агрегаты	1,5	3,6	4,1	3,0	3,1
Краснодарский край					
Тракторы	3,0	3,6	3,5	4,0	3,5
Зерноуборочные комбайны	3,2	6,1	6,7	7,5	5,7
Картофелеуборочные комбайны	6,7	16,3	15,0	9,2	12,1
Кормоуборочные комбайны	3,9	4,1	3,8	5,1	4,1
Кукурузоуборочные комбайны	3,2	3,4	4,5	4,4	3,8
Свеклоуборочные машины	4,4	6,4	5,4	7,6	5,8
Сеялки	3,3	5,0	4,4	5,2	4,4
Доильные установки и агрегаты	2,8	2,9	2,8	2,5	2,8

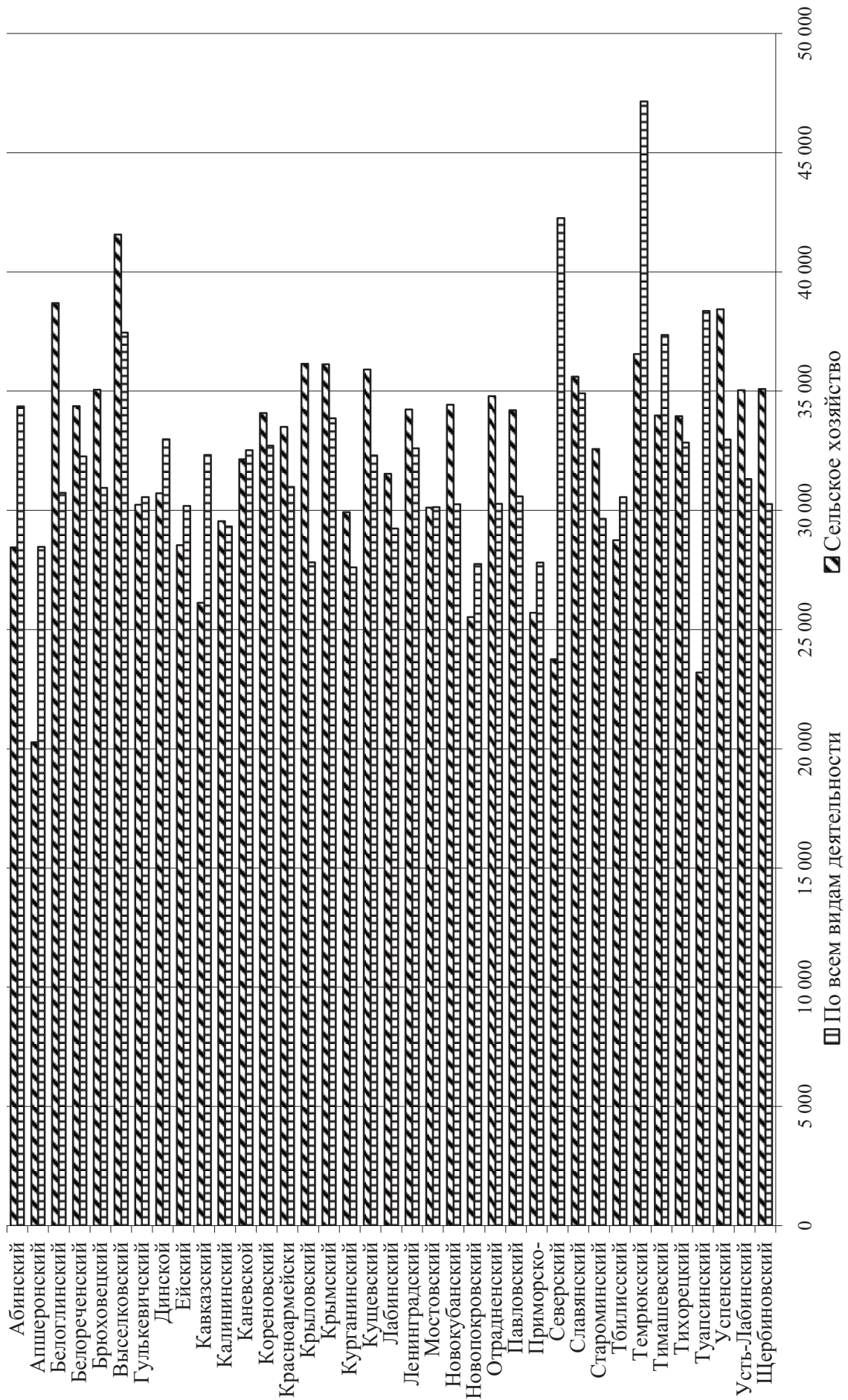
Уровень обеспеченности Краснодарского края основными видами продовольственных ресурсов

Продовольственные ресурсы	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	В среднем за 2010-2019 гг.
	Производство, тыс. т										
Картофель	525,1	577,8	581,5	562,2	603,8	615,4	622,7	364,2	384,8	371,7	520,9
Овощи	667,9	760,1	753,6	716,2	766,9	869,8	872,2	754,1	753,3	805,3	771,9
Фрукты, ягоды и виноград	228,0	284,4	304,8	374,8	327,4	340,2	443,3	430,7	514,1	497,6	374,5
Молоко	1 396,7	1 376,6	1 389,2	1 319,4	1 302,1	1 327,6	1 357,0	1 380,9	1 449,8	1 473,5	1 377,3
Мясо в убойном весе	542,6	585,0	564,1	465,2	468,8	495,7	500,1	512,6	510,0	545,6	519,0
Яйцо, млн шт.	1 802,0	1 681,2	1 679,1	1 484,6	1 399,3	1 543,2	1 722,4	1 785,9	1 731,4	1 641,1	1 647,0
Личное потребление, тыс. т											
Зерно	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0
Картофель	380,1	394,1	402,5	359,6	368,4	372,0	352,2	402,7	406,0	397,6	383,5
Овощи бахчевые	674,3	692,3	698,5	692,2	707,8	726,7	726,8	732,0	740,8	749,8	714,1
Фрукты, ягоды и виноград	488,9	492,2	496,9	502,5	508,3	513,4	518,9	523,1	526,7	540,3	511,1
Молоко	1 157,0	1 151,6	1 186,3	1 194,3	1 192,4	1 226,6	1 241,7	1 253,9	1 278,4	1 294,3	1 217,7
Мясо в убойном весе	382,9	399,6	418,8	435,2	441,9	441,8	452,8	462,3	470,5	489,8	439,6
Яйцо, млн шт.	1 656,3	1 667,2	1 705,2	1 685,7	1 719,9	1 786,3	1 834,0	1 855,0	1 876,8	1 870,8	1 765,7
Уровень самообеспеченности, %											
Картофель	138,2	146,6	144,5	156,3	163,9	165,4	176,8	90,4	94,8	93,5	135,8
Овощи	99,1	109,8	107,9	103,5	108,3	119,7	120,0	103,0	101,7	107,4	108,1
Фрукты, ягоды и виноград	46,6	57,8	61,3	74,6	64,4	66,3	85,4	82,3	97,6	92,1	73,3
Молоко	120,7	119,5	117,1	110,5	109,2	108,2	109,3	110,1	113,4	113,8	113,1
Мясо	141,7	146,4	134,7	106,9	106,1	112,2	110,4	110,9	108,4	111,4	118,1
Яйца	108,8	100,8	98,5	88,1	81,4	86,4	93,9	96,3	92,3	87,7	93,3

Приложение Д

Доля населения, занятого в сельскохозяйственных организациях Краснодарского края в 2019 г., %

Средняя заработная плата работников организаций Краснодарского края в 2019 г., %

Приложение Ж

Численность сельского населения на начало года по муниципальным районам
Краснодарского края

Районы	2010 г.	2015 г.	2020 г.
Абинский	36 652	37 924	38 566
Апшеронский	31 055	33 029	33 270
Белоглинский	32 551	30 486	30 400
Белореченский	51 499	55 313	56 687
Брюховецкий	52 799	51 565	49 832
Выселковский	60 825	59 753	57 721
Гулькевичский	51 416	50 860	50 782
Динской	126 922	136 252	146 243
Ейский	53 259	51 885	51 602
Кавказский	43 149	44 107	43 121
Калининский	50 765	51 139	51 437
Каневской	103 639	102 881	102 655
Кореновский	44 767	44 803	44 011
Красноармейский	105 497	104 255	104 592
Крыловский	37 334	35 793	35 232
Крымский	74 389	76 782	76 980
Курганинский	57 290	56 656	54 846
Кушевский	70 689	65 905	65 620
Лабинский	38 821	37 964	36 498
Ленинградский	65 268	63 734	63 318
Мостовский	34 709	35 004	34 253
Новокубанский	51 741	51 960	51 582
Новопокровский	44 753	43 077	42 502
Отраденский	65 357	64 445	64 244
Павловский	67 754	67 132	65 085
Приморско-Ахтарский	27 134	27 563	27 214
Северский	60 629	63 774	66 433
Славянский	66 825	66 344	66 501
Староминский	41 300	40 594	40 640
Тбилисский	48 273	48 600	48 845
Темрюкский	80 414	82 589	86 078
Тимашевский	53 828	57 621	57 568
Тихорецкий	60 942	59 841	57 951
Успенский	41 500	40 879	39 805
Усть-Лабинский	69 420	69 176	66 623
Щербиновский	37 568	36 378	35 177
Всего	2 088 789	2 096 482	2 094 097

Приложение 3

Система переменных оптимизационной экономико-математической модели по балансированию сельского хозяйства региона и его продовольственного обеспечения:

X_{jk} – площадь посева j -ой сельскохозяйственной культуры (группы культур) или j -ого вида сельскохозяйственных животных и птицы в k -ой категории хозяйств;

X_v – объем v -ого вида продукции, ввозимого в регион;

X_{rs}^p – объем r -ого вида продукции, направляемой на семена;

X_{rf}^p – объем r -ого вида продукции, направляемой на корм;

X_{rg1}^p – объем r -ого вида продукции, направляемой на переработку для внутрирегионального потребления;

X_{rg2}^p – объем r -ого вида продукции, направляемой на переработку для вывоза за пределы региона;

X_{rd}^p – объем r -ого вида продукции, направляемого на личное потребление;

X_{rv}^p – объем r -ого вида продукции, вывозимой за пределы региона в непереработанном виде;

X_{rp}^p – нормативные потери r -ого вида продукции;

X_n – население области;

X_t^l – стоимость товарной продукции;

X_z^l – затраты на производство сельскохозяйственной продукции;

X_z^{ll} – затраты на переработку сельскохозяйственной продукции;

X_z^{lll} – затраты на ввоз сельскохозяйственной продукции из-за пределов региона;

X_p^l – условная прибыль.

Ограничения, связанные с использованием земельных ресурсов и соблюдению агротехнических требований:

$$B_i \leq \sum_{k \in K} \sum_{j \in J} x_{jk} \leq B_i', \quad i \in I \quad (1)$$

где: B_i, B_i' – минимальная и максимальная площадь посева j -го вида сельскохозяйственных культур или групп культур в k -ой категории хозяйств.

Ограничения, связанные с определением прогнозного поголовья сельскохозяйственных животных и птицы:

$$P_i \leq \sum_{k \in K} \sum_{j \in J} x_{jk} \leq P_i', \quad i \in I \quad (2)$$

где: P_i, P_i' – минимальное и максимальное поголовье i -го вида сельскохозяйственных животных и птицы j -го вида в k -ой категории хозяйств.

Ограничения, связанные с использованием производственных мощностей предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции:

$$X_{rg1}^p + X_{rg2}^p \leq G_i, \quad i \in I \quad (3)$$

где: G_i – планируемые мощности i -го вида предприятий по переработке r -го вида продукции.

Ограничения, связанные с формированием балансов отдельных видов продовольственных ресурсов:

$$\sum_{k \in K} \sum_{j \in J} h_{ijk} x_{jk} + X_v - X_{rs}^p - X_{rf}^p - X_{rg1}^p - X_{rg2}^p - X_{rd}^p - X_{rv}^p - X_{rp}^p = 0, \quad (4)$$

где: h_{ijk} – выход продукции i -го вида в расчете на 1 га посевных площадей сельскохозяйственных культур j -го вида или на 1 голову j -го вида скота и птицы в k -ой категории хозяйств.

Ограничения, связанные с определением потребности в продукции, направляемой на семена:

$$\sum_{k \in K} \sum_{j \in J} s_{ijk} x_{jk} - X_{rs}^p = 0, \quad i \in I \quad (5)$$

где: s_{ijk} – норма высева семян i -го вида с учетом доли посевных площадей, засеваемых семенами собственного производства, j -го вида сельскохозяйственных культур в k -ой категории хозяйств.

Ограничения, связанные с определением потребности в продукции, направляемой на корм:

$$\sum_{k \in K} \sum_{j \in J} f_{ijk} x_{jk} - X_{rf}^p = 0, \quad i \in I \quad (6)$$

где: f_{ijk} – требуется корма i -го вида в расчете на одну голову скота и птицы j -го вида в k -ой категории хозяйств.

Ограничения, связанные с определением потребности в продукции, направляемой на личное потребление:

$$\sum_{p \in P} n_{ip} X_n - X_{rp}^p = 0, \quad i \in I \quad (7)$$

где: n_{ip} – нормативное потребление p -го вида продукции в переработанном виде в расчете на одного жителя региона.

Ограничения, связанные с определением потребности в продукции переработки, направляемой на внутрирегиональное потребление:

$$\sum_{p \in P} n_{ip}^{\prime} X_n - X_{rg1}^p = 0, \quad i \in I \quad (7)$$

где: n_{ip}^{\prime} – нормативное потребление p -го вида продукции в переработанном виде в расчете на одного жителя региона.

Ограничения, связанные с определением потерь продукции:

$$\sum_{k \in K} \sum_{j \in J} p_{ijk} x_{jk} - X_{rp}^p = 0, \quad i \in I \quad (8)$$

где: p_{ijk} – нормативные потери продукции i -го вида в расчете на 1 га посева j -го вида сельскохозяйственных культур или на одну голову j -го вида скота и птицы в k -ой категории хозяйств.

Ограничение, определяющее численность постоянного населения региона:

$$X_n = N, \quad (9)$$

где: N – планируемая численность населения региона.

Ограничение, связанное с определением стоимости товарной продукции:

$$\sum_{r \in R} c_{rg1} X_{rg1}^p + \sum_{r \in R} c_{rg2} X_{rg2}^p + \sum_{r \in R} c_{rd} X_{rd}^p + \sum_{r \in R} c_{rv} X_{rv}^p - X_t^j = 0, \quad (10)$$

где: c_{rg1} – цена реализации продукции r -го вида, реализованной в переработанном виде внутри региона;

c_{rg2} – цена реализации продукции r -го вида, реализованной в переработанном виде за пределами региона;

c_{rd} – цена реализации продукции r -го вида, реализованной в непереработанном виде внутри региона;

c_{rv} – цена реализации продукции r -го вида, реализованной в непереработанном виде за пределами региона;

Ограничение по определению затрат на производство сельскохозяйственной продукции:

$$\sum_{k \in K} \sum_{j \in J} z_{jk}^j x_{jk} - X_z^j = 0, \quad (11)$$

где: z_{jk}^j – затраты на 1 га посева j -го вида сельскохозяйственных культур или одну структурную голову скота и птицы в k -ой категории хозяйств.

Ограничение по определению затрат на переработку сельскохозяйственной продукции:

$$\sum_{r \in R} z_{rg}^{II} (X_{rg1}^p + X_{rg2}^p) - X_z^{II} = 0, \quad (12)$$

где: z_{jk}^{II} – себестоимость переработки 1 т r -го вида сельскохозяйственной продукции.

Ограничение по определению затрат на ввоз сельскохозяйственной продукции из-за пределов региона:

$$\sum_{r \in R} z_{rg}^{III} X_v - X_z^{III} = 0, \quad (13)$$

где: z_{jk}^{III} – затраты на ввоз 1 т r -го вида продукции.

Ограничение по определению суммы условной прибыли:

$$X_t^j - X_z^j - X_z^{II} - X_z^{III} = X_p^j \quad (14)$$

Целевая функция:

$$Z_{\max} = X_p^j \quad (15)$$

Приложение И

Размер посевных площадей в хозяйствах Краснодарского края

Сельскохозяйственные культуры	В среднем в 2016-2020 гг.	2020 г.	По проекту
Сельскохозяйственные организации			
Зерновые и зернобобовые	1 592,8	1 605,7	1 444,0
Сахарная свекла	165,0	148,3	194,1
Подсолнечник	261,2	269,6	303,3
Соя	146,3	129,5	169,8
Картофель	2,2	1,9	3,6
Овощи	19,5	21,0	26,7
Кормовые	235,3	213,2	272,7
Посевные площади	2 422,3	2 428,2	2 414,3
Пары	80,3	44,0	12,1
Всего пашни	2 502,6	2 472,2	2 426,4
Крестьянские (фермерские) хозяйства			
Зерновые и зернобобовые	877,8	908,7	954,8
Сахарная свекла	27,7	22,0	25,6
Подсолнечник	186,2	194,5	218,0
Соя	50,3	34,8	25,6
Картофель	3,3	3,1	3,8
Овощи	10,3	12,1	17,9
Кормовые	29,1	29,5	33,7
Посевные площади	1 184,6	1 220,1	1 279,5
Пары	12,7	10,0	2,6
Всего пашни	1 197,3	1 230,0	1 282,1
Хозяйства населения			
Зерновые и зернобобовые	18,9	18,0	11,3
Сахарная свекла	0,1	0,0	0,0
Подсолнечник	1,1	1,1	1,1
Картофель	29,8	24,6	24,7
Овощи	24,9	24,6	29,8
Кормовые	9,5	9,7	8,3
Посевные площади	84,3	79,0	75,1
Пары	2,5	2,5	
Всего пашни	86,8	81,4	75,1

Приложение К

Поголовье скота и птицы в хозяйствах Краснодарского края

Сельскохозяйственные животные	В среднем в 2016-2020 гг.	2020 г.	По проекту
Сельскохозяйственные организации			
Крупный рогатый скот всего	345,5	348,1	438,8
в т.ч. молочного направления	322,2	322,5	415,6
мясного направления	23,3	25,6	23,2
Коровы всего	129,5	128,2	162,0
в т.ч. молочного направления	122,1	120,0	154,6
мясного направления	7,5	8,2	7,4
Свиньи	496,1	606,9	749,5
Овцы и козы	15,0	13,3	12,0
Птица	15 140,0	13 110,2	14 739,5
Крестьянские (фермерские) хозяйства			
Крупный рогатый скот всего	50,7	54,8	63,0
в т.ч. молочного направления	41,5	44,6	54,4
мясного направления	9,1	10,2	8,6
Коровы всего	20,3	22,1	25,6
в т.ч. молочного направления	18,1	19,7	22,9
мясного направления	2,2	2,4	2,8
Свиньи	13,3	17,9	12,5
Овцы и козы	47,8	45,3	43,0
Птица	713,7	727,0	734,7
Хозяйства населения			
Крупный рогатый скот всего	145,8	145,5	132,7
в т.ч. молочного направления	133,9	132,2	118,8
мясного направления	11,9	13,3	13,9
Коровы всего	62,8	61,9	55,7
в т.ч. молочного направления	62,8	61,9	55,7
мясного направления	0,0	0,0	0,0
Свиньи	2,2	2,2	2,1
Овцы и козы	154,7	149,4	152,9
Птица	9 946,9	9 804,2	9 687,7

Приложение Л

Объемы производства основных видов сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий Краснодарского края, тыс. т

Продукция	В среднем в 2016-2020 гг.	2020 г.	По проекту
Сельскохозяйственные организации			
Зерновые и зернобобовые	8 966,6	8 045,9	7 626,4
Сахарная свекла	7 605,9	5 199,8	8 526,4
Подсолнечник	649,5	559,3	665,6
Соя	268,7	255,9	386,7
Картофель	43,2	43,2	82,3
Овощи	330,6	372,4	421,7
Молоко	953,3	1 072,0	1 344,9
Мясо всего	272,5	309,2	392,3
в т.ч. мясо КРС	30,6	30,8	42,7
мясо свиней	72,4	102,2	135,3
мясо овец и коз	0,1	0,1	0,1
мясо птицы	169,5	176,1	214,2
Яйца, млн шт.	993,0	847,1	1 007,0
Крестьянские (фермерские) хозяйства			
Зерновые и зернобобовые	4 295,6	3 981,4	4 431,1
Сахарная свекла	1 210,1	649,2	869,6
Подсолнечник	406,9	384,4	453,1
Соя	68,8	62,4	48,7
Картофель	55,1	56,8	74,0
Овощи	149,7	179,5	264,4
Молоко	107,6	103,1	162,4
Мясо всего	7,5	8,9	11,1
в т.ч. мясо КРС	1,5	1,7	5,1
мясо свиней	2,2	2,8	0,9
мясо овец и коз	0,2	0,2	0,4
мясо птицы	3,6	4,3	4,6
Яйца, млн шт.	17,3	17,0	17,9
Хозяйства населения			
Зерновые и зернобобовые	85,6	77,7	50,1
Сахарная свекла	0,09	0,04	0,02
Подсолнечник	2,4	2,2	1,9
Соя			
Картофель	267,8	251,9	260,7
Овощи	294,3	276,1	344,1
Молоко	381,1	378,8	373,3
Мясо всего	107,6	109,6	105,1
в т.ч. мясо КРС	36,8	37,9	33,8
мясо свиней	0,3	0,3	0,5
мясо овец и коз	1,5	1,5	1,0
мясо птицы	69,1	69,9	69,8
Яйца, млн шт.	669,1	653,0	653,2

Приложение М

Распределение основных видов сельскохозяйственной продукции в Краснодарском крае по оптимальному плану, тыс. т

Продукция	Произведено	Производственное потребление	Переработка для внутренних региональных нужд	Переработка для вывоза	Личное потребление	Потери	Вывоз за пределы региона
Зерно	12 107,7	163,2	2 665,4	4 504,8	4,0	36,3	4 733,9
Сахарная свекла	9 396,0	14,3	1 048,6	8 248,5		84,6	
Подсолнечник	1 120,6	0,5	151,5	962,3		4,5	
Соя	435,5	5,1	165,5	134,5		2,2	128,2
Картофель	449,3	67,3			511,2	19,1	
Овощи	994,8	22,7	142,0	108,0	539,6	25,1	157,4
Молоко	1 880,5	56,4	1 218,3	291,6	313,8	0,4	
Мясо	504,0		85,2	89,4	329,4	0,3	
Яйца, млн шт.	1 678,0	104,7			1 476,7	0,1	96,6

Научное издание

Макаревич Лилия Олеговна
Улезько Андрей Валерьевич

**АГРОПРОМЫШЛЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ
В СИСТЕМЕ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ
АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ**

Монография

Издается в авторской редакции.

Подписано в печать 8.11.2021 г. Формат 60x84¹/₁₆
Бумага кн.-журн. П.л. 23,87. Гарнитура Таймс.
Тираж 1000 экз. Заказ № 22331.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I»
Типография ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ
394087, Воронеж, ул. Мичурина, 1.

ISBN 978-5-7267-1214-7

9 785726 712147